

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт географии
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА
Экономико-географическая секция
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.П. ОГАРЕВА

РАЗНООБРАЗИЕ КАК ФАКТОР И
УСЛОВИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ

Часть I
Главы 1–3

МОСКВА — 2014

ББК У04
УДК 338:91

Лаженцев В.Н.

**Утвержден к печати
Ученым Советом Института географии РАН**

Разнообразие как фактор и условие территориального развития. Сборник статей. Часть I. Главы 1–3. — М., Эслан, 2014 г. — с. 320.

В сборник вошли материалы XXX ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, прошедшей в г. Саранск в июне 2013 г. Разнообразие объектов изучается многими фундаментальными и прикладными науками, в том числе и географией. Специфика географических исследований состоит в изучении пространственных параметров, связанных с протяженностью, местонахождением объектов в пространстве, их взаимодействием друг с другом. Разнообразие экономико-географических характеристик объектов связано с уникальным своеобразием той обстановки, в которой они находятся. На конференции были рассмотрены вопросы ценности географического разнообразия, процесс накопления полезного разнообразия. Развернувшаяся дискуссия подтвердил тезис «география — наука о разнообразии мира».

Редакторы: д.г.н. **С.С. Артоболевский**
д.г.н. **В.Н. Стрелецкий**

Редакторы-составители: **Корнилова Т.А., Олешкевич Е.П.**

Рецензенты: д.г.н. **Горкин Александр Павлович**
д.г.н. **Тархов Сергей Анатольевич**

© Институт географии РАН и авторы статей, 2014

ISBN 978-5-94101-285-6

Подписано к печати 00.03.2014.
Формат 60х90/16. Объем 20,0 п.л. Тираж 100 экз.
Издатель И.П. Матушкина И.И.
Отпечатано в ООО «СамПолиграфист»

О НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ МЕЖДУНА- РОДНОЙ АКАДЕМИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА (МАРС)

Уважаемые коллеги!

Экономико-географическая секция МАРС отмечает своё 30-летие! Она старше самой МАРС. Напомню, что Секция начала работать в 1983 г. в составе Научного совета РАН по проблемам развития и размещения производительных сил, а с 1994 г. — Научного совета РАН по вопросам регионального развития, с организацией МАРС — в 1999 г. (секция стала её структурным подразделением). МАРС — детище А.Г. Гранберга (СОПС), а Экономико-географическая секция — М.К. Бандмана (ИЭ и ОПП СО РАН), но обе организации стали возможны, благодаря ИГ РАН, сотрудники которого составили ядро нашего сообщества географов и экономистов. Подчеркну высокую роль в научно — методическом руководстве Секцией Э.Б. Алаева, Ю.Г. Липеца и Г.А. Приваловской. Активное участие в работе Секции С.С. Артоболевского, Г.М. Лаппо, В.Н. Стрелецкого, А.И. Трейвиша и других сотрудников ИГ РАН — это тоже залог успешной деятельности Секции.

Тридцать заседаний Секции в форме тематических конференций — предмет специального анализа, который должен быть выполнен не формально, а по существу рассматриваемых в прошлом и настоящем проблем развития стран и регионов с учётом их природной, социально — экономической и политической специфики.

На что следует обратить внимание? Тридцать лет — период «великого перелома» в жизни нашей страны. Её высокому напряжению соответствовала и тематика заседаний (конференций) Секции; наша тематика стала зеркальным отражением действительности, а именно:

- стремления к оптимизации соотношения отраслевого и территориального планирования;

- введения теории и практики формирования ТПК в русло программно-целевого управления;
- реформирования политического и административно-территориального устройства России в соответствии с её курсом экономических (рыночных) преобразований;
- сохранения и преумножения природного, этнокультурного и социального разнообразия как противовеса чрезмерной глобализации и тотальной унификации систем жизнедеятельности;
- создания условий устойчивого развития природно-хозяйственных систем на основе воспроизводства их потенциалов.

Ключевыми были и остаются проблемы территориального и пространственного развития. На Секции рассматривались процессы усложнения структуры, ускорения ритмов функционирования и качественного преобразования природных и общественных систем, сужения и расширения пространств различных видов социально-экономической деятельности. Вот и на сей раз мы рассматриваем именно данные проблемы, но уже более детально под углом зрения географического разнообразия. Разнообразие есть свойство природы и общества, без которого невозможен синергетический эффект, а следовательно, невозможна какая-либо кооперация и интеграция. Разнообразие — не только и не столько внешние различия, сколько внутреннее состояние геосистем, основная характеристика условий их метаболизма. Разнообразие наблюдается и объясняется, но оно ещё и измеряется, что служит основанием для типологии и другого рода классификаций экономико-географических объектов. Особое внимание обращается на разнообразие этнокультур, в том числе в связи с финно-угорским миром. Культура (материальная и духовная), культура городских и сельских поселений разнообразна не по показателям «больше — меньше», «хуже — лучше», а по своей естественной основе, присущей различным территориальным общностям людей. Теория познания в данном случае дополняется разнообразием идеальных образов природно-хозяйственных систем, а сравнительная география дополняется соизмерением реального и идеального.

Будущее Экономико-географической секции МАРС зависит от намерений и возможностей действовать по определённым правилам:

- оптимальное соотношение индивидуального и общественного, «мягкое» сплочение географов и экономистов вокруг ими же определённой проблематики территориального и пространственного развития;

- ориентация на «нерасчленённую географию», когда природа и общество рассматриваются как единое целое на основе геосистемного подхода;
- внимательное отношение к тому месту, где проводится заседание Секции, и к тем сотрудникам, которые являются «принимающей стороной»;
- общение друг с другом не только во время заседаний Секции, но в течение всего года, взаимные консультации по Интернету весьма полезны;
- определение темы заседания (конференции), но не только — за два-три месяца до встречи надо составлять и рассылать перечень вопросов по выбранной теме, получать на них краткие ответы, обобщать суждения авторов этих ответов и всё это раздавать членам Секции перед её заседанием;
- организация работы по теме после её обсуждения, чтобы идеи и позиции докладчиков стали важным дополнением к методам исследования каждого участника заседания (конференции);
- расширение ядра Секции за счёт географов, изучающих природу, экологов, экономистов и социологов, изучающих территориально-общественные системы, а также молодых специалистов соответствующего профиля;
- информирование научной общественности о деятельности Секции.

Вся эта работа проходила, проходит и должна проходить под руководством Института географии РАН, который является уже на протяжении многих лет организатором деятельности Экономико-географической секции МАРС. В разные годы секцию возглавляли сотрудники института: Липец Ю.Г., Артоболевский С.С., Стрелецкий В.Н.

Глава 1. РАЗНООБРАЗИЕ КАК ФАКТОР И УСЛОВИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Тревиш А. И.

РАЗНООБРАЗИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Ценность и самоценность разнообразия в мире людей до сих пор кажутся не столь очевидными, как для биосферы. Между тем созревшие в XIX–XX веках у натуралистов представления о роли био-разнообразия могли опираться на труды по истории, социологии и, как сказали бы сейчас, культурологии, включая книгу зачинателя историко-культурного уникализма Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869). Он первым сказал, что прогресс не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях. Что культура и имени этого не заслуживает, если не самобытна. Что есть общая сокровищница человечества, в которую каждый тип вносит плод своей цивилизации как некоторое наследие, равно принадлежащее всем существующим и будущим типам.

Практический смысл копилки всемирно-исторического опыта, как и форм жизни, связан с неизвестностью будущего и тех образцов, которые могут в нем понадобиться. В сокровищах разнообразия есть и далекий от узкой утилитарности эстетический аспект, усиленный протестом против монотонного однообразия, особенно при его усилении и, тем более, навязывании под флагом прогресса, социального рационализма, глобализма как блага или как закономерно-неизбежного зла. Унификация бытия и его среды лишает весь мир красочности, а страны, районы, места — геоиндивиды по терминологии А. Геттнера и Л.С. Берга — своих оттенков и штрихов.

Понятно, впрочем, что яркий уникалист, равно как его антипод и оппонент в лице завязанного универсалиста, впадают в крайности.¹ В качестве таковых они требуют баланса, компромисса или, по крайней мере, толерантности и юмора. С этими вызовами мы все время сталкиваемся там, где проводим основную часть своей жизни, то есть в тесных рамках поселений (населенных пунктов де-факто или муниципальных структур по ФЗ №131 де-юре), их улиц, дворов, жилищ, предприятий, транспортных средств. Побочный эффект межгородского единообразия гротескно изображал знаменитый киношедевр Э. Рязанова «Ирония судьбы...». В основе фабулы — неразличимость новых жилых массивов Москвы и Ленинграда 1970-х гг., их топонимов и квартир. Фильм начинается анимацией, рисующей корни этого подобию: архитектурный проект после согласования в инстанциях лишается всех «излишеств», а затем лихой строитель множит типовые коробки в лесах и пустынях, на побережьях и нагорьях.

Кстати говоря, еще в 1838 г. В.Ф. Одоевский отправил героя своей утопии «4338 год. Петербургские письма» в полет над слившимися воедино столицами России. Герой «...верил баснословному преданию, что здесь некогда были два города, из которых один назывался Москвою, а другой собственно Петербургом, и они были отделены друг от друга едва ли не степью. Действительно, в той части города, которая называется Москвскою и где находятся величественные остатки древнего Кремля, есть в характере архитектуры что-то особенное».

Разнообразие и однообразие относительны, они имеют свои плюсы и минусы для субъективной ориентации, восприятия, самочувствия. Лабиринты международного отеля, офиса, аэропорта — обычная среда делового «перекати-поля», а оторванного от гор и троп пастуха они запутают, подавят и смутят. Заблудиться можно и в уютных, не одинаковых, но по-своему однотипных старомосковских переулках. С другой стороны, в стандартных городских джунглях живут самые разные люди, отношения с ними складываются помимо свойств места действия (что и происходит в рязановском кино).

Географу, регионалисту, урбанисту то, что есть везде, немало важно, но обычно их больше занимает то, что меняется от места к месту. Кому-то всегда важнее универсальная природа объекта изучения, кому-то — ее конкретные варианты. Только вот где вариант и где объект уже иной природы? Эту коллизию отражают два противоположных шуточных суждения. Одно стоит в ряду изречений типа «Город — он и в Африке город» (как ветер, песок или, положим, дурак). Другое, при-

¹ Подробнее см., например [10. С. 23–30].

надлежавшее автору книги «Город в современной Африке» (1953) Г. Майнеру, помнили и брали в качестве эпиграфа многие ученые [1, 9]. Оно гласит: «Что такое город, скажет всякий, кроме урбаниста».

Проблема урбаниста кроется в его кругозоре, в знании массы конкретных случаев, с трудом поддающихся обобщению. Но и дилетанта, якобы знающего, каковы город и деревня, смутит встреча с местом, непохожим на знакомый образец. Туриста из Японии, где город должен иметь 50 тысяч жителей, тесную застройку и в основном не аграрный профиль, поразит кучка угандийских лачуг, возведенная в городское звание за наличие рынка. Русский не поймет, почему французы считают сельской коммуной скопление каменных зданий с замком, отелем, рестораном, а француз — как может их не иметь город в России, застроенный в основном деревянными избами.

Разные признаки города — размер, функции, образ жизни, удобства, внешний облик и др. — противоречивы, относительно, изменчивы. Вот и неизвестно, сколько всего в мире городов и какой из них наименьший. В этом качестве некоторое время позиционировался бельгийский Дюрбюи со статусом города, восходящим к 1331 г., и с 500 жителями в XX веке. В 1977 г. его объединили с сельской округой в 10-тысячную коммуны. Это гигант по сравнению с американскими Бьюфордом (Вайоминг) и Нью-Амстердамом (Индиана), где осталось по одному горожанину. Их антиподы, «эталонные» и многолюдные столичные, глобальные города, можно не любить, но им трудно отказать в праве считаться городами. Впрочем, довольно запутанная история с городским статусом полумиллионной Гааги ставит под сомнение и этот тезис.

Все универсальные критерии еще менее убедительны. Мировой банк [14] выделял урбанизированные ареалы по численности населения от 50 тыс. чел., его густоте от 150 чел./км² и времени достижения центра-стотысячника в пределах часа. Бракуя одиночные малые города, но не плотные аграрно-руральные зоны вперемежку с городами, типичные, например, для рисовых и хлопковых регионов мира, эти признаки завышают уровень урбанизации в Египте, Вьетнаме, Индии, а вот в России — снижают долю горожан с 74% до 63–65%. Если же корректировать ее по степени благоустройства жилья, особенно по наличию канализации, то у нас она упадет еще ниже 60%, а у ряда самых бедных стран — до 10% [7].

Остается считать городом и деревней то, что юридически относится к ним в данное время в данной стране. Этот подход, требуя не международной, но хотя бы национальной унификации и регламентации, тоже не вездесущ. Так, в Швеции с 1970-х гг. официально отме-

нено деление коммун на городские и сельские, хотя числить себя теми или иными им не запрещено; с 1990-х гг. тот же принцип принят в Финляндии. Он связан с укрупнением единиц муниципального деления, а оно — с убылью во многих из них жителей.

Проблема актуальна для России. По старой норме, наш город должен насчитывать, как минимум, 12 тыс. жителей, но каждый пятый официальный город не дотягивает до этой планки, зато есть села, станицы, поселки с большим населением. В советское время села стремились стать пгт, а те — городами. За постсоветские годы число поселков городского типа (промежуточная категория, имеющая аналоги не во всех странах) сократилось вдвое. Обычно они меняли свой статус на сельский ради налоговых льгот, дотируемых коммунальных услуг и расширения огородов, законодательно ограниченных в городах. Отсюда видимый, в значительной мере фиктивный рост сельского населения в 1990-х гг., хотя позже даже он приостановился.

Итогом разных тенденций XX века стал сначала быстрый рост средней людности городов (по статусу), затем его стагнация на уровне около 90 тыс. чел. Средний размер официального сельского пункта колебался между 200–300 жителями (рис. 1). В средней сельской администрации («поселении») жили в 2010 г. 1550 чел., и она не теряет «в весе», так как форсированное и не всегда оправданное укрупнение этих образований опережает сельскую депопуляцию. Для сравнения можно привлечь данные некоторых стран. Так, средний размер города больше российского в Японии и Казахстане (примерно 130 и 110 тыс. чел.), не говоря об Индии и Китае (но точных цифр нет). Мельче официальные города Украины (63 тыс. чел.), Германии (35 тыс.), Бразилии (30 тыс.). В США, не считая единиц типа боро, это около 13 тыс. жителей, а в Швеции, по списку ее традиционных городов, — лишь около 6 тысяч.

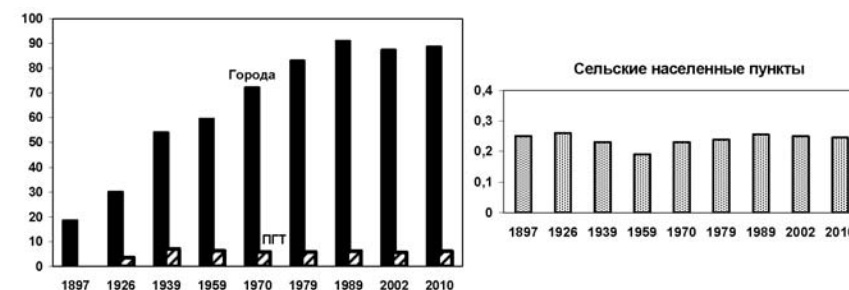

Рис. 1. Динамика среднего размера населенных мест России в XX веке, тыс. чел.

При таком разбросе даже средних величин трудно говорить о городе вообще. Село, сельская местность количественно и качественно тоже разнородны. И рамки дефиниций тут тоже спорны. Статистика вправе отнести к сельским все поселения кроме городских. Но считать ли нам сельской местностью любую внегородскую, включая необитаемые природные ландшафты, где нет постоянного населения и явных следов его деятельности? Разноликость сельских местностей-ландшафтов² и так велика: промысловые, аграрные (разного профиля), дачные, курортные и другие сервисно-коммерческие, комплексные пригородные, придорожные, прибрежные и другие варианты и типы.

Типология — испытанный наукой инструмент «борьбы» с бесконечными вариациями объекта, вернее сочетания его многоликости с эмпирическим обобщением. Тип, этот сжатый итог множественного сравнения объектов, заведомо содержит компромисс между общим и единичным. А размер ячейки для «ловли объектов», то есть лаконичность или дробность типологии (классификации), отражает тяготение к одному полюсу анализа либо к другому.

Типологий человеческих поселений предлагалось так много, что самый сжатый их обзор никак не уместится в статье. Проще с критериями, хотя приведенный список тоже не претендует на полноту и завершенность:

- географическое положение и вмещающий («фоновый») ландшафт;
- размер (население, площадь, значение) и его динамика;
- статус, официальный ранг;
- экономические, политические, социальные, культурные, информационные функции и связи;
- генезис, возраст, судьба (путь развития);
- социально-экономическое (этно-социальное и т.п.) состояние (благополучие);
- внутренняя гомогенность или разнородность по тем же основаниям;
- позиция в ряду аналогов, гомологов, антиподов;

² Местность — определенно категория из геоландшафтного ряда. А корень «сел» в слове «сельская» взыскует заселенности, если не оседлости. Однако в других европейских языках прямой поддержки не найдется. Если «руральные» термины восходят к латинскому *rus* (деревня, имение, поле, пашня), то *contree* и *country* — к *terra contrata* (земля, оппозиция городской), а немецкие *Land* и *landlich* в значении «сельский» нейтральны в смысле заселенности и освоенности.

- облик (архитектура, планировка) и коммунально-инфраструктурное обустройство;
- восприятие, образ (имидж) извне и изнутри;
- связанные с ними и с «объективными» свойствами привлекательность (либо наоборот) для инвесторов, мигрантов, туристов и т.д.

Типологические признаки заодно служат здесь и признаками разнообразия. Все их не рассмотреть, но можно взять некоторые признаки или их сочетания как примеры. О размере и статусе уже шла речь, причем оказалось, что последний значим не везде. Вроде бы налицо даже общемировая тенденция к его упрощению, а то и к отмене в пользу муниципального деления, равнодушного к традиционной иерархии населенных мест как целостностей. При этом крупные места делятся, а малые — объединяются в одноранговые ячейки, что более или менее приемлемо для стран с равномерно высокой плотностью жителей и бюджетно-финансовой обеспеченностью.

Россия к ним не относится, но идет их путем, хотя до его завершения далеко. По крайней мере, нормативное различие между городом и деревней пока налицо. А еще сто лет тому назад в стране имелось немыслимое для современного бюрократа разнообразие статусов, выдававших другие признаки: иерархические, функциональные («профессии» поселений), этнокультурные. Они дифференцировали и тогдашние города, и селения, и линейку полугородских пунктов, хотя ее не выделяли в какой-то общий класс. На старых снимках (рис. 2)

Рис. 2. Примеры поселений с разным статусом в Российской империи (фото из Интернета).

представлены не все дореволюционные типы: нет столичных городов (теперь федеральных), крепостей, колоний, рудников, портов и др.

Функциональное разнообразие поселений кажется столь традиционной темой, что она уже выпадает из мейнстрима. Диапазон типологий, как правило, задан двумя типами: поли и монопрофильным. Но внутри них различия огромны.

Равны ли по широте выбора занятий, профессиональных и социальных ролей, возможностям самореализации, скажем, 75-тысячный Биробиджан и 12-миллионная Москва? Ответ предопределен именно разницей в размерах городов, хотя ни тот, ни другой не монофункциональные. При заведомом «крене» функций в ту или иную сторону, нередко обусловленном типом географического положения, многое тоже зависит от размера, ранга, централитета пункта.

Допустим, что это приморское положение. Тогда «доля моря» в жизни поселения зависит от его общеурбанистического масштаба и уровня развития как центра «морских отраслей». Если этот уровень средний, то при низком урбанистическом статусе город может быть специализированным субцентром в приморской агломерации, при среднем — самостоятельным городом-портом, а при высоком — большим морским городом, центром портово-промышленно-курортной агломерации. Именно такая логика заложена в приведенную на рисунке 3 «матрицу» рангов и функций приморских поселений, составленную французским ученым из Лиона Сезаром Дюкрюз [12].

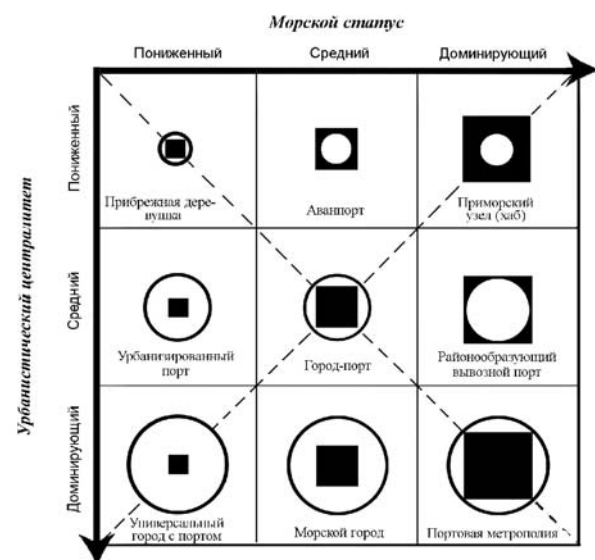

Рис. 3. Соотношение морских функций и размеров приморских поселений: «матрица» С. Дюкрюз (2008).

«Моногорода», о критериях и количестве которых в России идут споры, в свою очередь, весьма разнородны. Во многом они представляют собой наследие советской индустриальной экономики, сочетавшейся с доминированием сельского хозяйства в колхозной деревне. К концу советского периода, судя по составу занятых, монополизм этих функций в обеих категориях населенных мест слабел, зачастую наперекор воле властей [3. С. 363–364]. Дальнейшая динамика противоречива. Всеобщий сдвиг в сторону торговли и услуг мог всего лишь зеркально отражать кризис реального сектора. А когда центр теряет градообразующее предприятие, он формально выбывает из ряда монопрофильных, не приобретая «постиндустриального» благополучия. На селе, в ряде малых городов при сжатии агропроизводства и агросервиса росла «огородная» сфера — функция выживания. Все это вело скорее к потере экономического разнообразия, чем к его умножению. В то же время третичная и четвертичная постиндустриальная экономика очень разнородна (от рядовых услуг для местного рынка до производства знаний на рынок мировой), что делает вывод о функциональном нивелировании в расселении поспешным и, возможно, ошибочным.

Вообще-то первичная и главная функция мест обитания людей — селитебная. Это, прежде всего, места для жизни, но какой, в каком режиме? Он тоже переменчив. Долгое время в поселениях оседлых народов пространственное растяжение повседневного цикла жизнедеятельности бывало минимальным, вплоть до совмещения места жительства с местом приложения труда (мастерской ремесленника, лавкой торговца) в одном доме. Теперь мы имеем дело с различными типами поселений и их частей, которые выделяются по наполняемости в рамках суточного, недельного, годового и других циклов: деловые центры и спальные окраины, сезонные курорты, дачные, вахтовые поселки и т.д. Между тем наша статистика оперирует категорией постоянного населения, по сути игнорируя многие виды внутренней и международной мобильности: трудовые, рекреационные, семейно-бытовые. Попытка их ориентировочного учета с помощью разных источников отражена на рисунке 4. Разница между зимним и летним населением полюсов поселенческой иерархии, т. е. городов людностью свыше 250 тыс. чел. и малых пунктов с любым статусом и населением до 50 тыс. чел., достигает, по умеренной оценке, 7–8 млн. чел. Их достаточно, чтобы инвертировать пропорцию: зимой больше людей присутствует на верхних этажах, чем на нижних, а летом наоборот.

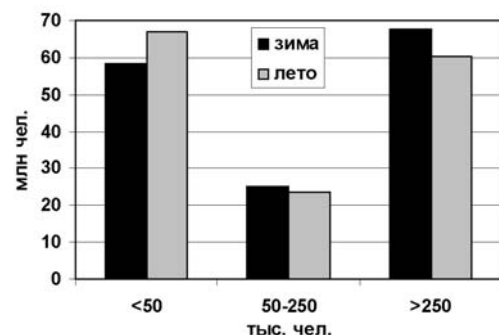

Рис. 4. Наличное население (в млн. чел.) трех основных уровней населенных мест на условный зимний и летний дни 2010 г. Авторская оценка.

Общий географический тренд позднесоветских и постсоветских процессов все же сводится к сжатию российского заселенного пространства (ойкумены) к его основным фокусам — крупным городам и агломерациям. Встречное движение горожан, даже если оно заходит весьма далеко и летом восполняет демографические потери, не приводит к возрождению традиционной сельской местности и хозяйства. Существует и, возможно, нарастает поток «настоящей» контрурбанизации — за счет тех, кто живет за городом весь год (как состоятельных, так и малоимущих граждан, сдающих городское жилье внаем), но их число неизвестно; как правило, они официально остаются горожанами.

В итоге самыми живыми, подвижными, пульсирующими стали пригородные зоны, где встречаются, сочетаются, конфликтуют разные потоки и явления. Ярким примером таких мест в России является Подмоскowie. Поток отдыхающих из Москвы в область в летний выходной день еще в 1980-х гг. превышал 2 млн. человек, а выезжавших на более долгий срок дачников — 0,7 млн., причем каждый третий ежедневно курсировал между Москвой и дачей как местом ночлега [3. С. 254].

Постсоветский уровень транспортных и социологических обследований затрудняет обновление оценок. Мы все же попытались это сделать с опорой на модели, расчетные и экспертные материалы многих авторов, чтобы получить примерную картину расселения в регионе на условный день «сжатия» (будний зимний) и «растяжения» (погожий летний выходной). В Москве 2010 г., без ее нового «галстука», по этой оценке находились 9 млн. чел. с небольшим в летний вы-

ходной и около 14 млн. в будний зимний день, то есть разница достигала почти 5 млн. чел. В Московской области из-за трудовых маятниковых и сезонных миграций на дачи она тоже велика — 3,3 млн. При этом плотность дневного населения в Центральном административном округе столицы, где сосредоточено 38% ее рабочих мест, в зимние будни превышает 40 тыс. чел./км², а летом в воскресенье она в 4 с лишним раза ниже. Колебания того же порядка, 2–4-кратные, типичны для подмосковных районов, особенно окраинных (рис. 5).

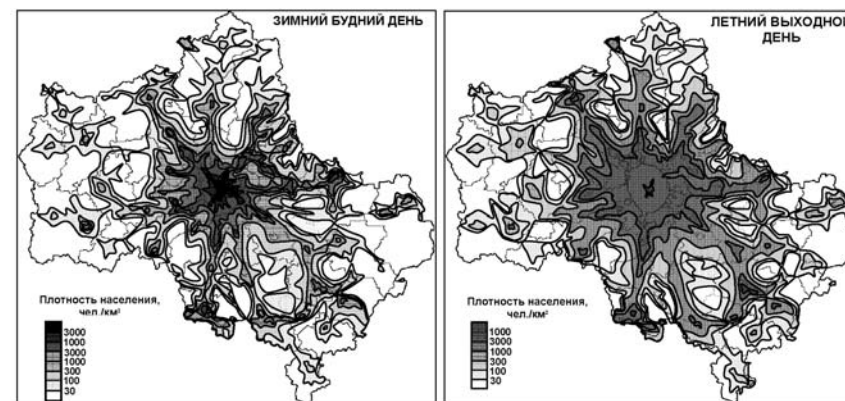

Рис. 5. Плотность населения в Московском регионе зимой в будни и летом в выходной день в 2010 г. Расчеты А.Г. Махровой, Т.Г. Нефедовой, А.И. Тревиша.

Саму суть города нередко видят в концентрации разнообразия — экономического, социального, этнокультурного. Однако у каждого есть пределы. Нельзя к старым видам деятельности без конца добавлять новые при ограниченных ресурсах, включая земельные. За них все равно развернется конкуренция, и одни виды вытеснят другие. Конкуренция в пределе вообще-то приводит к хаосу и войне всех со всеми, но не лучше ее антипод — дошедшая до предела и абсурда монополия или иерархия. Так, традиционная кастовая структура индийских общин, исключая социальную мобильность на основании рождения, обеспечивает стабильность низовой самоорганизации общества, но не его прогрессивное развитие. О теневых сторонах этнокультурного разнообразия много и говорить не надо: они на слуху и на виду.

Скопление разных разностей само по себе еще не гарантирует их конструктивного взаимодействия. Более того, можно утверждать, что рост разнообразия, хотя бы только экономического, на некото-

ром этапе чреват дестабилизацией социума. Это имел в виду Г.А. Гольц, рисуя график сугубо нелинейной зависимости социального напряжения от экономического разнообразия [2. С. 38]. Конечно, устойчивость поселений и их систем зависит от многих причин. Она может долго сохраняться при стабильном или растущем уровне разнообразности, а нарушаться — внезапно, резко. Если речь идет о небольших селениях, то разнообразность внутри каждого из них обычно меньше, чем у географических комбинаций, сильную гетерогенность которых принято называть чересполосицей. Но такой тип ареала расселения, как правило, устойчивее во времени, чем однородный, состоящий из пунктов с одинаковыми функциями и составом.

Одно из правил развернутых классификаций требует выбора разных признаков для каждого из ее уровней, этажей. Правда, это предписание, как и другие, легче соблюдать в теории, при конструировании типологической схемы, чем при ее приложении к полному набору классифицируемых объектов. Тут всегда найдутся спорные пограничные, а также не укладывающиеся в идеальную схему случаи. Наверное, с этим сталкивался каждый и какой-то выход находил.

Отважусь поделиться своим опытом типологии официальных столиц государств и их агломераций, впервые предложенной в 1980-х гг. (3. С. 13–15), а позже обновленной для другой книги [10, с. 305–309]. В этой схеме три главных класса выделены по коррелирующим признакам размера и множественности функций столичных центров внутри каждой отдельно взятой страны: 1) абсолютные (многосторонние) лидеры, не имеющие соперников; 2) лидеры относительные — равные другим центрам (узлам), а в чем-то им уступающие; 3) лидеры узко специализированные политические. Деление классов на варианты (типы) опиралось в одном случае на размер страны, путь ее развития и прочность централистских традиций, от которых зависит место в ней столицы, в другом — на степень концентрации столичных функций, в третьем — на расположение и пространственную «сверхзадачу» столицы: быть компромиссом между конкурирующими районами с их мощными центрами либо ориентировать политику развития на контакты с внешним миром, освоение внутренних пространств и т. п.

Схема казалась приемлемой, пока дело не дошло до классификации большинства государств, без крошечных, с их столицами (рис. 6). Выяснилось, что самый массовый класс абсолютных лидеров подразделять технически трудно и малосодержательно. Зато есть основания для выделения еще одного класса или типа в классе 3, хотя и редкого: со столичностью, распределенной по многим центрам и уз-

лам страны. Агломерации, внутри которых, как в голландском Рандстаде, столичный город фактически не один, сочетаются с разными классами, включая первый, когда такое скопление резко доминирует в стране. К этому добавляется ряд других проблем, например, связанных со сменой класса. Так, Петербург был в юности типичным односторонним лидером, затем в России наблюдался приблизительный паритет двух столиц, а теперь нет и его — перевод в «северную столицу» некоторых федеральных органов не ослабил столичную монополию Москвы; ее отрыв по размерам все заметнее превышает «норму» по Ципфу.

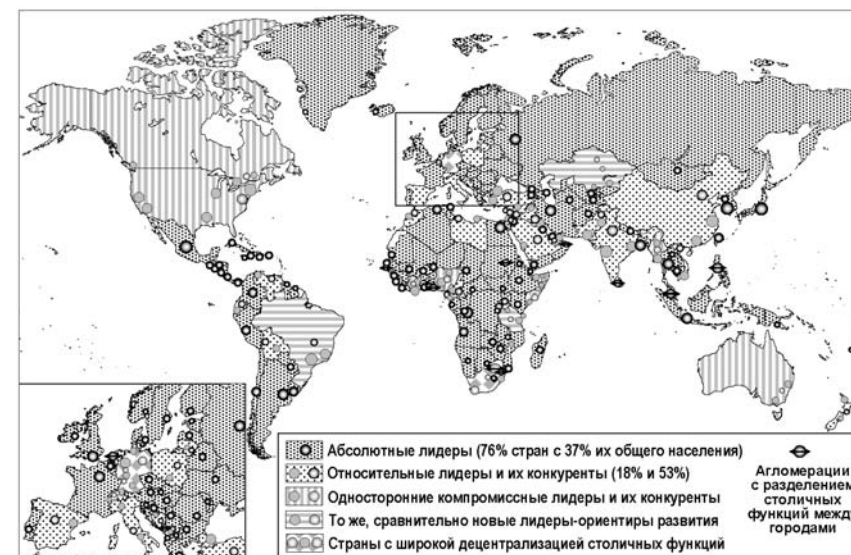

Рис. 6. Основные типы национальных столиц (агломераций) в 159 странах на 2012 г.

В общем, вышло так, что улавливаемое разнообразие нарастает среди исключений из правила, воплощенного в 1-м классе абсолютных лидеров. На него приходится — всех рассмотренных случаев, но при этом гораздо меньшая доля совокупного населения всех стран, более половины которого выбрали страны со столицами, отнесенными к классу 2. Дело в том, что абсолютные, лидирующие по всем основным параметрам столицы совсем не характерны для таких гигантов, как Китай, Индия, США, Бразилия, Нигерия (и для Австралии, Канады, хотя они велики лишь по площади). Если ограничиться узким,

но весомым кругом подобных стран, то в нем будет выглядеть исключением Россия.

Обратимся теперь к происхождению и возрасту поселений. Сразу встает звучащий по-детски, а по сути далеко не простой вопрос: что было раньше — деревня или город? Такие классики, как Л. Морган и Ф. Энгельс, считали, что город не моложе перехода от дикости к варварству. До появления скотоводства и земледелия (то есть неолитической революции), обеспечивших скопления людей продовольствием, его быть не могло. А еще чаще это продукт цивилизации: государств, классов, отделения ремесла и торговли от агропроизводства. Контргипотезу выдвинула известная нарушительница академического покоя Джейн Джекобс в 1969 г. [13]. По ее мнению, города-центры обмена в каменном веке старше сельского хозяйства, которое могли развить сами, так как в них приводили и приносили пойманных животных, семена диких растений.

Вообще-то вопрос о первенстве похож на вопрос о курице и яйце. Да, пионерами заселения земель бывали и село, и город, но для далеких эпох спорна сама эта дихотомия. То, что археологи называют городищем, пещерно-скальным или сырцово-сотовым домом-городом (cliff dweller), часто было крупным укрепленным селением ранних аграриев. Примерами в Старом Свете служат городища Чатал-Гююка, трипольского энеолита (медно-каменного века), в Новом — «замки» пуэбло. Неподалеку находят как бы их филиалы или хутора без укреплений. Получается, что система *город — сельская округа* восходит к глубокой древности. Но последовательность ее развития, от «города-центра» к «деревням» или наоборот, неочевидна, как и возможность применения к ним этих наших категорий, наличие их признаков.

Возможно, таких признаков больше в южноуральской металлургической «Стране городов» эпохи средней бронзы, включавшей знаменитый Аркаим. Правда, и здесь была своя подчиненная округа, а в центре оставалось (скажем, по времени года) разное число обитателей: от 1 до 5 тыс. чел. Стоял такой центр не очень долго — от силы первые сотни лет. Сроки жизни земледельческих трипольских поселений на территории нынешней Украины и Молдавии еще короче — 50–70 лет. Жители вроде бы сами сжигали их, уходя на другое место. И это при том, что городища там бывали крупнее уральских, вмещающая порой до 10–30 тысяч душ (рис. 7).³

³ Приведенные сведения почерпнуты из различных интернет-источников. Их много, однако не все научны, а некоторые откровенно и нагло антиисторичны; относиться к ним следует с осторожностью.

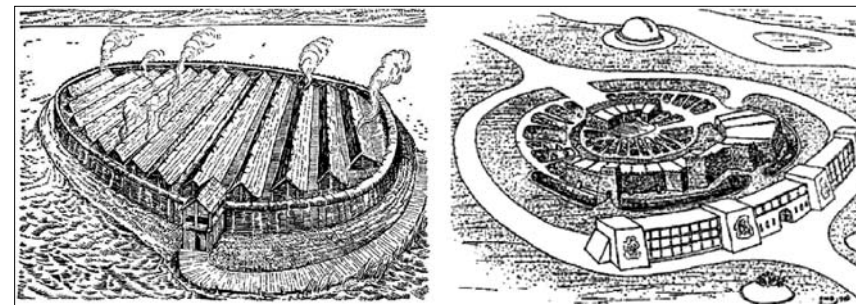

Рис. 7. Примеры реконструкции облика городищ энеолита и бронзового века в Евразии, слева — трипольское, справа — южноуральское.

И сельские, и городские поселения могут быть недолговечными, эфемерными. Трудно сказать, сколько их потеряла Россия хотя бы только за XX век. Тут встает во весь рост проблема ценза, состава, статуса населенных пунктов. Считать ли ими всякие выселки, хутора, дачи, кошары, посты, просто дома лесников, речников, путейцев и т.д., разные переписи населения и виды его учета решали по-своему. Об исчезавших городах, при всей условности этого понятия, мы все же немало знаем, иногда и за очень долгий исторический период. О деревнях — зачастую ничего. Социальный заказ на такое знание велик и даже удовлетворяется, но сугубо выборочно. Дотошные и систематические историко-географические изыскания назрели, но они недешевы. А без них трудно судить и о том, сузилось или же нет разнообразие наших поселений.

Причины и ареалы проявления эфемерности различны. Это кочевой или своего рода полубродячий уклад как в степях, так и в лесах при подсечно-огневом земледелии, то есть при частом истощении местной ресурсной базы. Это природные и общественные катаклизмы, включая эпидемии, нашествия, разорения. Это и корректирующие переносы города (ставки правителя, крепости, порта) по тем или иным основаниям. А порой просто постепенное отмирание функции места либо смертоносные для него распоряжения, указы властей.

Для географа интересны различия в пространственном ходе явления. Иногда это широкое насыщение территории или географической линии «эмбрионами» однородных поселений и затем отбор тех из них, что способны выполнять другие, новые роли. Таковы судьбы крепостей на засечных линиях обороны Московии от Дикого Поля, предмет многолетних интересов Г.М. Лаппо. В случаях иного рода изна-

начально узловой, даже столичный центр подвержен заменам и переносам. Примером служит «мигание» городов в низовьях Волги. Итиль (Хамлых или Казар), с VIII века столицу Хазарии, разрушил в X веке князь Святослав. В XIII веке выше по течению возник центр Золотой Орды Сарай-Бату; в следующем веке его перенесли еще ближе к нынешнему Волгограду, в Сарай-Берке (Новый Сарай), но он вскоре пал от рук Тимура и в прежнем блеске не возродился. Его преемником стала дельтовая ордынская и затем русская Астрахань (Хаджи-Тархан).

Антиподами эфемеров выступают «вечные» города, и не только Рим. Значительно старше его хотя бы Афины, а древнейшим из доживших до наших дней принято считать библейский Иерихон. Как укрепленное городище он существовал за десять веков до Христа, а как заметный торговый и промышленный центр — минимум 5000 лет. Правда, часть его ранних следов найдена в ближайших сельских окрестностях современного 20-тысячного города, но это обычная картина. Перепады живучести характерны и для городов, сохранившихся на территории России либо канувших в Лету. «Златокипящая» Мангазея, русская пушная фактория на сибирской реке Таз, простояла полвека и опустела после запрета Михаилом Романовым на плавание туда в связи с проблемой фискального и геополитического контроля водных коммуникаций. Зато прикаспийский город-ворота Дербент, которому официально 2000 лет, а реально куда больше, после всех завоеваний, разрушений и перестроек дорос до размера в 120 тыс. чел. и вряд ли им ограничится.

Возраст поселения, в том числе и особенно города (городов), — один из важных и ярких индикаторов развития территории, его исторической глубины, интенсивности. Да вот беда: сама дата рождения сплошь и рядом покрыта тайной, неточна, условна. Данной проблеме посвятил специальный раздел своей недавней книги старейшина российского геоурбанистического цеха Г.М. Лаппо [5. С. 212–234]. Причины проблемы состоят в несовпадениях времени появления городов де-юре и де-факто, его фиксации летописями и по данным археологов, основания первого поселения (деревни, зимовья, погоста, острога) и его перерастания в город (признания, преобразования, отнесения — за терминами стоят генетические нюансы). К ним добавляются проблемы, вызываемые историческими перерывами и поэтому неоднократными рождениями города, его передвижениями на лучшее место, включением в состав центра с другим стажем или выделением из его черты. Беспорядок с датами образования городов,

— включает Г.М. Лаппо, — делает сравнение их возраста затруднительным или вообще бессмысленным.

Он живо напомнил мне мои муки, когда (30 с лишним лет назад) я впервые пытался составить карту возраста городов Европы и бросил эту затею, пасуя перед теми самыми трудностями, казавшимися неразрешимыми. Возвращения к задаче долго не приносили приемлемого решения, но, в конце концов, оно нашлось (рис. 8) — с той оговоркой, что показанный возраст старейшего для данного места города даже при широком 300-летнем шаге шкалы на многих участках карты лишь условен.

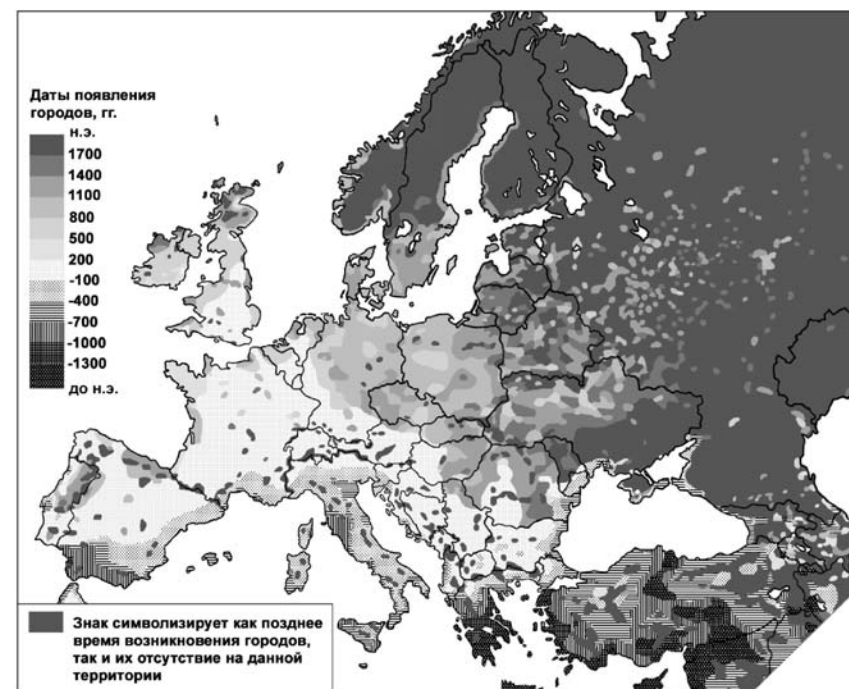

Рис. 8. Распространение городов в Европе.

Еще несколько слов о методике. Я старался держаться официальной даты, если она принята и не слишком далека от исторически обоснованной более ранней (при резком же отличии брал эту вторую), а также учитывать пионерные для территории города, которых уже нет, если бесспорно их прежнее бытие. Форма участка, условно придаваемого городу, упрощенно варьирует на местности, а его радиус редко превышает 20–25 км. При таком нормативе одиночные го-

рода чаще формируют видимые возрастные участки на востоке Европы, чем на западе. Там, на меньшей территории, их суммарно десятки тысяч, так что среднее расчетное расстояние ближайшего соседства, скажем, в Германии составляет всего 13 км (19 км в Польше, 21 км в Болгарии и т.д.). Нет ничего странного в том, что западные участки чаще восточных сливаются в обширные зоны, созданные мощными волнами градообразования, например, римского. Городские участки позднейших времен и их группировки могут проявиться на этом фоне, только если у них не было античных предшественников. Я допускаю, что прозевал часть таких проявлений хотя бы из-за обилия подлежащих учету пунктов (готовых баз данных в Интернете почти нет, работа чаще велась «поштучно», и некоторые области подвергались ревизиям многократно). Тем не менее, представляется, что основные пространственно-временные градиенты карта передает более или менее адекватно.

В самой седой древности это градиент юго-восток — северо-запад, причем юго-восточный очаг протоурбанизации охватывает не столько саму Европу (крито-микенскую Грецию), сколько Малую Азию, Ближний Восток. В ходе развития античного мира этот градиент постепенно преобразуется в сугубо меридиональный: юг — север. В Римской империи уже заметно расширение южной полосы градообразования в ее западной части. Потом градиент меняется на западно-восточный, точнее приуроченный к оси юго-запад — северо-восток, то есть ориентированный «в крест» изначальному. Тот факт, что в суровые зоны Скандинавии и России города пришли поздно, усилен на карте их объединением с ареалами, где городов нет до сих пор (что отчасти оправдано их продолжающимся, хотя уже не так активно, как в XX в., образованием в таких краях). Многое здесь коррелирует с пространственным ходом других социально-экономических, социо-культурных явлений, что и не удивительно.

Вспомним, однако, о разнообразии. В данном случае под ним можно понимать разновозрастность городов или гетерохронность их появления на территории. Мерой может служить соотношение возрастов старейшего и самого юного города, дисперсия, любые известные показатели неравномерности вплоть до энтропийных. Сам по себе информативен средний возраст всех современных городов (допустим для простоты — официальный), взвешенный на их размер (людность) и сопоставленный хотя бы с возрастом местного центра. Так, в Ивановской области вычисленная подобным путем дата образования среднего города дает 1830 год — время начала в России промышленного переворота. А сам г. Иваново на 40 лет моложе. У всех соседей городской

возраст намного солиднее (древнее всего Владимирщина со средней датой 1058 г.), областные же центры еще старше. В столичных регионах картина другая. «Среднему городу» современной Ленинградской области, без С.-Петербурга, всего 200 лет, точнее год его образования — 1815-й. Но подключение северной столицы отодвигает эту дату ко временам ее рождения (итог — 1721 г.). Средний год для подмосковных городов, как ни странно, совсем поздний (1853), но с Москвой он резко «стареет» (до 1395). В общем, агломерационные процессы, особенно у мощных столичных центров, усиливают разновозрастность их окружения, где старинные города соседствуют с молодыми.

Сжатый объем статьи не позволяет остановиться на других аспектах и признаках экистического разнообразия. Например, на возможностях многопризнаковой оценки социально-экономического состояния (благополучия) городов, хотя ее опыт имеется ([10] и др.). Остается сжато повторить некоторые выводы.

Вообще-то заманчиво сказать, перефразируя Л.Н. Толстого, что все счастливые города похожи друг на друга, а несчастные — несчастливы по-своему. Но это было бы красивой натяжкой, и только. Благополучные, удачливые города тоже неодинаковы, и их разнообразие может быть как типовым, так и вполне индивидуальным. Тут некоторые типы положений (лидеры богатых регионов, стригущие с них свою ренту, часто их пригороды, города-порты и другие ворота в мир), отраслевые типы (города нефтяников, энергетиков, металлургов, многие, но не все курортно-туристические центры, совсем немногие наукограды). Наконец, поселения без видимых «объективных» преимуществ, но зато с дельными и дальновидными мэрами, активным бизнес- и просто сообществом, лучшим человеческим капиталом.

Восприятие населенных мест и их привлекательность для инвесторов, рекреантов, мигрантов — тоже отдельные сюжеты. По-видимому, образы мест, их оригинальность, узнаваемость, яркость и просто эксплуатируемое количество можно сопоставить с рангом, статусом, размером поселения по принципу «матрицы Дюкрюз». В одних случаях (6-тысячный г. Мышкин) одного довольно искусственного, но разработанного «мышинного» бренда может хватить для удачной коммерческой практики. В других же (32-тысячный Великий Устюг) — более мощного бренда Деда Мороза оказывается маловато. Большие города располагают не одним брендом, но достаточны ли, скажем, для 270-тысячной Костромы ее фирменные образы «родины» Снегурочки, Романовых, Ивана Сусанина — вопрос непростой. Выбирая места для поселения, люди не остаются равнодушными к их имиджу, но руководствуются далеко не только им. Значение самого выбора

подчеркнул Р. Флорида, заявивший, что он не менее важен, чем выбор профессии и спутника жизни [12]. А раз речь идет о выборе, то — автоматически — о разнообразии тоже.

Статью пора заканчивать, хотя чувство такое, что тема только слегка приоткрыта. Наверное, это свидетельствует о ее перспективности, но также о слабой разработанности, из-за которой поначалу приходится двигаться на ощупь. Что ж, ситуация не уникальная. И до рогу все равно осилит идущий...

Литература

1. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990 (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/gold/03_1.php).
2. Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Т.1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее и будущее). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
3. Город и Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. — М.: ОГИ, 2001.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа (<http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya/04.html>)
5. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012.
6. Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда. М: Институт географии АН СССР, 1988.
7. Нефедова Т.Г. Большой, средний, малый город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. — Смоленск: Ойкумена, 2013. — С. 171–190.
8. Одоевский В.Ф. 4338 год. Петербургские письма (<http://www.ashtray.ru/main/lib/4338.htm>)
9. Перцик Е.Н. Геоурбанистика. Учебник для студ. вузов. М.: «Академия», 2009.
10. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009.
11. Ducruet C. Typologie mondiale des relations ville-port. Cybergeog: Revue Européenne de Géographie. 2008. No. 417.
12. Florida R. Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where You Live the Most Important Decision of Your Life. Philadelphia: Basic Books, 2008.
13. Jacobs J. The Economy of Cities. N.Y.: Random House, 1969.
14. World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. Washington, DC: The World Bank, 2009.

Стрелецкий В.Н.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ

Связь регионализма с географическим разнообразием, пространственными различиями в обществе и природной среде сама по себе, казалось бы, очевидна. Региональный дискурс органичен для географии, а региональная традиция — одна из самых давних и почтенных ее научных традиций. Однако, будучи вписанной в более широкий контекст *пространственно-временных* взаимодействий, при сопряжении хорологии — с хронологией, географического разнообразия — с историческим развитием, региональная проблематика приобретает более сложный характер и множество разных измерений, становится более «многогранной».

Отчасти именно этим и обусловлены очень разные оценки региональных факторов в развитии социума (культурном, экономическом, политическом и т.д.) в мировой науке, представителями разных ее ветвей, предметных областей, направлений и мировоззренческих школ. Принято считать, что «уникалисты» (хрестоматийным представителем которых в географической науке XX в. был, например, Р. Хартшорн) преувеличивают значение региональной, местной специфики в ущерб неким универсалиям (подобно теоретикам культурно-исторической школы локальных или региональных цивилизаций — в исторической науке). И, наоборот, «универсалисты», мыслящие общими категориями и закономерностями, на региональную и местную специфику мало обращают внимания. Однако реальность сложнее и разнообразнее любой теоретической схемы и абстракции. *Географическое своеобразие региона в развитии местного социума всегда, так или иначе, проявляется*, каким бы ни было соотношение «общих» черт и закономерностей исторического развития и регионально «специфических» особенностей. Как справедливо отмечал известный советский географ В.А. Анучин (вполне при этом разделявший важнейшие постулаты марксистской теории исторического процесса с ее «универсалистской» схемой), «вся хронология имеет свой региональный аспект, причем регионализм проявляется на всех этапах развития человечества. И хотя его проявление в историческом плане было разным, но оно всегда оставалось весьма сильным» [3, с. 49].

Нельзя недооценивать также и то обстоятельство, что термины «регион», «регионализация», «регионализм» — многозначные и «многослойные», используются зачастую в разных смыслах и контекстах. И, разумеется, имеют множество и разных дефиниций, и различных коннотаций.

Попытки концептуализации понятия «**регион**» предпринимались с достаточно давних времен, но систематический характер они приобрели с начала XX в., в период бурного подъема исследований в области региональной географии (одна из первых попыток систематизации была предпринята Рупертом Вэнсом в 1929 г. [49]). Однако появление в этот период множества самых разных концепций региона задавало вектор очень несхожих интерпретаций регионализма и регионализации. Географы так и не пришли к единому мнению, что же именно следует понимать под регионом; разночтения усугублялись еще и быстрым процессом дифференциации географических наук (причем не только между ее физико-географической и общественно-географической ветвями, но и внутри каждой из них), в связи с чем смысл, вкладывавшийся в термин «регион» представителями разных географических субдисциплин не был идентичным. Как не без иронии отмечал один из ранних теоретиков регионализма Р.Б. Холл, «географический регион — это то, что исследует специалист по региональной географии» [39].

В современном научно-практическом и общественно-политическом дискурсе широко распространен *нормативный* подход к выделению и интерпретации регионов. В соответствии с ним, регион есть часть географического пространства, выделяемая для решения каких-либо практических задач. Под регионами в данном случае понимаются, как правило, единицы административно-территориального деления той или иной страны, группировки нескольких тесно взаимодействующих друг с другом государств, образующих некую территориальную целостность, а также иные территориальные выделы, обособляемые главным образом государственно-политическими структурами и институтами в конкретных целях (для оптимизации системы управления, реализации проектов развития различных территорий и т.д.). Нормативный подход особенно широко используется в политической регионалистике, что вполне объяснимо, поскольку «формирование» регионов этого типа есть, в первую очередь, отражение результатов конкретных политических решений.

Другой, альтернативный нормативному, подход к осмыслению региона можно назвать научно-аналитическим. Он базируется на учете структурных, морфологических, топологических, функциональных

и иных критериев, берущихся за основу выделения, делимитации, описания и интерпретации регионов, рассматриваемых как объект научной экспликации, а не политического конструирования.

Важная терминологическая проблема, которую невозможно игнорировать в исследованиях регионализма — соотношение понятий «*регион*» и «*район*». Но она актуальна, прежде всего, для отечественного (русскоязычного) научного сообщества. В переводе на многие европейские языки смысл наших терминов «регион» и «район» точно и адекватно передается единым, общим термином (в английском языке — «*region*»); нюансы, связанные с различием этих понятий в русскоязычной традиции, при переводе для западного читателя труднопередаваемы. В российской географической науке, как известно, исторически традиционно и очень широко использовалось понятие района; более того, именно *районирование* как методологический концепт было на протяжении многих десятилетий своего рода «визитной карточкой» отечественной географии. Эта традиция была настолько мощной, что и при публикации на русском языке работ видных западных географов, в том числе оказавших большое влияние на отечественную районную школу [7, 33, 34 и многие др.], термин «*region*» неизменно переводился как «район». Ситуация существенно изменилась в последние несколько десятилетий, когда в отечественной географии понятие «регион» стало использоваться не менее широко, чем понятие «район».

В контексте российских реалий, в традициях отечественного научного дискурса, многие авторы, в том числе и ученые-географы, считают «регион» и «район» разными (хотя и близкими) понятиями. По Э.Б. Алаеву, термин «район» в русском языке более однозначный, чем «регион». Район, в дефиниции Э.Б. Алаева, — это «территория (геотерия), по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат развития данной территории» [1, с. 67]. Регион, по Э.Б. Алаеву — термин более многозначный и «гибкий»; он может служить для обозначения самых разных территориальных единиц того или иного класса в конкретной системе таксонирования [там же, с. 69]. Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев считают более универсальным и, соответственно, менее строгим термин «район», в то время как термин «регион», как они подчеркивают, характеризуется масштабным критерием и больше подходит для обозначения достаточно крупных территориальных единиц [12, с. 20–21]; в таком понимании регион — как бы частный случай района.

И.Н. Барыгин, автор многих работ по теории и методологии регионоведения, считает, что «регион» — это «относительно неоднородная территория, в пределах которой имеется набор однородных характеристик политического, экономического, культурного, социального, экологического, географического, языкового и другого ландшафтов» [6, с.32]., в то время как район — это «относительно структурно однородная территория» [там же, с.362]. Регион, в отличие от района, по И.Н. Барыгину, может представлять собой не только неоднородную, но и *прерывистую* территорию. Так в его модели как регионы «высшего» ранга трактуются, в том числе, весь Третий мир, совокупность расположенных в разных частях земного пространства экономически высокоразвитых государств («Север», противопоставляемый в глобальном геоэкономическом и геополитическом раскладе слабо развитому «Югу») и некоторые другие пространственные группировки, не образующие территориальной целостности.

Данная точка зрения, на наш взгляд, более чем спорна и уязвима для критики. Во-первых, как хорошо известно, однородные (гомогенные) районы — лишь одна из разновидностей районов вообще, в то время как узловые районы критерию однородности не соответствуют [22; 32 и др.]. К тому же, гомогенность самих однородных районов весьма относительна, она в решающей степени зависит от глубины генерализации, на что еще в середине прошлого века обращал внимание классик советской экономической географии Н.Н. Баранский [4]. Во-вторых, представляется не слишком продуктивным чрезмерное «терминотворчество», касающееся разного рода частных «ландшафтов». Так, если «культурный ландшафт» или «экономический ландшафт» (понятие, введенное в научный дискурс А. Лёшем [20]), наряду с «ландшафтом географическим», являются широко используемыми терминами, понятийными категориями, давно и прочно вошедшими в теоретический арсенал географии и других, в том числе смежных с нею, наук, то о терминах типа «социологический ландшафт», «экологический ландшафт» (ряд можно продолжить — допустим, «демографический ландшафт», «психологический ландшафт» и т.д.) этого не скажешь; они сконструированы искусственно, за ними не стоит богатого научного наследия, да и не вполне ясно, какую именно реальность они описывают. В-третьих, чрезмерно расширительная трактовка понятия «регион», в соответствии с которой к *одному* географическому таксону могут быть отнесены удаленные и не смежные друг с другом части земного пространства, также вызывает глубокий скепсис. Так, например, известное культурное единство Британии, Англо-Саксонской Америки, Австралии и Новой Зеландии

не вызывает сомнений, но, разумеется, никакого *регионального единства* данная общность как раз не представляет. Регион, так же как и район (если пытаться различать их по тем или иным критериям) — это, безусловно, прежде всего, *территориальная общность*.

Несомненно, использование терминов «регион» и «район» в русском языке имеет свои семантические особенности, нюансы и научные традиции, в различных контекстах они могут иметь несколько разную акцентировку. Так, процедура *районирования* предполагает выделение некой части из более крупной территориальной целостности; *район* это всегда — *выделенная по какому-либо критерию часть географического пространства*. Термин «*регион*», пожалуй, более нейтральный в этом отношении, он не обязательно должен «встраиваться» в сетку географического таксонирования. Например, когда говорится о Магрибском регионе, подразумевается его самостоятельность, он может осмысливаться как самостоятельная данность, как уникальная в некоем отношении территория (а не как часть Африки или, допустим, Исламского мира). Но одновременно правомерно говорить и о Магрибе именно как одном из историко-культурных *районов* (макрорайонов) Африки или Исламского мира.

В целом же, мне представляется, что понятия «*регион*» и «*район*» относятся к единому категориальному ряду и **в общем случае могут рассматриваться как синонимы**. Соответственно, и более частные понятия этого ряда (например, понятия «*культурный регион*» и «*культурный район*») легко могут взаимозаменять друг друга, обозначать одну и ту же реальность; какой из этих терминов лучше использовать при характеристике тех или иных географических таксонов — во многом вопрос вкусовых пристрастий исследователя, частично это может определяться и конкретным исследовательским аспектом. Еще раз подчеркнем, что понятийно-терминологическое разграничение по линии «*регион* — *район*» актуально для отечественной географической науки, в мировой контекст оно, по сути, не вписывается.

Аналогично понятию «*регион*», термины «*регионализация*» и «*регионализм*» в современном географическом и социально-гуманитарном дискурсе также используются в различных значениях [6, 21, 35 и др.]. *Регионализация* иногда трактуется как разновидность процесса географического таксонирования (т.е. фактически — районирования), в том случае, если объектами такого таксонирования выступают регионы [1, с. 117]. С другой стороны, часто под ней понимается процесс интеграции крупных регионов, формирующихся путем консолидации более дробных и разнородных, по тем или иным признакам, территориальных единиц. В отечественной социально-эко-

номической географии постсоветского периода чрезвычайно широкое распространение получила интерпретация регионализации как процесса повышения роли регионов в жизни общества — как своего рода антитезы процесса государственной централизации [16, 31 и др.]. В.А. Дергачев и Л.Б. Вардомский понимают под регионализацией «процесс формирования и развития межгосударственных экономических и других объединений на основе близости социокультурных (морально-этических, религиозных и др.) факторов» [13, с. 443–444].

Большой интерес представляет сравнение различных подходов к интерпретации феномена **регионализма**. Во-первых, многие теоретики и эксперты-практики понимают под ним *подход к проблемам социума с позиций интересов и потребностей регионов*, их учет в экономике, политике, управлении, отказ от чрезмерного централизма и унификации. По мнению ряда авторов, «регионализм» в этом смысле зародился в начале XX в. (либо даже в последней трети XIX столетия), но особое распространение получил с 1950–1960-х гг. (первоначально, главным образом, в странах Западной Европы, в которых с этого времени региональные проблемы, интересы и потребности оказались в фокусе внимания национальных правительств). В таком понимании регионализм часто выступает, в том числе, и как своего рода идеологема и политическая доктрина центральных властей по отношению к регионам, призванная эффективно противодействовать чрезмерной централизации. Не случайно на Западе для обозначения этой разновидности регионализма широкое распространение получил термин «нисходящий регионализм» (т.е. идущий от центра к регионам, а не наоборот), в отличие от регионализма «восходящего», выражающего собой самоидентификацию самих региональных сообществ с характерными для них мироощущением, ценностями, идеями и разного рода практиками.

Во-вторых, термином «регионализм» часто обозначается *взаимодействие* между государствами (некоего макрорегиона) или между отдельными частями (например, административно-территориальными единицами) той или иной страны, образующими соответствующие региональные группировки; их региональное сотрудничество, укрепление связей между ними. Именно в этом ракурсе следует рассматривать концепцию «Европы регионов», которая оформилась в основном в 1980-е годы [8; 14], и в рамках которой регионализм стал краеугольным камнем стратегии пространственного развития в Европейском Союзе. Основное внимание при этом уделяется регионализму как *международно-политическому феномену надгосударственного уровня*; нас же здесь больше интересуют вопросы *географи-*

ческого разнообразия как предпосылки и движущей силы регионализации, причем в большей степени — на *внутристрановом уровне*.

В-третьих, большое распространение получила интерпретация регионализма как специфической *идеологии региональных элит*, стремящихся к достижению высокой степени автономии / самостоятельности «своих» регионов в культурной, экономической, политической и иных сферах. Как считает один из ведущих современных западных теоретиков в области региональных исследований М. Китинг [17, 42], регионализм как особая идеология элиты зародился в эпоху модерна как своеобразная реакция на индустриализацию, интернационализацию, а отчасти также и на секуляризацию общественной жизни, причем как в многонациональных, так и в сравнительно гомогенных в этническом отношении странах.

В-четвертых, под регионализмом понимаются *политические движения* в рамках разных региональных сообществ, направленные на обретение некоего институционального статуса (борьба за политическую или культурную автономию, за самоуправление провинций, этнических или территориальных групп людей), либо на расширение уже существующих прав региональных сообществ. Так, Т. Хеглин обозначает термином «регионализм» формирующиеся и развивающиеся в регионах разнообразные протестные движения против политико-административного или экономического централизма; они могут быть сфокусированы на достижение целей как культурной, так и политической автономии, в ряде случаев — политической федерализации либо даже политической сецессии (образования новых государств) или ирреденты [41, р. 448–449]. Схожей (но все же не идентичной) трактовки регионализма придерживаются и некоторые другие известные западные мыслители, в частности, профессор Университета имени Гёте (Франкфурт-на-Майне) Х.-Ю. Пуле [44], профессор Гётеборгского университета Б. Хеттне [40], профессор Парижского института политических исследований М.-К. Сму [47] и др. Интерпретация регионализма, в первую очередь, как общественного движения во многом близка трактовке регионализма как идеологии региональных элит (одно происходит в том числе и из другого; в обоих случаях мы имеем дело с феноменом «восходящего» регионализма, иными словами, зарождающегося в самих регионах, — по-английски, «bottom-up regionalism»). Однако в последней концепции подчеркивается, что регионализм «бытует» не только в умах интеллектуалов, идеологов и политических функционеров, что это явление массовое, а «поведенческая» сторона здесь не менее важна, чем «идейная».

В конце XX — начале XXI вв. появились теоретические разработки, в которых предпринимались попытки классификации, типологизации различных форм и разновидностей регионализма. Особенно часто такие работы проводились политологами (правда, как правило, имеющими, в том числе, и огромный опыт политико-географических исследований), и не случайно, что предлагаемые этими авторами «типологии регионализмов», успешно используемые на ниве политических наук, далеко не всегда могут быть применены в более широких по проблемному охвату и в более «богатых» различными нюансами исследованиях экономико-, социально- и культурно-географической направленности. Так, П. Шмитт-Эгнер, один из ведущих и авторитетнейших теоретиков регионализма как распространенной в современном мире формы общественной идеологии и связанных с ней общественных движений, выделяет пять его основных типов, каждый из которых иллюстрируется собранным автором богатым фактическим материалом (главным образом по странам Европейского Союза). В классификации П. Шмитт-Эгнера [46] в качестве отдельных типов выделяются: т.н. «старый» регионализм (на первый план выдвигаются задачи политического самоопределения регионов); «новый» регионализм (движения за децентрализацию — регионализацию и автономизацию — внутри страны); «постмодернистский» регионализм (не связанный с выдвижением территориальных политических требований, но преследующий цели формирования позитивного имиджа региона как ключевого условия повышения его конкурентоспособности в разных сферах общественной жизни); «транснациональный» регионализм (достижение региональных эффектов за счет внешнего — трансграничного и межрегионального — сотрудничества); «межгосударственный» регионализм (участие национальных государств в качестве макрорегиональных акторов). Существуют, впрочем, и иные классификации, в каких-то аспектах близкие разработкам П. Шмитт-Эгнера, в каких-то — от них отличающиеся.

С точки зрения политической регионалистики, действительно, регионализм может трактоваться как своего рода *идеология уважения интересов и потребностей регионов и совокупность тесно связанных с нею практик*. Однако это очень важный, но далеко не единственный аспект регионализма; в географическом дискурсе данный термин используется значительно шире, он более емкий и богатый. Так, по мнению А.И. Трейвиша [31, с. 226–227], по совокупности толкований, регионализм включает во-первых, региональную идентичность людей, их приверженность к провинциальным традициям и самобытности, во-вторых, воплощение соответствующих идей в регио-

нальные общественные движения и, в-третьих, «собственно регионализацию» — уже в сфере государственной политики.

Автором данной статьи **регионализм** трактуется, в первую очередь, как **культурный феномен** [27, 28]; его же выражение в тех или иных политических формах имеет, в такой интерпретации, вторичный характер. Вообще **культура как географическая реальность** может рассматриваться с двух разных точек зрения; во-первых, это *культура в географическом пространстве*, во-вторых, это *географическое пространство в культуре* [26]. Соответственно, в регионализме как феномене культуры можно выделить два пласта. *Первый пласт* — это комбинация культурных характеристик (особенно артефактов и социофактов), которые придают той или иной территории, ее культурному ландшафту черты своеобразия, а то и уникальности, по сравнению с другими. *Второй пласт* — рефлексивный, относящийся исключительно к сфере общественного сознания и выражающийся в перцепции пространства, в представлениях людей о своеобразии и самобытности тех или иных местностей и территорий, а в первую очередь — о своей собственной идентичности [27; 28]. Таким образом, культурный регионализм — *двуединный феномен*, который включает две важнейшие составляющие: объективную основу и субъективный, перцепционный «слой». Эти пласты (границы) тесно взаимосвязаны, но они — разные, и их в мировоззренческом и методологическом отношении важно разграничивать. Культурная самобытность территории, в пределах которой сложилось местное сообщество людей с особыми интересами, системами ценностей и типом ментальности, может в разной степени осознаваться самими представителями данной общности.

Регионализм как феномен культуры может быть описан большой совокупностью индикаторов [28]; к числу важнейших из них, по мнению автора, относятся: 1) региональное самосознание — самоотождествление людей с той или иной территорией; 2) этническая (субэтническая, субкультурная) гомогенность либо гетерогенность регионального (местного) сообщества; 3) характерная для регионального сообщества поселенческая структура; 4) специфические для местной культуры особенности природопользования и способы ведения хозяйства; 5) местная языковая (лингво-диалектная) система (включая топонимы); 6) конфессиональная структура данного сообщества; 7) региональные особенности сферы ментифактов (духовных традиций, образов, представлений и др. продуктов умственной деятельности людей), характерные для данной социокультурной общности; 8) региональные особенности материальной культуры, понимаемой, в

данном случае, как упорядоченная система артефактов, т.е. материальных предметов, созданных самими людьми; 9) характерные для местного (регионального) сообщества специфические паттерны и стереотипы усвоенного человеческого поведения. Этот ряд можно продолжить, но выделенные параметры в качестве *индикаторов культурного регионализма* имеют первостепенное значение. Они описывают данный феномен в разных аспектах, но именно в своей комбинации, в комплексе способны дать о нем более или менее целостное представление.

1. Региональное самосознание людей, их региональная идентичность — стержневое понятие в интерпретации регионализма как феномена культуры. Значение территориальных связей в социуме, общности местожительства как фактора формирования особого самосознания довольно давно оказалось в фокусе внимания теоретической социологии (еще на сравнительно ранней ступени развития этой науки), в то время как антропогеографы (и тем более — экономико- и социогеографы, после «отпочкования» этих дисциплин от антропогеографии) долгое время обращали на данные сюжеты недостаточное внимание. Наш великий соотечественник, классик русской, а затем и американской социологии П.А. Сорокин (1889–1968) еще до эмиграции, в 1920 г. писал в своей работе «Система социологии», что люди, живущие в одной местности (в деревне, в городе, в одном округе), несмотря на множество различий между ними, неизбежно вырабатывают общие интересы, привычки и сходства; а главное, отмечал П.А. Сорокин, «индивиды, живя совместно, волей-неволей должны постоянно сталкиваться и неизбежно принуждены быть солидарными во многих отношениях. Жизнь в данном месте вызывает особый *местный солидаризм*, *“местный патриотизм”* (курсив мой — В.С.), часто привязанность к данному месту, короче — особое коллективное единство, основанное на общности территории постоянного местопребывания» [25, с. 209]. Именно связи «по местностям» Питирим Сорокин считал самыми прочными, самыми сильными в ряду всех возможных связей, соединяющих людей между собой. В итоге, отмечает П.А. Сорокин, «из самых разнородных лиц, при долгом сожитии бок о бок, образуется группа, сходная по своим чертам, «местный тип», отмеченный колоритом данного места. Таковы исследованные Демоленом типы оверньца, бретонца, провансальца. Таковы в России типы «ярославца», «помора», «сибиряка» и т.д. И такая группа неизбежно во многом будет солидарна друг с другом» [там же, с. 210].

Самоотождествление определенных общностей людей с соответствующими территориями является, как правило, следствием укорененности культуры, выступающей тем самым в качестве объективной предпосылки развития местного патриотизма, привязанности территориально сплоченных групп людей к своей «малой родине», стремления так или иначе ее «обустраивать» [18, 24 и др.]. Часто именно культурная самобытность региона (как уникальное сочетание базовых культурных характеристик территориальной общности людей) специфическим образом преломляется в генезисе регионального самосознания. Но известны и случаи, когда ярко выраженная культурная самобытность района региональным самосознанием подкрепляется слабо, либо, напротив, развитая, сложившаяся региональная идентичность имеет менее очевидную объективную социокультурную первооснову [27].

Зарубежными культур-географами накоплен богатейший опыт конкретных исследований региональной идентичности; при этом широко используются как прямые опросы населения (как правило, проживающего на небольшой по размерам территории), так и другие методы и исследовательские приемы. В их числе — обработка региональных статистических баз данных (позволяющая, в частности, выявить ареалы повседневной активности людей, установить пространственные параметры суточных, недельных и других циклов их жизнедеятельности, трудовых и культурно-бытовых поездок и др.). В этих же целях широко практикуется анализ распространения материальных артефактов как знаковых и символических индикаторов (своего рода маркеров) региональной идентичности, изучение местной (как сельской, так и городской) топонимики, специфических региональных рекламных брендов. Привлекаются при исследованиях региональной идентичности и разнообразные литературные источники — от историко-географических описаний конкретных территорий и местностей, работ этнографов, лингвистов, фольклористов до современных путеводителей и художественных текстов.

2. Этническая (субэтническая, субкультурная) гомогенность или гетерогенность регионального (местного) сообщества. Этнический фактор — один из ключевых факторов регионализации культуры, прежде всего, в полиэтничных странах. В полиэтничных и мультикультурных обществах важнейшие границы культурных районов часто проходят как раз по этническим рубежам. В странах с более однородным этническим составом населения этнические разломы и рубежи менее значимы и в меньшей степени находят свое отражение в географии общества. В таких странах этнокультурная дифференци-

ация и регионализация больше проявляются на субэтническом / субкультурном уровне.

Этническая идентичность не представляет собой временной константы. Она достаточно изменчива, особенно в этноконтактных зонах, в приграничных, а также в периферийных районах. На это еще в середине прошлого века обращал внимание выдающийся американский географ-регионалист, один из основоположников этнической географии и в то время один из самых известных экспертов по этническому расселению Уолтер Колморген [43]. Но дело не только в этнических контактах и относительной скорости, по историческим меркам, сдвигов в этническом расселении в тех или иных регионах. Феномен мобильности этнической идентичности порождает серьезные методологические проблемы в изучении культурного регионализма и по другим, сущностным причинам.

В настоящее время в мировой культурной антропологии и этнологии быстро растет осознание ограниченности (а по мнению многих мыслителей и ученых — ошибочности) традиционных примордиалистских объяснений этнической идентичности. *Примордиалистский* (от английского *primordial* — исходный, первичный, изначальный) подход в концептуализации этничности, зародившийся (первоначально в Германии) еще в XIX веке и доминировавший на протяжении большей части XX столетия, трактует ее как врожденное свойство человеческой идентичности, имеющее объективные корни либо в природе, либо в социуме (работы Э. Шилза, К. Гирца, П. Ван ден Берге, Э. Стюарта и др.). Как отмечает В.А. Тишков, по мнению примордиалистов «осознание групповой принадлежности заключено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания» [29, с. 92]. Согласно К. Гирцу, американскому антропологу, основоположнику т.н. интерпретативной антропологии, «человеческие привязанности» (а они в формировании культурных, особенно этнических, общностей играют, по Гирцу, особую роль) проистекают, большей частью, из чувства духовной близости, а не как следствие социальных контактов [10].

В этнической географии примордиалистские идеи в середине и в начале второй половины XX в. были широко укоренены. Этногеографы, большей частью, полагали, что этническая идентичность органично «наследуется» представителями новых поколений и трансформируется, главным образом, лишь под влиянием внешних факторов (этнических контактов, смешанных браков и др.). Подчеркивая значение этнической «преемственности» для изучаемого региона, ученые

искали и объективную основу для историко-географических реконструкций его (региона) этнокультурного прошлого. Однако такого рода реконструкции могут быть убедительными с позиций именно последовательно примордиалистского подхода.

В последней четверти XX в. примордиализм в мировой культурной антропологии был сильно потеснен альтернативными парадигмами — инструментализмом и, особенно, конструктивизмом [29; 30]. *Инструментализм* — это эпистемологическая установка, в соответствии с которой продукты человеческого сознания (понятия, представления, образы, моральные ценности и т.д.) суть средства приспособления к окружающей среде (социокультурной и природной), внесения в нее упорядоченности и определенности; они и формируют тот инструментарий, который в процессе кооперированной деятельности людей «осваивается» ими и используется в практических целях. Приверженцы инструменталистского подхода (Д. Хоровиц, Дж. Нейджел и др.) трактуют этничность, в значительной степени, как чувство солидарности, объединяющее большие группы людей и формирующееся под непосредственным воздействием со стороны интеллектуальной (а то и политической) элиты общества.

Конструктивизм идет еще дальше. Конструктивистская установка предполагает трактовку познания как процесса конструирования, а эмпирической реальности — как результата познавательной активности. Этническая самоидентификация, как утверждают сторонники этого подхода, есть интеллектуальный конструкт, продукт целенаправленно созданных объективированных представлений [9, 30]. Как подчеркивает выдающийся норвежский социальный антрополог Фредрик Барт, этнические группы складываются в процессе осознания проживающими на определенной территории людьми своих культурных отличий от соседей, взаимодействие с которыми и определяет их этническую самоидентификацию [5; 36].

Смена парадигм в трактовках этничности имела важные последствия для этногеографических исследований. Ученые-географы, привыкшие к тому, что в случае этнических общностей они имеют дело с достаточно устойчивыми феноменами, вызванными к жизни особенностями происхождения тех или иных групп людей, их языка и психологии, их связью с той или иной территорией и типом ландшафта, некоторыми другими «объективными» факторами, стали осознавать, что этничность — феномен подвижный, «текущий», не столь устойчивый, как это представлялось ранее. Специфическим «этническим» индикатором стала выступать, прежде всего, присущая той или иной общности людей *совокупность стереотипов этнического пове-*

дения и самосознания, позволяющая ее представителям противопоставлять себя «чужакам».

3. Характерная для регионального (местного) сообщества поселенческая структура. Особый интерес она представляет в сельских или в слабоурбанизированных обществах, где лучше сохранились традиционные и исторически унаследованные компоненты селитьбы. Традиционные формы селитьбы в некоторых случаях могут характеризовать исторически сложившийся способ пространственной самоорганизации местного сообщества. В высокоурбанизированных странах, в которых под прессом модернизации традиционные сообщества подверглись сильной трансформации, данный индикатор трудно использовать для диагностики культурно-географических различий в масштабе целой страны (и практически невозможно — применительно к сплошным урбанизированным ареалам). Но в более частных случаях традиционные формы селитьбы могут служить удобным «маркером» культурно-географических различий между смежными районами, сравнительно хорошо сохранившими (даже в условиях индустриализации и «постиндустриализации») сеть сельского расселения. Регионально специфические особенности поселенческой культуры и поселенческой структуры зависят от многих факторов. Большое влияние оказывают природные факторы, прежде всего в странах, отличающихся значительными физико-географическими контрастами. Так, в странах с большим широтным простираем, таких как Россия, весомое значение для традиционной поселенческой культуры имеет природная зональность [23]. Культурные нормы также оказывают значительное влияние на формирование типов селитьбы. Еще один традиционный сюжет региональных культурно-географических исследований — изучение зависимости типов селитьбы и формы жилищ от конфигурации и внутренней пространственной структуры сельских поселений, исторически сложившихся особенностей уличной сети и т.д.

4. Специфические для региональной (местной) культуры особенности природопользования и традиционные способы ведения хозяйства. Природопользование регионально «по определению», и его пространственное многообразие, как известно, — один из ключевых аспектов географических исследований. Дефиниций природопользования существует несколько, мы же здесь приведем определение, которое при всей своей универсальности имеет в ряду важнейших в том числе и культурно-географическое измерение. В данном случае под природопользованием понимается «специальный географический, т.е. привязанный к месту или местности аспект вза-

имодействия общества с природой, общественного воспроизводства (хозяйства) в самом широком смысле слова, формирующий распределение населения по Земле, его расселение (экистику), основные системы жизнеобеспеченности, закономерности образования и эволюции так называемых территориальных общностей людей, начиная с первичного этногенеза и даже более древних форм социализации первобытного населения. Природопользование определяет и образует тип использования земли (территории), а последнее служит индикатором важнейших черт функциональной и качественно-технической определенности природопользования» [15, с. 19]. Как правило, природно-ресурсный потенциал той или территории делает возможным лишь ограниченное сочетание видов природопользования, но в некоторых случаях — прежде всего в полиэтничных обществах — даже на ограниченных по размерам территориях может сосуществовать большая совокупность его разных способов и форм.

Этно-, социо- и хозяйственно-культурным аспектам природопользования в культурной географии традиционно придается очень большое значение. Вместе с тем, наиболее весомые научные заделы в этой области накоплены в смежных с культурной географией научных дисциплинах — особенно в этнографии, этнической экологии и др. Разработанная отечественными этнографами и получившая мировое признание концепция хозяйственно-культурных типов изначально формировалась, прежде всего как историко-географическая [2; 19 и др.]. Данное обстоятельство несколько ограничивает потенциал «освоения» этой концепции в современной культурной географии и, в частности, в культурно-географической регионалистике. Тем не менее, ее «проекция» на современность имеет большие перспективы.

В исследованиях на региональном уровне, в ряду важнейших задач культурно-географической регионалистики, особое значение имеет научное обоснование и выделение т.н. *территорий традиционного природопользования*; именно культурно-географический подход к их выделению и изучению позволяет органично сочетать природные и гуманитарные аспекты традиционного природопользования. Культур-географы рассматривают природопользование как результат взаимодействия этноса, культуры и территории с ее природными ресурсами и экономической историей; это обстоятельство объективно сближает работы по географии традиционного природопользования с работами в области этнической географии и этнической экологии. Большой опыт накоплен, прежде всего, в сфере ресурсно-географического изучения этнического природопользова-

ния. Наряду с этим, выполняются и комплексные культурно-географические исследования традиционного природопользования. Их результаты могут успешно использоваться, в том числе, при параметризации тех или иных *особенностей традиционного природопользования как специфических индикаторов культурного регионализма*.

5. Местная языковая (лингво-диалектная) система — один из ключевых индикаторов культурного регионализма. Языки как важнейшие элементы культуры находятся в «фокусе» внимания культурной географии на протяжении всей истории этой научной дисциплины, издавна занимавшейся, в том числе, картографированием ареалов распространения разных языков, диалектов, наречий и т.д.

Лингвистическая география как автономная субдисциплина возникла в Западной Европе в последней четверти XIX в., когда ученые — лингвисты выявили несовпадение изоглосс в разных индоевропейских языках, в связи с чем было выдвинуто предложение их картографировать. Таким образом, изначально она формировалась скорее как раздел диалектологии и была призвана, в первую очередь, исследовать территориальное распространение диалектов и говоров. Практическим результатом возникновения лингвистической географии стало составление диалектологических карт и атласов. Пионерным в ряду диалектологических атласов стал «Немецкий лингвистический атлас» (собрание более 550 тематических карт, посвященных различным языковым явлениям), работа над которым была начата еще в 1888 г. одним из основоположников лингвистической географии Г. Венкером, а завершена его помощником и учеником Ф. Вреде только в 1923 г. В России первые лингвистические карты были составлены в конце XIX — начале XX в..

Позднее представление о задачах лингвистической географии расширилось, появилась точка зрения, в соответствии с которой данная наука не должна ограничиваться изучением одних лишь диалектов и, соответственно, может заниматься исследованием и картографированием территориального распространения лингвистических групп разного уровня иерархии. Традиционный подход, широко используемый в современных лингво-географических исследованиях, как раз и представляет собой полимасштабный пространственный анализ распространения лингвистических общностей разных иерархических рангов — языковых семей, языковых групп, собственно языков, диалектов, говоров и т.д. При этом в лингво-географических работах на региональном (а часто и на страновом) уровне внимание исследователя к нижним звеньям полимасштабной иерархии (география диалектов, говоров), как правило, резко возрастает, к верхним

уровням (распространение по данной территории языков, языковых групп и — тем более — языковых семей) — наоборот, резко ослабевает (вследствие невыраженности или очень слабой выраженности пространственной вариации последних); впрочем, многое здесь зависит от степени этнокультурной гомогенности / гетерогенности регионального сообщества.

6. Конфессиональная структура регионального (местного) сообщества. Конфессии, отдельные религиозные обычаи, верования и практики, а также разного рода культурные группы, выделяемые по конфессиональному признаку, — один из старейших, традиционных и наиболее распространенных объектов изучения в культурной географии. Как любят особенно подчеркивать немецкие географы, основоположником географии конфессий принято считать еще И. Канта, придававшего большое значение научным задачам описания и характеристики отдельных религий в их неразрывном единстве со страной, народом и культурой [37, S. 23]. Но если в фокусе внимания И. Канта находилась именно конкретная религия, то испытывший глубокое влияние кантианских идей и развивавший их в русле хорологической концепции К. Риттер на первый план поставил регион (район) как часть географического пространства, в пределах которого взаимодействуют те или иные конфессиональные группы и функционируют разные религии. Тем не менее, как самостоятельная ветвь географической науки география религии оформилась только в XX в. Первоначально главной задачей этой субдисциплины считалось сравнительное изучение распространения разных конфессий по Земному шару и его отдельным регионам. Однако после Второй Мировой войны, после того, как были опубликованы фундаментальные труды по географии религии, не потерявшие своего основополагающего значения и в наши дни [38; 45; 48], ее предмет изучения существенно расширился и усложнился. Наряду с традиционными хорологическими исследовательскими задачами на первый план в ней выдвинулись такие научные проблемы, как анализ воздействий конфессиональных факторов на пространственную организацию самого социума, хозяйственной деятельности людей и природопользования, политической жизни общества и т.д. Большое внимание стало уделяться также изменениям, происходящим в самой религиозной сфере и связанных с нею социокультурных нормах под влиянием миграции конфессиональных групп, географической экспансии религиозных доктрин, пространственной диффузии религиозных традиций и т.д.

Конфессиональная структура территориального сообщества (особенно в тех случаях, когда оно по конфессиональным признакам резко отличается от соседних территориальных общностей людей) часто выполняет функцию важного индикатора культурного регионализма. Степень конфессиональной гомогенности или гетерогенности такого сообщества, как правило, находит отражение в его сплоченности и консолидированности, что обычно проявляется, прямо или косвенно, в региональном самосознании. Наряду с конфессиональным составом местного сообщества большое значение для культурного своеобразия региона имеет и наличие в его пределах компактно расселенных, в той или иной степени изолированных от большинства населения иноконфессиональных групп. Важно учитывать и исторически сложившуюся конфессионально-территориальную структуру региона (в том числе приуроченность отдельных конфессиональных групп к тем или иным его частям), а также распространение по территории разных религиозных традиций.

7. Под региональными особенностями сферы ментифактов понимаются, главным образом, духовные традиции, образы, представления и другие продукты умственной деятельности людей, характерные для данной социокультурной общности. Строго говоря, региональное самосознание есть тоже ментифакт, но в данной логической схеме оно выделено в качестве отдельного параметра, ввиду его особой, исключительной важности. Вместе с тем, культурное своеобразие любого местного сообщества определяет отнюдь не только его региональная идентичность, но значительно более широкий и богатый спектр проявлений духовной культуры.

8. Под региональными особенностями материальной культуры понимается в данном случае упорядоченная система артефактов, т.е. материальных предметов, созданных самими людьми. Таких артефактов существует великое множество, но не все они могут выполнять специфические функции «маркеров» культурного регионализма. Тем не менее, палитра таких индикаторов достаточно богата и простирается в широком диапазоне — от традиционных параметров, заимствованных культур-географами главным образом из этнографии (традиционные формы одежды, жилья, национальной и местной кухни) до чрезвычайно распространенных в западной т.н. «новой культурной географии» разнообразных торговых брендов, регионально специфических форм дизайна автомобилей, местных вариантов наглядной рекламы и др.

9. Характерные для местного (регионального) сообщества специфические паттерны и стереотипы усвоенного человечес-

кого поведения. Эта группа индикаторов культурного регионализма — наиболее сложно диагностируемая, труднее всего ее и параметризовать. Поведение человека детерминруется огромной совокупностью факторов (как биологических, так и социокультурных), и выделить в их ряду специфическую культурно-региональную составляющую (как в самом поведении индивидуумов и групп людей, так и в факторах, его определяющих) — задача архисложная. Поведенческая география — мощное исследовательское направление географической науки, «старт» которого в большинстве стран Запада (с укоренившимися национальными географическими традициями) пришелся на 1960-е годы [11]. Но на протяжении первых десятилетий своего развития поведенческая география, в целом, мало касалась культурно-географических сюжетов и фактически стала к ним обращаться лишь ближе к концу XX в. В поведенческой географии разрабатывался большой спектр теоретических вопросов, и на этом пути были достигнуты немалые успехи (анализ значения пространственной информации для индивидуального и коллективного поведения людей, выявление характера поведения человека и разных групп людей в естественной природной среде и в городе, механизмов формирования образов ландшафта, представлений о городе или регионе — и их влияния на поведение человека в географическом пространстве и др.). Однако вопрос, как именно «вписана» культурная специфика региона во все эти процессы, до сих пор глубоко не разработан и требует фундаментальных и пионерных исследований.

Литература

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983. — 350 с.
2. Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. №2. — С. 3–16.
3. Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. — М.: Мысль, 1982. — 334 с.
4. Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. — М.: Географгиз, 1956. — 366 с.
5. Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы. — М.: Новое издательство, 2006. — 200 с. [Barth (ed.), 1969].
6. Барыгин И.Н. Регионоведение. — М.: Аспект Пресс, 2007. — 399 с.
7. Бунге В. Теоретическая география. — М.: Прогресс, 1967. — 280 с. [Bunge, 1962].

8. Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма // Регионы и регионализм в странах Запада и России / редколлегия: И.М. Бусыгина, Р.Ф. Иванов, И.М. Супоницкая. — М.: ИВИ РАН, 2001. — С. 7–15.
9. Геллнер Э. Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991. — 319 с. [Gellner, 1983].
10. Гирц К. Интерпретация культур. Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2004. — 560 с. [Geertz, 1973].
11. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. — М.: Прогресс, 1990. — 304 с. [Gold, 1980].
12. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение. — М.: Гардарики, 2002. — 384 с.
13. Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 463 с.
14. Иванов И.Д. Европа регионов. — М.: Международные отношения, 1998. — 192 с.
15. Ишмурагов Б.М., Безруков Л.А., Гаращенко А.В. и др. Региональное природопользование и география будущего // География и природные ресурсы. 2004. №2. — С. 18–28.
16. Каганский В.Л. Регионализм, регионализация, пострегионализация // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. — М.: ИГ РАН, 2002. — С. 12–18.
17. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. №6. — С. 67–116.
18. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. — М.: Новый хронограф, 2010. — 240 с.
19. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-географические области // Советская этнография. 1955. №4. — С. 3–17.
20. Лёш А. Пространственная организация хозяйства / Под ред. академика А.Г. Гранберга / Пер. с нем. — М.: Наука, 2007. — 663 с. [Lösch, 1944].
21. Регионы и регионализм в странах Запада и России / Отв. ред. Р.Ф. Иванов. — М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. — 260 с.
22. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999. — 256 с.
23. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России: очерк по экономической географии (Зап. ИРГО по отд. статистики. Т. 10. Вып. 2). — СПб.: Тип. Киришбаума, 1910. — 212 с.

24. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Вопр. экон. и полит. географии заруб. стран. Вып. 17. — М.–Смоленск: Ойкумена, 2007. — С. 21–49.
25. Сорокин П.А. Система социологии. Т.2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. — М.: Наука, 1993. — 688 с. [Сорокин, 1920].
26. Стрелецкий В.Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Сер. географическая. 2008. №5. — С. 21–33.
27. Стрелецкий В.Н. Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. 2011. №3. — С. 45–50.
28. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России. Дисс. на соиск. уч. степ. доктора геогр. наук. — М.: ИГ РАН, 2012. — 306 с.
29. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. — М.: Русский мир, 1997. — 531 с.
30. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — 544 с.
31. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. — М.: Новый хронограф, 2009. — 372 с.
32. Уиттлси Д. Региональная концепция и региональный метод // Американская география: Современное состояние и перспективы / Сост. П. Джемс и К. Джонс. Пер. с англ. — М.: Изд-во иностр. лит., 1957. — С. 37–80 [Whittlesey, 1954].
33. Хэггет П. Пространственный анализ в экономической географии. — М.: Прогресс, 1968. — 391 с. [Haggett, 1965].
34. Хэггет П. География: синтез современных знаний. Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1979. — 684 с. [Haggett, 1975].
35. Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. — СПб.: Норма, 2007. — 280 с.
36. Barth F. Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity // The anthropology of ethnicity beyond «ethnic groups and boundaries» / H. Vermeulen, C. Gouvers. (eds.). — Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. — P. 11–32.
37. Buttner M. Zur Geschichte und Systematik der Religionsgeographie // Geographia Religionum. Bd.1. Grundfragen der Religionsgeographie / M. Buttner et al. (Hrsg.). — Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1985. — S. 11–121.
38. Deffontaines P. Geographie et religions. Religion et phenomenes geographiques (Collection de geographie humaine. Vol.21). — Paris: Gallimard, 1948. — 439 p.

39. *Hall R.B.* The geographic region: A résumé? // *Annals of Association of American Geographers*. Vol. 25. 1935. №3. — P. 122–136.
40. *Hettne B.* Globalization and the new regionalism: the second great transformation // *Globalization and the new regionalism* / Ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. — Basingstoke: Macmillan, 1999. — P. 3–24.
41. *Hueglin T.* Regionalism in Western Europe. Conceptual problems of a new political perspective // *Comparative politics*. 1986. Vol. 18. №4. — P. 439–458.
42. *Keating M.* The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. — Cheltenham: Edward Elgar, 1998. — 424 p.
43. *Kollmorgen W.M.* Crucial deficiencies of regionalism // *American Economic Review: Papers and Proceedings*. 1945. Vol. 35. — P. 377–389.
44. *Puhle H.-J.* Regions, Regionalism, and Regionalization in 20th-century Europe: Электронный ресурс. / H.-J. Puhle. Электрон, ст. — Режим доступа к ст.: www.oslo2000.uio.no/program/papers/s9/s9-puhle.pdf. — P. 2. (24 p.)
45. *Religionsgeographie. Wege der Forschung* / M. Schwind (Hrsg.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1975. — 404 s.
46. *Schmitt-Egner P.* The concept of «region»: theoretical and methodological notes on its reconstruction // *European Integration*. 2002. Vol. 24. №3. — P. 179–200.
47. *Smouts M.-C.* The region as the new imagined community? / M.-C. Smouts // *Regions in Europe* / Ed. by Le Gale P., Lequesne C. — London — New York: Routledge, 1998. — P. 30–38.
48. *Sopher D.E.* Geography of religions. *Foundation of Cultural Geography Series*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. — 118 p.
49. *Vance R.B.* The concept of the region // *Social Forces*. Vol. 8. 1929. №2. — P. 208–218.

Родоман Б.Б.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ О ЦЕННОСТИ РАЗНООБРАЗИЯ ЛАНДШАФТА

1. Редкость и маловероятность развития. Одно из ключевых слов нашей конференции (и любимое слово российских экономистов и политиков) — *развитие* — вызывает у меня стойкое отторжение. Развитием в социально-экономических науках и публицистике в большинстве случаев называется простое изменение в некотором направлении, желательном для говорящего и пишущего, и считающемся проявлением так называемого прогресса. Такое *квазиразвитие* выражается прежде всего в росте какого-либо статистического показателя. По представлениям чиновников, развитие — это увеличение, накопление, продолжение того, что уже имеется («дальнейшее развитие»).

Я кое-что раньше говорил и писал на эту тему, особенно на совещании МАРС в Вологде в 2009 г. [6], а сейчас постараюсь меньше повторяться, но внести некоторые дополнения. В первую очередь хотелось бы резко уменьшить объём понятия «развитие» и отмежеваться от его широкого употребления. Это русское слово — калька, буквальный перевод латинского «*evolutio*», старинный синоним более современного слова «развёртывание». В гуманитарных науках почти вся терминологика метафорична, и мы вправе спросить, какое же явление заслужило столь яркую метафору? Что у нас разворачивается, подобно пружине или металлической мерной ленте, вынимаемой из коробки? Развитие как высшая форма движения материи — это не только необратимое направленное изменение, сопровождающееся усложнением и переходом в новое качество, но и осуществление программы, проявление возможностей, заложенных как бы в зародыше, а в человеческом обществе это преобладание множества институтов и систем. Увеличение ВВП, автомобилизация, рост столицы, вовлечение в разработку новых месторождений ископаемых, появление новых «великих строек» и т.п., под определение развития вряд ли подходят.

Строго говоря, настоящее развитие имеет место только в живой природе и лишь в двух формах — *филогенеза* и *онтогенеза*. Даже к биосфере, биоценозам, популяциям этот термин применим в меньшей степени. То или иное изменение в природе и человеческом обществе может считаться развитием в той степени, в какой оно похоже на филогенез и онтогенез. Если человечество рассматривать как

единый организм, отдельно или вместе со всей биосферой, то оно, вероятно, развивается в том или ином «высоком» смысле слова, но только как целое; великое множество отдельных его частей, территориальных и не территориальных, — страны, этносы, цивилизации, культуры этим замечательным свойством не обладают. Развиваются немногие центры, ядра, локомотивы, они служат предметом подражания и тянут за собой остальную массу, позволяют ей себя догонять.

По причине «политкорректности» «развивающимися» называются отсталые страны, которые не развиваются, а догоняют. Страны, которые развиваются, называют «развитыми». Россия как «развивающаяся» страна «третьего мира» [7] не обладает собственным развитием. Происходящие в ней изменения — равнодействующая многочисленных реакций, ответов разных лиц на различные вызовы, угрозы, и волюнтаристских действий, продиктованных личными амбициями. Для России характерно отсутствие преемственности важнейших социальных институтов. В действиях власти преобладает монотонная цикличность — вводят и отменяют, разрешают и запрещают одно и то же.

2. Накопление и использование разнообразия. Признаком развития какой-либо системы может служить увеличение разнообразия её элементов. Самим элементам развиваться не обязательно, а достаточно, чтобы они изменялись в любую сторону. Можно быть важным и незаменимым элементом прогрессивно развивающейся системы, но находиться при этом в стагнации или даже деградировать. Таковы многие страны и регионы современного мира.

Культурный ландшафт разнообразен, если: 1) разнообразна его природная основа; 2) в разных физико-географических районах сложилось соответствующее различное землеприродопользование; 3) исторический процесс на ограниченной территории шёл в прошлом и достаточно долго при значительной или полной изоляции от других стран и регионов. Изоляция способствует накоплению антропогенного разнообразия ландшафта так же, как и появлению новых видов и признаков у животных и растений, но в человеческом обществе это происходит в сотни и тысячи раз быстрее.

Когда барьеры между цивилизациями, культурами, этносами, государствами размываются и степень изоляции уменьшается, то происходят следующие процессы: 1) часть местных, туземных обычаев, продуктов, устройств исчезает, не выдержав экономической и моральной конкуренции с новшествами, пришедшими из суперцентров мировой цивилизации; 2) некоторые из подобных предметов становятся известными и модными в суперцентрах и распространяются отсюда в качестве всемирной моды; 3) иные местные особенности ста-

новятся реликтовыми и ставится вопрос об их спасении и сохранении в качестве культурного и природного наследия.

Процесс накопления полезного разнообразия и своеобразия рассмотрим на примере ресурсов для туризма, по стадиям: 1) страна живёт и изменяется в изоляции, иностранцами посещается редко, её повседневная жизнь кажется её жителям обыкновенной, само собой разумеющейся, а то и единственно возможной; 2) страна открывается миру, принимает иностранцев и посылает своих граждан за рубеж; часть местных жителей сознает «отсталость» своей страны и хочет избавиться от многих местных особенностей; другая часть ратует за сохранение традиций; 3) аборигены убеждаются, что их образ жизни и ландшафт интересны туристам, и начинают на этом зарабатывать; 4) с инфраструктурой туризма в страну проникают стандартизация, унификация, глобализация, экзотические особенности быстро исчезают; 5) они объявляются «наследием», для их сохранения принимаются особые меры, в том числе и сокращение потока туристов путём его удорожания и перевода на VIP-уровень. Иными словами, имеют место накопление *потенциала разнообразия и своеобразия*, его открытие, *актуализация*, пик использования, истощение. Аналогичны фазы эксплуатации многих других ресурсов, в том числе и сырьевых.

3. Разнообразие и оптимальная специализация. Локомотивом всемирно-исторического прогресса (если таковой «существует», т.е. принимается за постулат) служит не столько *наличие* тех или иных ресурсов в том или ином месте, сколько *различия* от места к месту [4], отчего между местами устанавливаются плодотворные связи и становится возможной географическая специализация, т.е. разделение функций (ролей) в общей работе. С точки зрения здравого смысла и при заботе о будущем всего человечества, а не о сиюминутной выгоде отдельных лиц или групп, в каждом месте надо выращивать, производить прежде всего то, что можно получить только здесь [3]. Это правило можно распространить на всю человеческую деятельность и назвать *приоритетом уникальности*. В таком случае выбор специализации страной или регионом аналогичен *профессиональной ориентации*. Если человек проявляет уникальные способности, скажем, в сфере искусства или науки, то надо избавить его от необходимости зарабатывать на жизнь рутинным трудом, которым могут заниматься миллионы прочих людей.

Теоретики глобализации советуют «развивающимся» странам не стремиться делать всё то, что уже делают развитые страны, а реализовывать свои специфические возможности и таким образом оказываться вне конкуренции [1]. Правда, некоторые страны «третьего

мира» достигают высокой экономической эффективности и конкурентоспособности в определённых отраслях хозяйства на основе хищнического расточения невозобновляемых природных ресурсов и нарушения достойных человека условий труда, но это — тупиковый путь, ведущий к близкому краху.

4. География — наука о разнообразии мира. Как известно, настоящая география не любит рассуждать о том, что есть везде, а занимается местными особенностями. Недостаток географического образования и опыта культурного познавательного туризма приводит к тому, что население и руководители многих регионов толком не понимают, чем их место жительства отличается от прочих, какова его географическая специфика и как её можно актуализировать [2]. География как источник знаний о Земле в том или ином смысле противостоит авторитарному и тоталитарному государству, которое недостаточно считается с местными особенностями подвластных территорий.

Географические науки выработали точные методы фиксации разнообразия — *районирование* индивидуальное и типологическое, классификация районов [5], но в гуманитарной и культурной географии эти методы применяются редко, там преобладают высказывания, слабо привязанные к местности, и точечное инвентаризационное картографирование без строгих пространственных обобщений. Нет никакого районирования культурного ландшафта, по своей форме хотя бы отдалённо напоминающего сплошное и многоступенчатое физико-географическое районирование.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? — М., 2001.
2. Замятина Н.Ю. Когнитивно-географический контекст как модель соотношений географических образов (на примере анализа текстов официальных сайтов РФ) // Изв. РАН, сер. геогр., 2006, №5.
3. Ракитников А.Н. География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования). — М., 1970.
4. Родоман Б.Б. Географические проблемы отдыха и туризма. — Гл. XII в кн.: Территориальные системы производительных сил. — М., 1971.
5. Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды. — М., 2007.
6. Родоман Б.Б. Местные особенности как ресурс развития регионов и стран // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). — М., 2009.
7. Шанин Т. **Умом** Россию понимать надо // Куда идёт Россия..? — М., 1999.

Волкова И.Н.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗНООБРАЗИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Природные ресурсы обладают несомненным разнообразием, являющимся объектом изучения множества фундаментальных и прикладных наук, в том числе и географии (см., например: Ефремов, 1968), результаты которого широко применяются на практике. Мы рассмотрим кратко лишь некоторые аспекты этого разнообразия, представляющие объект изучения экономической географии, а именно — пространственные, связанные как с протяженностью, физическими параметрами в пространстве, так и с местонахождением самих ресурсов и их взаимодействием друг с другом и с иными объектами, расположенными в пространстве Земли.

Географы издавна занимались прежде всего описанием мест нахождения тех или иных ресурсов, получая более конкретную информацию об их составе, количестве и проч. от геологов и других специалистов-природоведов. Поэтому следующим шагом в изучении природных ресурсов у географов неминуемо становится описание, группировка, классификация и систематизация, типология не единичных ресурсов, а их групп, вернее — сочетаний в пределах тех или иных территорий. Это могут быть страны, регионы, локальные территории (или акватории), районы, выделенные по одному или нескольким признакам, характерным для сочетаний природных ресурсов, ТПК и т.д. В качестве примера можно привести известную и самую общую типологию крупных экономических районов России, выделенных в отечественной экономической географии по признакам разнообразия и значения сырьевых и топливно-энергетических ресурсов:

- 1) Регионы с *наибольшим разнообразием природных ресурсов*, в основном межрайонного значения (Западная и Восточная Сибирь);
- 2) Регионы с *разнообразием природных ресурсов* межрайонного и внутрирайонного значения (Дальний Восток, Северный, Уральский экономические районы);
- 3) Регионы с межрайонным значением одних природных ресурсов и отсутствием или незначительностью других (Поволжье и Северный Кавказ);

- 4) Регионы с межрайонным значением *единичных природных ресурсов* (Волго-Вятский и Центрально-Черноземный районы);
 - 5) Регионы с *относительно бедными природными ресурсами*, имеющими лишь в отдельных случаях внутрирайонное значение (Центральный и Северо-Западный районы).
- (Цит. по: Крылов, Рунова, 2008, с. 57).

Альтернативными к понятию «разнообразные природные ресурсы» здесь взяты «*единичные природные ресурсы*», а также «*относительно бедные, имеющие лишь внутрирайонное значение природные ресурсы*». И хотя единичные и бедные — не одно и то же, очевидно, авторы данной типологии хотели выстроить ряд регионов от самых богатых и разнообразных по природным ресурсам до обладающих самыми бедными и к тому же единичными ресурсами.

Можно привести более дробную типологию регионов России по обеспеченности регионов природными ресурсами и их разнообразию, основанную на комплексной оценке ресурсного потенциала региона (см.: Природно-ресурсный потенциал регионов. www.sci.aha.ru):

- по комплексу ресурсов к наиболее богатым регионам страны относятся Ханты-Мансийский автономный округ и Сахалинская область;
- несколько ниже этот показатель в Красноярском крае, Ямало-Ненецком и Коми-Пермяцком округах, Томской области, Еврейской автономной области;
- к числу ресурсообеспеченных регионов могут быть отнесены Архангельская, Иркутская области, Коми, Удмуртия, а также группа черноземных регионов — Курская, Белгородская, Липецкая, Орловская, Тамбовская и Ульяновская области;
- минимальной ресурсной обеспеченностью отличается прикаспийская группа регионов России — в первую очередь Калмыкия, а также Дагестан и Астраханская область.
- близкий к последним двум регионам уровень дефицитности природных ресурсов имеют северные регионы (со своей спецификой) — Таймырский, Корякский и Ненецкий автономные округа, Мурманская и Магаданская области, а также Оренбургская, Челябинская, Новосибирская области, Бурятия и Тува.

Используется множество и других характеристик разнообразия природных ресурсов от места к месту: качественных (по отдельным физическим и/или экономическим параметрам); по экономической (транспортной) доступности, а в последние двадцать лет — по их востребованности на внешнем и /или внутреннем рынке, а также по па-

раметру — стратегические и не стратегические ресурсы, использование и экспорт которых грозит или не грозит стране в части ее военно-политической, экономической, продовольственной и проч. безопасности. Разнообразие природных ресурсов от места к месту может оцениваться также по критериям избыточности, достаточности или дефицитности. Кроме того, можно выделить «*редко встречающиеся*» или «*уникальные*» — и им в противовес — *часто встречающиеся, типичные* (в юридической литературе используется термин «*общераспространенные природные ресурсы*»).

Вопросы *уникальности природных ресурсов*, на наш взгляд, в настоящее время совершенно недостаточно — нет, например, устоявшегося, внятного определения «уникальности» и «уникальных» природных ресурсов, не выработаны четкие (теоретически обоснованные и приемлемые для прикладных целей) критерии их выделения. Указанные вопросы ранее нами поднимались неоднократно (Волкова, 1997; Волкова, Приваловская, 1996).

Как пример авторского решения проблемы уникальности природных ресурсов и их сочетаний в региональном аспекте можно привести проделанный нами анализ региональной совокупности ряда воспроизводимых природных ресурсов и их сочетаний. Учитывая реальную доступность данных официальной статистики по различным видам природных ресурсов (Регионы России, 1997-2011), в анализ оказалось возможным включить лишь следующие показатели в *региональном разрезе*:

- *сельскохозяйственные угодья, тыс. га; пашня, тыс. га;*
- *общая площадь лесного фонда и лесов, не входящих в лесной фонд, тыс. га;*
- *общий запас древесины на корню, млн. м³.*

Из-за несопоставимости данных, выраженных в различных натуральных показателях, они были переведены нами в условные баллы через рейтинговую оценку отдельных видов ресурсов и их региональных сочетаний в общей совокупности российских регионов. При этом для удобства расчетов было принято, что высший ранг рейтинговой оценки — по числу регионов на момент рассмотрения (на 01.01.2010 г.) — равен 83, а низший равен 1.

Разнообразие сочетаний рейтинговых оценок в разрезе субъектов федерации, а также их отклонений от среднероссийских параметров оказалось весьма информативным и интересным для анализа. Особенно это проявилось при расчете суммы модулей отклонений

отдельных рангов от среднего ранга по каждому из рядов для каждого из регионов по следующей формуле:

$$S = |A_{cp} - A_i| + |B_{cp} - B_i| + |C_{cp} - C_i| + |D_{cp} - D_i|;$$

где 44,5 — среднее арифметическое рангов для 83 регионов (субъектов Российской Федерации по состоянию на 01.01.2010 г.);

A_i — ранг i -ого региона по показателю величины сельскохозяйственных угодий;

B_i — ранг i -ого региона по показателю величины пашни;

C_i — ранг i -ого региона по показателю общей площади лесного фонда и лесов, не входящих в лесной фонд;

D_i — ранг i -ого региона по показателю общего запаса древесины на корню.

Полученные в итоге величины, соотнесенные с исходными рядами рангов, могут быть интерпретированы как показатели «**уникальности**» (наибольшего суммарного отличия от среднероссийских рангов) и, с другой стороны, наибольшей «**типичности**» (или наименьшего абсолютного суммарного отклонения от среднероссийских рангов) по всем четырем рассматриваемым натуральным показателям природных ресурсов. Если города-субъекты федерации — Санкт-Петербург и Москву — исключить (по понятным причинам) из рассматриваемого ряда, то в первую десятку по «**уникальности**» сочетания возобновимых природных ресурсов попадают следующие регионы: Эвенкийский АО (165 ед.); Ставропольский край (152 ед.); Ростовская область (149 ед.); Красноярский край (147 ед.); Ханты-Мансийский АО (143 ед.); Ненецкий АО (137 ед.); Хабаровский край (136 ед.); Ямало — Ненецкий АО (135 ед.); Волгоградская область (132 ед.); Республика Ингушетия (131 ед.). Количество самих ресурсов здесь нивелировано и не играет существенной роли.

Напротив, к наиболее «**типичным**» регионам с возобновимыми природными ресурсами, представленными близкими по значению рангами, относятся, при таком подходе, следующие (даны в порядке нарастания суммы модулей отклонения рангов): Псковская область (10 ед.); Калужская область (13 ед.); Ярославская область (14 ед.); Смоленская область (18 ед.); Республика Хакасия и Московская область (по 19 ед.); республика Удмуртия (22 ед.); Владимирская область (23 ед.); Брянская область (27 ед.); Республика Марий Эл (36 ед.) и Республика Мордовия (38 ед.).

Показатели, характеризующие степень соответствия между **наличием** возобновимого природного ресурса и уровнем его современного **использования в регионе**, были также определены путем перевода натуральных показателей в систему баллов и затем проанжированы. Рассчитанные нами величины разницы рангов в рейтинговой оценке по общим запасам деловой древесины на корню и объемам её производства в субъектах Российской Федерации подтверждает характерное для страны в целом макрогеографическое несовпадение между размещением собственно ресурсного богатства и размещением производства на базе этих ресурсов, включая его конечное потребление. Так, практически во всех регионах Европейской части страны ранги рейтинговой оценки производства деловой древесины превышают оценку запасов древесины в них (максимальные различия получены для Калининградской, Брянской, Владимирской и Ивановской областей). Однако даже в этой части страны выявлено несколько регионов, в которых наблюдается относительное «недоиспользование» этого природного ресурса, т. е. ранговая оценка запасов древесины выше ранговой оценки производства деловой древесины в них. Наибольшее несоответствие такого рода выявлено для Чеченской республики, Мурманской области, республики Дагестан, а также для Воронежской области. Полностью совпадают ранги по этим двум показателям (разница рангов равна нулю) в республике Коми, Самарской и Курганской областях, что можно трактовать как сбалансированное соотношение между запасом и использованием природного ресурса (древесины).

И, напротив, в Сибири и на Дальнем Востоке преобладает обратная ситуация, когда ранг региона по запасам древесины на корню значительно превосходит занимаемое им место в стране по использованию деловой древесины. Наибольшее отставание в использовании имеющихся в регионе запасов древесины на корню зафиксировано в Эвенкийском, Ямало-Ненецком и Корякском АО, Республике Тыва, Магаданской и Камчатской областях. В целом в Сибири и на Дальнем Востоке только несколько регионов имеют нулевую или положительную разницу рангов (всего 5 субъектов из 30), что подтверждает известную истину: ресурсы древесины как сырьевой ресурс в этой части страны сильно недоиспользуются.

Сходные по замыслу расчеты проведены в (Природно-ресурсный потенциал регионов. www.sci.aha.ru), где оценивалась «сбалансированность природопользования» регионов страны (сетка административно-территориального деления на 2005 г.) по критерию соответствия уровня богатства природного потенциала уровню его ис-

пользования и разнообразия и мощности системы регионального природопользования:

- значительным дисбалансом между богатым природным потенциалом и низким уровнем его использования, а также *избыточным разнообразием маломощной системы природопользования* отличаются Чувашия и Марий-Эл, Республика Горный Алтай, Коми-Пермяцкий автономный округ;
- несколько более сбалансированной по *разнообразию и полноте использования ресурсов* является система природопользования в Якутии, Удмуртии, Мордовии, Туве и Ингушетии, Калужской, Амурской и Камчатской областях, Еврейской АО;
- *избыточная монотонность и однообразие* природнохозяйственного комплекса и значительное использование бедного или уязвимого природного потенциала характерны для Дагестана, Калмыкии, Ставропольского края, Оренбургской, Ростовской, Астраханской областей и группа северных регионов (Мурманская и Магаданская области, Чукотский, Ненецкий и Ямало-Ненецкий и Таймырский АО).

Однако само по себе разнообразие природных ресурсов не является сугубо положительным показателем (параметром), ни в общем виде, ни применительно к конкретной территории своего расположения.

Интересен в этой связи пример использования понятия «разнообразие природных ресурсов» в следующем контексте. В.И. Данилов — Данильян в своей работе, посвященной проблемам исчисления природно-ресурсной ренты в российских условиях, рассуждает о значении для этой цели не только собственно *разнообразия* и количества *отграничиваемых* объектов самих природных ресурсов (применительно к их отдельным видам), но также и количественных и качественных параметров, применяемых для их описания и оценки. Также он пишет о значении *разнообразия способов использования природных ресурсов* (и применяемых для этого технологий) и о недостаточной достоверности в российских условиях статистических оценок всех необходимых для расчета ренты разнообразных характеристик природных ресурсов. В.И. Данилов-Данильян обращает внимание на необходимость учета видов собственности (пользования, владения и распоряжения), а также массовости купли-продажи различных ресурсных объектов в современных российских реалиях (Табл. 1). Он считает при этом, что «когда задача, касающаяся природной ренты, ставится на микроуровне, то, естественно, рентообразующие природные ресурсы *необходимо рассматривать в их многообразии* — не только по видам, но и по разновидностям, конкретным предста-

вителям, иначе задача теряет смысл». Совсем другая ситуация, по его мнению, складывается на макроуровне, «когда, например, оценивается роль в экономической динамике природного фактора вообще — *там дифференциация только мешает, от нее следует избавляться с помощью агрегирования*» (Данилов-Данильян, 2004, с. 7).

Таблица 1.

Вид природного ресурса	Количество выделяемых (отграниченных) природно-ресурсных объектов*	Параметры измерения и описания	Способ использования/связи с характеристиками технологий	Возможность получения достоверной информации и оценки
Земельные участки	Очень велико количество земельных участков, для которых ставится вопрос о ренте.	Бонитет почвы, угол и направление уклона, климатические характеристики и пр.	Немного способов использования земельных участков (сельскохозяйственное, рекреационное, промышленное, для городской и сельской застройки, заповедное), поэтому участки легко «нарезать» так, что каждому будет соответствовать только один из этих способов.	Вполне достоверно может быть получена и оценка затрат, необходимых для трансформации участка из одного вида пользования в другой.
Месторождения полезных ископаемых	Количество месторождений каждого конкретного полезного ископаемого (за исключением так называемых общераспространенных - песка, гравия, глины) на порядки меньше, чем земельных участков, часто измеряется единицами	Число параметров, часть из которых трудно измерима или ...имеет качественный характер, <i>на порядки</i> превосходит число параметров, применимых для земельных участков.	Для каждого параметра месторождения существуют присущие этому параметру и не воспроизводящиеся для остальных связи с характеристиками технологий (то есть основных фондов), трудовых ресурсов, менеджмента. (То есть технологий бесконечное множество - И.В.)	

Водные ресурсы (объекты)	Экономически значимых водных объектов больше, чем экономически значимых месторождений. Участки одной и той же реки, отстоящие один от другого на расстояние, измеряемое всего лишь 5%ми ее протяженности в аспекте рентообразования должны рассматриваться как различные водные объекты.		Относительно не-большое количество способов использования (для питьевых и производственно-технических целей, для полива/орошения в с/х, для коммунальных нужд, как объект в водных видах транспорта и рекреации, как средство производства в гидроэнергетике, как носитель тепла (или холода) в системах отопления / охлаждения, и проч.	Исключительно велико их природное разнообразие. Так как с водными объектами связаны активно функционирующие экологические системы, это сказывается на принципиальном осложнении их достоверного измерения/оценки даже в сравнении с месторождениями полезных ископаемых.
Биологические ресурсы, в том числе: - лес	Разнообразие видов (пород) и сортов древесины невелико, но очень существенно местоположение. Если рента за местоположение известна, то для определения лесной ренты не остается принципиальных трудностей: обилие лесозаготавливающих предприятий (и их подразделений) позволяет получить массив данных, вполне			

	достаточный для достоверного расчета как средней, так и предельной прибыли (по каждой породе и сорту), а затем выделить из нее рентную составляющую.			
- промысловые морские гидробионты	Количество видов сырьевой продукции относительно невелико, возможности информационного обеспечения расчетов по природной ренте были бы относительно благоприятны, если бы имела достоверная информация о хозяйственной деятельности в отрасли. Однако отличия формального отчета от факта оцениваются величиной, не меньшей 50%.			

* Здесь следует пояснить, что в российском природно-ресурсном праве, в частности, атмосферный воздух не признается природным ресурсом именно по причине невозможности вычленения и отграничения отдельных частей данного природного объекта, а следовательно — невозможности его перемещения в целом виде и передачи, установления на него вещных прав и проч.

Составлена по: В.И. Данилов-Данильян Природная рента и управление использованием природных ресурсов // Экономика и математические методы, 2004, т. 40, №3. — С. 6–8.

Таким образом, задача получения достоверного статистического разнообразия в случае минеральных и водных ресурсов признается автором несопоставимо сложнее аналогичной задачи для земельных участков: «Часто повторяется утверждение, что двух одинаковых месторождений не бывает. Уже этого достаточно, чтобы усомниться в возможности построения достоверного статистического описания ансамбля месторождений какого-либо природного сырья: похоже, что *разнообразие объектов, характеризующее разбросом их параметров*, слишком велико в сопоставлении с количеством самих объектов» (там же, с. 8).

К *отрицательным следствиям разнообразия* природных ресурсов можно отнести и так называемые конфликты (или противоречия) природопользования, которые возникают в процессе управления и использования как между разными природными ресурсами одной и той же территории (региона), так и в межрегиональном и межгосударственном пространстве. Они проявляются также на уровне использования ресурсов, принадлежащих к разным уровням ведения (применительно к российской действительности в последние 20 лет это — федеральный, региональный и муниципальный уровень), а также находящимися в общегосударственной или в частной собственности в рамках действующего законодательства. К последним по закону в России пока отнесены только земельные участки, но, скорее всего, в скором времени этот список может быть расширен и тем самым усложнен.

Непосредственно с *разнообразием природных ресурсов связаны конфликты природопользования* при наличии возможностей использования одного и того же природного ресурса *различными способами* (не в технико-технологическом смысле, а в экономическом смысле — для получения различных, зачастую взаимоисключающих, полезностей).

Эти вопросы рассматривались нами более детально в работах: (Волкова, Приваловская 1996; Приваловская, Волкова, 1997, и др.). В самом общем виде, как нам представляется, многие виды конфликтов, вызванных разнообразием природных ресурсов, могут быть устранимы путем выстраивания обоснованных экологических, социальных и, в последнюю очередь, экономических приоритетов использования одних ресурсов в ущерб другим, ресурсов одних территорий в противовес ресурсам других территорий.

Изучение сочетаний природных ресурсов между собой или с трудовыми, материально-техническими и в целом — экономико-географическими (общественными) ресурсами в их территориальных

проекциях (аспектах) становится постепенно одним из основных направлений в российской географии, — как общественной, так и физической, а в последнее время — также и экологической географии (Приваловская, Рунова, 1971; Приваловская, Волкова, 2009; и в целом ряде работ других авторов). Это проявилось в создании теории территориально-производственных комплексов (ТПК), возникшей в 20-е годы XX века, в концепции природно-технических территориальных систем (ПТТС) в 70-е годы, и в ряде подходов к экономико-географическому районированию.

То, что разнообразные сочетания природных ресурсов как таковые и в процессе их переработки в пределах конкретных территорий (вплоть до промышленных узлов) могут иметь негативные последствия, также нашло отражение в работах экономико-географов. Так, в работе (Волкова, 1982) предложено учитывать эффект суммации загрязняющих веществ, поступающих в водную и воздушную среду промышленных центров при переработке различных природных ресурсов. В работах (Зимин, Приваловская, 1988; Приваловская, 1996) рассмотрены особо опасные территориально-отраслевые сочетания в промышленности и их влияние на региональную экологическую обстановку.

Одним из фундаментальных выводов из изучения разнообразных сочетаний ресурсов (природных, человеческих, материальных и т.д.) можно считать следующее утверждение: «Каждый район страны обладает многими видами природных ресурсов, но в разных соотношениях, что создает основу для комплексного развития хозяйства региона и усиления связей с другими регионами по взаимобеспечению недостающими видами ресурсов» (цит. по: Природно-ресурсный потенциал регионов. www.sci.aha.ru).

Литература

1. Волкова И.Н. О роли понятия “уникальность” в региональном развитии и региональной политике // География и региональная политика. Материалы международной научной конференции. — Смоленск, 1997. — С. 65–68.
2. Волкова И.Н. Учет эффекта суммации загрязняющих веществ, поступающих в водную и воздушную среду промышленных центров. В кн.: Взаимодействие хозяйства и природы в городских и промышленных геотехсистемах. — М.: ИГ АН СССР, 1982. — С. 113–131.
3. Волкова И.Н., Приваловская Г.А. Проблемы устойчивого развития в Азово-Черноморском регионе России в связи с изменением уникальности его ресурсов и географического положения // Рос-

- сийские регионы в новых экономических условиях. — М.: ИГ РАН, 1996. — С. 96–103.
4. Данилов-Данильян В.И. Природная рента и управление использованием природных ресурсов // Экономика и математические методы, 2004, т. 40, №3. — С. 3–15.
 5. Ефремов Ю.К. 1968. Учет множественности значений природных ресурсов в географических аспектах. // Оценка природных ресурсов. Вопросы географии, сб. 78, — М., Мысль, 1968. — С. 5–15.
 6. Зимин Б.Н., Приваловская Г.А. Современные изменения в географии промышленности: особо опасные территориально-отраслевые сочетания. Сборник трудов ВНИИСИ. Вып.5. — М. 1988. — С. 43–47.
 7. Крылов П.М., Рунова Т.Г. Экономическая география и регионалистика. — М.: МГИУ, 2008. — 196 с.
 8. Приваловская Г.А. Волкова И.Н. Сочетания природных и социально-экономических ресурсов в развитии регионов России. Известия РАН. Серия географическая, 2009, №5. — С. 7–21.
 9. Приваловская Г.А. Территориальные сочетания природных ресурсов и региональная экологическая обстановка. Национальный Доклад «Стратегические ресурсы России», — М., 1996. — С. 72–77.
 10. Приваловская Г.А., Волкова И.Н. Эколого-географические противоречия природопользования // Известия РАН. Сер. геогр. 1997, №1. — С. 19–28.
 11. Приваловская Г.А., Рунова Т.Г. Территориальные сочетания ресурсов и региональные особенности добывающей и перерабатывающей промышленности // Региональное развитие и географическая среда. — М., 1971. — С. 219–241 с табл.
 12. Природно-ресурсный потенциал регионов. Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.
 13. Регионы России. Статистические сборники. Госкомстат РФ — Росстат, 1997–2011.

Ткаченко А.А., Фомкина А.А.

ОБ АГЛОМЕРИРОВАННОМ РАССЕЛЕНИИ

В отечественной географии давно и много говорится и пишется о городских агломерациях. Однако, городские агломерации — при принятом у нас понимании этого термина — лишь вершина обширной системы, образуемой взаимосвязанным расселением.

В конце первого десятилетия XXI в. обсуждался вопрос о плановом создании агломераций [см., например 1; 2]. Большой резонанс в профессиональном сообществе вызвал проект «Двадцати агломераций». В 2011 г. министр экономического развития объявила малые и средние города России «неперспективными» и поставила вопрос о сокращении числа городов. Нелепость этих идей наталкивает на мысль, что во властных структурах отсутствует представление о роли городов и в целом расселения в жизни страны, регионов, отдельных местностей.

Основная форма расселения в развитых странах — городские агломерации. «Но агломерации как целое ... пока не выделяются ни в административно-территориальном делении страны (и при территориальной группировке статистических данных о хозяйстве и населении), ни в территориальном планировании» [3]. Это написано не в наши дни, а более 40 лет назад. За прошедшие годы вопрос об официальном признании городских агломераций обсуждался множество раз, но никаких решений по этому поводу принято не было («воз и ныне там»): «агломерация» так и остается чисто научным термином, который каждый исследователь волен трактовать по-своему и по-своему определять число агломераций и количество проживающих в них жителей.

Для российской (как и ранее советской) науки характерен «креативный» подход к выделению городских агломераций. Он ориентирован на учет многих признаков и предполагает наличие весьма сложной системы критериев отнесения групп населенных пунктов к числу агломераций. Наиболее известные методики Института географии РАН и ЦНИИП градостроительства [6]. На наш взгляд, эти системы страдают крайним ригоризмом, т.е. чрезмерно строгим отбором. По методике Института географии, в современной России выделяется всего 51 [7] или 53 [8] агломерации. Подобные методики из-за своей сложности и нетехнологичности не применимы для практичес-

ких целей. В отечественной науке произошла серьезная подмена понятий: вместо городских агломераций у нас почти всегда обсуждаются крупные городские агломерации (по методике Института географии город-ядро должен иметь численность населения не менее 250 тыс. чел., по методике ЦНИИП градостроительства — не менее 100 тыс.).

Противоположный, прагматичный и легко формализуемый подход применяют в США [12]. Речь идет о стандартных метрополитенских статистических ареалах (SMSA). Основная идея выделения метрополитенских ареалов (*metropolis* — столица, центр деятельности; *metropolitan* — столичный) состоит в том, что они объединяют население, которому доступны городские услуги. Определение «стандартный» подчеркивает универсальность (по всей стране и для многих ведомств), «статистический» — назначение (только для учета, без создания органов управления). Как известно, метрополитенским считается каждый округ (графство), где имеется город с численностью 50 и более тыс. чел. или два близкорасположенных города с суммарной численностью не менее 50 тыс. При определенных условиях в состав SMSA включаются соседние округа. Все население SMSA считается «метрополитенским», т.е. связанным с городом-центром. С 2000 г. стали выделяться «микрорайонные ареалы» — округа с центром от 10 до 50 тыс. чел. [4].

Мы применили «метрополитенский» подход при изучении территориально-урбанистической структуры (ТУС) Центрального и Центрально-Черноземного районов России. ТУС — очень емкое и интересное понятие. Впервые оно встречается в работе И.М. Маергойза и Г.М. Лаппо 1971 г. [5], где сказано, что «территориально-урбанистическая структура позволяет судить об обслуженности территории страны крупными городами... Для ее характеристики особенно важны: соотношение и взаимоположение территорий с различной степенью урбанизированности,... место крупных городов и агломераций в городском каркасе страны» [там же, с. 10].

В качестве единиц наблюдения в нашем исследовании использованы муниципальные районы регионов — субъектов федерации. Районы рассматривались вместе со своими центрами и другими попадающими в контур района городами, не зависимо от административной подчиненности последних. В качестве «метрополитенских» рассматривались районы, возглавляемые «средними» (50–100 тыс. чел.) и более крупными городами.

Многие города в последние десятилетия теряют население и переходят в более низкие группы людности, в частности, из «средних»

(50–100 тыс. чел.) — в «малые» (до 50 тыс. чел.). В связи с этим, был предложен принцип «максимальной достигнутой людности» [10]. Населенный пункт относится к той или иной группе не по «сегодняшней» людности (по текущей оценке или данным последней переписи), а по максимальной людности, которую он имел за несколько последних десятилетий, при условии, что он оставался в соответствующей группе людности не менее 10 лет, а современная людность составляет не менее 70% от значения нижней границы этой группы. Смысл этого принципа заключается в том, что теряя население, города сохраняют свои функции по контролю территории.

Всего в Центре выделено 74 «метрополитенских» муниципальных района (ММР). Почти каждый третий из них (26) принадлежит к Московской области. Последняя образует совершенно особый, уникальный для нашей страны, район расселения и в данной работе не рассматривается. Число «метрополитенских» районов в нестоличных областях Центра — 48 (из 386). Несмотря на малую долю в общем количестве районов и в суммарной площади нестоличных областей (12 и 14% соответственно), в ММР проживает более половины всего населения этих областей.

Области заметно различаются по числу этих районов. Если в Костромской и Рязанской областях имеется лишь по одному «метрополитенскому» району, то во Владимирской, Смоленской, Тверской — по 5, а в Тульской — 6 таких районов. Максимальную долю (почти 1/3) они составляют во Владимирской области, минимальную (по 4%) — в Костромской и Рязанской. В ЦЭР доля ММР несколько выше, чем в ЦЧР.

Аналогом американских «микрорайонных» ареалов в наших условиях следует считать районы, возглавляемые «субсредними» городами (20–50 тыс. чел.). Таких районов в нестоличных областях Центра — 71. Вместе «метрополитенские» и «микрорайонные» районы составляют около 1/3 (119 из 386) от общего числа муниципальных районов нестоличных областей, в них проживает 3/4 всего населения этих 16 областей.

Разумеется, «метрополитенская» методика носит вероятностный характер. Присутствие «среднего» города не обязательно означает высокую степень интегрированности района с центром, но, в то же время, оно говорит о наличии предпосылок для такой интеграции. Свидетельством этого является зависимость плотности сельского населения в районе от величины центра (табл.). Повышенная плотность в районах 5 класса связана с тем, что при расчетах плотности здесь учитывается население сельских райцентров.

Таблица.

**Плотность сельского населения (чел./км²)
в муниципальных районах Центральной России**

	Классы районов					Средняя плотность
	1	2	3	4	5	
ЦЭР	20	10	7	6	6	7
ЦЧР	36	17	16	13	16	16
Центр в целом	25	11	10	7	10	10

Классы муниципальных районов по величине центра: 1 — более 200 тыс. чел., 2 — 50–200 тыс. чел., 3 — 20–50 тыс. чел., 4 — города и пгт до 20 тыс. чел., 5 — сельские населенные пункты.

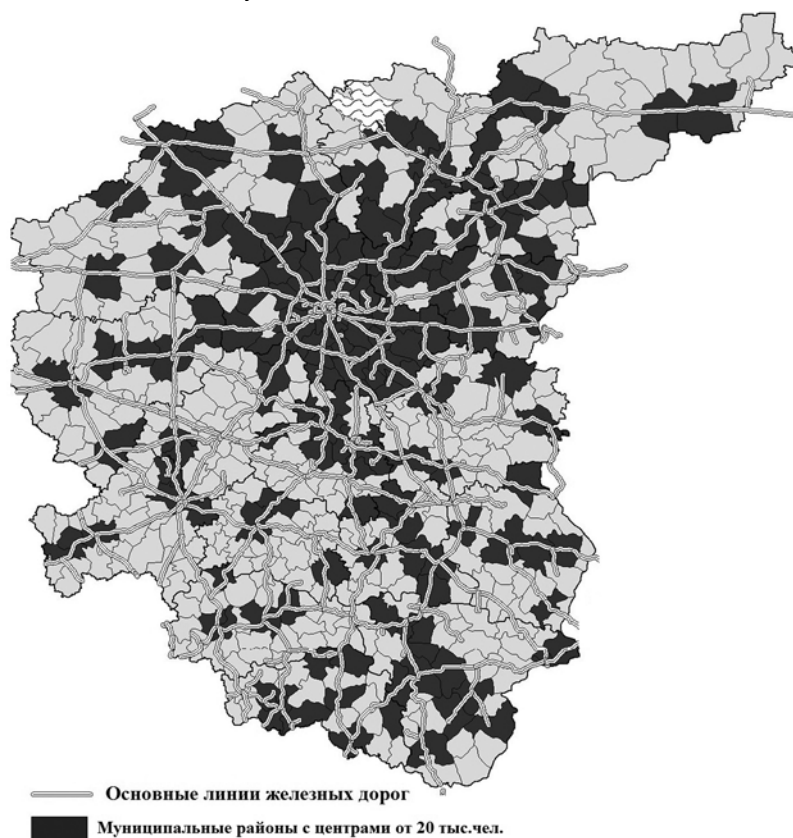

Рис. 1. Транспортно-урбанистический каркас Центра России.

На рисунке на схему расположения «метрополитенских» и «микрорайонных» районов наложена сетка основных железнодорожных линий. Совместное их рассмотрение убеждает, что это — две проекции одной структуры. Большинство «метрополитенских» и «микрорайонных» районов либо располагается в узлах железных дорог, либо образует ленточные структуры вдоль ключевых направлений.

В тех случаях, когда территориально-урбанистическая структура представляется как совокупность крупных агломераций, она имеет архаичный островной рисунок. На изучаемой нами территории, по методике Института географии, выделяется (без Москвы) всего 13 агломераций. Их не имеют даже три областных центра: Белгород, Кострома, Орел. «Метрополитенский» подход позволяет увидеть формирование более прогрессивной агломерационно-сетевой структуры [9; 11], образуемой большим количеством различных по величине групп взаимосвязанных городов и пгт, окруженных сгустками сельского населения.

По нашему мнению, «метрополитенский» подход является простым, удобным и весьма технологичным способом выделения территорий с агломерированным расселением. Конечно, зарубежный опыт не должен механически копироваться. Надо заимствовать именно подход, принцип. Из-за больших размеров низовых районов, многие средние и даже более крупные города у нас малодоступны для части жителей своих районов. Целесообразно дополнить «метрополитенскую» методику критерием доступности центра района, используя в качестве границ метрополитенских территорий в пределах муниципальных районов различные изохроны. Например, часовую для «средних» (50 — 100 тыс. чел.) и полуторачасовую для более крупных городов.

Литература

1. Артоболевский С.С. Меняю одну агломерацию на два кластера в разных экономических районах // Российское экспертное обозрение. 2007. №4–5. — www.rusrev.ru
2. Зубаревич Н.В. Агломерационный эффект или административный угар? // Российское экспертное обозрение. 2007. №4–5. — www.rusrev.ru
3. Ковалев С.А. Типология пригородных зон // Вопросы географии. Сб. 87. Расселение в пригородных зонах. — М.: Мысль, 1971.
4. Кузнецов Д.В. Современные особенности метрополитенизации в США: автореф. канд. географ. наук. — СПб., 2010.
5. Маергойз И.М., Лаппо Г.М. География и урбанизация // Вопросы географии. Сб.96. Урбанизация мира. — М.: Мысль, 1974.

6. Полян П.М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. — М.: Институт географии, 1988. Ч. 1.
7. Региональное развитие и региональная политика в России в переходный период / Под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. — М.: Изд МГТУ, 2001.
8. Селиванова Т.И. Географические особенности городского агломерирования в постсоветский период: автореф. канд. географ. наук. — М., 2011
9. Смирнягин Л.В. Система расселения России: тенденции к переменам // Городской альманах. Вып. 4. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2009.
10. Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Глубинка Центральной России: опыт формализованного выделения // Российская глубинка: модели и методы изучения. — М.: Эслан, 2012.
11. Фарков А.Г. Агломерационно-сетевая структура расселения: новые возможности для юга Сибири // Регион: экономика и социология. 2007, №2.
12. Харитонов В.М. Урбанизация в США. — М.: Изд. МГУ, 1983.

Пилясов А.Н., СОПС, Москва

ФАКТОРЫ РАЗНООБРАЗИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ: ЭКСТЕРНАЛИИ ДЖЕКОБС, ПРИМЕР ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО И ОБОБЩЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Введение

Еще совсем недавно и в зарубежных, и в советских, российских региональных исследованиях основные субъекты экономического развития (фирмы, домохозяйства, органы местной власти и местные сообщества) по умолчанию полагались как две капли воды похожими друг на друга. В ходу были модели неоклассической экономической теории, в которой основные экономические игроки однородные (гомогенные), рациональные, действуют в абсолютно определенном мире.

Потом, с начала 1990-х годов, представления об основных драйверах пространственного развития абсолютно поменялись. Нет, сами факторы остались прежними, но изменились взгляды на их природу и основные свойства. Несколько почти одновременно произошедших событий повлияли на эти радикальные изменения.

Это новое общественное разделение труда, вызванное отказом от конвейерного производства массовой однородной продукции, и переход к гибко перенастраиваемому производству, с возможностями быстрой смены модельного ряда, даже самой специализации. Считается, что пост-фордистский технологический переход был подготовлен потребностью общества в более разнообразной и быстро сменяемой продукции (потребительских товарах, услугах, средствах производства).

Это замена прежней экзогенной на новую эндогенную теорию экономического роста, в которой факторы местного разнообразия всех видов (то, что в теории называется гетерогенные активы) играют значимую роль в экономическом развитии. Здесь нужно отметить вклад концепции эволюционной экономики Нельсона-Уинтера, в которой сделан акцент на гетерогенности фирм, роль нового знания, институциональных факторов в экономическом развитии. Результатом совместного влияния эндогенной теории экономического роста и эволюционной экономики на научное сообщество стали настойчивые попытки ввести факторы разнообразия в новые модели экономического роста и развития. Представления о том, что человеческие сообщества не однородны, не гомогенны, что их квалификация, способности к обучению различны и эти факторы необходимо учитывать в моделях экономического роста, стали интеллектуальным прорывом последних десятилетий.

Наконец, это нарастание рисков и неопределенностей в современном глобальном, но значит, и местном экономическом развитии. Эти риски связаны как с участвовавшими природными, так и социальными, политическими катаклизмами, которые стали результатом ухода от би-полярного мира после распада СССР, и резко ускорившейся после этого экономической глобализацией.

Я вспоминаю в этой связи пленарный доклад профессора Масы Фьюджиты на европейском Конгрессе Всемирной ассоциации региональной науки в августе этого года «Региональная интеграция и культура в знаниевую эпоху. Снова к истории о Вавилонской башне». М. Фьюджита призвал пересмотреть библейскую трагедию, связанную с дерзким замыслом строительства Вавилонской башни высотой до небес, когда Бог, дабы усмирить человеческую гордыню, сме-

шал языки так, чтобы люди больше не смогли понимать друг друга. Люди рассеялись по земле, и строительство башни не было завершено (Быт. 10:10; 11:1-9). Смещение языков стало не наказанием, а благословением для строителей Вавилонской башни! Ведь разнообразие языков создало разнообразие культур, а разнообразие культур формирует синергию взаимного обогащения при диалоге культур и цивилизаций.

Фундаментальный ресурс экономики знания — это индивидуальный интеллект. Разнообразие интеллектов обеспечивает возрастающую отдачу в плотных городских агломерациях, на площадках особых экономических зон, на платформах технопарков и «силиконовых долин». Однако после длительного общения людей друг с другом у них стандартизируется мышление и возникает пул общего знания. Самобытных идей становится меньше. Эффекты разнообразия падают. Получается, что коммуникационные (в том числе языковые) барьеры необходимы для рождения инноваций, а гетерогенность интеллектов, идей, представлений, культур создает естественные предпосылки для них. Для поддержания разнообразия творческим людям нужно периодически менять интеллектуальных партнеров, «танцевать кадрили», как изящно выразился Маса Фьюджита. А самые лучшие условия для этого обеспечивает высоко плотностная среда современных городских агломераций.

1. Городское разнообразие по Джекобс

Именно крупные города обеспечивают позитивные эффекты перетоков знания, обмена и взаимного обогащения идеями. Этот феномен получил в современной региональной литературе название экстерналий Джекобс — по имени Джейн Джекобс, блестящей американской исследовательницы закономерностей внутренней структуры и экономического развития крупных городов.

Экстерналии Джекобс рождаются от разнообразия местной хозяйственной структуры. Это разнообразие базируется на сочетании разных видов экономической деятельности в плотной среде крупных городов. С точки зрения Дж. Джекобс, экономическое разнообразие является ключевым фактором успеха города. Большая степень разнообразия может способствовать вероятности «открытия» радикально новых товаров или решений в производственном процессе. Разнообразие производственной структуры города и плотность населения иногда рассматриваются как показатели силы экстерналий Джекобс, или урбанизационного эффекта.

На примере трех основных книг Джекобс («Жизнь и смерть великих американских городов», «Экономика городов», «Города и богатства наций») рассмотрим более подробно ее понимание действия эффекта разнообразия в городском развитии. Ее интересовал не сам по себе феномен экономического разнообразия, но то, как он проявляется в городах. Она рассматривала его всегда в динамике развития конкретных городов, очень широко и системно, делая акцент на «спонтанном», подчас неожиданно и быстро возникшем феномене разнообразия экономики конкретного города.

1.1. Феномен разнообразия

Есть общность подхода В.И. Вернадского к изучению общественных явлений и подхода Дж. Джекобс к исследованию развития городов. Оба к социальным процессам относятся как натуралисты, как естествоиспытатели, подчеркивают сходство явлений в природе и в обществе. Джекобс неоднократно пишет, что системы, созданные природой и человеком, имеют фундаментально общие принципы. Обе системы требуют значительного разнообразия, чтобы себя поддерживать. В обоих случаях разнообразие не статично, но неизбежно меняется (развивается) во времени¹.

Аналогии природных и городских «экосистем» по свойствам разнообразия в книгах Джекобс многочисленны: «Если говорить об экологии природы, то в ней большее разнообразие также означает большую гибкость, что объясняется явлением, которое экологи называют «гомеостатической петлей обратной связи», подразумевая под этим большое количество регуляторов обратной связи, обеспечивающих автоматическую самокоррекцию. Точно также обстоит дело и с нашей экономикой»².

Понимание экономического разнообразия «городских экосистем» в работах Джекобс всегда динамично — как создание новых товаров и услуг, как уход от воспроизводства того, что уже есть в городской экономике. Фактор динамичности обретает предметность в результате увязки разнообразия со стадиями жизненного цикла развития города, а сам этот цикл определяется в книгах Джекобс по способности городской экономики наращивать экспорт и замещать импорт: для молодых городов замещение импорта имеет скромные

¹ Jacobs Jane. The Death and Life of Great American Cities. — New York. 1993. — 598 p. P. 16.

² Джекобс Дж. Города и богатство наций. Принципы экономической жизни. — Новосибирск: Культурное наследие. 2009. — 332 с. С. 302

объемы, в зрелой фазе замещение ввоза товаров и услуг становится значительно мощнее и активнее.

Динамичное понимание разнообразия в городской экономике означает тесную увязку его с процессом экономического развития. Джекобс пишет, что «развитие — это процесс непрерывных импровизаций в таком экономическом контексте, который позволяет находить импровизированным решениям практическое применение. Такой контекст создается лишь экономикой городов, объединенных сетью изменчивых торговых отношений»³. А эти торговые отношения между городами как раз и обеспечивают замещение ввоза и наращивание вывоза, работающие на укрепление городского разнообразия. Разнообразие понимается Джекобс как феномен, неразрывно связанный с взаимоотношением города с внешними рынками, с сетью других городов, как результат экспорта-импорта не только товаров, но и идей.

Большие города являются естественными генераторами разнообразия и инкубаторами новых фирм и идей⁴. Дело в том, что с ростом города происходит не просто количественное увеличение в размерах того, что уже имелось изначально, но активизируется процесс диверсификации и дифференциации его экономики, который начинается с простой комбинации экспортных производств и местных поставщиков, обслуживающих их нужды⁵.

Джекобс отмечает, что разные города генерируют абсолютно разный уровень разнообразия, измеряемого как разнообразие видов использования городской инфраструктуры, как разный возраст основных элементов городской архитектуры, как одновременное жилое и коммерческое использование одних и тех же городских кварталов и др. Городское разнообразие создается людьми и организациями с различными идеями и целями, удобной и развитой городской торговлей⁶.

1.2. Условия городского разнообразия

В книгах Дж. Джекобс не только провозглашаются ценности разнообразия, но и формулируются конкретные условия городского разнообразия в конкретном виде широкого спектра культурных возмож-

³ Джекобс Дж. Города и богатство наций. Принципы экономической жизни. Новосибирск: Культурное наследие. 2009. 332 с. С. 212.

⁴ Jacobs Jane. The Death and Life of Great American Cities. New York. 1993. 598p. P. 189.

⁵ Джекобс Дж. Экономика городов. Новосибирск. Культурное наследие. 2008. 294с. С. 168.

⁶ Jacobs Jane. The Death and Life of Great American Cities. New York. 1993. 598p. P. 193, p. 315.

ностей, площадок для коммуникации, структуры городского населения, структуры городского экономики и др. При этом любопытно то, что автор была настолько захвачена этой идеей, что возвращалась к ней на протяжении всей своей жизни, во многих книгах. Например, вторую часть своей книги «Жизнь и смерть великих американских городов», вышедшей в 1961 году, Джекобс просто так и назвала «Условия городского разнообразия». После первых, очень важных, положений о том, что городское разнообразие, как сказали бы сегодня — по принципу возрастающей отдачи — само стимулирует еще большее разнообразие, что разнообразие означает высокую долю малых элементов в городской системе⁷, автор формулирует четыре обязательных условия, необходимых для того, чтобы города генерировали достаточное разнообразие.

Во-первых, городские районы, городская инфраструктура должны обеспечивать возможность множественного (как минимум, более двух видов) использования, эффективную комбинаторику по времени (часам, дням, сезонам) при выполнении нескольких основных функций в использовании, но также и сочетание основного и побочного использования того же самого района, объекта городской инфраструктуры.

Во-вторых, большинство городских кварталов должны быть короткими, а улицы должны нарезать городское пространство часто, чтобы всегда была возможность альтернативных путей между началом и концом пешеходного маршрута. «Частые» улицы лучше помогают создавать разнообразие в городах.

В-третьих, каждый городской район желательно, чтобы имел у себя разные по возрасту и архитектурному типу здания. Сосуществование старых и новых зданий, зданий различного архитектурного облика обеспечивает естественные предпосылки для городского разнообразия. Именно старые здания в современных городах становятся местом творческого экспериментирования (потому что молодые строения слишком дороги для смелых экспериментов, да часто в них и нет еще надобности). Разнообразие возраста и архитектурного типа зданий имеет явную связь с разнообразием населения, фирм и видов городской деятельности⁸.

В-четвертых, в городах должна быть плотная концентрация людей. Высокая плотность населения — это важный городской актив

⁷ Jacobs Jane. The Death and Life of Great American Cities. New York. 1993. 598p. P. 190, p.193.

⁸ Jacobs Jane. The Death and Life of Great American Cities. New York. 1993. 598p. P.277.

для создания разнообразия. Однако она не означает скученность, потому что является следствием плотной застройки, но не переупакованности людей в самом жилом доме.

Если в этой первой работе начала 1960-х годов автор поставила акцент в основном на архитектурные (градостроительные) факторы городского разнообразия, то в книгах следующих 30 лет Дж. Джекобс обратилась к исследованию действия экономического механизма создания городского разнообразия. В результате к первым четырем градостроительным факторам разнообразия можно добавить три экономических фактора.

В-пятых, городское разнообразие создается за счет добавления новых видов деятельности к уже существующим. Как пишет Дж. Джекобс: «Города — это такие поселения, где наряду со старыми видами деятельности возникают новые, и это, в свою очередь, приводит к усложнению и диверсификации системы разделения труда... Разделение труда является источником появления новых видов деятельности⁹».

Развивая тему формирования новых видов экономической деятельности в городах и наращивания в результате разнообразия внутренней экономической структуры, автор отмечает теснейшую связь этого процесса с внешней торговлей города. Бурный рост города связан нередко с замещением части ввозимых товаров, закупаемых за счет вывоза производимой городской продукции, товарами и услугами местного производства. Городская экономика становится разнообразнее одновременно с ростом и диверсификацией городского экспорта и импорта. Благодаря мощному эффекту мультипликатора, вызванному процессом замещения импорта, в местной экономике появляется место для абсолютно новых видов товаров и услуг — тех, которые прежде никогда не ввозились в город и никогда не производились в нем¹⁰.

Таким образом, диверсификация экспортного (вывозного) производства оказывается напрямую связанной с диверсификацией всего местного производства. При этом автоматически диверсифицируется импорт, заработанный экономикой города и призванный обслуживать его новое диверсифицированное производство. Процесс зарабатывания импорта имеет принципиальное значение для возникновения и существования большого города с бурно развиваю-

⁹ Джекобс Дж. Экономика городов. Новосибирск. Культурное наследие. 2008. 294 с. С. 161.

¹⁰ Джекобс Дж. Экономика городов. Новосибирск. Культурное наследие. 2008. 294 с. С. 264.

щейся экономикой¹¹. Он обеспечивает развитие экономики большого города, поскольку способствует производству разнообразных товаров и внедрению инноваций.

На многочисленных конкретных примерах Джекобс показывает, как в результате постоянного замещения ввозимых товаров собственной продукцией происходила диверсификация городов. Это было возможно, поскольку разница в качестве тех товаров, которые ввозились из соседних городов, и тех, которые они производили самостоятельно, не была настолько велика, чтобы ее невозможно было преодолеть¹². Постоянное замещение ввоза приводит к созданию в городах новых видов деятельности. Автор отмечает, что в процесс импортозамещения и создания новых местных видов деятельности обязательно должны быть вовлечены все слои городского населения, в том числе и самые бедные (с. 262), задействованные в слое малого и среднего предпринимательства.

Джекобс отмечает, что дополнение старых видов деятельности новыми, которое происходит в ходе процесса импортозамещения, приводит к воспроизводству в городах политико-экономического конфликта между людьми, чьи интересы связаны с уже упрочившимися видами экономической деятельности, и теми, кто заинтересован в появлении новых ее видов¹³.

В-шестых, важным условием городского разнообразия является наличие множества компаний разной величины и специализации¹⁴. Городское разнообразие нерасторжимо связано с малым бизнесом, с дифференциацией производства за счет деятельности малых и средних компаний. Большой пул малых фирм создает атмосферу, условия, для «ухода в отрыв» части работников этих фирм, которые создают собственные предприятия¹⁵ — спин-офы и спин-ауты.

Наконец, седьмым условием городского разнообразия, отмеченным в книгах Джекобс, являются инвестиции и кредиты, направ-

¹¹ Джекобс Дж. Города и богатство наций. Принципы экономической жизни. Новосибирск: Культурное наследие. 2009. 332с. С. 165.

¹² Джекобс Дж. Города и богатство наций. Принципы экономической жизни. Новосибирск: Культурное наследие. 2009. 332с. С. 197.

¹³ Джекобс Дж. Экономика городов. Новосибирск. Культурное наследие. 2008. 294с. С. 277.

¹⁴ Джекобс Дж. Экономика городов. Новосибирск. Культурное наследие. 2008. 294 с.

¹⁵ Джекобс Дж. Города и богатство наций. Принципы экономической жизни. Новосибирск: Культурное наследие. 2009. 332с. С. 62.

ленные на наращивание работающих в местной экономике активов — а не на предметы роскоши или украшения.

2. Условия разнообразия в Ханты-Мансийске

Было интересно проверить действие условий Джекобс на конкретном примере российского города. Это удалось осуществить в процессе подготовки Программы социально-экономического развития города Ханты-Мансийска до 2020 года.

История Ханты-Мансийска начинается с 1931 года, когда был образован национальный округ и развернулось строительство его центра — поселка Остяко-Вогульска, переименованного в 1940 году в рабочий поселок Ханты-Мансийск. В 1950 году он получил статус города-окружного центра. В период бурного нефтегазового освоения тюменского Севера 1960–1980-х годов Ханты-Мансийск оказался в стороне от крупнейших месторождений в восточной части округа и строящихся новых железных дорог. В эти десятилетия он как бы законсервировался в своем облике «сельского» города — номинальной столицы автономного округа Тюменской области. В соответствии с идеями Джекобс его стагнация означала отсутствие процессов замещения ввозимой продукции, отсутствие диверсификации экспортных производств, а в итоге отсутствие и экономического разнообразия.

2.1. Обретение столичности как импортозамещение

Исследователи уральского Института экономики РАН в 1990-е годы отмечали необходимость укрепления столичных функций Ханты-Мансийска как важную проблему устойчивого развития округа и предлагали конкретные направления: предоставление широкого спектра социальных услуг для соседних муниципальных районов — после создания единой автодорожной сети округа; закрепление роли города как центра зимних видов спорта международного и федерального значения; становление как центра освоения новых природных активов (нефтегазовых месторождений и лесных ресурсов) в бассейне Оби; постепенное превращение Ханты-Мансийска в научный и образовательный центр для всего округа; усиление экономических и гуманитарных связей округа с соседними регионами в результате строительства широтных транзитных автомобильных и железнодорожных магистралей и превращение Ханты-Мансийска в крупный центр межрегионального значения.

Любопытно, что все эти рецепты укрепления столичных функций абсолютно совпадают с рецептами обеспечения городского разнообразия по Джекобс. Радикальные перемены в развитии города ста-

ли происходить с начала 1990-х годов, когда Ханты-Мансийский автономный округ получил статус нового субъекта Российской Федерации и стал нуждаться в подлинной, а не декоративной столице. Период 1993–2000 годов в развитии города можно расценивать как подготовительный, переходный накануне последующих радикальных преобразований облика и развития Ханты-Мансийска в нулевые годы, которые происходили на фоне растущего замещения ввозимых услуг и диверсификации экспорта товаров и услуг, в том числе зрелищных, спортивных, услуг культуры (например, при проведении всероссийских и международных соревнований по биатлону и др.) и беспрецедентного роста численности населения города.

2.2. Факторы «за» и «против» разнообразия

Важным фактором укрепления городского разнообразия является развитие сектора платных и в том числе бытовых услуг. Чем более диверсифицирован их спектр, чем более полно они удовлетворяют постоянно развивающиеся потребности горожан, тем в большей степени комфортно те себя ощущают в Ханты-Мансийске.

Объем оказываемых платных услуг расширяется в городе исключительно динамично (табл.1), чему способствует рост платежеспособного спроса, рост размера рынка города (это со стороны спроса), развитие малого предпринимательства (со стороны предложения), а также фактор столичного экономико-географического положения, который стимулирует как спрос, так и предложение этих услуг. С 2003 по 2012 годы размер оказываемых платных услуг увеличился в текущих ценах в пять раз — в округе за тот же период примерно в три раза. В 2012 году общий объем платных услуг в Ханты-Мансийске составил более 5 млрд. руб. По подушевым показателям предоставляемых платных услуг столица устойчиво удерживает место в первой пятерке городских муниципальных образований округа.

Таблица 1¹⁶.

**Структура платных услуг по городу, %
(в скобках приведены значения для округа)**

Виды услуг	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего, млрд. руб.	1,1	1,9	2,4	2,3	2,9	3,4	3,7	4,4	4,9	5,4
Всего, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

¹⁶ При подготовке таблиц 1–4 использованы данные региональной и муниципальной статистики, а также сведения, предоставленные Администрацией города Ханты-Мансийска.

<i>Базовые</i>										
Жилищные услуги	9,0 (11,5)	8,0	8,2	27,2	24,2	21,5	21,9	19,5 (10,8)	19,1	18,9
Коммунальные услуги	18,5 (24,6)	15,2	15,7	17,9	16,4	19,1	19,9	19,0 (22,6)	18,8	18,7
Транспортные услуги	15,7 (23,7)	20,7	19,2	12,1	15,2	16,8	15,7	14,5 (19,5)	14,5	14,0
Бытовые услуги	7,8 (6,4)	4,8	4,3	6,7	6,8	6,8	6,9	6,4 (6,3)	6,5	6,3
Услуги в системе образования	5,4 (6,0)	7,2	7,2	6,9	6,6	6,5	6,6	5,9 (6,2)	6,1	6,3
Медицинские услуги	1,1 (4,6)	2,0	2,3	3,1	2,9	2,8	2,9	2,7 (4,3)	2,4	2,5
<i>Среда, эстетика места</i>										
Услуги физической культуры и спорта	0,5 (0,4)	0,3	0,3	0,7	1,4	1,5	1,6	1,7 (0,7)	2,4	2,3
Услуги гостиниц	1,1 (3,3)	9,8	10,9							
Услуги учреждений культуры	0,5 (1,0)	0,5	0,4	0,8	0,8	1,4	1,3	1,2 (0,6)	1,1	1,1
Туристические услуги	0,2 (0,3)	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4	1,0	1,0 (0,7)	0,9	0,9
<i>Открытость</i>										
Услуги связи	24,2 (15,3)	19,3	19,2	22,8	23,6	22,1	21,6	27,7 (23,9)	28,4	28,2
Услуги правового характера	0,4 (0,5)	0,5	0,6	0,4	0,2	0,2	0,2	0,2 (0,4)	0,2	0,2
Санаторно-оздоровительные услуги	0,1									
Ветеринарные услуги	0,1									
Прочие виды платных услуг	-	11,4	11,7	1,0	1,6	0,9	0,4	0,2	0,7	0,6

Бытовые услуги формируют около 6% всех платных услуг (табл. 2). Но здесь работает более 350 городских фирм, более полутора тысяч занятых (табл. 3). Соотношение видов бытовых услуг в общих расходах отражает сложившиеся в данном местном сообществе потреб-

ности — производное от системы ценностей, демографической структуры, образа жизни. Например, рост мобильности населения города привел к росту расходов на автосервис (сегодня более четверти всех трат на бытовые услуги, но в округе — выше).

Местному сообществу фирмы бытового сервиса (в 2011 году их было в городе уже более десятка) предлагают новые виды услуг по пошиву штор, интерьерному дизайну, изготовлению, установке и ремонту мебели, резке стекла, ремонту стеклопакетов, клининговые услуги (уборка помещений, мойка окон, чистка ковровых покрытий, мебели и т.д.), изготовлению багетных рамок, установке индивидуальных и коллективных телеантенн, счетчиков учета коммунальных услуг (воды, тепла, газа, электроэнергии) и др.

Таблица 2.

**Структура бытовых услуг в городе, %
(в скобках приведены значения для округа)**

Виды услуг	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего, млн. руб.	38,3	58,4	67,7	49,3	78,5					
ремонт и техобслуживание транспортных средств	9,9 (30,8)	25,5	24,1	15,8	14,8			(36,8)	26,8	27,4
парикмахерских	29,5 (6,7)	20,0	20,0	21,4	22,7			(8,8)	24,8	24,6
бань и душевых	10,0 (3,2)	9,2	10,6	21,3	17,1			(5,2)		
Ремонт и пошив одежды	9,8 (4,5)	10,9	9,7	6,2	15,2			(4,3)	9,4	11,2
фотографий	10,6 (3,4)	8,4	8,4	10,3	8,3			(2,9)		
прачечных	5,3 (0,8)	4,6	4,6	8,2	5,8			(0,9)		
химчистки	4,8 (1,1)	4,6	4,6	3,1	2,2			(0,9)		
ритуальные	6,9 (3,6)	3,4	3,7	0,4	0,5			(4,8)		
ремонт телерадио-аппаратуры, бытовых машин и приборов, ремонт и изготовление металлоизделий	1,4 (7,9)	1,6	1,4	1,2	5,7			(5,6)		7,9
Прочие	11,8	11,8	12,9	12,1	7,7					

В последние годы в развитии бытовых услуг в городе проявились три новые тенденции. В местах массовой плотной жилой застройки появляются центры комплексного обслуживания населения (ремонт обуви, ремонт одежды, ремонт металлоизделий, изготовление ключей, фотолаборатории и др.).

Наметилась тенденция слияния бытовых услуг и услуг розничной торговли. Компании, основным видом деятельности которых является реализация тканей, жалюзи, фурнитуры, одновременно оказывают услуги по индивидуальному изготовлению штор, портьер, их установке и дизайну (аналогичные процессы проявляются в фирмах, реализующих мебель).

Наблюдается тесная взаимосвязь между процессами развития отраслей экономики города и сферой бытовых услуг. Например, рост объемов потребительского автокредитования приводит к увеличению предложения на рынке услуг по ремонту и техническому обслуживанию автотранспортных средств.

Таблица 3.

Динамика развития фирм бытового сервиса

Показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Число объектов бытового обслуживания населения, оказывающих услуги (всего)			295	320	343	364
Техническое обслуживание и ремонт автотранспортных средств	70	66	55	72	80	87
услуги парикмахерских		44	56	67	74	78
Число кресел в парикмахерских		152	193	201	215	224
услуги бань и душевых		37	43	40	40	42
Единовременная вместимость бань и душевых		242	281	353	353	365
Ремонт и техническое обслуживание бытовой радиоэлектронной аппаратуры, бытовых машин и приборов	19	22	40	38	39	40

Ремонт и пошив швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи	27	29	30	36	36	38
Ремонт, окраска и пошив обуви	19	19	20	26	28	31
Услуги фотоателье, фото- и кинолабораторий	9	9	13	10	10	10
химическая чистка и крашение	3	3	5	6	7	7
Установленная мощность в 8-часовую смену организаций химчистки и крашения, килограммов вещей		180	300	420	420	540
Изготовление и ремонт мебели	-	1	5	4	6	6
услуги прачечных	4	5	5	6	6	6
Установленная мощность в 8-часовую смену прачечных, килограммов сухого белья		320	320	3200	3200	3200
Ремонт и строительство жилья и других построек			6			
ритуальные услуги		3	5	5	5	5
ремонт ювелирных изделий, часов и изготовление ключей	12	12	12	13	14	15
прочие услуги (ломбард, резка стекла, выделка меха, багетная мастерская, прокат, изготовление окон)			8	10	12	14
Число приемных пунктов бытового обслуживания населения, принимающих заказы от населения на оказание услуг				9	11	16
В т.ч. ремонт и пошив швейных меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи				5	5	8
Изготовление и ремонт мебели				4	6	8

Присутствие разнообразных торговых форм связано с культурным, этническим разнообразием городской среды. Например, в городе Ханты-Мансийске регулярно проводятся выставки-распродажи московских, курганских, Санкт-Петербургских и белорусских товаропроизводителей.

В окружном центре действуют разные по размеру, по формам собственности и формату предприятия торговли. В конце 2012 года система розничной торговли города включала 429 магазинов, десять торговых комплексов, 60 павильонов, два рынка, четыре предприятия мелкооптовой торговли.

Важнейшим и наиболее всепроникающим фактором, воздействующим на качество городской среды и городское разнообразие, является деятельность сферы культуры. Ведь каждый житель города и гость Ханты-Мансийска, даже приехавший сюда на короткий период, организует здесь свой культурный досуг. О значении сферы культуры в городской экономике свидетельствует и тот факт, что во всех ее направлениях в 2012 году было занято более 2,6 тысяч человек, рост за последние десять лет составил более двух раз.

Столичный статус помогает городу иметь диверсифицированную культурную среду, в которой есть музеи, картинные галереи, культурно-досуговые и концертные центры, театры, клубы и библиотеки (табл. 4). Очень обогащают местную культурную среду традиции коренных (обско-угорских) народов Севера, русских казаков-первопроходцев, сибирских и уральских старожилов. В городе есть этнографический музей под открытым небом «Торум Маа», галерея-мастерская художника Г.С. Райшева, знаменитый и самый посещаемый музей Природы и Человека, музей геологии, нефти и газа и другие значимые культурные объекты. В то же время для многонационального Ханты-Мансийска необходимо создание и специализированных национальных культурных центров.

Не менее чем прежние традиции и мощная инфраструктурная обустроенность городской сферы культуры, созданная в последние 15 лет, для формирования привлекательной городской среды важна событийная насыщенность. А здесь у Ханты-Мансийска на фоне других городов округа есть явное преимущество. В городе ежегодно проходят крупные международные и российские кинофестивали, театральные премьеры, гастроли выдающихся деятелей культуры России: например, кинофестиваль «Дух огня», театральные фестивали «Чайка», музыкальный фестиваль «Югра», телевизионные фестивали «Спаси и сохрани» и «Золотой бубен» и другие крупные события международного и национального значения.

Таблица 4.

Развитие объектов сферы культуры города Ханты-Мансийска

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011
Число музеев	5	5	5	6	6
Численность работников музеев, чел.	207	207	231	223	267
Численность специалистов культурно-досуговой деятельности в учреждениях культурно-досугового типа, чел.	131	145	118	116	204
Число профессиональных театров	1	1	2	2	2
Численность работников театров, (человек)	46	35	67	76	78
Численность художественных и артистического персонала театров, человек	26	26	42	38	67
Число библиотек	9	7	6	7	11
Численность работников в библиотеках	137	137	134	137	177

Главным и единственным муниципальным объектом сферы культуры является культурно-досуговый центр «Октябрь». Число организуемых здесь культурно-массовых мероприятий возросло от 200 в 2009 году до 402-х в 2012 году. Исключительно активно развиваются клубные формирования (как численно, так и по количеству участников): творческие коллективы, новые студии и кружки, клубы по интересам и любительские объединения. Спектр услуг, оказываемых местному сообществу, в последние годы значительно расширился — от проката сценических костюмов, инвентаря, проведения плановых культурно-досуговых мероприятий до организации праздничных мероприятий, концертных программ по заказу юридических и физических лиц, гастролей профессиональных коллективов и исполнителей.

Малые и средние хозяйственные структуры в городской экономике играют очень весомую роль в создании разнообразной экономической среды. По формальным критериям развитие предпринимательского сектора Ханты-Мансийска в последние годы успешно, динамично, зримо. По уровню занятости в индивидуальном, малом и среднем бизнесе город уже сопоставим с Россией (более четверти всех занятых, в том числе более семи тысяч человек в микро-, малых и средних и почти столько же в индивидуальных предприятиях). По числу фирм малого и среднего бизнеса на 1000 чел. ситуация лучше, чем в России — уро-

вень крупных городов европейской России (более 50): в 2012 году в Ханты-Мансийске работало 5350 предприятий, в том числе 3115 индивидуальных, 2011 микро-, 209 малых и 18 средних. Максимальное число малых фирм создано в торговле и общественном питании, сфере платных (в том числе бытовых) услуг, строительстве. После физических лиц (НДФЛ) малый бизнес является главным налогоплательщиком в городской бюджет (единый налог на вмененный доход).

Ежегодно предпринимательский сектор создает до 60% всех новых рабочих мест (последние годы триста из пятисот): максимальное в торговле и автосервисе, гостиничном и ресторанном бизнесе, жилищно-коммунальном хозяйстве и социальных услугах, на рынке недвижимости и в личных услугах.

Однако в городе есть и серьезные барьеры для дальнейшего расширения предпринимательского сектора экономики, то, что реально сдерживает его развитие. Как отмечают респонденты, это прежде всего обеспеченные инфраструктурой свободные земельные участки и производственные помещения. Ввиду дефицита служебных площадей в городе исключительно велика («запредельно», как написано в анкетах) стоимость арендной платы за офисные площади. Строительство же новых производственных зданий для многих малых и средних предприятий в Ханты-Мансийске неподъемно ввиду ландшафтообусловленного удорожания.

Другой важнейший барьер к формированию разнообразной городской среды, который явно недооценивается и властями, и общественностью Ханты-Мансийска, связан с низкой плотностью застройки и населения в его центральной части. Площадь Ханты-Мансийска (около 337 кв. км) сопоставима с Нижневартовском и Сургутом — городами, которые в несколько раз превосходят окружную столицу по численности населения (Сургут более 300 тыс. чел., Нижневартовск — более 250 тыс. чел.). Но это означает, что по плотности Ханты-Мансийск почти в четыре раза отстает от крупнейших городов округа: около 250 человек на квадратный километр против более 900 человек на квадратный километр в Сургуте и Нижневартовске. Низкая плотность означает большие расходы бензина на перемещение в городском пространстве, в целом большие усилия на внутригородское ежесуточное коммутирование. Но хуже то, что низкая плотность означает недополученный агломерационный эффект в городском развитии, нереализованный потенциал интеллектуальной близости умных горожан с другими умными горожанами.

Низкая плотность — это недостаточно интенсивное общение горожан друг с другом, дефицит площадок для коммуникации внутри

городского сообщества. Между тем известно, что люди становятся более производительными, когда они работают рядом с другими квалифицированными и знающими людьми.

В выборе двух траекторий пространственного развития города — в пользу уплотнения застройки центра или экстенсивного роста в «заиртышье» — следует приоритет отдавать первой. Между тем в Генеральном плане города и современной практике нового строительства акцент поставлен на второй путь: «Ханты-Мансийск имеет ограниченные возможности территориального развития, так как с одной стороны расположены Ханты-Мансийские холмы, которые имеют статус заповедных территорий и не подлежат застройке, а с другой стороны расположены низинные луга в пойме реки Иртыш. Единственным направлением для дальнейшего развития города являются пойменные территории с дорогостоящей инженерной подготовкой. Несмотря на трудности, на берегу Иртыша началась закладка нового жилого микрорайона, состоящего из высотных 25-этажных домов с объектами социальной инфраструктуры — поликлиникой, детскими дошкольными учреждениями, школой».

Энергия динамичного городского развития непосредственно связана с плотной застройкой центральных районов города, в которых жива чересполосица, а не строгое функциональное зонирование, обеспечивающие культурное и интеллектуальное разнообразие, среду интенсивной коммуникации, важные для успеха городского инновационного процесса. Например, из зарубежного опыта известно, что венчурный капитал всегда размещается поблизости от опекаемых фирм.

3. Обобщение исследований по гетерогенности в последнее 10–15 лет в европейской региональной науке

В России интерес к изучению факторов разнообразия (в эконометрике используется термин гетерогенность) — прежде всего в аспекте их воздействия на экономический рост и развитие — возник в последнее десятилетие, а в региональном сообществе — в самые последние годы. Между тем в европейской региональной науке исследование гетерогенности проводится уже на протяжении последних двух десятилетий. В этой связи полезно сделать краткое обобщение усилий наших зарубежных коллег, опираясь на их публикации в восьми ведущих журналах региональной науки¹⁷ за последние семь лет.

¹⁷ Annals of Regional science, International Regional Science Review, Journal of Regional science, Journal of Urban Economics, Papers in Regional Science, Regional Science and Urban Economics, Regional Studies, Urban Studies.

3.1. Разная гетерогенность

Прежде всего нужно отметить, что происходит постепенное углубление самого понятия разнообразия (гетерогенности) в региональной литературе. Если раньше факторы разнообразия рассматривались и в моделях пространственной эконометрики, и в эмпирических исследованиях преимущественно как языковые, этнические, культурные, конфессиональные различия населения и мигрантов, то теперь изучается разнообразие миграционного статуса, возраста, уровня образования, опыта, различия между несколькими социальными сетями, институциональное разнообразие партнеров, которые находятся в коммуникации внутри одной сети, и др.

От констатаций гетерогенности фирм осуществился переход к исследованиям диверсификации деятельности уже внутри отдельной фирмы. Можно утверждать, что скрупулезность и микроскопичность в исследовании факторов гетерогенности нарастает. Особый блок исследований, в том числе в новой экономической географии, посвящен теме пространственной гетерогенности — качественным различиям мест пространственного размещения фирм и домохозяйств (например, внутри агломераций и вне их).

Интересные исследования последнего времени предприняты в сравнении филиалов крупных ТНК. Выяснилось, что с точки зрения выработки нового знания структурные подразделения даже одной компании ведут себя абсолютно по-разному. Например, есть филиалы ТНК, которые создают новое знание и компетенции, и филиалы, которые используют уже созданные другими знание и компетенции¹⁸. В этом выводе, который кажется достаточно очевидным, ценно то, что он отчетливо демонстрирует, как даже в тематике гетерогенности вычленяется знаниевая составляющая (сегодня уже общепризнанно, что гетерогенность среди квалифицированных кадров оказывается для выработки новшеств важнее, чем аналогичное разнообразие, скажем, в культурных традициях среди неквалифицированных кадров). С другой стороны, данный вывод подтверждает, что привнесение факторов знания абсолютно по-новому высвечивает старую тему однородности-неоднородности фирм.

¹⁸ Anabel Marin, Subash Sasidharan. Heterogenous subsidiaries and technological spillovers: Explaining positive and negative effects in India// Research Policy. 2010. Vol. 39. P. 1227-1241.

3.2. Как измерять? Эмпирические исследования гетерогенности в городском развитии

Обобщение результатов десятков работ по гетерогенности в региональном развитии (несмотря на то, что получен ряд вполне «твердых» выводов) не дает однозначной картины о ее позитивных или негативных эффектах. Многое зависит от того, как, какими индикаторами мы измеряем само разнообразие. Например, гетерогенность работников может измеряться через уровень образования, а может — через факторы культурного разнообразия. Понятно, что в эру экономики знания именно культурное разнообразие занятых на производстве человеческих ресурсов становится важным: новые идеи, выпуск новых поколений товаров тесно сопряжены с творческим «скрещиванием» индивидуальных талантов и навыков, которые формировались в различных культурных средах. Но ведь и культурное разнообразие можно измерять через показатели этнических, конфессиональных и языковых различий.

Особым видом гетерогенности, которая теперь активно изучается в региональном развитии, стало организационное (институциональное, структурное) разнообразие. В ряде работ предлагается мерить ее через индекс разнообразия Шеннона¹⁹. Отмечается, что наличие фирм разного размера, тесно информационно взаимодействующих между собой в локализованном пространственном контуре, может быть конструктивно для местного развития²⁰. Считается, что институциональное разнообразие обеспечивает долгосрочную успешную адаптацию агентов экономики в современной динамично меняющейся внешней среде. Институциональное разнообразие тесно связано со способностью агентов экономики поглощать новое знание.

Широкую цитируемость получила работа Оттавиано и Пери 2006 года, в которой авторы в результате изучения культурного разнообразия в городах США пришли к выводу, что американцы более производительны в культурно разнообразной среде²¹. Разнообразие культур содействует разнообразию производственных навыков, способ-

¹⁹ Brouwer Aleid, Boone Christophe, de Vor Friso, van Witteloostuijn Arjen. Organizational diversity and the growth and economic performance of cities. An empirical study in Zwolle, the Netherlands, 1850-1914. ERSА 2006. 22p.

²⁰ Patrucco Pier Paolo. Institutional Variety, Networking and Knowledge Exchange: Communication and Innovation in the Case of the Brianza Technological District. Regional Studies. 2003. Vol. 37. № 2. P. 159-172.

²¹ Ottaviano G., Peri G. 2006. The economic value of culture diversity: evidence from US cities, Journal of Economic Geography. № 6. P. 9-44.

ностей и занятий, которые, в свою очередь, способствуют эффективному функционированию города. Заработные платы и плотность по занятости американских работников-уроженцев США выше в городах большего богатства языкового разнообразия. Те, кто из работников живет в более культурно гетерогенных городах, зарабатывают больше.

В последующих исследованиях утверждалось, что города с более разнообразным населением действительно растут быстрее, однако этот эффект в первую очередь обусловлен разнообразием страны рождения городских мигрантов — в большей степени, чем этническим разнообразием²².

В зависимости от уровня пространства, разнообразие может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на экономический рост. Например, в работе А.Алесиной утверждается, что культурное разнообразие позитивно для городского развития, но негативно сказывается на развитии страны²³. В других работах утверждается, что этническое разнообразие имеет позитивный эффект в интеллектуальных отраслях, но не в отраслях и индустриях с высоким влиянием профсоюзов. Видимо, позитивные эффекты разнообразия как, например, перетоки знания, главным образом работают в высоко технологичных отраслях, которые требуют продвинутых навыков и креативности. Негативные эффекты разнообразия работают в более рутинных отраслях, в которых они тормозят (ввиду кросс-культурных различий, барьеров при взаимодействии представителей различных этносов), оптимальное осуществление производственной практики.

Подведем итоги. Есть работы, в которых дается оптимистическая, позитивная оценка роли факторов разнообразия в экономическом росте городов. Но есть и другие исследования, которые акцентируют внимание на их негативной роли. Результат зависит от того, как именно измеряется разнообразие и на какие конкретно объекты городской экономики демонстрируется его воздействие.

Уже очевидно, что наукоемкие, творческие и рутинные виды экономической деятельности по-разному отзываются на действие факторов гетерогенности: выгоды гетерогенности нередко превышают ее издержки для интеллектуальных занятий; наоборот, для рутинной работы издержки гетерогенности оказываются сильнее, чем выгоды. Имеет значение уровень дохода и политическая организация обще-

²² Neil Lee. Ethnic Diversity and Employment Growth in English Cities. *Urban Studies*. 2011. Vol. 48. N 2. P. 407-425.

²³ Alesina A., La Ferrara E. 2005. Ethnic diversity and economic performances. *Journal of Economic Literature*. Vol. 43. P. 762-800.

ства: при низких уровнях дохода, в недемократических режимах разнообразие отрицательно воздействует на экономический рост; с другой стороны, в богатых демократических обществах (и городских сообществах) факторы гетерогенности становятся источником креативности и экономического роста, опирающегося на творчество, на инновации. Видимо, есть некий оптимальный уровень гетерогенности для каждого уровня общественного развития, который экономическая система способна выдержать и конструктивно использовать, без поломки, без потрясений. Однако очевидно, что для того, чтобы силы эволюции работали, всегда нужно некоторое разнообразие (пул) форм, из которых возможно пробно нащупывать, отбирать будущие траектории развития. Если такого материала мало, это становится тормозом для эволюции; если его слишком много, возникает хаос, который опять препятствует эволюционному (а не катастрофическому) развитию системы.

3.3. Выводы для городской политики

Джейн Джекобс начала писать о роли факторов разнообразия в развитии крупных городов еще в начале 1960-х годов, но лишь в 1990-е годы ее идеи иссушающего воздействия городского зонирования на разнообразие²⁴, пользы смещения мест проживания, работы, досуга и торговли для развития городов стали обретать популярность и использоваться в городском планировании — следуя ее завету: «Планирование должно быть для повышения жизнестойкости, для увеличения разнообразия пользования ... по каждому району большого города с упором на определение того, чего не хватает для генерирования разнообразия...»²⁵

В этой связи особый интерес представляет проект многокультурного города, который впервые был разработан в Великобритании, затем получил развитие в Норвегии, Австралии, Новой Зеландии. Он отразил общий, наблюдаемый в последние два десятилетия в зарубежной науке и практике тренд на смещение обсуждения вопросов гетерогенности и культурного разнообразия с национального, глобального уровня на уровень местный — городской и региональный. В конкретных городах этот проект имел три блока — этнические культуры, сектор креативных индустрий и образовательный сектор. Его инициаторы стремились подчеркнуть прямую связь раз-

²⁴ Jacobs Jane. *The Death and Life of Great American Cities*. New York. 1993. 598p. P. 290.

²⁵ Jacobs Jane. *The Death and Life of Great American Cities*. New York. 1993. 598p. P. 531.

нообразия, гетерогенности и содействия инновациям, креативности и предпринимательства местного сообщества. Они хотели придать более активную, более конструктивную интерпретацию самому культурному разнообразию — не как простому сосуществованию культур, но как их взаимодействию, которое нужно поощрять и поддерживать²⁶.

Данный проект основан на идеологии преимущества на разнообразии — что разнообразие критично для успеха городов в современном глобализированном мире. Проект ставит акцент на смещение управления разнообразием — а это реальный современный вызов — с национального уровня на городской и региональный. Ключ к успешному городскому развитию лежит в политике, которая поощряет взаимодействие различных культур в городском пространстве.

В российских условиях необходимость эффективного управления гетерогенностью именно на уровне городов и местных сообществ также становится все более очевидной. Ведь конкретные конфликты между этнически и культурно различными группами происходят именно здесь, на городском и региональном уровне. Ключ к успеху современного городского развития находится в умелом управлении гетерогенностью в виде культурного, этнического разнообразия и интеллектуального разномыслия. А это означает минимизацию издержек и максимизацию выгод от этого фактора, от процесса локализованного взаимодействия этносов и культур.

Выводы: спор Р. Патнэма и Р. Флориды

Споры о том, как относиться к факторам разнообразия в современном городском и — шире — пространственном развитии — как к его катализаторам или барьерам — продолжают в научном сообществе. Например, известный американский социолог Роберт Патнэм считает их (с точки зрения краткосрочной перспективы) источником разрушения социального капитала, тем, что приводит к утрате сплочения местного сообщества. С другой стороны, создатель теории креативного класса Ричард Флорида считает гетерогенность важнейшим источником творческих прорывов и инноваций. В рос-

²⁶ Материалы проекта отражены в десятках статей, в том числе: Collins Francis, Wardlow Leo Friesen. Intercultural City Project. Making the Most of Diversity? The Intercultural City Project and a Rescaled Version of Diversity in Auckland, New Zealand// Urban Studies. 2011. Vol. 48. N. 14. P. 3067-3085; Amin A. Ethnicity and the multicultural city: living with diversity// Environment and Planning.A. 2002. Vol. 34. P. 959-980.

сийской литературе этот спор был недавно подхвачен на страницах журнала ЭКО²⁷.

Оптимисты указывают на плюсы от городского разнообразия в виде разнообразия потребления, привлечения человеческого капитала, привлечения туристов, этнического предпринимательства. Пессимисты указывают на недостаток доверия, социального капитала в гетерогенных городских сообществах.

Этническое разнообразие может способствовать росту производительности труда через использование разных подходов к решению одних и тех же проблем, также за счет этнического предпринимательства. Однако разнообразие может оказывать и пагубное воздействие на судьбу городского сообщества и городское развитие. В городском развитии, с одной стороны, из культурного разнообразия мостятся новые перспективы; с другой стороны, то же самое разнообразие может стать источником опасных контрастов и социальных разрывов. Вот в этом и состоит важнейшая проблема современного городского развития. Если мы вступили в эру гетерогенности, значит, нужно признать, что мы будем получать в ней не только выгоды, но и платить издержки, нести ущерб.

Однако закончить статью хочу на оптимистической ноте. Ведь действительно, исследователи пространства и пространственного развития, которое всегда по определению гетерогенно, не могут не быть оптимистами в оценке действия факторов разнообразия на экономический рост и развитие. Как сказал А.Леш на последних страницах своей великой книги: «Не существовало бы понятия о развитии, если бы все события совершались в одно и то же время. Точно так же не было бы понятия о своеобразии, если бы все концентрировалось в одном и том же месте. Лишь пространственный фактор порождает специфические особенности, получающие дальнейшее развитие во времени...»²⁸

²⁷ Котов А.В., Пилясов А.Н. Правда «полукровок»: неожиданная власть гетерогенных активов в современной экономике//ЭКО. 2012. № 9. С. 57-74; Суслов Н.И. Гетерогенность социальных систем: что мы знаем?// ЭКО. 2012. № 9. С. 75-94.

²⁸ Леш А. Пространственная организация хозяйства/ Под ред. А.Г.Гранберга. М.: Наука. 2007. 664с. С. 634.

Нагирная А.В.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФфуЗИЯ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

Движущей силой прогресса в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является постоянное стремление увеличить скорость передачи информации на большие расстояния и сделать её более надёжной, не зависящей от различных обстоятельств, погоды и т. п. Развитие информационно-коммуникационных технологий происходит по следующим направлениям: от массовых ИКТ к индивидуальным — индивидуализация; от стационарных к мобильным — «мобилизация»; от печатных и аналоговых к цифровым — «цифровизация», а также от узкоспециализированных к интегральным и многофункциональным — конвергенция ИКТ.

ИКТ имеют прямую связь с вехами развития научно-технического прогресса и с экономическими циклами Кондратьева². При этом научные разработки в сфере ИКТ, как правило, происходят на восходящей волне Кондратьевского цикла, а само появление новых ИКТ и их первичное внедрение приходится на период экономических и политических кризисов на нисходящей волне экономического цикла. Широкомасштабное развертывание телекоммуникационных сетей происходит, как правило, на начальной фазе Кондратьевского цикла, в преддверии новой экономической волны: территория готовится к началу следующей фазы экономического роста созданием новых коммуникативных каналов [12].

1. Инновационные волны в сфере ИКТ. Жизненный цикл любой инновации, в данном случае вида ИКТ, состоит из нескольких этапов (возникновение, распространение, господство/насыщение, зату-

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

² Каждый цикл Кондратьева включает серии базисных инноваций, которые радикально меняют технические и энергетические основы производства, формы его организации, отраслевую и территориальную структуру. Параллельно меняются и способы передачи информации.

хание/сокращение масштабов применения инновации) и имеет форму волны. Рассмотрение уровней распространения различных видов ИКТ в динамике позволяет наблюдать прохождение инновационных волн информатизации. Наглядно это можно увидеть на рис. 1, где автор продолжил исследование В.Л. Бабурина и его коллег [12] по динамике структуры доходов отрасли связи России за последние 70 лет.

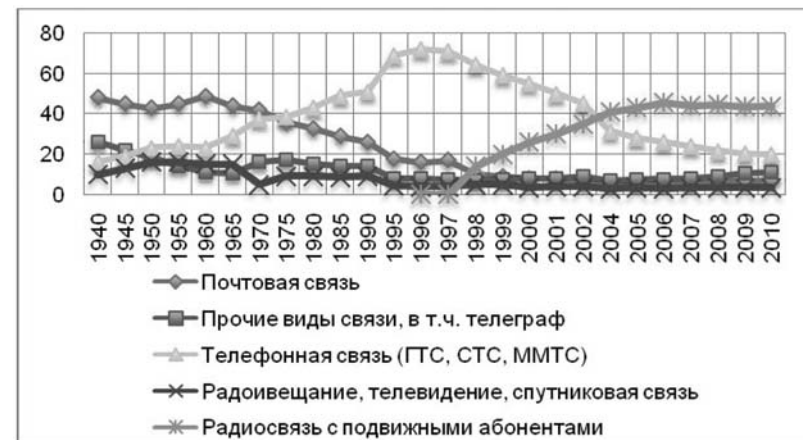

Рис. 1. Распределение доходов отрасли связи в России за период с 1940 по 2010 гг. (% от дохода отрасли в целом).
Составлено по: [12, 7].

Эпоха почтовой связи продолжалась в России до начала 1970-х гг., и почта приносила до 50% доходов отрасли связи России. Доля доходов от почтовой службы сократилась за 1940–2002 гг. с 48% до 7% и держится примерно на одном уровне. Доля телеграфа в доходах отрасли связи составляла в начале XXI века 7%, в 1940-х гг. — почти в 3 раза больше, а в 1990-х г. сократилась до минимума. С начала 1970-х гг. началась эра фиксированной телефонной связи, ее пик пришелся на 1996–97 гг. (более 70% доходов отрасли), после чего началась фаза спада в связи с появившейся в начале 1990-х и бурно развивающейся с 1998 г. мобильной телефонной связью. Началом эпохи мобильной телефонной связи в России можно считать 2003 г., когда впервые доходы от мобильной телефонии превысили доходы стационарной. С 2006 г. доля доходов от мобильной телефонной связи остается на одном уровне (около 44%), находится в фазе насыщения, а доля стационарной телефонии продолжает снижаться.

Следует отметить, что большинство инноваций, пик распространения которых остался в прошлом, находят себе место и в настоя-

щем. Старые ИКТ трансформируются, в них внедряются новые технологии. Так, в настоящее время во многих почтовых отделениях России предоставляются интернет-услуги.

На рис. 2 представлены результаты авторского исследования динамики распределения доходов сектора информационно-коммуникационных услуг США за 1990–2008 гг. Доходы от мобильной телефонной связи растут в США медленнее, чем в России, что обусловлено историей развития и особенностями предоставления услуг мобильной связи. В результате, по состоянию на 2008 г., доходы от мобильной телефонии еще не превысили доходы от стационарной телефонной связи, то есть в 2008 г. в США еще продолжалась эпоха стационарного телефона. Доходы от теле- и радиовещания, а также издания газет продолжают сокращаться, а от кабельного телевидения и услуг по предоставлению доступа в Интернет — постепенно расти.

Волны инноваций в сфере ИКТ и конкуренцию различных видов ИКТ можно также увидеть на рис. 3 и 4, где представлены результаты авторского исследования трафика различных ИКТ и уровня их распространения на примере США — жизненные циклы различных ИКТ и их территориальные проекции — циклы распространения / концентрации.

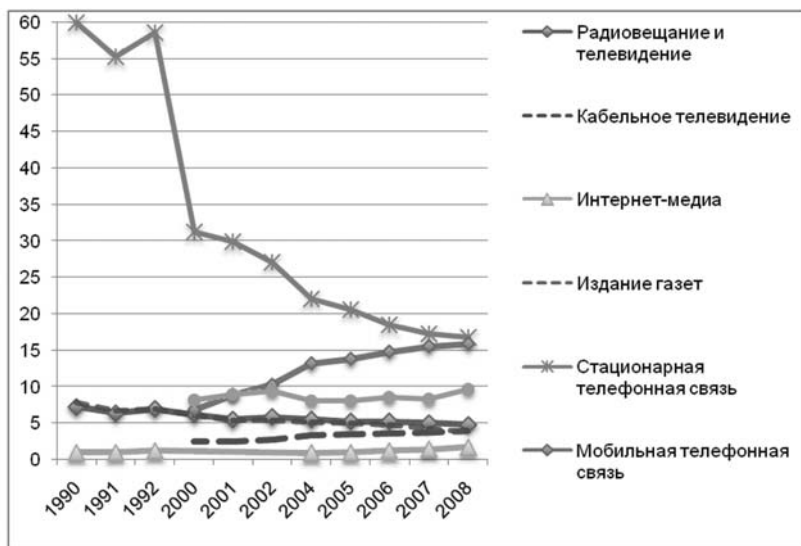
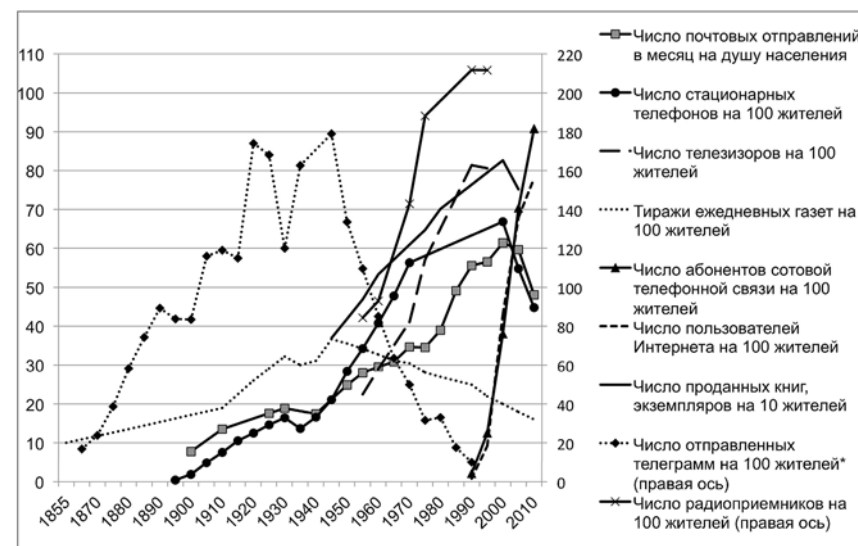

Рис. 2. Распределение доходов сектора информационно-коммуникационных услуг США, 1990–2008 гг. (% от дохода сектора в целом). Составлено по: [21].

Рис. 3. Динамика трафика различных ИКТ на примере США, 1865–2009 гг. Составлено по: [21].

Как видно, телеграф — инновация в области ИКТ, с которой началась эпоха мгновенной передачи информации, — завершил свою полуторавековую историю в США, как и во многих других странах ми-

* 1855–1910 гг. — телеграммы, отправленные Western Union; 1920–1970 гг. — телеграммы, отправленные всеми телеграфными компаниями США.

Рис. 4. Циклы развития различных видов ИКТ на примере США, 1855–2010 гг. Составлено по: [21]

ра. Основной причиной сокращения роли телеграфной связи стала конкуренция других видов связи. Сначала это были телефон и телефакс, а на заключительном этапе — электронная почта Интернета и мобильная телефонная связь. В 2006 г. крупнейшая американская компания — поставщик услуг по телеграфированию (Western Union) — полностью прекратила работы, связанные с телеграфом. Аналогичные процессы происходят во всем мире: в Германии прием международных телеграмм был прекращен в 2001 г., в Нидерландах телеграфная служба была закрыта в 2004 г., в Австралии — в 2011 г. и т.д.

Фаза роста в жизненном цикле стационарного телефона проходила в США, как и в мире в целом, с конца XIX по конец XX вв. Примерно с 2000 г. началось не только резкое сокращение трафика, но и плотности телефонной сети. Причиной этого стала конкуренция со стороны мобильной телефонной связи, которая всего за 15 лет достигла такой плотности сети, к которой стационарная телефония шла более ста лет. Это свидетельствует о тенденции сокращения жизненных циклов ИКТ или их отдельных стадий в современную эпоху, о повышении динамизма в развитии процессов информатизации.

В печатной индустрии во второй половине XX века наблюдалась бифуркация. С одной стороны, вот уже более полувека, как в США вошло в нисходящую стадию своего жизненного цикла такое средство массовой информации, как газета. С 1950-х гг., в связи с распространением радио и телевидения, началось сокращение тиражей ежедневных газет в расчете на душу населения, а в 1990-е и особенно 2000-е гг. оно усугубилось конкуренцией со стороны Интернета, куда ушла значительная часть рекламных объявлений. К концу первого десятилетия XXI века газетная индустрия в США вошла в фазу кризиса: тиражи ежедневных газет на 100 жителей приблизились к уровню начала XX века. Другие развитые страны с известным лагом запаздывания повторяют американские тренды: максимальные тиражи газет были достигнуты во Франции, Великобритании и Австралии в 1950-е гг., в Японии — в начале 1980-х гг. [1]. С другой стороны, при падении тиражей газет число проданных экземпляров книг продолжало расти и достигло своего пика в США на рубеже XX и XXI веков. Но сегодня уже все бумажные носители информации вытесняются электронными аналогами: интернет-версиями газет и электронными книгами — происходит «цифровизация» традиционных ИКТ³. Можно констатиро-

³ В 2011 г., всего через четыре года с момента появления электронных книг, физический объем их продаж крупнейшим в мире книжным интернет-магазином Amazon.com впервые превысил объем продаж печатных книжных изданий. Только в Интернете теперь можно найти такие издания, как журнал «US News and World

вать, что эпоха Гуттенберга — время бумажных носителей информации и средств массовой коммуникации, начало которому положило изобретение в середине 1440-х гг. печатного станка, — вступила в постиндустриальную фазу своего развития.

Традиционной почтовой связи долгое время удавалось сохранять свои позиции в качестве самого массового и дешевого вида телекоммуникаций: объемы пересылаемой корреспонденции в США и в мире в целом постоянно росли вплоть до начала 1990-х гг. В конце XX века, с развитием Интернета, электронной почты, электронного банкинга, электронного правительства и прочих услуг, почта в США и в глобальном масштабе вошла в стадию стагнации, а с середины 2000-х гг. началось сокращение числа почтовых отправлений, усугубленное глобальным финансовым кризисом 2008 г.

Таким образом, различные виды информационно-коммуникационных технологий находятся сегодня на разных этапах своих «жизненных циклов». Любая инновация в сфере ИКТ, однажды зародившись и испытав период количественного роста и географической экспансии, в какой-то момент достигает пика в своём развитии. В дальнейшем её жизненный цикл переходит к нисходящей стадии, иногда вплоть до полного затухания. Как правило, это связано с вытесняющим воздействием со стороны последующих инноваций — более эффективных и конкурентоспособных ИКТ, в большей степени отвечающих духу времени.

При этом иногда старые инновации сдерживают распространение новых ИКТ. Так, в США раннее появление сотовой аналоговой связи в начале 1980-х гг. и длительная недооценка преимуществ цифровых стандартов связи негативно отразились на дальнейшем развитии мобильной телефонии. Это одна из причин того, что плотность сотовых сетей в США сегодня сравнительно невелика (менее 100 абонентов на 100 жителей) [5]. Другой пример — сдерживающее воздействие на развитие Интернета во Франции в 1990-е гг. со стороны уже существовавшей в то время крупной национальной информационной сети «Минитель» [4].

2. Факторы пространственной дифференциации ИКТ. Общий уровень распространения ИКТ на той или иной территории зависит от влияния нескольких тесно взаимосвязанных факторов: благо-

report» или газета «The Christian Science Monitor», с 2013 г. уйдет в виртуальный мир журнал «Newsweek». В Интернет «уходят» и радиостанции: в 2007 г. прекратил вещание «Голос Америки», в 2011 г. — «Би-би-си» и «Немецкая волна», в 2012 г. — «Радио Свобода», игравшие немаловажную роль в мировой политической и культурной жизни XX века.

состояния населения; уровня развития базовой информационно-коммуникационной инфраструктуры; степени образованности и технической грамотности населения; уровня инновационного потенциала территории; степени благоприятности правовой и институционально-экономической среды для развития сектора ИКТ. Важнейшую роль, особенно на первых этапах распространения ИКТ, играет группа географических факторов, к которым можно отнести следующие:

- информационно-географическое положение, то есть положение относительно территорий с развитой информационно-коммуникационной инфраструктурой (соседство обеспечивает позитивные экстерналии в собственном телекоммуникационном развитии) и положение относительно крупнейших телекоммуникационных магистралей (к примеру, благоприятность приморского положения и выхода к океаническим оптоволоконным кабелям);
- размер страны (как правило, малый размер и компактность территории облегчают развертывание на ней информационно-коммуникационной инфраструктуры и наоборот);
- особенности ландшафта (например, наличие геоморфологических преград и климатических ограничений), которые могут быть барьерами для развития сетевой кабельной инфраструктуры и одновременно катализаторами развития беспроводных ИКТ;
- урбанистический фактор (плотность населения и уровень урбанизированности территории) — города, будучи фокусами концентрации наиболее активного и восприимчивого к инновациям населения, информационных центров, образовательных учреждений и инфраструктурных узлов, превращаются в узловыи элементы информационно-коммуникационных сетей, территориальная конфигурация которых, как правило, повторяет конфигурацию опорного каркаса расселения.

3. Особенности глобальной экспансии Интернета. Интернет — системообразующая новация в сфере информационных технологий и глобальных коммуникаций — в своём развитии прошёл к настоящему времени два этапа и, вопреки прогнозам десятилетней давности, территориальные диспропорции в уровне его проникновения постепенно сглаживаются. Глобальная экспансия Интернета происходит по принципу иерархической диффузии инноваций: от Центра к Полупериферии и Периферии⁴. Если в 2000 г. в развивающихся стра-

⁴ К «Центру» мирового хозяйства отнесены США, Канада, страны Западной Европы, Япония, Австралия и Новая Зеландия, Сингапур и Израиль; к «Полупериферии» — страны Центрально-Восточной Европы, Россия, Украина и Белоруссия,

нах проживало 26% всех интернет-пользователей мира, то сегодня — уже более 60%. За первое десятилетие XXI века «цифровой разрыв» в сфере Интернет сократился почти на порядок (Табл. 1, Рис. 5).

Таблица 1.

Этапы глобального распространения Интернета, 1991–2012 гг.

Этапы Индикаторы	Ранний этап (1991–2000 гг.)	Зрелый этап (2001–2012 гг.)
Среднегодовые темпы прироста числа пользователей	68%	40%
Число пользователей*	400 млн	2,4 млрд
Число пользователей на 100 жителей*	6,5	34
Соотношение числа пользователей, проживающих в развитых и развивающихся странах*	74:26	40:60
Индекс «разрыва» в глобальном Интернете*	740 раз	83 раза
Доля сайтов, созданных в США*	89%	62%
Объем глобального интернет-трафика*	232 Гбит/с	42 247 Гбит/с
Максимально возможная скорость передачи данных *	56 Кбит/с	100 Мбит/с
Доля электронной торговли в общем объеме розничных продаж в США*	0,9%	4,2%

* На конец периода

Составлено по: [6; 13; 19; 20; 21; расчеты автора]

Однако, если по показателям численности пользователей диспропорции в мире выравниваются достаточно быстро, то в сфере информационного наполнения Интернета развитые страны сохраняют доминирующие позиции. До сих пор на США приходится большинство сайтов (более 62%), а на развитые страны в целом — более 87%. При этом на Полупериферию мирового хозяйства, где проживает почти половина всех интернет-пользователей, приходится менее 8% всех сайтов. Похожая картина наблюдается и в области языкового наполнения Интернета: более 72% всех сайтов — англоязычные, доля

Китай и Индия, новые индустриальные страны зарубежной Азии и Латинской Америки, а также Турция, Саудовская Аравия и ЮАР; к «Периферии» — страны Африки (за исключением ЮАР), Центральной Азии, Ближнего Востока, Центральной Америки, а также наименее развитые страны Южной Америки и др.

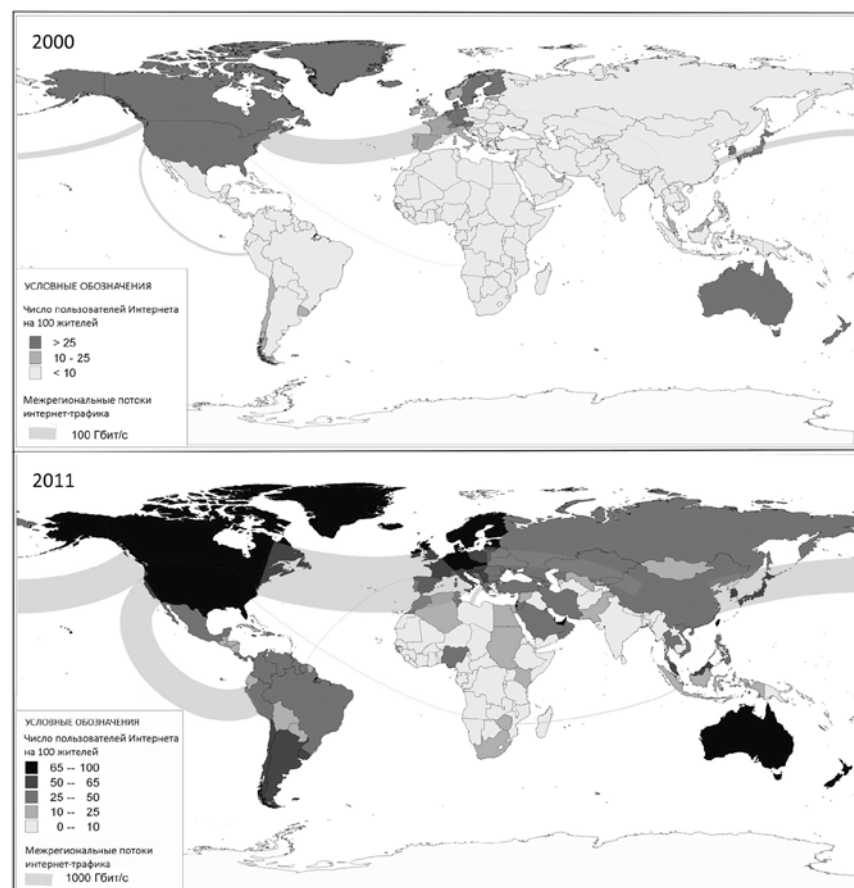

Рис. 5. Распространение Интернета в мире и крупнейшие межрегиональные потоки интернет-трафика, 2000 и 2011 гг.

Составлено по: [13; 17; 20; расчёты автора].

сайтов на китайском языке не превышает и 6%, на испанском — 3,5%. Таким образом, прогнозы десятилетней давности о безоговорочном доминировании развитых стран в интернет-пространстве оправдались только в сфере создания информационных ресурсов Интернета.

Масштабные сдвиги произошли за первое десятилетие XXI века в географии глобального интернет-трафика, объем которого увеличился в 200 раз. Опережающими темпами растёт доля международного трафика, на который в 2012 г. уже приходилось около 46% всего

интернет-трафика. Структура международного интернет-трафика (в котором мы выделили глобальный и макрорегиональный) существенно изменилась за первое десятилетие XXI века. Значительно возросла доля внутрирегиональных интернет-коммуникаций, на которые приходится сегодня более, чем 3/4 всего международного трафика. К примеру, 75% европейского международного интернет-трафика на Европе же и замыкается (максимальный показатель среди всех регионов мира), в Азии и Латинской Америке — около 30%, в Северной Америке — 15%, в Африке — около 1% [20]. А доля глобального (то есть межрегионального) интернет-трафика — сократилась за последние 10 лет более, чем в 2 раза. На рубеже XX и XXI веков половина международного трафика циркулировала между макрорегионами мира (так как все основные вычислительные мощности для хранения информации и создания сайтов находились в США), а сегодня — уже менее четверти. Это свидетельствует о том, что за одно десятилетие произошла существенная децентрализация мировой интернет-инфраструктуры, во многом обусловленная задачей обеспечения информационной безопасности [9].

5. Глобальный процесс телефонизации. Конкуренция и взаимодоподолняемость ИКТ, а также «обгоняющий» сценарий догоняющего развития. Телефонизация, начавшаяся в последней четверти XIX в., приобрела беспрецедентно высокую динамику на исходе XX века — с появлением мобильной телефонии. Условно можно считать, что скорость развития мобильной телефонии примерно в 7–10 раз выше, чем стационарной [11]. Число стационарных телефонов в мире достигло своего пика в 2006 г., после чего и количество телефонов, и плотность сети стационарной телефонии стали ежегодно снижаться. Таким образом, с одной стороны в результате конкуренции со стороны мобильной телефонии «жизненный цикл» стационарной телефонной связи перешёл к стадии спада. С другой стороны, мобильная телефонная связь дополняет стационарную, и вместе они создают эффект массовой телефонизации населения.

До появления технологии сотовой связи уровень телефонизации повышался в мире очень медленно (рис. 6). К началу 1990-х гг. относительно высокого уровня телефонизации (более 50 стационарных телефонов на 100 жителей) достигли лишь наиболее развитые страны мира — государства Северной Америки, Северной и Западной Европы. Интенсивный рост уровня интегральной телефонизации (измеряется совокупным числом абонентов мобильной и фиксированной связи на 100 жителей) начался в мире с середины 1990-х гг., в связи с началом распространения сотовой связи. К концу первого десятиле-

тия XXI века полностью исчезла привычная иерархия стран мира по уровню телефонизации населения: среди лидеров теперь — страны бассейна Персидского залива, Восточной Европы (включая Россию) и даже ряд стран Центральной Америки. Распространение сотовой связи в мире идет по принципу описанной Т. Хагерстрандом диффузии перемещения [19]: не достигнув насыщения в развитых странах, волна распространения мобильной телефонии покрывает страны развивающиеся, которые стремительно перегоняют страны развитые по уровню мобильной телефонизации.

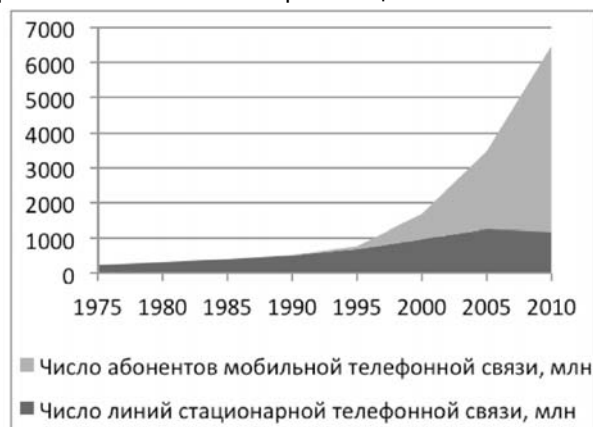

Рис. 6. Динамика и структура интегральной телефонизации в мире, 1975–2009 гг. Составлено по: [2, 6].

Если рассмотреть соотношение абонентов стационарной и мобильной связи, то максимальный уровень доминирования мобильной телефонии (более 95% абонентской базы) свойственен наименее развитым странам мира с низким уровнем интегральной телефонизации (Африка южнее Сахары, Центральная Азия), в которых стационарная телефонная связь находилась в зачаточном состоянии на момент появления сотовой. В развитых странах доля абонентов мобильной телефонии заметно ниже (60–75%), что обусловлено относительно высоким исходным уровнем телефонизации. Лишь в нескольких странах мира число абонентов мобильной телефонии меньше числа абонентов стационарной телефонной связи — это политически закрытые КНДР, Куба и Мьянма, а также Монако и ряд островных государств в Тихом океане.

Очевидно, в развитых странах распространение сотовой связи сдерживается высокой инерционностью транспортно-коммуникаци-

онной инфраструктуры: большие капиталовложения в её развитие, произведённые в прошлые десятилетия, тормозят инновационные процессы в последующие годы [8; 16]. В случае с телефонизацией в странах с неразвитой сетью стационарной телефонной связи этой инерции почти не было, и развитие нового вида связи шло «с чистого листа», что и объясняет ее особый динамизм. Например, на Рис. 7 видно, что в 1990 г. уровень телефонизации в России был весьма скромным по сравнению с развитыми странами и даже со среднемировым уровнем (14 телефонов на 100 жителей в России, 35 — в мире и почти 70 — в Швеции). Но благодаря распространению мобильной связи, в начале XXI века произошёл мощный рывок и сейчас по показателям телефонизации Россия находится в числе мировых лидеров, обогнав в том числе и Швецию. Столь же большого успеха удалось добиться и ряду стран Ближнего Востока (Саудовская Аравия и Оман), Латинской Америки (Аргентина, Доминика, Панама и Суринам), Восточной Европы (Украина, Румыния и Албания) и Мальдивским островам.

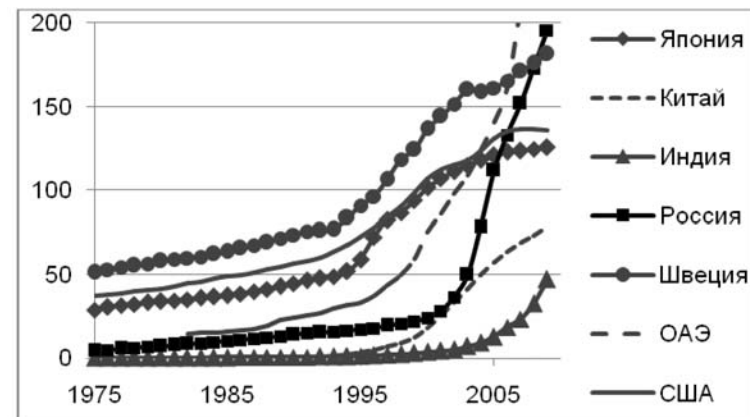

Рис. 7. Интегральная телефонизация в странах мира (число абонентов стационарной и мобильной телефонной связи на 100 жителей), 1975–2010 гг. Составлено по: [6].

Это является ярким проявлением такого феномена догоняющего развития, когда долгое время отстававшие страны (в данном случае — в области стационарной телефонии) на новом витке научно-технического прогресса (с внедрением инновации — мобильной связи) делают рывок и перемещаются с одного витка спирали развития на другой, перешагнув через промежуточные этапы [18]. Во-первых

— через этап стационарной телефонизации, во-вторых — через этап массовой компьютеризации населения⁵.

В результате распространение мобильной телефонии позволило значительно смягчить географические контрасты, сделало информационное пространство более гомогенным: если в 1990 г. индекс «разрыва» между странами по уровню интегральной телефонизации населения составлял 312 раз, в 2000 г. — 252 раза, то к концу первого десятилетия XXI века он сократился до 16 раз.

Тем не менее, если по числу телефонов на 100 жителей диспропорции в мире достаточно быстро выравниваются, и зачастую развивающиеся страны обгоняют развитые государства, то по показателям интенсивности использования телефонной связи сохраняется привычная глобальная иерархия. Чем выше уровень развития страны, тем больше активность использования населением ИКТ и, в частности, телефонной связи [10]. Помимо социально-экономических причин этого явления следует отметить и культурные особенности развивающихся стран, где зачастую мобильный телефон является, прежде всего, элементом престижа.

* * *

В результате исследования были выявлены следующие особенности пространственной диффузии инноваций в сфере ИКТ. Развитие и территориальная экспансия ИКТ при общем поступательном тренде в долгосрочной перспективе происходит волнообразно. Новые волны инноваций, как правило, ускоряют спад старых, хотя в некоторых случаях при взаимном наложении инновационных волн разных поколений ИКТ возникает резонансный эффект, обусловленный инерционностью информационно-коммуникационной инфраструктуры. При этом внедрение новейших ИКТ даёт возможность развивающимся странам миновать целые этапы процесса информационной модернизации, перескакивая с одного витка его спирали на другой, и зачастую выйти в число лидеров, реализовав «обгоняющий» сценарий догоняющего развития.

⁵ Как показала практика некоторых стран, для достижения достаточно больших показателей проникновения Интернета совсем не обязателен высокий уровень компьютеризации домохозяйств. В развивающихся странах и регионах, в связи с неразвитостью инфраструктуры фиксированных линий связи и низким уровнем благосостояния населения, роль персонального средства для выхода в Интернет взял на себя не компьютер, а мобильный телефон. В России, к примеру, пользователи мобильного Интернета в 2011 г. составили уже 45% всей интернет-аудитории [3].

Ключевой тенденцией в развитии телекоммуникаций сегодня является конвергенция ИКТ и внедрение принципа универсальной сети: создается единая сетевая инфраструктура для хранения, обработки и передачи всех видов информации с универсальными каналами передачи информации и центрами обработки данных. В результате, на базе Интернета формируется интегрированная система глобальных цифровых коммуникаций, которая является порождением современной эпохи глобализации, аналогично тому, как электрический телеграф сформировал первую глобальную информационную сеть в эпоху ранней глобализации (конец XIX — начало XX вв.) [14, 15].

За первое десятилетие XXI века произошло существенное сглаживание географических контрастов в распространении различных ИКТ. Однако сокращение количественных диспропорций сопровождалось сохранением качественных разрывов, связанных с интенсивностью использования ИКТ и распределением информационных ресурсов Интернета, где по-прежнему сохраняется привычная глобальная иерархия и монополия развитых стран.

Литература

1. *Вартанова Е.Л.* Медиаэкономика зарубежных стран. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 335 с.
2. Всемирный банк (World Bank): <http://www.worldbank.org>
3. Интернет в России: состояние, перспективы и тенденции развития. Отраслевой доклад / Под ред. Д.М. Чистова и К.Р. Казарьяна. — М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2011. — 82 с.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
5. *Кашутин П.С.* Глобализация сотовой связи и особенности ее развития в макрорегионах мира: Дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. — М., 2006. — 148 с.
6. Международный союз электросвязи (International Telecommunications Union): <http://www.itu.int>.
7. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ: <http://www.minsvyaz.ru>
8. *Могилевкин И.М.* Глобальная инфраструктура: механизм движения в будущее. — М.: Магистр, 2010. — 317 с.
9. *Нагирная А.В.* География глобальной сети Интернет // География в школе, 2012. — №10. — С. 14–18.

10. Нагирная А.В. Информационно-коммуникативная открытость стран мира // Региональные исследования, 2013. №1. — С. 41–48.
11. Нагирная А.В. Конкуренция новых и старых ИКТ на примере стационарной и мобильной телефонной связи // Современные проблемы общественной географии / Под ред. С.С. Артоболевского, Л.М. Синцера. — М.: ИГ РАН, 2011 г. — С. 338–350.
12. Пространство циклов: Мир — Россия — регион / Под ред. В.Л. Бабурина, П.А. Чистякова. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 320 с.
13. Сайт мировой статистики по Интернету:
<http://www.InternetWorldStats.com>
14. Синцеров Л.М. Проблемы глобальной интеграции // Известия РАН. Серия географическая, 2005, №4. — С. 5–12.
15. Синцеров Л.М. Первая глобальная информационная сеть // Известия АН. Серия географическая, 2004, №3. — С. 71–75.
16. Синцеров Л.М. Транспортно-коммуникационная парадигма мирового развития // Мировая экономика и международные отношения, 2011, №5. — С. 122–128.
17. Смирнов М.А. Современные факторы глобального распространения инноваций (на примере Интернета): Дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. — М., 2003. — 140 с.
18. Трейвиш А.И. География и развитие // География мирового развития. Выпуск 1. — М.: Институт географии РАН, 2009. — С. 8–43.
19. Hagerstrand T. Innovation diffusion as a spatial process. — Chicago: University of Chicago Press, 1967. — 333 p.
20. Telegeography Research, аналитическая компания:
<http://www.telegeography.com>.
21. U.S. Bureau of the Census, Statistical Abstracts of the United States: 1900 (48th Edition) — 1994 (114th Edition). — Washington, D.C.: Government Printing Office, 1901–1994.

Бобрик П.П.

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ ФАКТОРА РАЗНООБРАЗИЯ ТЕРРИТОРИИ

Введение

Тот факт, что разнообразие территории благотворно сказывается на ее развитии, имеет много подтверждений на практике и не вызывает сомнений. В качестве убедительных примеров (отнюдь не претендуя на полноту) можно привести территории вдоль границ (особенно, где присутствуют три границы), а также множество примеров территорий с высоким транзитным транспортным потенциалом. Например, на пересечении железнодорожных путей.

Отметим, что в обоих приведенных примерах разнообразие было антропогенным, т.е. искусственным. В первом случае разнообразие достигается политическими факторами, а во втором за счет интенсивного транспортного сообщения, которое как бы приближает смежные территории, тем самым, позволяя принести внешнее разнообразие внутрь территории. Тем самым, в случае недостаточного количества природных факторов, разнообразить территорию можно искусственно.

Однако, при попытке оценить количественно влияния фактора разнообразия на уровень развития территории возникает ряд трудностей принципиального характера.

Прежде всего, на развитие территории влияют большое число факторов, и фактор разнообразия здесь далеко не главный. Корректно выделить его из множества других факторов однозначным способом вряд ли возможно в принципе.

Также большую сложность представляет тот факт, что как и уровень социально-экономического развития, так и само разнообразие представляют собой не точные, а гуманитарные понятия, не допускающие однозначного формализованного определения. Более того, они являются различными для разных субъектов: производств, человеческих общностей, и даже отдельных людей, хотя внешние условия здесь одинаковы для всех. Т.е. они принципиально субъективны.

Например, один и тот же объект (товар, услуга, наличие производства, ресурса и т.д.) имеет различную ценность для различных

субъектов на территории. Эта ценность в одной и той же точке может значительно меняться во времени, например, в зависимости от текущего объема предложения.

Однако жизнь диктует нам свои требования. Задачи практики требуют введение строгого формализованного подхода к оценке влияния такого размытого фактора, каким является разнообразие территории.

Понимая ограниченность любого подхода к этой задаче, предложим еще одну количественную методику, которая имеет своей целью оценку влияния фактора разнообразия территории на территориальное развитие. Отличительной особенностью данного подхода является его транспортная направленность, которая базируется на таком простом заключении, что для повышения уровня потребления недостаточно увеличивать предложение тех или иных товаров или (и) услуг. Надо еще уметь дешево и быстро добраться до мест их доступности.

Принцип второго бутерброда

Одной из важнейших характеристик уровня развития территории является качество жизни населения. Продемонстрируем предлагаемую методику количественного учета влияния фактора разнообразия на примере понятия качества жизни.

Качество жизни также является субъективным понятием, т.е. понятием, существенно завязанным на психику отдельного индивидуума. Оно не описывается только материальными показателями вроде среднего дохода населения на территории. Везде, где требуется учитывать полезность тех или иных объектов с точки зрения человека, общества или его отдельных субъектов в той или иной степени идет обращение к человеческой психике как мерилу полезности. В различных науках эта проблема встречается постоянно и для ее решения накоплен немалый опыт.

Так, в экономике хорошо известен так называемый принцип второго бутерброда, который позволяет оценить полезность одного товара в самом общем случае. Согласно этой теории, удельная полезность каждого нового съеденного бутерброда (оценка человеком полезности) не выше, чем у предыдущего. Косвенно этот принцип подтверждается повседневным правилом гастрономии — чем разнообразнее питание, тем оно лучше.

В таком виде этот принцип обосновывает такое базисное экономическое понятие как соотношение спроса и предложения. Также из

него следуют пересечение кривых спроса и предложения, наличие точки равновесия и справедливых цен.

Использование принципа второго бутерброда позволяет получить общую теоретическую базу для количественной оценки степени разнообразия и ее полезности. В самом общем случае логика рассуждений следующая: чем больше разнообразие, тем чаще встречаются «первые бутерброды» различных благ, и реже вторые, третьи и т.д. Поэтому ценность этих благ при потреблении оказывается намного выше. Это происходит потому, что число самих благ выше.

Учет этого обстоятельства позволяет осознать на качественном уровне, что чем выше разнообразие, тем лучше будет предложение, тем выше будут уровень жизни и потенциал территории.

Отметим, что в самом принципе ничего не говорится про выбор и вид самой функции полезности, т.е. насколько падает полезность каждого следующего бутерброда по сравнению с предыдущим. Это полностью определяется спецификой текущей задачи и во многом зависит от квалификации и предпочтений исследователя. Ниже будет показан пример применения этого подхода для оценки уровня транспортной развитости территории, и как следствие, для оценки уровня разнообразия доступных благ в конкретной точке.

Роль транспорта в разнообразии территории

В работах [3, 4] был использован подобный экономический подход для получения оценки транспортной предпочтительности того или иного участка территории. В частности был получен новый показатель, который по своему типу относится к показателям транспортной доступности (см. [1]). Приведем вкратце основные положения этих работ.

Наибольшую трудность, как правило, вызывают проблемы адекватной оценки транспортной развитости территории. Наиболее простыми скалярными показателями являются показатели Энгеля, Успенского, Василевского. Но для решения сложных задач их обычно не достаточно. Требуются более тонкие методики и расчеты.

Будем предполагать, что освоенность территории зависит от двух групп факторов. Она тем выше, чем больше среднедушевой доход на единицу площади, и чем к большей территории можно добраться в разумное время.

Будем также считать, что удовлетворение тех или иных потребностей человека происходит только в результате контактов с другими людьми. При этом, чем больший доход имеет человек, с которым кон-

тактируют, тем больше услуг и (или) более качественные услуги он может оказать. Например, от контакта с ним удастся заработать большее количество денег. Поэтому ценность контактов зависит от доходов населения на территории, а также от числа проживающих на данной территории людей. Количественно это задается величиной обобщенного дохода в точке.

$$r = \rho d$$

Чем выше величина обобщенного дохода в точке, тем более желательна поездка к ней, и тем более продуктивной будет сама поездка.

Будем предполагать, что в каждой точке v существует стационарный профиль поездок во все остальные точки территории u . Используем для этого наиболее простую и очень распространенную гравитационную модель поездок. Поскольку под этим термином в литературе можно встретить различные предположения, то приведем точные формулы.

Рассмотрим дискретный случай с конечным числом точек посещения. В непрерывном случае такая ситуация возникает после разбиения территории на элементарные расчетные ячейки, например в виде малых квадратов, правильных шестиугольников или треугольников. Так для каждой элементарной ячейки с центром в точке u предполагаются известными величины обобщенного дохода $r_u = r(u) = \rho(u)d(u)$, времени доступности до точки $t_u = t(v, u)$.

Присвоим каждой ячейке с центром в точке u вес по формуле

$$m_u = \frac{r_u}{(t_u)^2}.$$

И пусть $M_v = \sum_u m_u$ — сумма всех весов точек корреспонденций из точки V .

Будем предполагать, что поездки из каждой точки территории распределяются по элементарным ячейкам таким образом, чтобы доля v_u поездок в точку u от всего числа поездок была бы равна

$$v_u = \frac{m_u}{M}.$$

Последняя формула и составляет суть гравитационной модели.

Показатель транспортного окружения

Пусть из некоторой точки отправления v в единицу времени совершается $A = A_v$ поездок. Величина A_v является характеристикой транспортной активности в точке v .

Вычисляя в соответствии с вышеприведенными формулами доли поездок в каждую точку прибытия, и умножая их на A можно получить число поездок в каждую точку u .

Введем также переменную (пока неизвестную) периода посещения $T_u = T(u)$. Последняя величина равна периоду времени, через которые посещается точка u . Будем предполагать, что периоды T_u настолько больше времен доступности t_u , что влияния самого времени поездки на период пренебрежимо мало. Тогда период посещения равен

$$T_u = \frac{1}{A v_u}.$$

Можно ввести для каждой точки отправления показатель окружения, равный

$$K = \frac{r_u \sqrt{T_u}}{t_u}.$$

Данная формула является определением показателя окружения.

В данной формуле индекс u при показателе опущен намеренно. Можно показать, что для всех точек прибытия u эта величина будет постоянной, а раз так, то эта величина является показателем только текущей точки v .

В случае использования данного показателя в ссылках, просьба упоминать фамилию автора.

Возможности обобщения

Вернемся теперь к исходной задаче. Требуется оценить уровень разнообразия территории.

Прежде всего, требуется выделить из всего многообразия факторов те, которые будут далее учитываться в задаче.

Далее требуется определить веса полезности тех или иных факторов. Как уже говорилось ранее, конкретные виды функций полезности и самого набора факторов должны определяться спецификой той или иной задачи, ее цели, а также субъективными предпочтениями конкретного исследователя.

Как правило, факторы имеют территориальную привязку, где-то на территории они присутствуют, а где-то нет. Потому, как показано выше, даже на относительно небольшой территории требуется учитывать роль транспорта, с помощью которого можно добраться до места получения или использования того или иного фактора разнообразия. Также транспортная доступность будет искажать исходные

полезности факторов в конкретной точке, поскольку исходная полезность уменьшается на величину транспортных издержек.

Таким образом, использование предложенного показателя окружения позволяет количественно учесть любое количество факторов, действующих на территории. Более того, такой подход позволяет оценить доступность того или иного ресурса на других территориях, (пусть и с некоторым дисконтом), чего не удастся сделать при однозначных функциях принадлежности типа «ресурс — наличие на территории». Достаточно только указать точки доступности этого фактора, а также общую полезность этого фактора для населения или бизнеса в виде некоторой функции. На выходе получается обобщенная интегральная оценка разнообразия точки территории с точки зрения доступности в ней различных благ.

Подобные функции могут далее использоваться для поиска корреляционных и прочих математических зависимостей между различными показателями уровня развитости территории и фактором разнообразия, т.е. позволяют начать количественные исследования.

Одним из наиболее простых полигонов для исследований в этом направлении могут являться идеализированные территории типа простейших регулярных сетей, где уже оказалось возможным получить некоторые теоретические результаты. Методы вычислений и общая постановка задачи изложена, например, в [6].

Литература

1. Байсеркеев О.Н., Бугроменко В.Н. Региональная пространственно-временная среда. — Алматы, 1993 г. — 243 с.
2. Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. — Смоленск-Москва: Издательство «Универсум», 2005. — 384 с.
3. Бобрик П.П. Обоснование гравитационной модели транспортных корреспонденций при помощи закона убывающей предельной полезности. Труды МФТИ, 4-ый сборник 2010 года под руководством вице президента РАН, академика В.В.Козлова «Научно-практические задачи развития автомобильно-дорожного комплекса в России», г. Москва.
4. Бобрик П.П. Использование закона убывания предельной доходности при моделировании транспортных корреспонденций. Межрегиональная научно-практическая конференция «Функциональные и региональные проблемы национальной морской, речной политики и подготовки кадров». Астраханский филиал ФГОУ ВПО

- «Волжская государственная академия водного транспорта», г. Астрахань, 2010 г.
5. Бобрик П.П. Организация сельскохозяйственной транспортной сети в Пермском крае. Труды конференции «Актуальные проблемы экономики и права.» Институт экономики финансов. Пермь, 2011.
 6. Бобрик П.П. О преимуществе треугольной топологии сети над квадратной. М., Журнал «Транспорт: наука, техника, управление», 2005 г. №3. — С. 32.
 7. Agassiant A.A. Strelnikov A.I. Rational Development of urban transportation systems, with due consideration given to environmental protection. — M: 1989. — 97 p.

Култашев Н.Б.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ТЕОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Неоднородность внешнего мира, его многообразие и сложность приводят к тому, что из предметности мышления вытекает существование относительно самостоятельных систем мышления (логических систем), способов восприятия действительности, построенных на познанных законах определенной области действительности. Видовые отличия таких систем мышления связаны с вычленением человеком отдельных объектов и сфер познания как со способом разрешения противоречия конечности существования человека и человечества, и бесконечности пространственно-временных масштабов и свойств природы. Другая причина существования различных систем мышления — метакхронность процессов познания.

В таком контексте объяснимо существование *географического мышления* и присущего ему способа представления своих результатов — картографического отображения действительности: в географии выработан способ стандартизации представлений о ТО комплекса внешних оболочек планеты; информация о ней, упорядоченная на определенной концептуальной основе, хранится в образно-знаковой форме — в форме карт. Карты выступают «посредником», позволяю-

щим в значительной степени снять субъективное в представлениях о ТО, если, конечно, не принимать во внимание, что любая карта имеет некоторую концептуальную основу. Доказательство истинности последней — вопрос часто весьма дискуссионный.

В реальном мире нет ничего внепространственного; вне пространства нет бытия. Поэтому любое знание есть знание о пространстве жизни человека. Значительная его часть связана с объяснением земного пространства. В этом смысле формально-логически в содержание географии могут быть включены все исследования, касающиеся изучения земной среды жизни человека и человека в связи с ней. Иной способ решения — вопрос о «географичности», связанной опять-таки с идеей пространственного подхода, — количественное обоснование масштабов объекта исследования без его определенного формулирования. Оно дается в форме пороговых масштабов изучения [1;].

И та и другая формы пространственного обоснования сферы компетенции географии говорят о том, что *география изучает*, указывая определенно, что проблемами макро- и микромира географы не занимаются. Эти способы одновременно отражают такое положение вещей, когда оказывается, что в пределах мезомира география интересуется всем (и вновь ныне уже П.Я.Бакланов говорит о всеядности социально-экономической географии). Вопрос о том, в каком смысле география изучает пространство земной жизни человека, оказывается, поэтому чрезвычайно важным для повышения ее роли в решении глобальных проблем человечества. Вместе с тем, пользуясь этими определениями, мы можем уточнить, что *география — одна из форм мышления о мезомире в связи с деятельностью человека в нем*.

Ответ на вопрос о том, что такое географическое мышление, требует особого анализа его как такового. Противоположность мышления вообще и географического в частности заключается в том, что первое направлено на мир в целом и на себя как на таковое; второе — на определенную структуру отношений материального мира и на способы получения нового знания об этой структуре на основе собственных представлений. В этом смысле географы исключительную роль отводят представлению о некоем пространственном объекте, который в общем виде можно назвать «район», и карте как методу познания районной организации бытия природы и человечества. Географическое мышление соответственно связано со сферой материального мира, определяемой необходимостью объяснить закономерности многообразия пространства форм жизни человека на планете. Вме-

те с тем географическое мышление не может (вроде бы) осуществляться в логической форме, будучи формой мышления — образной (согласно Н.Н. Баранскому). Но и мышление как таковое, охватывая универсум явлений, опираясь, прежде всего, на опыт земного познания (и в этом смысле являясь геоцентричным в своей предметности), не может обойтись без географического мышления.

В тоже время в точном соответствии с логикой науки, Н.Н. Баранский — один из немногих географов, кто целенаправленно затрагивал проблему географического мышления, — представлял себе взаимосвязь элементов географических исследований следующим образом: основу изучения составляют факты, наиболее адекватная и доходчивая форма систематизации которых в экономической географии — экономическая карта. Но одни фактические данные имеют малое значение, необходимо установление причинно-следственной связи между ними: «Факты нужно осмысливать, призывая ум на помощь памяти. Для усвоения географических фактов и в процессе их усвоения надо развивать то, что можно назвать «географическим мышлением». Его Н.Н. Баранский представлял себе частным конкретным признаком мышления: «В понятие географического мышления входят в основном два признака: географическое мышление — это мышление, во-первых, привязанное к карте, кладущее свои суждения на карту, и, во-вторых, комплексное, не замыкающееся в рамках одного элемента природы или одной отрасли хозяйства, а охватывающее их во всех связях и опосредованиях» [4, с. 17–18]. По Н.Н. Баранскому, таким образом, в содержание географического мышления входят: 1) умение видеть во всем пространственные различия и отображать этот факт на карте; 2) выяснение причинности этих различий и взаимосвязи различий между собой, соединение их в целостный образ. Иначе, географическое мышление означает умение видеть с помощью карты пространственные различия во взаимосвязях элементов природы, хозяйства и жизни человека и умение объяснить причину именно этих, пространственных различий.

Нерасшифрованный синкретизм представления Н.Н. Баранского (географическое мышление одновременно и образное, и логическое) наложил серьезный отпечаток на последовавшие в географии процессы (начиная с середины 70-х гг. XX в.).

Это представление привлекает к себе внимание с двух позиций:

1. В какой мере оно отражает объективную противоположность мышления как такового и географического мышления? В какой степени оно включено соответственно во всеобщую связь явлений?

2. Почему в самом определении содержится требование мыслить комплексно, но не указана конкретная форма пространственно-го комплекса? Ведь призыв к охвату «во всех связях и опосредованиях» имеет своей обратной стороной более раннее или более позднее впадение в агностицизм или необходимость признания географии наукой наук, ибо даже указание на «пространственность» интересов географии ничего не дает для специфически географической интерпретации мышления: в природе не существует внепространственных образований, кроме гипотетической мысли как единицы мышления!

Для ответа на вопросы, возникающие в связи с определением Н.Н. Баранского, принципиально важно понимание того, как развивается эта противоположность мышления и географического мышления, каким образом, мышление вообще трансформируется в географическое и географическое мышление переходит в мышление о мире в целом. Противоречие, лежащее в основе развития отмеченной противоположности, заключается в том, что мышление вообще (идеально) свободно от связи с каким-либо определенным содержанием — это движение мысли как таковой и оно обусловлено практической, предметной деятельностью человека.

Принципиальный вопрос теории географического познания — вопрос о географической логике — далек от своего разрешения. Пожалуй, он даже всерьез и не поставлен. Сегодня на первом плане проблема теоретической географии: накопив обширную информацию о пространстве земной природы и формах жизни человека на планете в ее многообразных условиях, географы стремятся научно упорядочить этот материал. Вопрос о содержании этого упорядочения решается в двух плоскостях: поиск закономерной объективной причинной связи, определяющей территориальное многообразие форм и условий жизни человека на планете, и отрицание такой связи, поиск различных условий, приводящих к определенным формам поведения людей. Однако, грустен итог этой деятельности (будем надеяться, промежуточный), констатированный В.А. Шупером: «Методология современной географии вряд ли вообще стоит того, чтобы учить ей студентов» [3, с. 88]. Впрочем, все это — часть более широкой и сложной проблемы (4).

Литература

1. Гохман В.М., Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Проблемы метагеографии/Вопросы географии. Сб. 77: Математика в экономической географии. — М., 1968.
2. Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. — М., 1956.
3. Шупер В.А. Вклад Ю.Г. Саушкина в становление теоретической географии в СССР//Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научн. статей. — Смоленск: Универсум, 2011. — 608 с. С. 88-93.
4. Култашев Н.Б. Проблемы теории географического познания. Общественные и философские предпосылки. — Тверь, Тверской гос. ун-т, 1994. — 172 с.

Лейзерович Е.Е.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПОРНОГО КАРКАСА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАЙОНА

Разнообразие экономико-географических характеристик ареалов/районов, составляющих в совокупности территорию России, связано с уникальным своеобразием той конкретной природной обстановки, в которой они находятся, с различиями в плотности населения, его распределении между городскими поселениями и сельской местностью, наличием или отсутствием больших городов, в ряде случаев с особенностями национального состава и качества населения, наконец, с различиями в насыщенности ареалов/районов основными производственными фондами и инфраструктурой (в первую очередь транспортной). Одной из базовых причин этого разнообразия являются особенности географического положения рассматриваемых территорий, как физико-географического положения — относительно стабильного, так и экономико-географического положения, меняющегося, или, во всяком случае, поддающегося частым изменениям, во времени.

Через десять лет после того, как в географической литературе впервые появился термин «экономико-географическое положение» (ЭГП) [10], Н.Н. Баранский опубликовал большую основополагающую статью об этом понятии [2], идеи которой сохраняют свою значимость и сегодня. По определению Н.Н. Баранского, ЭГП — это отношение какого-либо места, района или города к вне его лежащим данностям, имеющим для него экономическое значение. При ретроспективном историко-географическом изучении ЭГП района такие данности обязательно выявляются в ходе исследования. Но когда стоит задача оценить современное ЭГП района, тем более рассмотреть его потенциал для дальнейшего развития, выявление данностей, отношение к которым в перспективе может иметь экономическое значение для изучаемого объекта, часто представляет собой непростую задачу. В её решении важнейшую роль должно играть использование географической карты.

Академик П.Я. Бакланов и М.Т. Романов предлагают, чтобы первыми в числе данностей, отношение к которым определяет ЭГП района, были территории — объекты экономического районирования [1]. Мы поставили перед собой задачу — обратить внимание на то, что в процессе дальнейшего исследования существующего или будущего ЭГП района целесообразно использовать в качестве данностей, по отношению к которым возможна оценка этого ЭГП, параметры опорного каркаса расселения Г.М. Лаппо и П.М. Поляна [4, 7], который для России можно считать опорным каркасом (ОК) её территориальной структуры.

ОК формируется крупными городами-центрами и соединяющей их сетью путей сообщения. В условиях современной России основой сети путей сообщения остаются железные дороги. Несмотря на бурную автомобилизацию, начавшуюся в годы перестройки и продолжающуюся по сегодняшний день, именно сеть железных дорог по-прежнему образует «скелет» территориальной структуры страны. Границы этого «скелета» оформляются путём проведения периметра ОК. Этот периметр — одна из тех данностей, отношение к которым — важная часть ЭГП многих территорий России. Его наиболее выразительное картографическое изображение — в книге С.А. Тархова [9].

Периметр ОК делит карту страны на две части. За пределами ОК остаётся одна половина её территории. Это лежащие к северу от основной полосы расселения, преимущественно в зоне вечной мерзлоты, районы Европейской России, Сибири и Дальнего Востока, а также на юге — Черноморское побережье, предгорья Кавказа, Дагестан, Республики Алтай и Тыва, на западе — приграничные территории,

включая Калининградскую область, на востоке — Сахалин, Приморский и Хабаровский (частично) края.

Вторая, «главная», половина страны — это та территория, в пределах которой разместились основная часть сети железных дорог. Она состоит из трёх полигонов, в сумме образующих ОК.

Первый — самый крупный — европейский полигон, включает в себя основную часть Европейской России, и на карте имеет форму большого треугольника. Его западная и южная границы тянутся почти параллельно государственной границе России. Западная граница — на всём протяжении от Беломорска в Карелии до Каспийского моря (включая в себя двадцатикилометровый участок железной дороги, проходящий в районе Чертково по территории Украины). Южная граница — на всём протяжении от Каспийского моря до Омска (включая в себя шестидесятикилометровый участок железной дороги в районе Троицка и двухсоткилометровый участок железной дороги в районе Петропавловска, проходящие по территории Казахстана). Северная граница европейского полигона ОК это часть его периметра, протянувшаяся по линии Беломорск–Коноша–Котлас–Киров–Пермь–Губаха–Чусовой–Кушва–Серов–Богданович–Тюмень–Омск.

Европейский полигон включает в себя полностью территории 25 субъектов РФ, и частично — территории 35 субъектов РФ, которые пересекаются периметром ОК — границей полигона.

Второй полигон ОК — западносибирский, расположен между Татарском и Тайшетом. На карте он имеет форму, близкую к большому ромбу. С севера полигон ограничен Транссибом на участке Татарск–Новосибирск–Красноярск–Тайшет, а с юга — железнодорожной линией Татарск–Карасук–Веселоярск–Барнаул–Арышта–Тайшет. В полигон входит значительная доля территории тех пяти субъектов РФ, которые пересекаются / пересекаются периметром ОК, оконтуривающим границы полигона.

Третий полигон — восточный, растянулся от Тайшета до Комсомольска-на-Амуре, то есть почти до побережья Тихого океана. Его северный периметр проходит по БАМу, а южный по Транссибу до Хабаровска, и далее по соединительной железнодорожной линии Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре. На карте полигон по форме напоминает большую лопату, рукоятка которой смотрит в сторону океана. В пределах полигона разместились значительные части территории шести субъектов РФ. Все они пересекаются / пересекаются периметром ОК.

Полигоны ОК сильно различаются размерами территории, уровнями её хозяйственной освоенности, плотностью населения и сети

городов. Европейский и восточный полигоны простираются в меридиональном направлении по воздушной прямой на 2800 км, западно-сибирский полигон — на 1600 км. Периметры полигонов на всём протяжении представляют собой своего рода стержни/оси переходных полос/зон, разделяющих территории, расположенные за пределами ОК и относящиеся к внешней периферии страны, и территории, которые непосредственно входят в ОК. Эти два вида территорий отличаются друг от друга как характеристиками ЭГП, так и своими хозяйственными характеристиками. В пределах тех территорий, которые входят в ОК, имеются «пятна» внутренней периферии.

Центральная задача этой статьи — привлечь внимание к тому, что ОК и его периметры создают дополнительные возможности для оценки ЭГП экономических районов всех рангов — и макрорайонов, и мезорайонов, и микрорайонов.

При оценке ЭГП макрорайонов обычно рассматриваются их местоположение (то есть положение по отношению к государствам — соседям первого и второго порядка, термин предложен В.А. Пуляркиным) и макроположение, прежде всего, положение относительно сухопутных и морских государственных границ России, Москвы, Санкт-Петербурга, основных экономических районов страны. Положение по отношению к ОК может служить важным дополнительным штрихом. Если большая или значительная часть макрорайона находится за пределами ОК, то есть относится к внешней периферии страны, это прямо свидетельствует о том, что макрорайон входит в число менее благоприятных для заселения и хозяйственного развития экономических районов России. Наличие в таком районе уникальных месторождений полезных ископаемых и значительных лесных ресурсов, единичных крупных промышленных узлов, нескольких крупных городов-центров субъектов РФ, не оказывает принципиального влияния на эту оценку.

У мезорайонов — субъектов РФ, их макроположение обычно воспроизводит макроположение тех основных экономических районов, в состав которых они входят, но особенности положения относительно периметра ОК могут вносить дополнительные индивидуализирующие черты в оценку макроположения отдельных мезорайонов. Так у мезорайонов — субъектов РФ, расположенных в европейском полигоне ОК, макроположение выглядит более благоприятным, если они находятся ближе к центру полигона, по сравнению с макроположением тех субъектов РФ, которые удалены от этого центра.

На особенностях мезоположения субъектов РФ их положение относительно границ ОК сказывается ещё более заметно. Как выше

отмечено, территории сорока шести субъектов РФ пересекаются/рассекаются периметрами ОК. Если периметр любого из трёх полигонов ОК пересекает какой-то мезорайон, то это, как правило, делит этот мезорайон на территорию, ближе расположенную к городу-центру субъекта РФ, более населённую и более развитую в экономическом отношении, и территорию, сравнительно отдалённую от центра субъекта РФ, как правило, менее населённую и менее развитую в экономическом отношении. В ряде случаев те части территории субъекта РФ, которые оказались по разные стороны периметра, обозначающего условные границы ОК, имеют и другие различия в мезоположении, наиболее заметные в Карелии, Смоленской области, Краснодарском крае, Кабардино-Балкарии, Архангельской, Кировской, Пермской, Свердловской и Курганской областях, в Алтайском крае, Читинской области, Хабаровском крае.

В тех частях мезорайонов, которые находятся за пределами ОК, плотность населения, как правило, ниже, чем в тех частях, которые находятся в пределах ОК. Исключения можно найти лишь в мезорайонах, граничащих с Украиной. Можно, конечно, объяснить различия в плотности населения различиями в природных условиях. При движении к северу, востоку и югу от центра европейского полигона ОК эти природные условия становятся менее благоприятными для обитания людей и их хозяйственной деятельности, прежде всего, ведения сельского хозяйства. Вместе с тем, есть такая Курганская область, на территории которой не наблюдается заметных различий в природных условиях. Она целиком расположена в западносибирской провинции лесостепной зоны [8]. Однако в тех семи сельских районах этой области, которые находятся вне ОК, плотность населения — 5,81 чел. на кв. км, то есть ниже, чем в восьми сельских районах, расположенных в пределах ОК — 6,39 чел. на кв. км (по данным на 1 января 2012 года). Из расчёта исключены города областного подчинения Курган и Шадринск, а также девять сельских районов, территорию которых периметр ОК рассекает.

Учёт ОК территориальной структуры России как данности, отношение к которой имеет экономическое значение для конкретного района, особенно заметно влияет на оценку ЭГП малых районов. Речь идёт, прежде всего, об оценке их макроположения и мезоположения. Если методика характеристики макроположения и мезоположения основных экономических районов (или федеральных округов) и экономических подрайонов (практически — субъектов РФ) достаточно разработана, то у малых территорий — внутриреспубликанских, внутрикраевых и внутриобластных районов, которые мы предпочитаем

собиранельно называть экономическими микрорайонами (ЭМ) [5], при описании их макроположения и, особенно, мезоположения, возникают трудности. Эти виды ЭГП для малых районов на первый взгляд адекватны макроположению и мезоположению тех экономических районов более высокого ранга, в состав которых они входят. Например, мезоположение Бежецкого ЭМ в Тверской области на первый взгляд повторяет мезоположение всей Тверской области, а макроположение — макроположению всего Центрального экономического района. Вроде и добавить нечего. Между тем дополнительный учёт положения малой территории в составе ОК может заметно изменить картину.

Что касается микроположения ЭМ, то для большинства из них оно, на первый взгляд определяется прежде всего их близостью к административному центру того субъекта РФ, в состав которого они входят. Определённую роль может играть соседство больших и средних городов-подцентров. Однако, рассматривая более детально микроположение ЭМ, входящих в состав тех субъектов РФ, территория которых пересекается периметрами ОК, можно обнаружить, что микроположение также достаточно заметно различается для тех ЭМ, которые расположены в пределах ОК, и тех ЭМ, которые оказались за его пределами. Как выше уже отмечено, периметр ОК обычно делит территорию субъекта РФ на две части. Первую часть образуют ЭМ, которые находятся за пределами ОК и оказываются на территории так называемой внешней периферии страны. Вторая часть — это ЭМ, которые остаются в пределах ОК. Некоторые из них, наименее развитые, которые могут быть классифицированы по экономико-географическим параметрам как периферийные, образуют так называемую внутреннюю периферию. Указанные различия в микроположении ЭМ непременно сказываются на особенностях их заселения и уровнях хозяйственного освоения, в положительную сторону в пределах ОК, в отрицательную сторону — за пределами ОК.

Предлагаемый подход к оценке ЭГП с учётом ОК вполне пригодным выглядит для российских условий. В других странах нечто похожее можно обнаружить в Европе — только в Нидерландах, Греции и Латвии, в Америке — только в Канаде, Мексике и на Кубе, в Азии — лишь в КНДР. Есть страны Европы, в которых периметры ОК идут практически вдоль государственных границ, и при оценке ЭГП их функцию фактически выполняют эти границы. Аналогичная ситуация имеет место также в США, Казахстане, Южной Корее, Японии, Индии, Южно-Африканской Республике. Правда, есть страны, где ОК охватывает половину территории страны: Швеция, Финляндия, Австрия,

Болгария, Китай, Турция, Тунис, Аргентина, Австралия. Здесь использование ОК для оценки ЭГП возможно с некоторыми поправками. В большинстве остальных стран мира ОК, формируемого сетью железных дорог, нет. Или из-за отсутствия железных дорог, или в связи с запоздалым развитием их сети.

В ряде стран, в основном в Европе, ОК территориальной структуры сформировался на основе сети автомобильных дорог [3].

Предложение использовать ОК территориальной структуры страны для дополнительной оценки ЭГП района соответствует нашему представлению о том, что главное в изучении ЭГП района — это не исследование деталей, а поиск доминант. Категоричный безальтернативный характер понятию ЭГП в целом, и его составляющим, не присущ. ЭГП оценивается преимущественно экспертным путём. И в его оценке возможен разброс мнений.

Вскоре после того, как в 1939 году была опубликована основополагающая статья Н.Н. Баранского, целый ряд учёных, имена которых остались в истории нашей науки, выступили со статьями об ЭГП: О.А. Константинов (1946), И.М. Маергойз (1946), В.В. Покшишевский (1956), С.А. Ковалёв (1957), и другие. Среди них был профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова П.Н. Степанов (1886-1986). В его большой статье «Швеция и Урал» убедительно показывалось, что в XIX веке промышленность, главным образом металлургия, Швеции заметно обогнала в развитии промышленность, в том числе металлургию, Урала за счёт более благоприятного ЭГП Швеции по сравнению с ЭГП Урала. В МГУ статья эта входила в список обязательной литературы для студентов экономико-географов. Однако в те же годы можно было прочесть статьи экономистов, в которых отставание Урала объяснялось исключительно задержавшимся сохранением крепостнических отношений в его промышленности. У экономико-географа своя правда, у политэконома — своя.

Н.Н. Баранский в конце жизни, через четверть века после выхода в свет его знаменитой статьи, настойчиво повторял, что ЭГП очень сложное понятие, и несмотря на то, что он написал о нём большую статью, у него самого нет уверенности в том, что на тему ЭГП возможны обобщения.

Вскоре после смерти Н.Н. Баранского в 1968 году на Втором междуведомственном совещании по географии населения имела место дискуссия между И.М. Маергойзом и Р.М. Зверевым о возможности использования математических методов в разработке понятия ЭГП. И.М. Маергойз ратовал за более широкое использование этих методов, а Р.М. Зверев возражал, ссылаясь на то, что само содержа-

ние понятия таково, что оценить его в виде какой-то соизмеряемой величины очень трудно, то есть это понятие несёт в себе практическую неопределённость.

В последующие 50 лет в русскоязычной экономико-географической литературе появился целый ряд статей, посвящённых формализации ЭГП. Есть ряд достаточно успешных примеров формализации. И всё же вопрос о предельных возможностях и результативности использования в данном случае математических методов, даже об их целесообразности, далёк от своего решения. Об этом косвенно свидетельствует недавний обмен мнениями между двумя видными учёными по вопросу о том, почему наши зарубежные коллеги не используют такой фактор как ЭГП в своих работах [6]. Авторитетный участник этого обмена поясняет: «Зарубежная экономическая география находится под очень сильным влиянием формальных экономических моделей. Те феномены, которые легко формализуются, успешно и мощно развиваются в зарубежной экономической географии. Те же явления, которые ... не имеют модельной интерпретации, зачисляются в ранг «метафор» и отрабатываются исследовательскими усилиями учёных — одиночек вне научного мейнстрима».

Литература

1. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. — Владивосток: Дальнаука, 2009. — С. 11.
2. Баранский Н.Н. Экономгеографическое положение. — География в школе, 1939, № 2. — С. 24–34.
3. Елманова Д.С. Методика выявления зон влияния автомобильных дорог (как инструмент исследования опорного каркаса расселения Бельгии) // Современные проблемы общественной географии / Под. ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. — М.: Издатель И.П. Матушкин И.И., 2011. — С. 297–303.
4. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая, 1983, № 5. — С. 16–28.
5. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). — М.: Трилобит, 2004. — 128 с.
6. Пилясов А.Н. Ответ на заметки П.Я.Бакланова по поводу статьи А.Н.Пилясова «Новая экономическая география (НЭГ) и её потен-

- циал для изучения размещения производительных сил России» // Региональные исследования. 2012. № 3/37/. — С. 149.
7. Полян П.М. Методика выделения и анализ опорного каркаса расселения. — М., 1988.
 8. Природно-сельскохозяйственное районирование и использование земельного фонда СССР / Под ред. А.Н. Каштанова. — М.: Колос, 1983. — 336 с.
 9. Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. — Смоленск-М.: Изд. Универсум. 2005. — С. 300.
 10. Экономико-географический сборник. — М.: Комм. ун-т им. Я.М. Свердлова, 1929. — 319 с.

Крылов П.М.

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ КАТЕГОРИИ ТРАНСПОРТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВО ВНЕГОРОДСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПЛАНИРОВАНИИ

1. Классическое понимание категории ТГП

Категория транспортно-географического положения (ТГП) является важнейшей составной частью экономико-географического положения (ЭГП). ТГП позволяет путём применения различных методик и расчетов оценить расположения экономических объектов в транспортно-географическом пространстве с учётом доступности и стоимости транспортного процесса посредством реальных или потенциальных транспортных услуг. Известно, что ТГП является не столько оценочной, сколько потенциальной категорией, реализация которой зависит от множества экономических, географических и прочих факторов. ТГП нестабильно в условиях быстроменяющихся тарифов на грузовые перевозки всеми видами транспорта.

В экономической географии часто используется представление о транспортно-географическом положении (ТГП) как один из важнейших или даже важнейший элемент экономико-географического поло-

жения (ЭГП). ТГП рассматривалось как транспортное выражение территориального разделения труда, то есть применялось к грузоперевозкам. Соотношение ЭГП, в т.ч. ТГП и пассажироперевозок имело вторичное значение [Крылов М.П., Крылов П.М., 2006].

Содержательная сторона определения и измерения ТГП используется очень редко и лишь в связи с описанием отдельных элементарных (город, завод, карьер и т.п.) или комплексных, или крупных (регион, экономический район) объектов. При этом чаще всего используются широко распространенные определения ТГП, такие как «выгодное», «транзитное», «периферийное», «глубинное», «изолированное» и т. п. Каждая из этих трактовок зачастую не имеет ни качественного, ни количественного обоснования.

В настоящей публикации мы рассматриваем ТГП *как систему частных показателей и как интегральное явление.*

Обычно ТГП рассматривает удалённость объектов от транспортных коммуникаций. Измерение ТГП возможно как с позиций *доступности*, так и *времени*, и *стоимости* транспортной работы — трёх взаимосвязанных составляющих перевозочного процесса. ТГП также принято рассматривать в 3 плоскостях измерения: собственно географической (соседство), иерархической и исторической (временной). В более широком смысле ТГП принято рассматривать следующим образом — см. таблицу №1.

Существует также два основных понимания ТГП: 1) в узком смысле — удаленность объектов от транспортных коммуникаций, 2) в широком смысле — взаимная (парная) или интегральная транспортная доступность двух (или нескольких) объектов.

Таблица №1.

Сочетание свойств, объектов, субъектов и способов изучения (измерения) категории ТГП

Свойство территории и (или) транспортного процесса, рассматриваемое в рамках категории ТГП	объект изучения	субъект изучения	способ изучения (измерения)	примечание
1. Расстояние.				
<i>1.1. Географическое расстояние.</i>	любой географический объект	транспортный объект	расстояние (по поверхности геоида)	стабильно во времени и по возможностям определения

<i>1.2. Экономическое расстояние.</i>	любой географический объект	транспортный объект	расстояние с учётом времени, стоимости перемещения <i>по фактическим транспортным путям</i>	нестабильно во времени; множество способов определения
<i>1.3. Экономическое расстояние для пассажироперевозок</i>	любой географический объект	транспортный объект	расстояние по времени или стоимости перемещения <i>по фактическим маршрутам общественного транспорта</i>	нестабильно во времени, не-много способов определения
2. Регулярность (транспортных связей)	любой географический объект	транспортный объект	частота сообщения по отдельным транспортным линиям	значимо для общественного транспорта; для зоны Севера и малодоступных территорий; для оценки условий работы водного и воздушного транспорта
3. Альтернативность (маршрута и /или вида транспорта).	любой географический объект	транспортный объект	оценка эффективности выбора альтернативного пути и способа перемещения	применяется для целей логистики; а также для выбора длинного и сложного маршрута
4. Специфика территории.	отдельные географические объекты: населённые пункты; граница страны, отдельные предприятия и организации	транспортный объект	обычно по времени и (или) стоимости	для грузовых перевозок используется понятие <i>рационального радиуса территории</i>

Таким образом (см. таблицу №1), категория ТГП может рассматриваться с многих позиций, определяемых: 1) спецификой территории, 2) особенностью перевозимого груза (или пассажиров); 3) использованием транспортных путей и средств сообщения. А результирующим показателем ТГП можно считать его качественную или (реже) количественную оценку.

2. Факторы, влияющие на ТГП (на примере России)

На ТГП в современной России влияют следующие факторы:

- 1) *качество транспортной среды* региона (включая парную и интегральную транспортную доступность отдельных наземных видов транспорта, топологическую и качественную характеристику автодорог; качественный уровень железных дорог). Качество транспортных коммуникаций в России во многом предопределено природно-географическими условиями и в меньшей степени — системой расселения, промышленного и сельскохозяйственного производства.
- 2) *близость к важнейшим межрегиональным транспортным коммуникациям (транзитный потенциал территории)* наземных видов транспорта (автодорогам и железным дорогам). Этот фактор компенсирует негативное значение других факторов ТГП для Западной и Восточной Сибири.
- 3) *близость к крупнейшим морским портам*, вовлеченным в экспортно-импортные операции (Новороссийск, Санкт-Петербург, Находка и др.) и к важнейшим таможенным пунктам пропуска через государственную границу России (менее значимо).
- 4) *близость к потребителям транспортных услуг* — крупнейшим городам и крупным предприятиям, зависимым от поставок (отправления) массовых грузов.

Также необходимо отметить, что *транспортная составляющая для различных товаров (грузов) непостоянна* и зависит как от конъюнктуры мировых рынков (по стоимости товара), так и от тарифного стимулирования и регулирования внутри России. А значит и роль ТГП территории для отдельных производителей или потребителей товаров и услуг также может существенно меняться. Например, рациональный радиус доставки цемента и другого строительного сырья для конкретного завода-производителя определяется не столько транспортными путями и их качеством, сколько ценой и спросом на цемент.

В последние десятилетия, в связи с большим участием России в мировой экономике, в т.ч. в качестве производителя и потребителя транспортных услуг в промышленности, торговле и туризме, *оценка и использование категории ТГП усложняется*.

Приближенное балльное значение отдельных факторов ТГП для экономических районов и некоторых регионов России представлено в нижеследующей таблице 2.

Еще сложнее рассматривать ТГП для отдельного человека, исходя из места его проживания, постоянных и эпизодических транспортных потребностей.

Таблица №2.

Балльная оценка отдельных видов транспортно-географического положения экономических районов России

экономический район	плотность и качество наземных путей сообщения (внутри ЭР)	близость к внешним и транзитным магистральным транспортным путям	близость к крупнейшим морским портам	близость к крупным потребителям товаров и услуг	итоговое значение
<i>максимальное значение</i>	5	5	5	5	20
Северный	2	2	4	4	12
Северо-Западный	5	4	5	5	19
Центральный	5	5	4	5	19
Центрально-Черноземный	5	4	4	5	18
Волго-Вятский	4	4	3	5	16
Поволжский	4	4	4	4	16
Северо-Кавказский	3	3	5	4	15
<i>в т.ч. Краснодарский кр.</i>	4	4	5	4	17
<i>в т.ч. Дагестан</i>	3	3	4	3	13
Уральский	3	3	3	4	13
Западно-Сибирский	3	2	2	3	10

Восточно-Сибирский	2	1	3	2	8
Дальневосточный	2	1	4	1	8
в т.ч. Приморский край	4	4	5	1	14
в т.ч. Камчатский край	1	1	2	1	5
Калининградская область	5	5	5	1	16

3. Уровни изучения ТГП

ТГП экономико-географических объектов разного иерархического уровня на одной и той же территории существенно отличается. Два близкорасположенных объекта (завода, селения) в зависимости от наличия и качества подводящих транспортных коммуникаций имели существенно разное ТГП. Особенно большие различия характерны для транспортно неосвоенных территорий Сибири и Дальнего Востока.

Роль и значение ТГП может существенно различаться на небольшой территории. Так, в условиях развитой транспортно-коммуникационной среды в Московском столичном регионе даже небольшое удаление от столицы приводит к снижению стоимости земельных участков, недвижимости, оплаты труда для многих видов деятельности. При этом снижение (увеличение) стоимости земли, недвижимости при удалении от Москвы не пропорционально изменению качества транспортно-коммуникационной среды, особенно в ближнем Подмосковье.

Двойственный характер имеет ТГП Калининградской области. Для России эксклавное положение области равносильно ее потере. Не используемый потенциал ТГП Калининградской области используется для внешней торговли.

4. Косвенная оценка транспортно-географического положения

Под косвенными методами и измерением ТГП мы понимаем действия (результаты), рассматривающие возможность изучения и измерения транспортно-географического положения без приоритета транспортных процессов; как попутную составляющую внетранспортных по своей сути процессов и явлений. Косвенная оценка ТГП иногда близка к оценке результативности проявления ТГП в том или

ином виде деятельности. Косвенная оценка ТГП возможна с использованием материалов различных сфер деятельности и реализуема различными способами (см. таблицу №3).

Таблица №3.

Примеры изучения ТГП косвенными методами

Сфера деятельности	проявление	способ изучения	применение для исследований
Мобильная связь	размещение базовых станций (сотовой связи) вдоль транспортных коммуникаций	концентрация объектов и их взаиморасположение	косвенно показывает объем транспортного потока и выгодность ТГП территории
Почтовая связь	доставка корреспонденции между отправителем и адресатом (получателем)	сроки доставки корреспонденции между отдельными населёнными пунктами (или организациями)	показывает реальные возможности использования транспортной сети для конкретной цели; ТГП города в стране
Недвижимость	стоимость объекта недвижимости (дома, с/х угодий и др.) или его аренды	удаленность объекта недвижимости от крупнейших транспортных узлов, станций метро и т. п. (экономическое расстояние)	показывает влияние транспортных условий на формирование стоимости объектов; отражает ренту по положению объекта
Розничная и оптовая торговля	стоимость сопоставимых грузоёмких массовых товаров (продовольствие, стройматериалы и др.)	одномоментное сравнение цен на сопоставимые грузоёмкие массовые товары в разных населённых пунктах	отражает ТГП населённого пункта относительно страны; степень развития и качество транспортной сети

5. Оценка ТГП по почтовым отправлением

Ниже мы постараемся оценить ТГП ряда городов России косвенным методом — с использованием контрольных сроков прохождения почтовой корреспонденции 1 класса по России ФГУП «Почта России».

Основными выводами указанных таблиц можно считать следующее.

1. Средний контрольный (предельный) срок перемещения почтовых отправлений первого класса (без учета дня отправления и дня получения) между городами — центрами субъектов РФ составляет 5,1 дней (и колеблется от 3 до 9 дней).

2. Максимальные значения контрольных сроков пересылки корреспонденции (8 или 9 дней) характерны для пар городов, являющихся второстепенными и третьестепенными транспортными узлами, а также между малыми и средними городами, находящимися в зоне Крайнего Севера (например «Анадырь — Майкоп», «Анадырь — Магадан»). То есть между городами, которые не имеют регулярного транспортного сообщения. И все грузы между ними следуют с одной или, несколько реже, с двумя пересадками.

3. Транспортная изоляция ряда городов Севера (например, Якутска) компенсируется развитым авиационным сообщением с другими городами Сибири, Дальнего Востока и Европейской части России.

4. Можно выделить города с наименее выгодным потенциальным ТГП (в скобках указан средний срок транспортировки почтовых отправок первого класса между данным городом и всеми другими региональными центрами России):

Петропавловск — Камчатский (5,6); Йошкар-Ола (5,9); Магадан (5,9); Элиста (6,3); Горно-Алтайск (6,4); Кызыл (6,5); Магас (Назрань) (6,7); Анадырь (7,2).

Лучшее значение из всех городов — региональных центров характерно для крупнейшего транспортного центра (узла) России — г. Москва (3,7 дней).

6. Транспортно-географическое положение и современное территориальное планирование

Территориальное планирование в России — деятельность органов государственной власти или органов местного самоуправления по установлению и утверждению положений о развитии территорий, местах размещения объектов для государственных и муниципальных нужд [Попов, 2013].

В данном разделе мы рассмотрим некоторые аспекты категории ТГП во внегородском территориальном планировании в России.

Самым ярким примером ТГП обычно являются приводимые сведения о наличии или удалённости того или иного города от железных дорог общего пользования. Так, в России на 2013 год насчитывается 6 городов с людностью свыше 100 тыс. человек, не связанных с сетью железных дорог общего пользования (Якутск, Норильск, Петропавловск-Камчатский, Нефтеюганск, Новошахтинск, Кызыл).

В муниципальном управлении в России в качестве аналогов ТГП используются 2 основных показателя: доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющего подъезда по автодорогам с

твёрдым покрытием; доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих автобусного сообщения.

Ниже, в таблице 4 рассмотрены основные категории (и подкатегории) ТГП, рассматриваемые в территориальном планировании в России на разных иерархических уровнях. Для анализа ТГП важен одновременный анализ нескольких отдельных категорий.

Таблица №4.

Категории ТГП, важные в территориальном планировании

№	Название категорий	единица измерения	пример	использование в территориальном планировании
<i>1. Формы рассмотрения ТГП как доступность объектов по отдельным характеристикам (показателям)</i>				
1	Физическая удаленность (доступность) объекта от транспортных коммуникаций (или других объектов)	км	иллюстративное значение; удаленность объектов по авиакоридорам	Общестрановой уровень
2	Экономическая удаленность (доступность) объектов от транспортных коммуникаций (или других объектов)	км, время (часы)	парная доступность социально-экономических объектов	Все уровни территориального планирования
3	Тарифная (стоимостная) удаленность объекта от транспортных коммуникаций (или других объектов)	единицы стоимости	сравнение доступности двух городов разными видами транспорта	Общестрановой уровень
4	Временная удаленность объектов от транспортных коммуникаций (или другого объекта)	единицы времени	соотношение физиологических параметров человека и транспортного процесса	Все уровни территориального планирования
5	Скоростная удаленность объектов от транспортных коммуникаций (или другого объекта)	единицы скорости	внутригородские перемещения людей в городе	Важно на уровне генпланов городов и поселений
6	ТГП как частота пассажирского сообщения	число рейсов в сутки (в неделю)	доступность населению территории	Региональный и муниципальный уровни

2. Абсолютность (относительность ТГП)				
7	Абсолютное ТГП	наличие/ отсутствие	города России, не расположен- ные на сети железных дорог общего пользо- вания	Все уровни territori- ального планирования
8	Относительное ТГП	км	удаленность города от не- скольких раз- личных транс- портных путей	Общестрановой и региональный уровни
3. Свойства ТГП как частные категории				
9	Транспортно-отраслевое конкурентное ТГП	количество видов транс- порта	возможность использования транспортной доступности по нескольким разным видам транспорта	Региональный и муни- ципальный уровни
10	Пешеходное ТГП	наличие (от- сутствие) явления	возможность добраться пеш- ком	Муниципальный уро- вень ¹
11	Маршрутное (альтернативное) ТГП	количество маршрутов	возможность использования нескольких разных маршру- тов одного и того же вида транспорта	Муниципальный уровень

¹ В Финляндии органы муниципальной власти обязаны оплатить школьникам поездку на такси из дома в школу, если школьник проживает далее 2,5 от школы и нет возможности использовать общественный транспорт или специальные школь-
ные автобусы.

12	Маршрутное (пересадочное) ТГП	разные показатели: финансовые затраты, время (часы), психологиче- ский комфорт и др.	возможность удобной (без длительного ожидания) пе- ресадки на другие виды транспорта или на другие по- следовательные маршруты дан- ного вида транс- порта	Муниципальный уровень
13	Альтернативное (общественное или индивидуальное ТГП)	Наличие (отсутствие) явления	Возможность использования для одного и того же маршру- та транспорта общего пользо- вания, либо личного транс- порта.	Муниципальный и ре- гиональный уровни
14	Ограниченное ТГП	Наличие (от- сутствие) явления	Доступность возможна не для всех участников транспортного процесса: на- пример, доступ- ность в ЗАТО ²	Все уровни territori- ального планирования
4. Прочие свойства				
15	Динамичность ТГП	—	Сезонные изме- нения маршру- тов транспорта; сезонные авто- зимники и пере- правы и т. п.	Все уровни territori- ального планирования
16	Полимасштабность ТГП	—	Рассмотрение ТГП для данного явления относи- тельно различ- ных региональ- ных уровней	Все уровни territori- ального планирования

² ЗАТО — Закрытое административно-территориальное образование

В таблице 5 приведены примеры ТГП с позиций пространственных структур населения и хозяйства, значимых в территориальном планировании. Необходимо заметить, что в территориальном планировании ТГП, как правило, понимается как взаимная удаленность точечных объектов (см. выделение тёмно-серым фоном), реже — другие варианты (светло-серый фон).

Таблица №5.

Транспортно-географическое положение с позиций пространственных структур (примеры для внегородского территориального планирования)

Объект ТГП (столбец), субъект ТГП (строка)	Точечный объект	Линейный объект	Площадной объект
Точечный объект	парная доступность социально-значимых объектов	доступность транспортных коммуникаций относительно отдельных поселений	интегральная транспортная доступность для определённого региона
Линейный объект	целесообразность нового перспективного строительства коммуникаций с учётом отдельных населённых пунктов	взаимная удаленность транспортных коммуникаций разного вида (или разных видов транспорта)	целесообразность нового перспективного строительства коммуникаций для малоосвоенных территорий
Площадной объект	целесообразность нового перспективного строительства коммуникаций с учётом перспективного развития крупных площадных объектов (в лесопользовании, разработке минеральных ресурсов и т.п.).	возможность перспективного развития территории с точки зрения удалённости от транспортных коммуникаций	возможность развития крупных малоосвоенных участков территорий в регионах нового и пионерного освоения.

7. Современные представления о ТГП

В последние годы ТГП рассматривают не столько как проявление территориального разделения труда, сколько с позиций рентных отношений [Дронов, 1993; Безруков, 2006 и др.]. Рентный характер ТГП определяется его потенциальным характером. *ТГП как потенциальная величина определяется интегральным значением транспортных издержек для потребителей транспортной продукции и дополнительной добавочной стоимостью транспортных расходов для производителей транспортной продукции в конкретном регионе, городе,*

географической точке. Поэтому вычисление ТГП для крупных территориальных образований является более сложной методической задачей, так как требует учета множества различий и противоречий внутренней территориальной структуры географического объекта (экономического района, макрорегиона, страны в целом).

Литература

1. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Автореф. дисс. докт. геогр. наук. — Иркутск, 2006. — 51 с.
2. Дронов В.П. Экономико-географическое положение как система рентных отношений. //Известия РАН. Серия географическая, №2/1993 г. — С. 109–113
3. Крылов М.П., Крылов П.М. Понятия, концепции и научные школы в современной российской экономической географии и некоторые проблемы преподавания экономической географии. //Вестник МГПУ. Серия «Естественные науки», 2009, №1(3). — С. 122–133
4. Попов Р.А. Региональное управление и территориальное планирование. — М.: Инфра-М, 2013. — 288 с.
5. Терминологический словарь по экономической географии. Авт.-сост. Е.А. Бурдина, П.М. Крылов. — М.: МГИУ, 2013. — 116 с.
6. www.gks.ru — Интернет-портал федерального агентства по статистике России.

Левинтов А.Е.

МЕСТНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ

Прежде, чем обсуждать данную тему, необходимо, на наш взгляд, введение понятия элиты и обсуждение функций элиты на современном этапе.

Понятие «элита»

Понятие «элита» восходит к спартанскому слогану *elte el elite* — «со щитом или на щите». Элитой изначально называли, стало быть, героя, мужественно и самоотверженно погибшего в бою. Стать элитой можно было только посмертно. Это пафосное значение в наше

омерзительное время достойно возрождения и противостояния им тому, что мы теперь называем «элитой».

Это исходное положение понятия «элита» предполагает: цель Бога (или богов) не в совершенствовании мира, а в совершенствовании человека, которое достигается человеком в борьбе и противостоянии несовершенству мира (в современной интерпретации — сильный антропный принцип космогенеза). Исходя из этого принципа элитности вытекает два важнейших свойства элиты:

- **элита — носитель смысла (смыслов) бытия**
- **элита избегает и противостоит власти**, так как порочность овладевает в первую очередь имеющими власть (по мнению Платона, Л. фон Хайека [1] и других авторитетов). Принадлежность к элите вполне соответствует понятию героя в терминологии В. Лефевра, так как предполагает альтруизм, нестяжательство и отсутствие личных корыстей или тщеславных целей.

Элита не только собирает смыслы бытия — она формирует из них целостную картину мира, онтологию, задавая вопросы, выходящими за рамки их жизни и современного им общества. И эта онтологическая работа — часть, важная грань рефлексивного управления, осуществляемого элитой. Вопрос Платона «Каким должен быть мир, чтобы в нем была невозможна казнь Сократа?» стоял перед Платоном всю его жизнь и не разрешен до сих пор, поскольку «Сократов» продолжают казнить.

В четвертой книге «Законов» изложена универсальная формула платоновской философии избранности: **«...мы считаем самым ценным для людей не спасение во имя существования, как это считает большинство (т. е. массы), но достижение совершенства и сохранение его на всем протяжении своей жизни»** [2].

Элита, по мнению Платона, универсально относится к законам, заповедям и правилам, следуя им всем, а не избирательно следуя тому, чему хочется и может следовать.

Кто-то в свое время весьма остроумно заметил: «История — это кладбище политических элит». На этой мажорной ноте и будет развиваться всё дальнейшее размышление.

За исключением очень тонкого, гонимого и преследуемого, тщательно выкорчевываемого слоя творческой элиты, в течение почти века в стране господствовала охлократия и ее представители (от Ленина до Путина, без единого исключения). Места для элиты просто не было. Однако сегодня, если Россия надеется войти в исторический процесс, ей нужна институционализация элит, без которых вхожде-

ние в глобальные процессы более, чем сомнительно. [3] **«Если в том или ином обществе уничтожаются и «выбиваются» элитные группы и особи, происходит деградация всего общества, прежде всего, его культуры».** [4]

Функции элиты в современной России

На этом фоне современная российская бизнес-«элита» выглядит не самым лучшим образом. [5]

Таблица 1.

Моральный выбор и «юзерские» ориентации в современном российском социуме (%)

	Верхний слой	Средний слой	Нижний слой	Бедные
Чтобы преуспеть, надо перешагнуть через некоторые нормы морали	54.3	40.5	27.5	13.6
Я лучше не достигну успеха, но не пойду вразрез с совестью	45.7	59.5	72.5	86.4
Необходимость владения компьютером	70.5	47.1	33.8	29.1
Необходимость владения иностранным языком	45.8	24.0	14.0	14.1

Россия исторически, на протяжении всей своей истории, была и остается страной с доминантой политических, властных отношений, в отличие от стран западной цивилизации, где, начиная с XVI–XVII вв. господствуют экономические, рыночные отношения. С этой точки зрения Россия, с одной стороны, остается феодальным государством, а с другой — типично азиатской страной. Практически уже два века «прозападная» партия (в XIX веке она так и называлась — «западники») находится в меньшинстве и в оппозиции к византийско-азиатско-патриархально-консервативной партии, которая никогда, даже в ходе революции 1917 года, не теряла своей власти и в открытую обвиняла прозападную партию в предательстве.

Эта странная ситуация, когда одним хочется держать скипетр и корону, восседая в «мерседесе», а другим видится собственное светлое будущее как нынешнее серое настоящее западной цивилизации,

является по сути неразвязываемой завязкой драмы под названием «Россия».

Попытки внедрения западной, рыночной экономики были бы самоубийственны для российской государственности, если бы не чрезвычайная способность ее экономики мимикрировать под что угодно в угоду этой государственности.

Если в западных странах вступление во власть — следствие преодоления некоторого экономического и образовательного ценза, то в восточных (от стран Магриба до Центральной Азии), в том числе и в России, власть нужна для приобретения богатства и «ума», что делает жажду власти и жажду удержания власти неутолимой: здесь нет пределов.

Политизированность российского общества выражается еще и в том, что в российской ментальности первой ассоциацией со словом «элита» неизменно оказывается «политическая», а все остальные рассматриваются скорее как метафоры. Это же толкает представителей всех остальных элит в политическую элиту, во власть. По количеству спортсменов, писателей, артистов, ученых, представителей всех других элит выборные органы власти России несомненно — один из мировых лидеров.

Государство со множеством или несколькими центрами власти (полиархия) [6] предполагает несколько независимых политических элит (исполнительная, законодательная, судебная, региональная). У нас сильна тенденция к приватизации власти на всех уровнях иерархии, что чревато: «Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы»[7].

Причины неблагополучного состояния государства и общества сформулированы в работе [8] :

- «— единство легальной и теневой экономики,
- сращивание власти и собственности,
- доминанта авторитарных принципов и методов подбора и расстановки кадров,
- духовный кризис общества,
- падение нравственно-этических и социо-культурных факторов в регулировании общественных отношений».

В мире существует две основных модели рекрутирования элиты: гильдейская и антрепренерская. В мировой практике обе эти модели, как правило, сочетаются, взаимно компенсируя недостатки каждой из них.

Для *антрепренерской модели* характерны:

- открытость и доступность для представителей разных слоев и групп общества,
- ограниченный набор институализированных фильтров и требований,
- участие в отборе всех избирателей,
- высокая степень конкурентности при отборе среди претендентов,
- ориентация на личные качества претендентов.

Недостатки этой модели — непредсказуемость курса, риски популизма и непрофессиональности претендентов, повышенная конфликтность.

Гильдейская модель менее демократична:

- она закрыта и малодоступна для нижних социальных слоев,
- отбор проводится по очень широкому кругу показателей и многоступенчатым фильтрам (как это было в НСДАП и КПСС),
- узкий и заранее очерченный круг «селекционеров»,
- бюрократичность,
- риск воспроизводства правящей/действующей элиты.

Западный истеблишмент рассматривает государство как корпорации [9], Ltd, как организацию с ограниченной ответственностью, где собственники (избиратели и налогоплательщики) делегируют функции управления или властные функции, но при этом, благодаря Конституции и законам, гарантируют для себя порядок, безопасность и реализацию своих гражданских прав и свобод. В России корпоративность государства в принципе весьма затруднена.

Власть всегда сопряжена с насилием, принуждением, ограничением [10]: в этом самоценность власти, как и деньги представляют собой самоценность. Власть, всегда и любая власть, диффузна и стремится выйти за отведенные ей рамки, даже и особенно в тех случаях, когда эти рамки установлены ею самой. Агрессивная природа человека толкает его к власти, но именно по этой причине подлинная элита вынуждена избегать власти и по той же причине всякая политическая и властная элита — всего лишь «элита». У любого человека есть его естественное и неотъемлемое право и властвовать, и подчиняться власти, и уклоняться от подчинения власти. Для охраны свободы человека существуют законы, благодаря которым он легально осуществляет свой выбор из этих трех решений, легально выражает свое согласие или несогласие, легально вступает во власть.

Фискальные, карательные и вообще репрессивные функции государства отвратительны, но необходимы. Тезис К. Маркса о необходимости отмирания государства представляется вполне справедливым и поддерживается многими, прежде всего, элитами. Надо полагать, что это отмирание начнется или уже началось с отмирания репрессивных функций и органов в пользу самоуправления и самоорганизации, вплоть до налогового самообложения, в превращение государства из машины насилия в сервис.

Помимо уже названной в самом начале функции порождения смыслов бытия, элита выполняет еще несколько функций.

Время течет непрерывно, истории свойственно зависеть, когда ничего не происходит и не меняется. История движется толчками — и эти толчки осуществляются элитой.

Так сложилось, что в российской истории, начиная с середины XVII века, то есть почти четыреста лет назад, самой мощной, с точки зрения исторической тектоники, была литературная элита. Все началось с протопопа Аввакума, первого русского писателя, создавшего современный самостоятельный (не переводной с немецкого, как у Ломоносова) русский язык и русскую словесность, и одновременно религиозного лидера, за которым пошла, несмотря на гонения и мученические смерти, треть православной России. «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева действительно оказалось пуще пугачевского бунта — редкий случай, но тут Екатерина II оказалась права. В реальности Пушкин раболепствовал перед Николаем I (что в конце концов и погубило поэта), но Пушкин не только создал русскую поэзию — он до сих пор остается олицетворением противостояния самодержавию и рабству. Достоевский и Толстой дали для нравственного развития общества, для самоосознания и самоидентификации русских в мире более всех, но один пережил собственную казнь и десять лет «Мертвого дома», а другой был отлучен от церкви.

Михаил Булгаков («Мастер и Маргарита»), Александр Солженицын («Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг Гулаг») и поэт Иосиф Бродский, каждый по своему, развенчали и растоптали коммунистический миф и советскую власть. Собственно, они и совершили перестройку и коллапс СССР, если говорить об эндогенных факторах развала страны и государства.

«В начале было слово» — в начале каждого поворота российской истории. И последнее, надгробное слово над этой страной и этим народом скажет когда-нибудь российский поэт или писатель.

В агрономии элитными считаются первые, образцовые, эталонные урожаи сельскохозяйственных культур и пород скота, всё даль-

нейшее — лишь репродукции, неизменно, на генетическом уровне, ухудшающие свои свойства и качества по сравнению с элитой.

В культуре происходит то же самое.

Элита — Писарро, Моне, Мане и другие отверженные художники создали импрессионизм, принципиально новую живопись, живопись не внешнего мира, а внутреннего видения и переживания этого мира. Элита — Кандинский и Малевич — делают следующий шаг в живописи и от изображения чувств (импрессионизм) переходят к изображению мысли (абстракционизм).

Важно отметить, что образцы, формы и нормы, задаваемые элитой, не касаются содержания, прежде всего, тематического содержания. Строго говоря, все темы — вечные, и даже в таком всегда злободневном жанре как анекдот мы можем и в античности найти своего Чукчу и Василия Ивановича.

Элитность потому и элитность, что первое появление образцов, норм и форм воспринимается культурным пелетоном в штыки, как нелепость, безобразие, ошибка, искажение, вызов, эпатаж — по ярости первого сопротивления можно судить о судьбе и масштабности нового.

Собственно говоря, создание новых образцов, норм и форм и есть преодоление существующей культуры, освобождение от культурного рабства, как писал Ф. Ницше, сам, благодаря своему безумию, пребывавший за гранью допустимого и возможного. Еще неизвестно, что бы мы читали у Ницше, если бы его сестра не «отредактировала» его тексты.

Это очень странное сочетание свойств культуры: с одной стороны, она несомненно обладает кумулятивным свойством, и ничто в ней не пропадает («рукописи не горят»), с другой, она может жить, только обновляясь и переживая всё новые парадигмы. Неизменная культура окаменевают, превращается в музейные экспозиции и буквально не имеет, как не имеют чудом сохранившиеся остатки разоренных культур и цивилизаций Нового Света.

Культура жива обновлениями и потому, как нигде в другом месте, ей нужна элита.

В России многочисленные «элиты» (властные, партийные, военные, церковные, шоу, СМИ и даже отчасти художественные) криминальны и политичны. Причина, к сожалению, вовсе не в молодости нашего общества, а в том, что «в условиях современной России с ее коррумпированной элитой, выдающей себя за элиту заслуг, меритократия — призрачная мечта, которая перечеркивается неприличным для цивилизованной страны уровнем коррупции»[11].

Понятие меритократия — власти по личным заслугам ? было внесено в науку и политику еще в 50-е XX в. [12]. Как признавал сам М. Янг, это — еще не справедливость, но шаг к справедливости. К сожалению, меритократия всегда эфемерна и недолговечна. Здесь уместно вспомнить такие фигуры, как генерал Вашингтон и генерал Дуайт Эйзенхауэр (США), генерал де Голль, Бен Гурион (Израиль) и... список слишком короток.

Элиты умирают в массовидности — и потому так эфемерны и недолговечны:

- там, где возникает иерархия, появляется дихотомия «верха и низа», элиты и масс,
- граница между массой и элитой динамична, что позволяет рекрутировать новую элиту и отвергать старую,
- элита перестает быть элитой при потере отличия и контрастности от массы,
- для массового элемента детерминация поведения социальна (ориентирована на внешнюю среду), для элитного — личностные качества (эндогенные факторы поведения).

Элита бессмысленна без гражданского общества, являясь ее стратегией рефлексивного управления.

Элита — это та часть гражданского общества, которая в состоянии выйти в рефлексивную позицию относительно этого общества и самое себя и в этой рефлексии осуществлять проектирование или программирование будущего. Именно эта перспективная рефлексивная способность к заданию будущего отличает народ от публики, критически реагирующей в своей ретроспективной рефлексии на навязываемые ей сверху планы и проекты будущего, от «плана ГОЭЛРО» с его «цветущими коммунарами» до «2020» со снятыми с потолка показателями. В свою очередь, публика отличается от толпы тем, что толпа («массы») вовсе лишена рефлексии и испытывает удовольствие от многократного наступания на грабли.

Элита — не социально, но рефлексивно высшая страта общества, что оправдывает ее управляющую гражданским обществом функцию.

Но именно гражданское общество в стране самым тщательным образом подавляется: создается пресловутое и террористическое законодательство против оппозиции и любых проявлений самостоятельности и недовольства. Бюрократизируется вся сфера жизнедеятельности. Идея гражданского общества и коррупция несовместимы, но коррупция проела как ржавчина все поры государства и власти сверху донизу, что препятствует формированию этого общества.

«Элита — высшая страта в любой системе социальной стратификации; ее основная функция — создавать ценности, образцы, на которые ориентируется развивающееся общество» [13]. Всему мировому опыту элитного образования Россия пытается противопоставить «массовое элитное образование» на Селигере.

На основании принципиальных различий понятий «власть» и «политика» может быть построена простейшая матрица:

Таблица 2.

Власть и политика — «пустая матрица»

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть		
Политика как множественность интересов		

Эта матрица вполне применима для обществ разных этических парадигм (по В. Лефевру):

- общество конфликтной этики (компромисс добра и зла есть Добро; «со злом мирись, с грешником борись»; цель оправдывает средства);
- общество компромиссной этики (компромисс добра со злом есть зло; «со злом борись, с грешником мирись»; цель не оправдывает средства).

Важно отметить, что у каждого из этих двух типов обществ предлагаемая матрица будет иметь разное содержание.

Таблица 3.

Власть и политика. Общество конфликтной этики

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть	Установление единой личной власти	Сведение политической системы к однопартийности и ст.6 Конституции СССР
Политика как множественность интересов	Ущемление всех не своих интересов, монополизация своих интересов как «государственных»	Власть в функции установления порядка

В целом общество конфликтной этики всегда стремится к единоначалию, единовластию, патернализму и со стороны вождей и со стороны «масс», добровольно отказывающихся от своего волеизлияния и снимающих с себя ответственность за себя самих и свое будущее.

Таблица 4.

Власть и политика: Общество компромиссной этики

	Власть как воля и подчинение ей	Власть как влияние и признание его
Политика как борьба за власть	Установление морально-го/равственного авторитета	Учение, учительство-вание, жречество, пророческая власть
Политика как множественность интересов	Стремление к конфигурированию различных интересов, управленческая власть, доктринальный принцип «живи и жить давай другим»	Понимающая функция власти

Разумеется, в реальной жизни каждый учитель, пророк, жрец хотел бы иметь нравственный авторитет, но, как сказал Иисус на Тайной Вечере, «кто не с нами, тот не за нас», что следует понимать как отказ от распространения авторитета дальше двенадцати апостолов, и еще ранее в Назарете: «нет пророка в своем отечестве».

Именно в сфере политической власти наиболее заметно различие двух этических систем.

Сартори описывал первый тип политики как игру с нулевой суммой, войну на полное уничтожение противника (например, разгон Учредительного Собрания в январе 1918 года, борьба с Троцким и запрет внутрипартийных фракций в 20-е годы, убийство Кирова в 1934 году, уничтожение антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова в 1957 году, ГКЧП в 1991 году, расстрел парламента в 1993 году, дело Ходорковского 2003 и 2010 годов, «болотные дела» 2012–2013 гг., противостояние Навальный vs ЕР).

Вторая, в терминологии Сартори, политика как игра с позитивной суммой, политика как торг.

В экономическом пространстве обе этические парадигмы имеют свои отражения:

- в советской плановой экономике — диктат производителя и/или продавца («продавцом» в СССР было государство в лице госкомитета по ценам и ценообразованию) в ценообразовании (еще в XIX веке Зомбарт теоретически доказал, что такая экономика неминуемо ведет к коллапсу, потому что в этом случае производителю выгоднее не производить нежели производить — советская экономика закончилась тотальным дефицитом на всё);
- рыночный механизм ценообразования строится на примате потребителя («потребительский рынок») и взаимовыгодности торговли и для продавца и для покупателя.

Проблемой нашего общества, типичного общества конфликтной этики, является выход из этой этики и переход в компромиссную парадигму.

Это возможно, поскольку «всё мыслимое возможно» (Мао Дзе Дун), при этом имеется несколько путей такого перехода:

- интродукция западных технологий менеджмента, построенных на компромиссной логике,
- интродукция западной культуры (инфраструктуры, образования, воспитания, культурных и духовных образцов, нравственных ценностей и т.п.),
- саморазвитие, самовоспитание и самообразование внутри нашего общества.

В работе [14] предлагается идея, которая схематически выглядит следующим образом (схема 1).

Нормально, если наблюдается равноправие интересов государства и общества. Репрезентация, удержание и поддержание этого равноправия, рефлексивное управление как балансирование общественных и государственных интересов — прерогатива элиты, которая действует через *промежуточные институты власти* [15], фокусируя группы интересов, выражающихся в институализированных и неинституализированных структурах (вплоть до стихийных вспышек). Важно, что эту функцию выполняют все элиты, а не только политическая. В этом случае формируется *полиархия* [16] или власть многих.

Равноправие интересов наблюдается в большинстве демократических стран, с теми или иными не принципиальными отклонениями от этого равноправия (в Греции довлеет общество, в Германии — государство, но эти «довлечения» практически неощутимы).

Элита как презентация государственных и общественных интересов (равноправие интересов)

Схема 1. Место элиты в общественно-государственных отношениях.

В системе «государство-общество» это равноправие возможностей и интересов государства и общества достигается за счет независимости (самостоятельности) обоих институтов, что позволяет рассматривать процесс их взаимодействия как подчиняющийся «рыночному механизму ценообразования»:

- _____ позиция государства
- верхний предел «ценообразования» (что надо обществу)

Пространство «ценообразования» (торга между обществом и государством)

- нижний предел «ценообразования» (как осуществить то, что надо обществу)
- _____ позиция общества.

Творческая, духовная, философская элита формирует и формулирует онтологию требований общества, политическая и властная элита — логику реализации этих онтологических требований, при

этом процесс торга не должен выходить за рамки пространства «ценообразования».

Отмирание государства, неизбежное не только по мнению марксистов, но и как common vision, пойдет по линии перехода от государственной власти к государственному сервису — в этом случае исчезнет разница между налогоплательщиком и избирателем, сама система налогообложения сменится с идеологии «налоги на...» (на доходы, недвижимость и т.п.) на идеологию «налоги за...» (пользование государственными школами, инфраструктурой, бюрократией и т.п.)

В зависимости от этической парадигмы общества [17], конфликтной («героической») или компромиссной («христианской»), в отношениях между государством и гражданским обществом господствуют либо отношения *торга* (игра с приращением позитивной суммы), либо отношения *войны* (игра с нулевой суммой). Подобным же образом Г. Сартори [18] выделяет две стратегии политического взаимодействия:

- неограниченная политическая борьба (игра с нулевой суммой, война),
- ограниченное политическое состязание (игра на приращение, торг).

Перестройка в СССР прошла как игра с нулевой суммой: проснувшееся после нескольких десятилетий спячки гражданское общество добилось фактически силовым образом (ГКЧП) и снятия пятой статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, и развала, коллапса СССР. Буквально через несколько лет режим Ельцина силой, танками подавил общественное сопротивление.

Чем бы ни кончилось нынешнее противостояние государства и «оппозиции», это будет силовое решение в духе войны, бескомпромиссности и открытого конфликта. Неспособности общества и государства к торгу демонстрируется политическими жестами Путина, Медведева, Единой России, лозунгом «партия воров и жуликов» и т.п.

Речь идет не о толерантности, не только о толерантности (в конце концов толерантность — форма выражения равнодушия, не более того).

Важнейшим требованием к элите в современной России является смена этической парадигмы в стране, к доминированию отношений торга и, следовательно, основным содержанием элитного образования для всех видов элит должно стать в настоящее время освоение компромиссной этической парадигмы.

Местные и региональные элиты, их роль и функции

Прежде всего, необходимо отметить, что местная, региональная элита — вовсе не мелкомасштабные личности. Генри Миллер в Биг Суре (Калифорния), Гауди, Казальс, Миро, Дали и Пикассо в Барселоне (Каталония), Мурильо в Севилье (Андалусия), Толстой в Ясной Поляне (Тульская губерния) и Достоевский — в Старой Руссе (Новгородская губерния) — элита мирового уровня, но явно имеющая и местное, региональное значение.

Независимо от сферы деятельности, местная и региональная элита, как это обусловлено ее определением, бескорыстно и искренне любит свой город и край (например, не элитный географ превращает то или иное место в кусок хлеба? в том нет ничего предосудительного, если он не претендует на элитность), всячески способствует его процветанию и преуспеянию, а также представляет его во внешнем мире. Здесь, разумеется, одной любви и патриотизма мало — необходимо знание и понимание местных проблем и интересов, необходимы силы и средства их отстаивания и разрешения.

Масштаб местности никак не влияет на вероятность существования элиты в ней — это определяется масштабами и характером личности: Василий Шукшин — элитная личность села Сростки Алтайского края, Михаил Ломоносов — Холмогор Архангельской губернии, Иван Сусанин — деревни Деревеньки под Костромой. Местная элита не стремится стяжать личную славу, но прославляет свое место.

Местная и региональная элита практически всегда публична, а потому хорошо известна основной массе жителей. Кроме того, она является местным примером для подражания и несет на себе нравственно-воспитательную миссию.

Строго говоря, местная и региональная элита и есть региональный субъект, субъект региональной (местной) политики, субъект регионализации и формирования, оформления места. В этом смысле, элита выполняет переход от принципиально неопределенной топики¹ к рефлекслируемой, а потому и вполне и описываемой, и осознаваемой ситуации.

Слабость или отсутствие местных и региональных элит, характерные для современной России (редкие исключения — З. Прилепин в Нижнем Новгороде, вологжанин В. Белов, относительно недавно умерший В. Астафьев в Красноярском крае, В. Распутин и А. Вампи-

¹ Аристотель «Топика». Согласно Аристотелю топка принципиально неопределенна по содержанию, границам и масштабам, а также позициям, ее образующим.

лов — в Иркутской области и др.) — печальный результат многолетней политики и идеологии, направленных на подавление и прессование всех местных и региональных талантов и лидеров, а также на перетаскивание их в столицу.

В свете вышеизложенного предлагается в рамках региональных и урбанистических исследований:

- включение в состав исследований вопроса о местных и региональных элитах, как существенных, а в ряде случаев решающих факторов регионообразования и местной жизни;
- привлечение местной и региональной элиты собственно к этим исследованиям на правах партнеров, исполнителей и соисполнителей.

Литература

1. Хайек Л. фон. Дорога к рабству. «Новый мир», М, 1991, №8.
2. Платон. Законы. Сочинения, т. 3 (2) — М., Мысль, 1972. — С. 83–469
3. Китов Ю.В., Гертнер С.Л. Элита и интересы. М.: МГУ культуры и искусств. — М., 2004. — 166 с.
4. Китов Ю.В., Гертнер С.Л. Элита и интересы. М.: МГУ культуры и искусств. — М., 2004. — 166 с.
5. Кошелева А.В. Современные теории и концепции элитаризма. — М., деп. ИНИОН, 2006. — 29 с.
6. Паутов А.А., Вершигорова Т.П. Элита и элитогенез. — М., 2000. — 126 с.
7. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского / Под ред. О.А. Алякринского. — М.: Аспект Пресс, 2000.
8. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. — М.: Наука, 1978.
9. Батраева О.Б. Социальные механизмы воспроизводства и рекрутирования современной российской политико-административной элиты. Автореф. дис. канд. соц. наук. — Саратов, Саратовский ГТУ, 2002. — 18 с. (стр. 8).
10. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. — М.: Прогресс, 1969.
11. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Антоновского. — М.: Праксис, 2001.
12. Ашин Г.К. Мировое элитное образование. — М., МГИМО (У) МИД РФ, Анкил, 2008. — 359 с. (стр. 117).
13. Young M. The Rise of the Meritocracy 1870-2033. An Essay on Education and Equality. Middlesex, England, 1968.

14. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. — М., РОС-СПЕН, 2006. — 446 с.
15. Токвиль А. Демократия в Америке. — М.: Прогресс, 1992. — 554 с.
16. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского / Под ред. О.А. Алякринского. — М.: Аспект Пресс, 2000.
17. Лефевр В.А. Рефлексия. — М., Когито, 2003. — 496 с.
18. Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Vol.1, The Contemporary Debate Chatman, NJ, Chartan House Publishers, 1987.

Валяев И.А.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

Сельская местность (СМ) России уже более полувека испытывает устойчивую тенденцию к деградации и депопуляции. Имеющиеся производственные мощности села не позволяют увеличить площадь пахотных угодий и вновь вернуть в оборот когда-то выбывшие земли, и сельское хозяйство приходит в упадок. Одну из причин такого положения можно искать в постоянно уменьшающихся трудовых ресурсах деревни.

Современное сельское население России за текущие полвека сократилось почти на двадцать миллионов или на 30%. В условиях депопуляции селитебная зона разрушается. Несмотря на огромную площадь СМ, жить деревенскому человеку как будто бы нигде, потому что все меньше остается комфортных для жизнедеятельности сельских населенных пунктов, которые бы удовлетворяли современным потребностям населения. В таком контексте изучение потребностей сельского населения, качества его жизни и разработка предложений по сохранению имеющегося потенциала деревни представляется весьма актуальной.

Географическое и негеографическое изучение сельской местности привело к формированию системы руральных наук, ядром которых выступает георуралистика, исследующая «процессы, результаты, тенденции, закономерности территориальной организации сельской местности». [5, с. 55]

Несмотря на разноплановость изучения сельской местности, центральным объектом большинства исследований выступает житель деревни. Одним из первых направлений по географическому изучению сельского населения явилось изучение расселения населения. Основоположником такого направления явился С.А. Ковалев, который в 1963 году в своей монографии «Сельское расселение» обозначил широкий спектр проблем для исследований. С.А. Ковалев, наряду с изучением особенностей и закономерностей развития и размещения сельских поселений, первым поставил задачу изучения региональных различий в уровне и условиях жизни населения, в том числе и обеспеченности различными формами обслуживания. Позднее, в 1990-е годы другой крупный специалист в изучении села — А.И. Алексеев — предложил следующую схему социально-географического изучения сельской местности: субъект–условия–деятельность–сознание, где происходит взаимодействие человека, его среды обитания и образа жизни. Результатом научных трудов целого ряда других исследователей явилось развитие знаний о закономерностях размещения сельских поселений, региональных и локальных системах расселения, о взаимосвязи сельского населения и производства, инфраструктуры, природных ландшафтов. [6] Весьма интересны исследования Т.Г. Нефедовой, которая изучает взаимосвязь пространственной дифференциации развития сельскохозяйственного производства и сельского населения через призму центр-периферийных отношений, демографических и расселенческих процессов, национальных особенностей. [3]

Таким образом, многообразие сторон познания сельского населения и расселения во многом стало возможным благодаря наличию накопленной методологической базы, теоретических подходов, разработанных в трудах большой когорты отечественных и зарубежных ученых. Значимую роль в изучении сельского населения играют и прикладные методы исследования, которые можно объединить в несколько групп: математико-статистические, географические (картографирование, районирование), социологические и кибернетические (моделирование).

Математическими методами изучаются концентрация населения и его дифференциация. Существует довольно много показателей, которые используются при данном методе: плотность населения и поселений, мера территориальной концентрации, потенциал поля расселения, центр тяжести населения, коэффициент ранговой корреляции по Ч.Э. Спирмену и другие.

Широко распространенным и весьма наглядным методом в географии является картографирование, где при совместном анализе карт устанавливаются взаимосвязи и закономерности в расселенческой структуре, которые сложно выявить при анализе отдельных характеристик населения и территории.

Не менее важным является метод районирования. Применяя этот метод, выделяют территории, обладающие специфическими характеристиками процессов расселения. При этом районирование будет зависеть от выбранного признака или ряда признаков (комплексный подход). Примером комплексного районирования может служить зональная карта сельского расселения европейской части СССР С.А. Ковалева.

В настоящее время в изучении населения и расселения все интенсивнее используются методы моделирования (математическое, прогнозное). Методы моделирования позволяют спрогнозировать территориальные изменения в расселении населения.

Весьма широко применяемыми методами в изучении населения являются социологические методы: опрос, анкетирование, интервьюирование и др. Социологический опрос позволяет получить эксклюзивные материалы, малоизвестные факты, обогащает новыми знаниями, позволяет выявить отношение и мнение людей по рассматриваемому кругу проблем.

Интервьюирование и экспертный опрос (в данном случае — мнение ученых о проблемах села) в исследованиях встречаются довольно редко. Самым распространенным видом социологического исследования является анкетирование, при помощи которого собирается первичная информация путем получения ответов респондентов на упорядоченную последовательность вопросов, выраженных в виде анкеты. Анкета должна соответствовать поставленной цели исследования и быть доступна для понимания респондентам.

Анкетный опрос позволяет увидеть реальное положение в деревне, эмоциональное настроение людей, увидеть глазами самих жителей те проблемы села, которые невозможно получить из данных статистики, в ходе картографических и полевых исследований и т.п. методами.

Метод анкетного опроса был детально разработан в трудах представителей новосибирской школы сельской социологии, возглавляемой Т.И. Заславской. Приоритетным направлением этой школы стало комплексное изучение деревни с объектом исследования села как системы жизнедеятельности. Практически сразу исследования вышли на макрорегиональный уровень и стали носить приклад-

ной характер. Учеными новосибирской школы разработан типологический метод обработки информации с уровневой структурой: сельских регионов (Т. Заславская, С. Крапчан), сельских административных районов (В. Федосеев), сельских поселений (Е. Горяченко), аграрных городов (А. Троцкий), типов сельскохозяйственных предприятий (П. Колосовский, Л. Косалс) [7, с. 200].

Из современных социологов, активно занимающихся изучением сельского населения главным образом посредством анкетирования можно назвать Н.Е. Покровского, который на протяжении десяти лет возглавляет «Угорский проект», направленный на междисциплинарное исследование процессов модернизации сельских районов российского Ближнего Севера. Площадкой для исследований выбрана Костромская область с резиденцией в деревне Медведево Мантуровского района. В рамках данного проекта происходит научное взаимодействие социологов, географов и представителей других наук. В 2008 году Т.Г. Нефедовой совместно с аспирантами и студентами был проведен анкетный опрос сельского и дачного населения в населенных пунктах разной людности (включая деревни, не имеющие постоянного населения) в Угорском и Леонтьевском сельских поселениях Мантуровского района Костромской области, на основе которого был выполнен ряд работ по анализу перспектив развития деревень русского севера [4].

Нами также была предпринята попытка использования социологических методов для изучения отдельных вопросов жизнедеятельности сельского населения северной Заволжской части Нижегородской области, которая в расселении имеет ряд особенностей, присущих сельской местности севера европейской России.

Заволжская сторона Нижегородской области отличается мелкоселенностью, исторически здесь не сложилось сплошного заселения территории и большие площади занимают леса, среди которых небольшими участками размещаются освоенные лесопольные пространства с довольно густой сетью мелких поселений, удаленных друг от друга от 0,25 до 2 км. Территориями с наибольшим количеством сельских поселений являются Городецкий и Чкаловский районы, что связано с природными особенностями и историей заселения региона. Средних и крупных сельских поселений немного, большинство из них расположено в тридцатикилометровой зоне влияния районных городов или рабочих поселков.

Характеризуя выбранные для обследования районы, следует сказать о местных традициях сельского населения, которое издавна славилось несельскохозяйственными трудовыми навыками. Здесь

скудные подзолистые почвы все время заставляли крестьянина искать другой способ заработать себе на пропитание, поэтому было среди населения много отменных плотников, резчиков по дереву, кружевниц, вышивальщиц, гончаров и других умельцев. Не зря именно здесь родились известные во всем мире хохломская роспись и городецкая глухая резьба, чкаловский гипюр и жбанниковская глиняная игрушка. В середине XX века в этой части Нижегородской области начала развиваться местная лесная и деревообрабатывающая промышленность, начали формироваться рабочие поселки. Новый импульс развития получило и сельское хозяйство за счет внедрения новых технологий в развитие молочно-мясного скотоводства, земледелия. В селах строили животноводческие фермы, перерабатывающие цеха, предприятия кормопроизводства. Изменился облик центральных усадеб колхозов и совхозов — строились школы, клубы, детские сады и другие социально-бытовые объекты. Молодежь осваивала новые сельские профессии. Но нижегородское село всегда было демографическим донором для быстрорастущих городских поселений, да и условия жизни и труда на селе стали быстрыми темпами отставать от города. Миграция молодежи из села к 1970–1980-ым годам приобрела угрожающий характер, перестройка, развал коллективных хозяйств и экономический кризис сделали деградацию сельской местности необратимой.

Однако сохранить историко-культурное своеобразие, этнические традиции местности и обеспечить производство продовольствия способна только деревня, поэтому важно знать, чем же теперь живет сельское население севера нижегородчины, какие проблемы, требующие немедленного решения, стоят перед ним, в каких условиях оно проживает?

Эти и другие вопросы мы попытались осветить в анкетировании, проведенном летом 2013 года. Цель опроса — оценить социально-экономическое положение, настроение сельского населения, уровень благоустройства поселений.

Анкетирование проводилось в четырех районах Нижегородской области: Городецком, Ковернинском, Семеновском и Шахунском. В каждом из них было выбрано по одному населенному пункту, при этом три поселения — Аксентис, Сухоноска, Хмелевицы — имеют статус центра сельского поселения и располагаются в радиусе 15 километров от своего районного центра, а один из них — село Фанерное в Семеновском районе — не имеет такого статуса и удален от своего районного центра на 40 километров. Относительно областного центра — Нижнего Новгорода — всех ближе находится поселок Аксентис — в пятидесяти километровой зоне. В два раза дальше располагаются деревня

Сухоноска Ковернинского района и село Фанерное Семеновского района. Село Хмелевицы Шахунского района находится примерно на одинаковом удалении от г. Кирова и г. Н. Новгорода (на расстоянии 230 километров). По людности сельские населенные пункты сгруппировались следующим образом: п. Фанерное и п. Аксентис имеют менее тысячи жителей и относятся к категории средних сельских поселений, а два других поселения, имея более тысячи жителей, являются крупными для рассматриваемой местности сельскими пунктами.

В сферу интересов социологического опроса были включены следующие блоки: 1) социальный статус респондентов, 2) благоустройство поселений, 3) условия проживания, 4) подвижность населения, 5) уровень бытового обслуживания.

В анкетировании приняло участие 200 человек. В каждом сельском поселении опрошено по 50 односельчан, что составило от 3% до 8% населения. По гендерному признаку респонденты распределились следующим образом: 80 мужчин и 120 женщин. Половина опрошенных имели возраст от 40 до 60 лет (рис. 1).

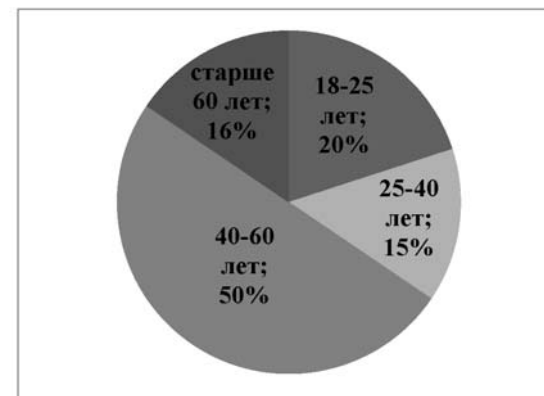

Рис. 1. Возрастной состав сельских респондентов.

Социальный статус респондентов определялся следующими показателями: уровень образования, доход, занимаемая сфера деятельности. В ходе опроса выяснилось, что почти 2/3 населения являются рабочими и служащими (рис. 2), многие из которых получили среднее образование (57%), а 1/3 опрошенных имеет высшее или незаконченное высшее образование, как правило, это учителя, врачи, учащиеся в вузах студенты. Начальное образование было у 12% респондентов, в основном это пенсионеры и небольшая часть работающих и служащих.

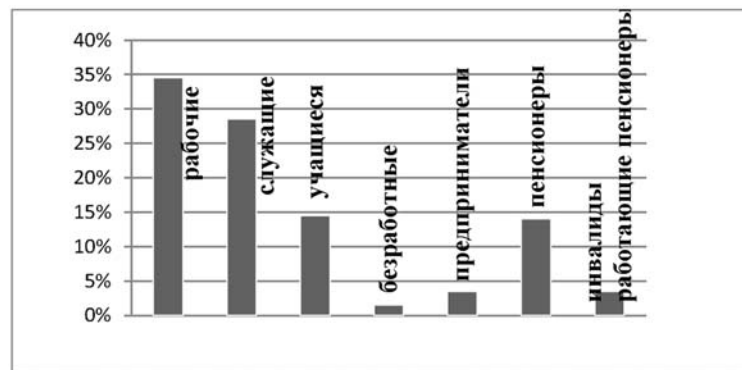

Рис. 2. Социальный статус сельских респондентов.

Анализируя доходы участников анкетирования, мы выяснили, что у большинства населения (53%) уровень заработной платы составляет ниже 10 тыс. руб. в месяц, поэтому на вопрос: «Относите ли вы себя к малообеспеченным гражданам?» немногим более половины (53%) респондентов отвечают, что «да». Только у 1/3 опрошиваемых уровень доходов оказался от 10 до 20 тыс. руб. в месяц; немало таковых среди пенсионеров и только 13% респондентов имеют доход выше 20 тыс. руб. в месяц — как правило, это предприниматели, некоторые служащие и высококвалифицированные рабочие (рис. 3).

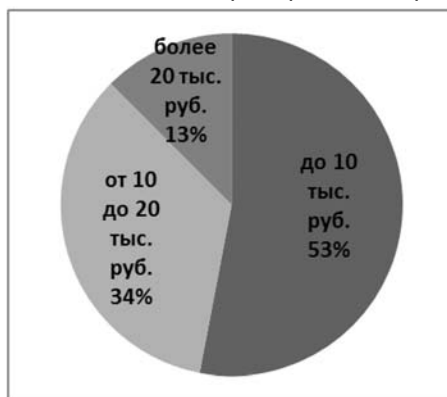

Рис. 3. Уровень доходов.

В статьях основных расходов у большинства респондентов (51%) почти все средства уходят на питание и коммунальные платежи, 49% опрошенных имеют возможность удовлетворять разумные

потребности, покупать товары длительного пользования и обеспечивать недорогой отдых. При этом, отвечая на вопрос: «Как вы оцениваете качество Вашей жизни?» почти — респондентов посчитали его удовлетворительным, еще 8% — высоким и 20% участников отмечают крайне низкое качество жизни.

По уровню благоустройства исследуемые сельские поселения делятся поровну на те, которые имеют центральное отопление, природный газ, водопровод, канализацию — это п. Аксентис, д. Сухоноска. Здесь основной жилой сектор представлен в основном двух- и трехэтажными домами. В отличие от них в п. Фанерное и с. Хмелевицы большинство жителей лишены таких благ. Почти все удобства находятся на улице. Дома в основном одноэтажные деревянные и кирпичные, при этом почти у всех есть погреб, сарай или гараж, баня, земельный участок при доме. В многоэтажных сельских населенных пунктах таких хозяйственных построек меньше и расположены они на некотором удалении от жилья, а земельные участки находятся в ближайшей округе и не имеют построек, либо при доме в соседней деревне. При этом на вопрос: «Как используется земельный участок?» 68% респондентов ответили, что благодаря ему обеспечивают себя продуктами питания на весь год, не имея излишков на продажу, другие обеспечивают себя наполовину или на 1/3 (20%), 3% участников рассматривают земельный участок как место отдыха. Всего только у 8% респондентов остаются излишки выращенной продукции на продажу (рис. 4). Таким образом видно, что жители почти не рассматри-

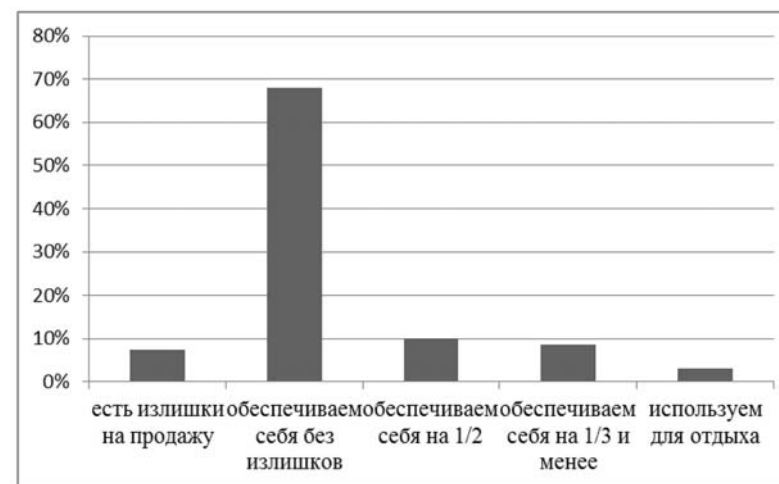

Рис. 4. Использование продукции, получаемой с ЛПХ.

вают свои личные подсобные хозяйства (ЛПХ) как средство получения дополнительных доходов в свой бюджет и ограничиваются выращиванием продукции для собственного потребления. Это еще раз подтверждает тот факт, что сельскохозяйственное производство в условиях северной части Нижегородской области является низкорентабельным и не приносит прибыли.

Для всех обследуемых населенных пунктов общим оказалось наличие устойчивой сотовой связи, у многих есть интернет, стационарный телефон. Но чем дальше на север области — тем хуже пути сообщения. Самые плохие дороги отмечены в окрестностях с. Хмелевицы и п. Фанерное.

При анализе условий проживания удалось выяснить, что большинству опрошенных (91%) нравится свое место жительства, многие считают его одним из лучших среди известных им населенных пунктов. Главными достоинствами своих поселений большинство респондентов назвали здоровый климат (32%), хороших односельчан (30%), живописность положения (26%); 14% участников гордятся историей своего села (рис. 5).

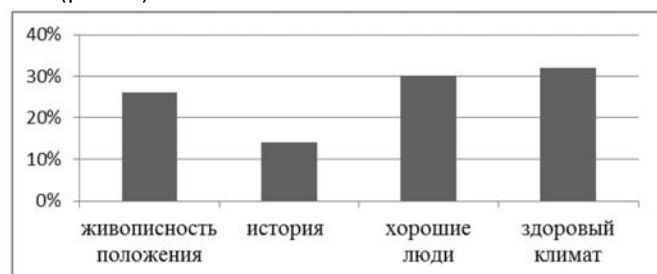

Рис. 5. Положительные стороны сельских населенных пунктов.

Но респондентов волнуют социально-экономические условия проживания и в первую очередь — наличие достойной работы, ведь именно нехватка мест приложения труда беспокоит половину опрошенных, поэтому 64% респондентов указывают на этот факт как на основную причину, по которой местные жители покидают свою родину. Еще из отрицательных сторон условий проживания респонденты указали на то, что здесь скучно, нечем занять свой досуг (37%) и нет возможности учить детей профессии после окончания школы (13%) (рис. 6).

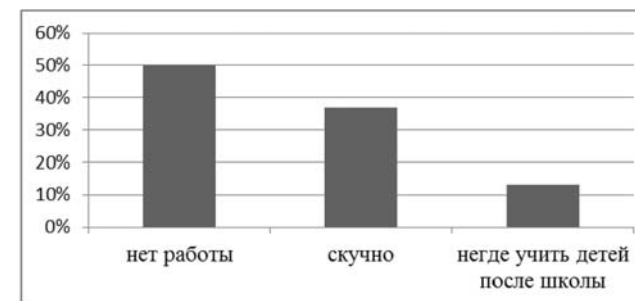

Рис. 6. Отрицательные стороны жизни в сельских населенных пунктах.

Блок «Подвижность населения» исследовался по двум направлениям: анализ трудовых миграций и миграций с целью смены места жительства. Половина всех респондентов трудится в пределах своего населенного пункта и еще 15% ездит на работу в соседние с ним поселения. Трудовые миграции, отличающиеся большей продолжительностью и расстоянием, направлены по двум векторам: в районный центр (22%), либо в областной центр — Нижний Новгород (13%), то есть чуть более 1/3 респондентов не смогли найти себе достойную работу в своем селе, и были вынуждены искать ее на стороне.

Отдельно нужно сказать о частоте поездок, совершающихся в районный или областной центры по работе, учебе и не только. Большинство респондентов (41%) ездит в свой районный центр 1–3 раза в неделю за покупками или услугами, 37% — 1 раз в месяц, 16% участников опроса — каждый день на работу или учебу, 6% — реже, чем 1 раз в месяц. Опрос показал, что областной центр 1/3 респондентов посещает 1 раз в полгода, чуть более 1/3 опрошенных ездят туда 1 раз в год и реже, 16% — примерно 1 раз в месяц за покупками и услугами, 12% участников опроса ездят в Н. Новгород с разной периодичностью. Основная цель поездок та же, что и в районный центр. Таким образом, это указывает на наличие более тесных связей сельских жителей со своим районным центром и менее интенсивные связи с областным центром. Едут в Н. Новгород преимущественно за дорогостоящими товарами длительного срока службы и за специфическими услугами, например, медицинского характера, юридическими и т.п.

Изучая миграционную подвижность по смене места жительства, на вопрос: «Сколько раз за свою жизнь Вы меняли место жительства?» 54% респондентов ответили, что никогда не меняли место проживания, еще 42% участников сменили его только один или два раза,

при этом 20% переехали из деревень местной округи, 22% респондентов приехали из удаленных местностей. Переезжавших с места на место 3 и более раза оказалось только 4% респондентов (рис. 7).

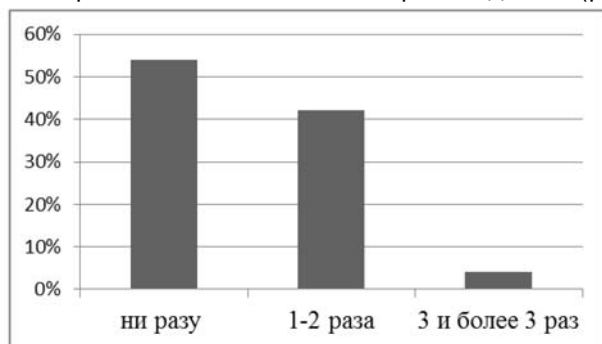

Рис. 7. Частота смены места жительства сельских респондентов.

Основными причинами смены места жительства в рассматриваемых селениях служили: вступление в брак (52%), лучшее развитие сферы обслуживания по сравнению с прежним селением (16%), возвращение к родителям (7%), лучшие природные условия (7%), дороговизна жизни на прежнем месте проживания (4%), распад семьи (6%), выезд из зоны военных действий (4%).

Больше половины респондентов (56%) в перспективе рассматривают свой сельский населенный пункт как постоянное место проживания, 24% пока не определились и 20% респондентов хотят покинуть свое село. Главными причинами выезда выступает поиск высокооплачиваемой работы, перспективы карьерного роста и лучших условий жизни. Те, кто хотел бы уехать из своих сел чаще всего называют новым местом проживания районный центр (55%) и областной центр (Н. Новгород или его агломерированную зону (45%)).

При анализе уровня социально-бытового обслуживания рассматривались состояние здравоохранения и медицинского обслуживания, образования и культуры; развитие транспорта; бытового обслуживания и торговли. Из учреждений бытового обслуживания во всех поселениях есть универсальный и продовольственный магазины, почтовое отделение. В двух других поселениях (в п. Аксентисе и д. Сухоноске) присутствует парикмахерская и кафе-столовая. По мнению опрошенных этого «набора» объектов бытового обслуживания явно недостаточно. Респондентам было предложено в открытом опросе указать, что из сферы бытового обслуживания на их взгляд необходи-

мо еще добавить. В многоквартирных домах в п. Аксентисе и д. Сухоноске респонденты хотели бы иметь в первую очередь общественную баню, а в двух других селениях назвали парикмахерскую и кафе-столовую. Жители всех населенных пунктов хотели бы иметь ателье по ремонту и пошиву одежды, автосервис, отделение сбербанка. В организации медицинского обслуживания 36% респондентов отмечают трудности при вызове скорой помощи, 20% участников опроса недовольны большими очередями в поликлинике, 16% респондентов отмечают ограниченность перечня предоставляемых медицинских услуг, 13% участников опроса указывают на нерегулярную связь с райцентром, 4% респондентов отмечают трудности в госпитализации, еще 4% опрошиваемых не довольны уходом за больными.

Основными проблемами в работе транспорта выступают: сокращение рейсов (37%), плохое состояние дорог (26%), неудобный график движения автобусов (16%), переполненность транспорта (15%), отсутствие регулярной транспортной связи с соседними поселениями (5%).

В сфере оказания образовательных услуг 43% респондентов отмечают малокомплектность местной школы и угрозу ее закрытия, 31% опрошенных отмечает, что нет учреждений профессиональной подготовки и 13% респондентов говорят, что нет профильных школ и классов.

Выяснилось, что в обследуемых поселениях крайне мало или фактически отсутствуют учреждения культуры и спорта. По этой причине 46% респондентов лишены возможности посетить кино, театр, концерты, заняться физкультурой или спортом. Еще 21% респондентов хотели бы посетить культурные и спортивные учреждения, расположенные в районном (реже в областном) центре, но не могут себе этого позволить из-за отсутствия денег. Все же 21% опрошенных иногда удается это сделать, а 11% участников опроса не интересуются ни культурой, ни спортом.

Таким образом, проанализировав результаты анкетного опроса можно сделать ряд выводов, характеризующих состояние сельского социума ключевых поселений северной части Нижегородской области. Социально-экономическое положение сельского населения неблагоприятно. Так, уровень доходов более чем у половины респондентов (рабочих и служащих, пенсионеров) составляет 10 тыс. рублей в месяц и менее, причем большая часть этих средств уходит на коммунальные платежи и питание, а личное подсобное хозяйство не является источником доходов. Благоустройство поселений отличается неоднородностью. С одной стороны есть дома и целые улицы,

имеющие почти городское благоустройство, с другой стороны, окраинные части благополучных селений, и особенно удаленные от Нижнего Новгорода п. Фанерное и с. Хмелевицы не имеют даже жизненно необходимого набора удобств. Имея, бесспорно, много преимуществ по условиям проживания и прежде всего экологически чистую и эстетически привлекательную природную среду, комфортный социальный микроклимат сельские поселения севера области не обеспечивают полную трудовую занятость своих жителей, организацию досуга, медицинского обслуживания и образования. Несмотря на то, что в своем поселении или недалеко от него работает половина опрошенных, почти треть сельчан вынуждена искать трудоустройство в соседних городах и рабочих поселках, а для совершения покупок или получения услуг должна ездить в районный или областной центры.

Стоит отметить, что опрос проводился в наиболее крупных сельских поселениях выбранных районов, следовательно, в малых поселениях, которых на севере области подавляющее большинство, картина еще более удручающая.

Литература

1. *Алексеев, А.И.* Многоликая деревня (население и территория). — М.: Мысль, 1990. — 266 с.
2. *Ковалев, С.А.* Сельское расселение (Географическое исследование)/Под. ред. Ю.Г. Саушкина. — М.: Изд-во МГУ, 1963. — 372 с.
3. *Махоткина, А.И.* Трансформация научных школ, подходов и методов к исследованию сельской местности в экономической и социальной географии//А. И. Махоткина//Региональные исследования, 2006. — №4. — С. 33–47.
4. Угорский проект: экология и люди ближнего Севера/Под. ред. Н.Е.Покровского. — М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008.
5. *Поросенков, Ю.В., Диденко О.В.* Основы теории комплексного географического исследования сельской местности областного региона/ Ю.В. Поросенков, О.В. Диденко //Вестник ВГУ, Серия: География.Геоэкология, 2007. — №2. — С. 54–58.
6. *Присяжный, М.Ю.* Социально-географические исследования сельской местности в России/М.Ю. Присяжный//Молодой ученый, 2011. — Т. 1. №4 (27).— С. 127–133.
7. Социология в России /Под. ред. В.А. Ядова. — 2-е изд., перераб. и дополн. — М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. — 696 с.

Глава 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МИРА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Горкина Т.И.

РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ*

В Арктике в течение последних 20 лет наблюдается постепенное отступление льда, в результате чего возрос интерес мирового сообщества к этому региону не только из-за его значительных ресурсов полезных ископаемых, особенно нефти и газа, но и благодаря его циркумполярному расположению по отношению к разным материкам. Поэтому его все чаще стали называть «новым Средиземноморьем» и последней кладовой Земли, сконцентрировавшей множество полезных ископаемых. На его ресурсы, а также и на морские и воздушные маршруты претендуют не только арктические и приарктические государства, но и многие другие страны, считающие, что Арктика должна иметь статус интернациональный. Разногласия, вызванные этими разными точками зрения, и борьба за право владения и освоения арктических месторождений, привели к тому, что Арктический регион стали называть также «регионом анархии».

Огромные запасы нефти (не менее 10 млрд. т) и газа (не менее 50 трлн. куб. м) на шельфе Арктики особенно привлекают внимание, т.к. во всем мире происходит истощение континентальных месторождений углеводородов. Такие запасы могут обеспечить устойчивое развитие мировой экономики в XXI в., поскольку, несмотря на внедрение в ТЭБ планеты альтернативных и возобновляемых видов энергии, нефть и газ останутся ведущими видами энергии. Данные таблицы 1 о размещении прогнозных запасов углеводородов в арктических

* Работа выполнена по проекту 31 Президиума РАН.

странах говорят о том значении Арктики, которое она может приобрести к середине XXI в.

Таблица 1.

Распределение прогнозных запасов углеводородов в Арктике, %

Страна	Нефтяные ресурсы	Ресурсы природного газа
Россия	41	70
США	28	14
Дания (Гренландия)	18	8
Канада	9	4
Норвегия	4	4
Арктика, всего	100	100

[7].

Регион простирается от Гудзонова залива до северной части Берингова моря, его площадь составляет свыше 20 млн. кв. км, а протяженность арктического побережья — около 40 тыс. км. В настоящее время пять стран — Россия, Норвегия, США, Канада и Дания — имеют прямой выход к арктическому побережью и Северному Ледовитому океану. Согласно делению региона на сектора, введенному в 1920-е гг., каждая из этих стран имеет следующую долю (в %): Россия 69,0; Канада 16,7; Норвегия 8,3; Дания 4,8 и США 1,2. Кроме этих стран приарктические государства — Швеция, Финляндия и Исландия — имеют свои территории в высоких широтах. По душевому показателю, рассчитанному по паритетной покупательской способности, первые три места занимают соответственно Аляска, Канада, Гренландия. Все северные страны, за исключением РФ, входят в двадцатку самых богатых стран мира.

Хозяйственное освоение Арктики началось в 1930-е гг. Регион характеризуется такими основными чертами: 1. экстремальные природно-климатические условия; 2. очаговый тип промышленно-хозяйственного освоения и низкая плотностью населения; 3. удаленность от основных промышленных центров; 4. высокая ресурсоемкость; 5. зависимость хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения от поставок из других районов; 6. низкая устойчивость экосистем и их зависимость даже от незначительного антропогенного воздействия.

Индустриальное развитие северных территорий оказало негативное влияние на жизнь коренных народов Арктики, образовавших

т.н. «циркумполярную цивилизацию», которая представляет собой разнообразие древнейших евроазиатских этносов, обитавших здесь в течение тысячелетий без особой культурной, миграционной или этнической динамики. Промышленная экспансия потеснила аборигенов на их территориях, оказала влияние на хозяйственную деятельность и структуру занятости.

В северных районах арктических стран проживает в настоящее время порядка 4 млн. чел., из которых около 20% — это представители коренных народов. В РФ насчитывают 40 коренных народов общей численностью 250 тыс. чел., на Аляске — 88 тыс. чел., в Швеции — 17 тыс. чел. и т.д. Эти народы оказались неспособны адаптироваться в полной мере к современной цивилизации. Поэтому для гармоничного и успешного развития северных территорий так важна государственная политика по отношению к этим этносам. Для начального этапа освоения Арктики было характерным противостояние между значимостью промышленного освоения и значимостью сохранения северных этносов, созданием условий для их достойного существования. Опыт, накопленный в ходе промышленного освоения северных территорий, показывает, что для успешного развития необходимо не только внедрять новые, экологически щадящие технологии производства, но и взять на вооружение геокультурные ценности коренных народов и сделать их факторами создания общества благосостояния в условиях холодных территорий. Однако, несмотря на все меры по привлечению коренных народов в современное производство, по данным профессора Ж. Дюхайме из канадского Университета Лаваль, уровень безработицы среди них очень высок: в Канаде — 40%; на Аляске — 50%; в России — 90%.

Освоение Севера в западных странах шло по двум направлениям. В Америке — это вахтовый метод, особенно применяемый в Канаде. Коренное население живет обособленно и в целом не пользуется благами современной цивилизации. Освоение Севера в Канаде ведется методами, исключающими привлечение крупных контингентов населения. Широко применяются вахтовый и экспедиционный методы организации работ. В городах проживают постоянно лишь люди в количестве, необходимом для успешного функционирования города. [1] Скандинавский метод осуществляется с опорой на местные ресурсы и постоянное население, занимающееся традиционными видами деятельности (лесное хозяйство, рыболовство и оленеводство). По качеству жизни население приближено к общеевропейским сельским стандартам.

В России освоение Севера шло по третьему пути, включающему в себя американский и скандинавский тип развития. В Европейской части развитие приближено к скандинавскому типу, за Уралом — частично американский тип с его вахтовым методом, но целиком он не используется, т.к. в советские годы здесь была создана значительная инфраструктура, связывающая Север с внутриматериковыми областями, построены города, рассчитанные на постоянное проживание. Если эти структуры будут работать только летом, то их потенциал будет использован не в полной мере, поскольку произойдет деградация инфраструктуры и, как следствие, ограничение экономического развития.

Россия накопила большой опыт в освоении Севера, который занимает 65% территории страны, в т.ч. районы Крайнего Севера — 25%. Масштабы хозяйственной деятельности значительно превосходят показатели других арктических государств. В Арктической зоне России (АЗР) производится 12–15% ВВП страны, формируется четверть экспортных поставок. АЗР имеет высокую долю добавленной стоимости добывающих отраслей и предприятий — порядка 60%, в то время как на Аляске и в Канаде — 30%, в остальных странах — меньше 15%. Это связано во многом с тем, что в советское время АЗР рассматривалась, в основном, с позиций военно-стратегических интересов, все виды деятельности подчинялись оборонно-стратегической целесообразности. В результате была создана высокзатратная модель, не отвечающая современным реалиям [4]. На 20 тыс. км северного побережья, которое считается государственной границей РФ, расположены базы Северного флота и атомного ледокольного флота, дислоцированы оборонные объекты различного назначения, пограничные заставы и др.

Минерально-сырьевая база АЗР — одна из крупнейших в мире, она стала важным звеном в сырьевом потенциале всей планеты. Наличие крупного природно-ресурсного потенциала обуславливает особое место России среди индустриальных стран. Этим ресурсам отводится ключевая роль в реализации концептуальных положений национальной экономической безопасности, изложенных в ряде программ по развитию АЗР и федеральном законе «Об арктической зоне Российской Федерации». Программные документы направлены на обеспечение геополитических интересов РФ в Арктике, устойчивого развития и сохранения уникальной природы АЗР.

В АЗР сосредоточены крупные запасы важнейших полезных ископаемых. Общая стоимость минерального сырья превышает 30 трлн. долл., 2/3 из которых приходится на углеводородные ресурсы

(свыше 83 млрд. т нефтяного эквивалента) и уголь. На Севере находятся уникальные газовые месторождения (Уренгойское, Заполярное и др.) и крупнейшие нефтяные месторождения (Русское, Новопортовское и др.), которые смогут обеспечить как внутренние потребности, так и экспорт. В АЗР добывается значительная часть российских алмазов, 100% сурьмы, апатитов, вермикулита, барита, флогопита и редких металлов, св. 95% платиноидов, более 90% никеля и кобальта, 60% меди. Основные минеральные ресурсы сосредоточены в северных частях Кольской, Таймыро-Норильской, Маймега-Котуйской, Таймыро-Североземельской, Анабарской, Якутской, Удзинской, Верхоянской и Яно-Чукотской провинциях.

Первое место в структуре хозяйства АЗР занимает газовый комплекс, дающий более 80% добычи российского ПГ; второе место отводится горнопромышленному комплексу, где доминируют предприятия цветной металлургии; третье место принадлежит рыбной промышленности, производящей около 20% рыбных консервов и более трети улова рыбы и морепродуктов.

Широкомасштабное освоение АЗР началось в первой трети XX в., с 1931 г. стал действовать Северный морской путь (СМП). Были созданы промышленные предприятия на северо-западе АЗР, полуострове Таймыр, в Республике Саха, Магаданской области, Чукотке и Камчатке. Поэтому сейчас можно выделить две группы районов — старопромышленные (Мурманск, Архангельск, Норильск, Таймыр) и нового освоения (Республика Саха, НАО, ЯНАО и ЧАО). Старопромышленные регионы стали опорными для промышленного освоения АЗР, а ряд новых районов с учетом их географического положения могут стать центрами освоения новых территорий. К таким районам, например, относится НАО, который должен стать плацдармом в освоении уникальной и перспективной нефтегазовой провинции, приуроченной к шельфам Печорского и Баренцева морей. НАО имеет преимущественное положение в планах освоения арктического шельфа, т.к. шельфовые проекты являются пионерами НТП, которые могут вывести экономику не только региона, но и страны на новый инновационный уровень.

Общэкономический кризис оказал большое влияние на АЗР, где постоянно проживает не менее 2 млн. чел. Объем промышленного производства здесь сократился на половину, а грузооборот СМП — почти в 5 раз. Деградацию в АЗР хорошо видно на примере пос. Амдерма в НАО. В советское время здесь проживало 10–15 тыс. чел., были созданы хорошие централизованные бытовые условия. В Амдерме располагалась военно-стратегическая база, аэропорт, был хо-

рошо оборудованный порт с глубоководным причалом и др. объекты, обеспечивающие функционирование СМП. Сейчас в Амдерме после ликвидации базы и сокращения навигации по СМП проживает от 300 до 600 чел., порт функционирует как рейдовый (разгрузка происходит на рейде, а не у причала).

Для возрождения АЗР в 2008 г. была принята программа «Основы государственной политики в Арктике», которая основывается на опыте строительства крупных городов и промышленных комплексов за Полярным кругом, но с учетом новых реалий — экологии и инновационных технологий. В своем выступлении в 2010 г. на конференции «Арктика — территория диалога» В.В. Путин заявил, что ни один индустриальный проект не будет реализован без учета самых строгих экологических требований.

Важным препятствием на пути эффективного развития АЗР стал транспорт, удельные издержки которого здесь в 5-6 раз выше средних по стране. Ограниченность транспортной инфраструктуры мешает освоению новых нефтегазовых провинций, сокращает экспортные возможности АЗР и т.п. Реализация проектов «СМП» и «Северный воздушный мост» должны сделать Россию основным оператором этих международных транспортных потоков. Создание опорного транспортного каркаса, состоящего из транспортных коридоров широтного и меридионального направлений, будет увязано с реализацией проектов «Урал промышленный — Урал Полярный» и «БелКомУр», состоящий из трасс Белое море — Республика Коми — Урал. Железные дороги, построенные в русле этих проектов, свяжут месторождения Полярного Урала и нефтегазовой провинции на Ямале с освоенными промышленными районами. Также предполагается строительство железных дорог для связи между собой северных портов с тихоокеанскими портами, что позволит выйти регионам Урала и Сибири на рынки Европы, Северной Америки и Азии по сокращенным на 200–1000 км маршрутам.

Развитие портов и портовой инфраструктуры связано в первую очередь с экспортом углеводородов. Предполагается, что к 2015 г. порты в западной Арктике будут располагать мощностями для экспортных отгрузок 100 млн. т жидких углеводородов в год. Для этого планируется построить новые терминалы в Кольском заливе и губе Печенга в Баренцевом море. Повысится значение портов на Белом море, куда нефть и нефтепродукты будут доставляться по железной дороге.

Примером успешного функционирования морского нефтеналивного терминала стал порт Варендей на Баренцевом море — самое

северное морское сооружение в мире. Здесь производится круглогодичная перевалка нефти из месторождений Тимано-Печоры для экспорта на мировой рынок. Опыт эксплуатации этого порта показал, что российские специалисты способны выполнить практически любой шельфовый проект с максимальным использованием российских технологий и техники и без ущерба для окружающей среды.

СМП важен не только для России, но и для многих других стран, т.к. благодаря ему маршрут Китай — Европа сокращается более чем на 6 тыс. км по сравнению с маршрутами через Малаккский пролив и Суэцкий канал. Важным портом на СМП станет Мурманск по таким причинам. Во-первых, Мурманская область одна из немногих в РФ занимает ведущее место по запасам и добычи большого числа самых разнообразных полезных ископаемых, по своему биологическому потенциалу уступает только дальневосточным морям. Во-вторых, Мурманск — это важный перевалочный пункт для морских маршрутов не только России, но и идущих из Гудзонова залива. Если сейчас грузопоток идет преимущественно в восточном направлении, то не исключено, что в будущем он может пойти и в обратном направлении — из Китая в Европу. По оценкам Росморречфлота годовой грузооборот на СМП может возрасти до 50 млн. т к 2020 г. Однако для начала массовых международных перевозок необходимы согласованные со всеми участниками планы по восстановлению и развитию данного маршрута.

Освоение Севера, особенно его шельфовой зоны, чрезвычайно затратно, поэтому здесь необходимо участие государства. Также нужно будет привлечь иностранных партнеров, которые могут разделить финансовые риски с российскими компаниями. Сейчас практически все лицензии на разработку шельфа принадлежат Газпрому и Роснефти. По оценке Минприроды при сохранении нынешнего невысокого уровня активности этих компаний освоение шельфовых ресурсов может растянуться на 165 лет. Кроме них разработку арктического шельфа хотят вести многие российские ВИНК и зарубежные компании, не только производители энергии (Exxon Mobil), но и ее потребители (EDF), что станет гарантией востребованности российских углеводородов на мировом рынке.

Для широкого привлечения ВИНК и иностранных компаний государство готово предоставить им налоговые преференции, а северным регионам — перераспределение налогов с федерального на региональный уровень. Такие ВИНК как ЛУКОЙЛ, Башнефть и СУРГУТ-нефть уже создали себе плацдармы для освоения шельфа. ЛУКОЙЛ имеет не только производственные активы в северных регионах (Юг-

ра в ХМАО, Тимано-Печора в НАО и др.), но и транспортную инфраструктуру, включая порт Варендей и суда ледового класса. В его планах важное место занимают северные проекты, на финансирование которых он вложил 2,7 млрд. долл. Башнефть стала партнером ЛУКОЙЛа в ряде проектов в НАО. Сургутнефтегаз ориентируется на восточные районы северного побережья. Он создал основную инфраструктуру в Якутии. В поселке Витим построен базовый комплекс производственного обеспечения, возведен причал, введены в строй две ТЭС, автодорога. Поскольку в районе нет достаточных трудовых резервов, то будет применяться вахтовый метод. Для доставки сюда рабочих на Талаканском месторождении строится аэропорт, который будет принимать самолеты типа ТУ-154 и ИЛ-76.

Перемещение центров добычи углеводородов на Север должно вызвать строительство новых, часто вахтовых, поселков, портов, заводов СПГ и др. Прецедентов такого широкомасштабного строительства в условиях вечной мерзлоты, сурового климата и отсутствия достаточной транспортной инфраструктуры еще не было. Однако стратегические запасы полезных ископаемых Севера и создание на их основе инновационной экономики поможет России выйти на передовые рубежи в мире. Концентрация на ограниченных площадях больших запасов нескольких видов полезных ископаемых станет основой для формирования ТПК или кластеров, которые будут определять экономику региона. Таким образом, северные автономные округа по многим позициям будут иметь преимущества в планах освоения арктического шельфа, прежде всего, с точки зрения использования их территорий для создания и стабильного функционирования инфраструктурных объектов. По словам В.В.Путина, реализация проектов на арктическом шельфе станет началом формирования в нашей стране «новой высокотехнологичной отрасли мирового класса и масштаба». [2]

Как и в СССР/России, в западных странах также велика роль государства при освоении Севера, прежде всего для создания инфраструктуры — транспортной, социальной и т.п. Стратегия стран Запада в освоении Арктики полностью совпадает с российской: 1. укрепление национального суверенитета и национальной безопасности; 2. социально-экономическое развитие; 3. охрана окружающей среды; 4. поддержка коренных народов. Арктические страны Запада относятся к странам «социального благоденствия», где преобладают распределительные экономические отношения, коллективистские тенденции, внерыночные связи, государственный патернализм и частно-государственные фонды. Север рассматривается как регион нового освоения и экологизированного экономического развития на

базе наукоемких отраслей и технологий. Для этого предусматривается создание здесь техноэкополисов, которые будут образованы на основе местных университетов.

Как уже отмечалось, в западных арктических странах существуют два пути развития — скандинавский и американский. Рассмотрим сначала американский, особенно канадский, наиболее приемлемый для России. [3]

Как и в России освоение канадского Севера — Северо-Западных территорий (СЗТ) — началось в 1930-е гг. с добычи полезных ископаемых. По сравнению с провинциями страны СЗТ обладают несколько меньшими правами. Региональная политика в отношении них строится на освоении и разработке крупных месторождений стратегических минерально-сырьевых ресурсов, что значительно расширяет возможности государства в отношении будущего социально-экономического развития. Благодаря дотациям государства и деятельности добывающих компаний, в административном центре СЗТ — Йеллоунайфе — процент занятости населения превышает средний показатель по стране, а зарплата — самая высокая в стране.

На Севере Канады освоение ресурсов происходило путем создания моногородов, которые по мере истощения ресурсов закрывались, а производство и жители перемещались на новое перспективное месторождение. У такого подхода имеются как плюсы, так и минусы. К плюсам можно отнести следующие: 1. возможность быстрого решения социально-экономических проблем с открытием и вводом в разработку перспективных месторождений; 2. создание инфраструктуры на новом месте, что повышает привлекательность территории для других видов хозяйственной деятельности в той мере, в какой это возможно, исходя из природных условий. К минусам развития добывающих районов можно отнести во-первых, моноотраслевой характер и сильную зависимость от конъюнктуры цен на сырье, во-вторых, неустойчивость доходной части местных бюджетов, в-третьих, проблемы рекультивации и сохранения окружающей среды.

В последние годы усилилось значение СЗТ благодаря расширению геолого-разведывательных работ (ГРП), расходы на которые составляли в 1991 г. 6%, в 1998 г. 24%, в 2007 г. 8%. Следствием увеличения расходов на ГРП стал рост добычи как традиционных для региона ресурсов, так и новой отрасли — алмазодобывающей. За счет роста добывающей промышленности безработица снизилась с 11% до 5,4% при среднем по Канаде в 6,3%. Появились новые промышленные центры (Шеффервиль, Лабрадор-Сити, Томпсон и др.), которые используют дорожную инфраструктуру, созданную еще в 1950-е

гг. — так называемые «дороги к ресурсам». Для работы на новых предприятиях активно привлекаются трудовые ресурсы, которые отличаются высокой текучестью населения и его слабой закрепляемостью на местах, хотя в крупных горнопромышленных центрах создается крупное промышленное производство, продукция которого оценивается в сотни млн. долл. В таких городах, как правило, постоянно проживает 3–5 тыс. чел., обеспечивающих функционирование города.

Предприятия горнодобывающей промышленности сосредоточены на северном склоне Аляски, в долине р. Макензи и на арктическом побережье. Благодаря добыче золота, алмазов, нефти и газа и др. в СЗТ отмечен самый высокий душевой ВВП в Канаде. Большое внимание в стране уделяется сохранению северной природы. Здесь созданы три крупных национальных парка — один на о. Черчилл и два на побережье — Ivavic и Vuntut, который граничит с американским национальным парком Wilderness [5, 6].

Для США Аляска — это не только минеральные ресурсы, но и важный стратегический регион. Здесь расположена инфраструктура НАТО НОРАД, которая прикрывает США и Канаду с севера, а также имеет важное стратегическое значение для атомного подводного флота, частично базирующегося на Аляске. Если в период холодной войны все это было нужно для военно-стратегического противостояния с СССР, то теперь США претендуют на лидирующую роль в экономическом освоении Арктики через активное участие американских энергетических компаний в освоении нефтегазовых ресурсов. В арктической стратегии они оставляют за собой право действий в одностороннем порядке, в т.ч. и в контролировании пространств Арктики без учета ее секторального деления и юридически обоснованных разграничительных линий. Через свои экономические интересы США проводят экспансионистскую политику в отношении России, Канады и Норвегии. Если на Аляске доля иностранцев в разработке ресурсов не превышает 3%, то доля иностранного капитала, в основном американского, составляет в Канаде 55%, в Норвегии 60%.

В экономическом плане для США Аляска стала пионерным образцом современной практики продвижения на новые земли. Ее природные ресурсы послужили для создания здесь эффективной горнодобывающей промышленности, базирующейся прежде всего на федеральных землях, доля которых составляет 66% против менее 1% земель, находящихся в частной собственности. Остальная земля принадлежит местным племенам. Широкое развитие производства и производственной инфраструктуры не только повышает благососто-

яние граждан Аляски, но привело к загрязнению окружающей среды, особенно в верховьях рек, и к сокращению популяции ряда животных и птиц.

Аляска важна для США и в качестве нефтедобывающего района, где сосредоточено не менее четверти нефтяных ресурсов. Еще в 1923 г. здесь на площади в 23 млн. га был создан «Национальный нефтедобывающий резерв». Во время войны территория северного склона полуострова (приблизительно 50 млн. га) была отдана под военные нужды. С середины 1950-х гг. на половине этих земель были начаты ГРП, которые привели к открытию гигантского нефтяного месторождения Прадхо-Бей. Сейчас Аляска занимает второе место по добыче после Техаса, на ее долю приходится порядка 10% добываемой нефти в стране [8]. Министерство энергетики США объявило о наличии на северном склоне газогидратов. В настоящее время проводятся НИОКР по извлечению из них метана. В случае положительных результатов повысится значение Аляски для обеспечения энергетической безопасности США.

Для нашей страны показателен опыт США в плане привлечения и закрепления населения в этом арктическом районе, схожем с арктическими территориями РФ. Власти через государственные программы способствуют формированию постоянного населения, благодаря программам увеличивается доля населения, живущего на Аляске более пяти лет. Пенсионерам-старожилам выплачивается дополнительное пособие, поэтому растет доля пожилых людей. Население полностью освобождено от региональных и местных налогов, что очень способствует росту постоянного населения. В формировании средств для регионального развития нефтяные фирмы, работающие на Аляске, отчисляют в федеральный и региональный бюджет и на социальные программы 40–50% своих прибылей, еще 3–5% прибыли идет на нужды аборигенов, на землях которых работают эти нефтяные компании. Кроме этого, есть резервный кредитный фонд на случай непредвиденных ситуаций. Широкое развитие получила производственная и социальная инфраструктура, которая нужна также и для очень значительного военного контингента.

Аляскинцы создают свой культ, возвеличивающий природу. Они высоко ставят и чтут ценности жизни первопроходцев. Культурная обособленность способствует проведению самостоятельной социально-экономической политики: особое место занимает развитие местной продовольственной базы, существующей в значительной мере за счет государственных кредитов и дотаций. Местные ферме-

ры на 40–50% обеспечивают продовольствием города Анкоридж и Фэрбенкс.

Европейские страны проводят индустриализацию Севера в основном за счет собственных трудовых ресурсов, широко привлекая население прилегающих сельских местностей и коренных жителей (саами). В Норвегии и Финляндии население проживает в поселках у промышленных предприятий, в Швеции, имеющей хорошую дорожную сеть и высокий уровень автомобилизации жителей, поселки располагаются в 10–12 км от предприятий. Плотность населения здесь составляет 7 чел./кв. км. Промышленное производство в Скандинавии базируется на применении малоотходных технологий, комплексной переработке ресурсов и утилизации отходов. Такой тип индустриализации позволил иметь ВВП в северной Европе на уровне 41 тыс. долл./чел., а товарооборот, по данным 2012 г., в два раз превышает российский.

Особое место в развитии северных районов Европы принадлежит Норвегии, которая создала наиболее конкурентоспособную нефтегазовую промышленность для работы в шельфовой зоне. Около 90% существующих и применяемых в мире технологий для морской добычи углеводородов были созданы и применяются на норвежском шельфе. В нефтегазовых шельфовых проектах активно участвуют инвесторы из США, Франции, Италии и Германии. Зарубежные компании обязаны иметь исследовательские программы. Законодательно было определено использование ими местных товаров и услуг. Норвежский опыт показывает, что можно эффективно использовать участие иностранных компаний для решения широкого круга технологических, экономических и социальных проблем.

Политика Дании в освоении Гренландии несколько отличается от политики других арктических стран. Ее собственная доля участия в арктических проектах невелика, но она активно привлекает для работы иностранные нефтяные компании. Для этого Дания продает лицензии на проведение ГРП и потенциальную добычу Норвегии (Statoil), Канаде (Encana Corp.), США (Conoco Phillips). Таким образом, она основную часть финансирования и управления рисками перекладывает на партнеров. Данный подход ограничивает возможности государства в формировании национального сервисного рынка, технологий и т.п. при разработке шельфа и производству продуктов с высокой добавленной стоимостью.

Если в других арктических странах северные районы рассматриваются прежде всего как добывающие, то в Гренландии ведущей отраслью стали рыболовство и китобойный промысел. Здесь были за-

крыты свинцовый и цинковый рудники. Однако предполагается строительство алюминиевых заводов с использованием местного большого гидропотенциала в основном за счет датского правительства. Большое внимание уделяется охране природы. В Гренландии находится самый большой в мире национальный парк.

Арктические страны ищут новые подходы к обживанию Севера с учетом низкой экологической емкости северных территорий. Главной целью стало поддержание существующего характера размещения населения и достижение равенства условий жизни с более комфортными районами, что будет способствовать предотвращению оттока населения из северных районов. Одной из целей государственного регулирования стало формирование внутренних факторов экономического развития северных территорий как региона нового освоения.

По прогнозам к 2050 г. структура энергопотребления изменится незначительно, в ТЭБ будут превалировать традиционные энергоносители. Если в Западном полушарии к этому времени не начнется полномасштабная добыча углеводородов, на которую рассчитывают многие, то в США, Европе и Китае будет наблюдаться дефицит энергии. В этом случае может возникнуть геополитическая ситуация, чреватая противостоянием между ними за контроль над запасами на Ближнем Востоке, в Африке и Центральной Азии. При таком развитии событий окажутся востребованными энергетические ресурсы Арктики, несмотря на их более высокую стоимость. Но есть и другая точка зрения. Так, директор итальянской ENI Л. Мауджери считает, что центр добычи углеводородов в свете последних ГРП будет перемещаться в Западное полушарие — США, Канаду и Бразилию, где добыча будет иметь более низкие стоимостные показатели по сравнению с северными месторождениями. По мнению президента Российского газового общества В. Язева нашей стране нужно как можно быстрее освоить арктические месторождения, не дожидаясь противостояния за этот регион ведущих держав. [2]

Литература

1. Горкина Т.И. Освоение новых и депрессивных районов в промышленно развитых странах // География и экология в школе XXI века — 2005 — №7.
2. Нефть России — 2012 — №6.
3. Паже Д. Российско-канадская программа «Обмен опытом управления северными территориями» // Регион: экономика и социология — 2008 — №2.

4. *Пилясов А.Н.* И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знаний. М.: «Либроколь» — 2009. — 544 с.
5. Canada Industry Market Research Report. Oct. 2012.
6. Census Geographic Units of Canada — 2011.
7. *Lindholt L., Glonsfrod S.* The Role of Arctic in Future Global Petroleum Supply // Statistics Norway. Discussion Papers №645 — Febr. 2011.

Акимова В.В.

МИРОВАЯ СОЛНЕЧНАЯ ЭНЕРГЕТИКА: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ

Солнечная энергетика — одна из наиболее быстрорастущих отраслей мировой экономики. Она представляет собой совокупность двух отраслей:

- 1) гелиотермальной энергетике, представленной технологиями преобразования солнечной энергии в тепло (с помощью солнечных коллекторов) и технологиями концентрирования солнечной энергии (КСЭ) с ее последующим преобразованием в электро-энергию;
- 2) фотовольтаики (ФВ) — прямого преобразования солнечной энергии в электроэнергию [1, 2, 3].

На данный момент солнечная энергетика присутствует более чем в 60 странах мира, а в ряде стран отрасль способна составить самую серьезную конкуренцию традиционной энергетике. Например, в Германии 16% всех установленных электроэнергетических мощностей приходится на солнечную энергетiku, а в Италии — 11% [5, 8, 11].

Большой потенциал роста отрасли обусловлен такими глобальными факторами, как необходимость обеспечения национальной энергобезопасности, растущая озабоченность экологическими последствиями использования ископаемых источников энергии, а также их устойчивое удорожание, активная инновационная деятельность в области альтернативных источников энергии и постоянное удешевление энергии, производимой солнечными установками.

Солнечная энергетика имеет и ряд свойственных только ей преимуществ: энергия солнца доступна всем, бесплатна, практически неисчерпаема, а процесс ее преобразования в электрическую энер-

гию оказывает относительно небольшое воздействие на окружающую среду.

История солнечной энергетики

Еще в древности люди начали задумываться о возможностях применения энергии Солнца. Согласно легенде, великий греческий ученый Архимед сжег неприятельский флот, осадивший его родной город Сиракузы, с помощью системы зажигательных зеркал [19].

Настоящий «солнечный бум» начался в XVIII веке, когда стала стремительно развиваться наука. Первые солнечные нагреватели появились во Франции. Естествоиспытатель Ж. Бюффон создал большое вогнутое зеркало, которое фокусировало в одной точке отраженные солнечные лучи.

1883 г. принято считать годом рождения эры солнечной энергетики, когда электрику-изобретателю из Нью-Йорка Чарльзу Фриттсу удалось сконструировать первый солнечный модуль. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой «отцом» эпохи солнечной энергии является ни кто иной, как сам Альберт Эйнштейн [1, 4].

В 1921 г. Эйнштейн был удостоен Нобелевской премии. Многие считают, что эту награду великий ученый XX века получил за обоснование сформулированной им теории относительности, но это не так. Оказывается, премию физик получил именно за объяснение законов внешнего фотоэффекта.

Если обычные солнечные водонагревательные установки вошли в обиход еще в 1950-е годы, то идея создания гелиотермальных электростанций зародилась лишь в 1970–1980-е гг. в связи с мировыми энергетическими кризисами и ростом цен на топливо [3].

Впервые эта идея была реализована в США, где в калифорнийской пустыне Мохави была построена крупная солнечная электростанция, точнее — электроэнергопроизводящий комплекс из 9 энергоблоков суммарной мощностью 354 МВт под названием Solar Energy Generating System (SEGS). В дальнейшем в стране было построено еще 7 гелиотермальных электростанций, и долгое время — вплоть до конца 2000-х гг. — США были единственным в мире производителем электроэнергии на основе КСЭ [14].

Спустя почти четверть века гелиотермальная электроэнергетика появилась и в Европе. В 2007 г. на юге Испании, близ Севильи, вошла в строй первая коммерческая гелиотермальная электростанция, а в последующие 5 лет в ходе бурного развития отрасли в стране появи-

лось еще 18 гелиотермальных электростанций, что позволило Испании стать лидером отрасли [13].

Вслед за Испанией гелиотермальная энергетика получила развитие и в других странах мира — в Европе (небольшие электростанции в Италии и Германии), в Северной Африке (Алжир, Египет, Марокко) и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Таиланд и Австралия).

Мировым лидером солнечной энергетики является Китай. Китай занимает первое место за счет большого и развитого сектора гелиотермальной энергетики, то есть за счет простых технологий, что, в свою очередь, обусловлено концентрацией в Китае предприятий, производящих солнечные коллекторы. Таким образом, в Китае представлена все цепочка производства гелиотермальных установок, что существенно снижает их стоимость и делает привлекательными для индивидуальных потребителей.

Лидирующие позиции таких азиатских стран, как Япония и Южная Корея, также объясняются большими мощностями сектора ГТЭ, особенно в Южной Корее. В Японии высока и фотовольтаическая составляющая, призванная удовлетворить спрос на электроэнергию, что связано с нехваткой собственных энергоресурсов и закрытием многих АЭС под давлением общественности после аварии на Фукусиме.

В списке стран с установленными мощностями единой солнечной энергетики больше 1 ГВт доминирующее положение занимают европейские страны. Причины заключаются, во-первых, в длительности развития отрасли именно в этом регионе, как следствие, наличие технологической базы. Во-вторых, из-за нехватки собственных энергоресурсов европейские страны зависят от других стран, как например, от России, от Саудовской Аравии и т.д., в поставках нефти, природного газа. Для того чтобы стать энергонезависимыми европейские страны и переходят на ВИЭ, в том числе на солнечную энергетику. В-третьих, установка солнечных батарей снижает негативное воздействие на окружающую среду, чем сейчас обеспокоены все высокоразвитые страны.

Динамика развития и современная география фотовольтаической энергетики

В 2012 г. по предварительной оценке Европейской Фотовольтаической Ассоциации общая мощность фотовольтаических электростанций достигла 100 ГВт [11].

На конец 2012 г. в мире было двенадцать стран, где мощности солнечной фотовольтаической энергетики превышали 1 ГВт (Франция и Чехия преодолели этот рубеж в 2010 г., Великобритания, Австралия, Китай — в 2011 г., Индия — в 2012 г.).

Вне Европы крупнейшим рынком оказался Китай (2,2 ГВт), а за ним идут США (1,9 ГВт). В результате, в Европе при помощи солнечной энергетики обеспечивается уже 2% необходимой электроэнергии, а в пиковые часы — почти 5% [11].

Рассмотрим страны-лидеры в фотовольтаической солнечной энергетике.

Германия. Германия является мировым лидером по фотовольтаике. На декабрь 2012 г. установленные мощности превысили 32 ГВт.

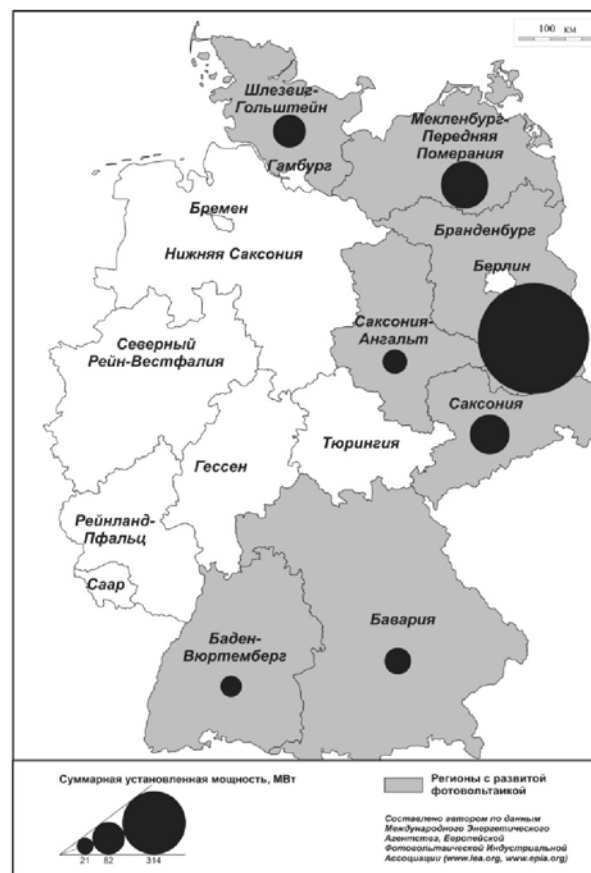

Рис. 1.
Фотовольтаическая солнечная энергетика в Германии, 2012 г.
Составлено автором по:
[11, 17].

В результате 3% электроэнергии в Германии было выработано на фотовольтаических электростанциях [11].

Отличительной особенностью размещения фотовольтаики в Германии является концентрация фотовольтаических мощностей в Восточной Германии за пределами территорий с максимальным уровнем солнечной радиации. Причина заключается в специальной государственной политике стимулирования развития альтернативной энергетики в новых землях, то есть в Восточной Германии. Например, в соответствии с этой политикой фирмы, производящие оборудование и проводящие исследования в сфере солнечной энергетики, могут получить от государства компенсацию, покрывающую до 100% расходов на фундаментальные НИОКР [11, 14].

США. США являются одним из мировых центров фотовольтаики наряду с Германией, в первую очередь, благодаря значительным солнечным ресурсам. Размещение объектов фотовольтаики в США отличается региональной неоднородностью. Основными центрами, которые генерируют рост отрасли, являются преимущественно штаты на юге и юго-западе страны, а именно Калифорния, Невада и Аризона, где находятся обширные пустынные земли, удобные для развития

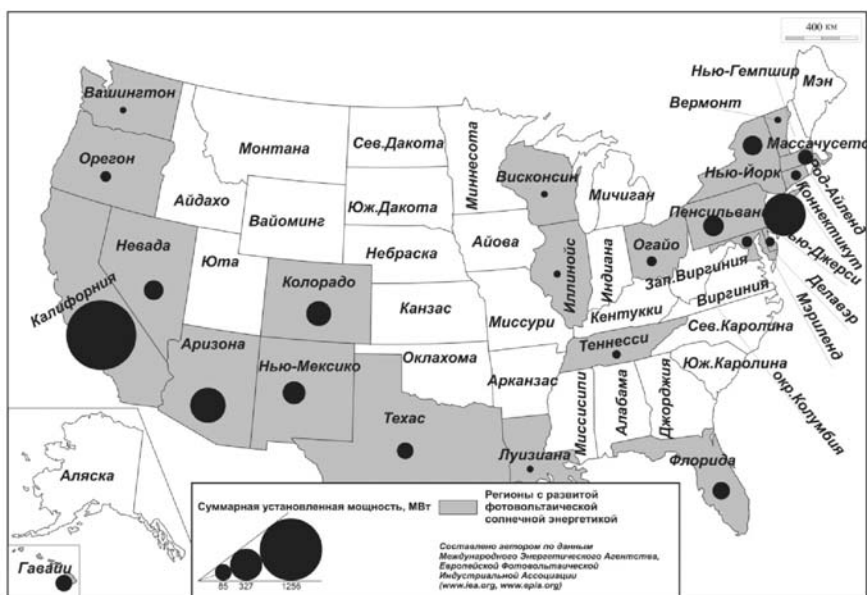

Рис. 2. Фотовольтаическая солнечная энергетика в США, 2012 г.

Составлено автором по: [5, 18].

ФВ. Данные штаты занимают первые места, как по промышленным солнечным установкам, так и по индивидуальным. К лидерам по суммарным мощностям индивидуальных установок относится и штат Нью-Джерси, что обусловлено политикой правительства штата по достижению энергонезависимости.

Фотовольтаика США динамично развивается. На конец 2012 г. более 30 крупных проектов находились в стадии строительства, что составляет 2870 МВт [18]. Именно в США строится самая крупная фотовольтаическая станция в мире Agua Caliente Solar Project. Она расположена в округе Юма штата Аризона.

В США получило развитие использование солнечной энергетики военными. В январе 2013 г. Министерство обороны США ввело в эксплуатацию электростанцию, работающую на солнечной энергии, спроектированную компанией Siemens. Станция будет обеспечивать энергетические потребности ракетной базы в Нью-Мексико [6].

Индия. Индия находится в очень выгодном положении благодаря высокому уровню солнечной радиации. Страна получает около

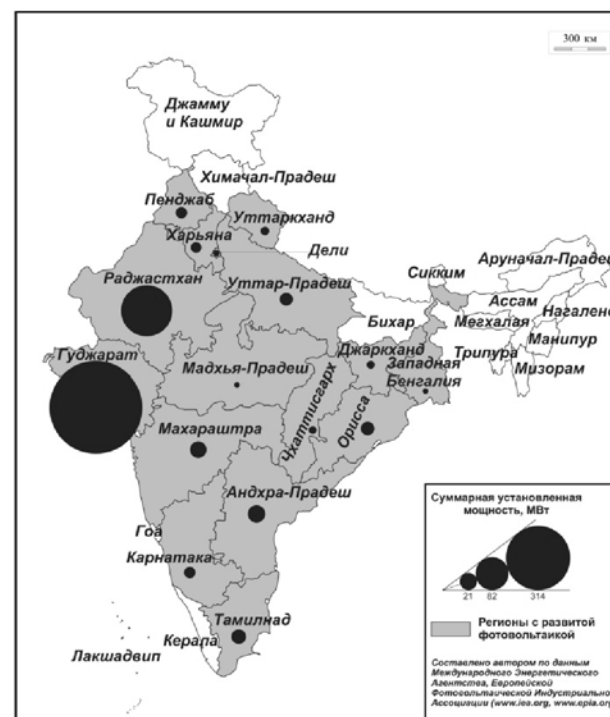

Рис. 3. Фотовольтаическая солнечная энергетика в Индии, 2012 г. Составлено автором по: [11, 17].

5000 триллионов кВт/ч в год со всей своей территории, при этом большинство площадей получают 4–7 кВт/ч с 1 м² в день [12].

Среди факторов, которые способствуют активному развитию использования солнечной энергетики в Индии, — снижение мировых цен на солнечные модули, а также экономические стимулы в виде фиксированных тарифов на «зеленую» электроэнергию. Но самым главным фактором является все возрастающий в Индии энергодефицит, который равен 10–13% ежедневных потребностей [12].

В июле 2012 г. суммарные установленные фотоэлектрические мощности в Индии составили 1 ГВт [12].

Большинство мощностей расположено в Гуджарате. На данный момент, солнечный парк Гуджарата насчитывает десятки установок, общая мощность которых составляет около 600 МВт. По планам в ближайшее время их мощность должна достичь 1000 МВт. Крупнейшая электростанция, мощностью 214 МВт, находится в Чаранке [11].

Гуджарат является перспективным районом для развития солнечной энергетики в Индии благодаря высокому уровню солнечной радиации и политике властей штата. Аналогичная ситуация в соседнем Раджастане.

Китай. Несмотря на то, что Китай является крупнейшим производителем солнечных батарей в мире и крупнейшим производителем

кремния, отметку в 1 ГВт установленных мощностей он преодолел лишь в 2011 г., когда было завершено строительство крупнейшей в стране фотовольтаической электростанции Golmund Solar Park мощностью 200 МВт, расположенной в провинции Цинхай [9, 15].

Китайские производящие компании столкнулись с падением спроса и кризисом перепроизводства солнечных батарей. Чтобы выйти из кризиса китайское правительство, частично субсидируя стоимость солнечных батарей для конечных пользователей, увеличивает на них спрос внутри КНР. В результате фотовольтаическая установка становится выгодным приобретением, и, как следствие, установленные мощности также увеличиваются. Кроме того, правительство предоставляет производителям льготные кредиты, позволяя избежать банкротства.

Размещение объектов фотовольтаики в Китае характеризуется яркими региональными контрастами. Более 3/4 мощностей расположено в провинции Цинхай и провинции Ганьсу (62,7% и 13,4% соответственно).

Провинцию Цинхай можно назвать «локомотивом» развития солнечной энергетики в Китае, что объясняется наличием Цайдамской котловины, в которой располагается пустыня Гоби, где среднегодовое количество солнечного сияния составляет более 3100 часов [14].

Перспективным регионом для развития солнечной энергетики является Тибетский АР, испытывающий недостаток в таких энергоресурсах, как нефть и уголь, но лидирующий в Китае по объему ресурсов солнечной энергии.

Перспективы развития фотовольтаики в России

По данным информационно-аналитического агентства Cleandex потенциал солнечной энергии, поступающей на территорию России в течение трех дней, превышает энергию всего годового производства электроэнергии [14].

Потенциал солнечной энергии максимален на юго-западе (Северный Кавказ, район Черного и Каспийского морей), в Южной Сибири и на Дальнем Востоке.

Наиболее перспективные регионы в плане использования солнечной энергетики: Калмыкия, Ставропольский край, Ростовская область, Краснодарский край, Волгоградская область, Астраханская область и другие регионы на юго-западе; Алтай, Приморье, Бурятия и другие регионы на юго-востоке.

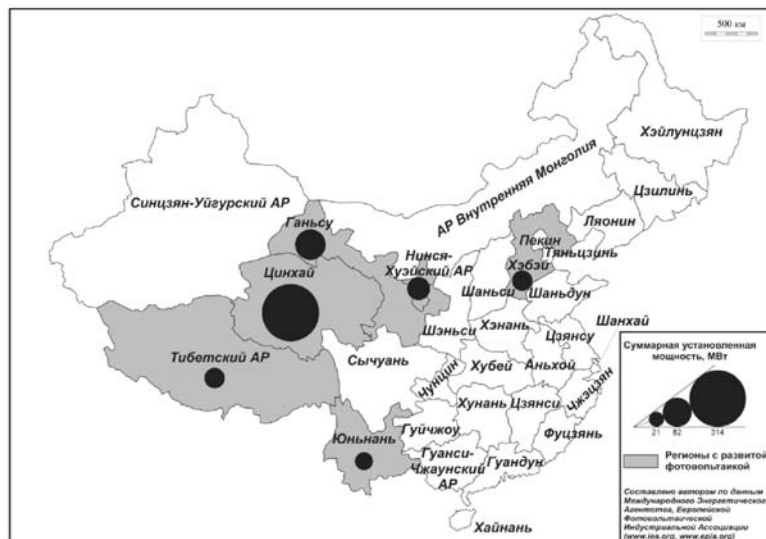

Рис. 4. Фотовольтаическая солнечная энергетика в Китае, 2012 г.
Составлено автором по: [11, 17].

На данный момент в России имеется одно действующее производство поликремния — завод ГК «НИТОЛ» (Москва) в Усолье-Сибирском Иркутской области. Практически 100% всего произведенного поликремния идет на экспорт.

Первая же промышленная российская солнечная электростанция мощностью 100 кВт была введена в эксплуатацию в ноябре 2010 г. в Белгородской области (Крапивенские Дворы).

Ежегодный объем инсталляций солнечных систем в России на сегодняшний день по самым оптимистичным оценкам, составляет до 1 МВт модулей в год. Более половины указанного объема приходится на частные станции пиковой мощностью менее 5 кВт, установка которых носит, во многом, ситуационный характер. Причина отсутствия прогресса в области строительства солнечных станций в России, прежде всего, это отсутствие государственной поддержки. Крупные инвесторы не заинтересованы в строительстве электростанций, поскольку помимо высоких рисков, солнечные проекты характеризуются высоким объемом начальных инвестиций и сравнительно низкой для российских инвесторов рентабельностью.

Динамика развития и современная география мировой гелиотермальной энергетики ГТЭ, включая системы КСЭ

В 2011 г. суммарная мощность солнечных коллекторов, используемых для получения горячей воды и отопления, составила 232 ГВт, а систем КСЭ — 1,8 ГВт [8, 10]. То есть, в составе самой гелиотермальной энергетики доминируют простые, а не сложные гелиосистемы. Это обусловлено молодостью, сложностью и несовершенством технологий КСЭ, которые пока не в состоянии конкурировать с более простыми и массовыми технологиями утилизации солнечного тепла, используемыми в простых гелиосистемах.

К странам, где активно развивается гелиотермальная энергетика, относятся США и Канада, Австралия, Израиль, Иордания, Ливан, Марокко и Тунис [13].

Лидером по суммарной мощности солнечных коллекторов является Китай (здесь сконцентрировано свыше 60% мирового парка мощностей гелиотермальных установок), что связано, прежде всего, с тем, что именно Китай занимает первое место в сфере производства солнечных водонагревателей, составляющих основу данного сектора.

В Европе лидерство в развитии солнечной тепловой энергетики сохраняет за собой Германия.

Было рассчитано, что в 2011 г. на системы КСЭ пришлось не более 0,01% общего объема электроэнергии [20], что составляет 1,8 ГВт, в том числе в Испании — 1132 МВт, в США — 538 МВт.

В настоящее время в мире строятся 30 новых гелиотермальных электростанций общей мощностью 2107 МВт. Основные проекты приурочены к США (5 крупных станций общей мощностью 1260 МВт) и Испании (19 станций мощностью 1026 МВт).

Испания. По общим масштабам развития геотермальной концентрирующей электроэнергетики Испания занимает первое место в мире. На сегодняшний день в стране, по оценкам автора, насчитывается почти 20 коммерческих гелиотермальных электростанций разного типа общей мощностью порядка 1,13 ГВт.

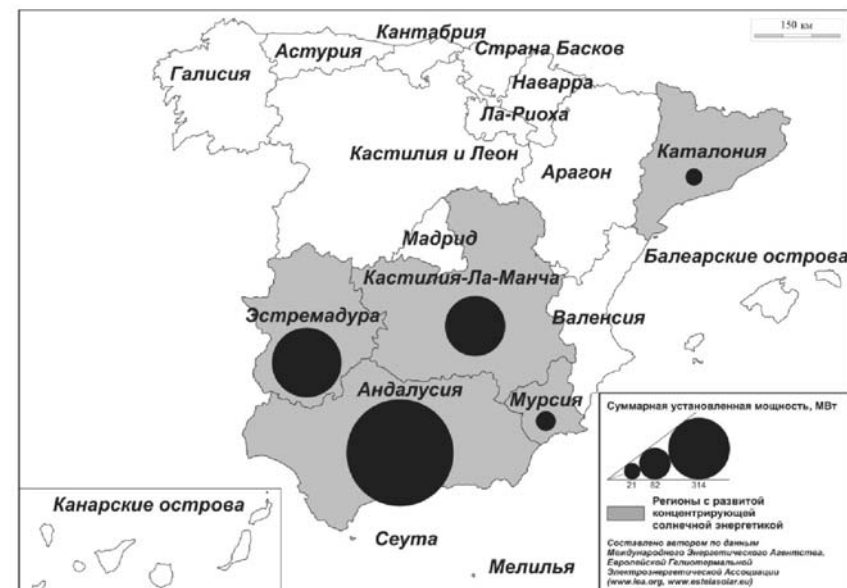

Рис. 5. Концентрирующая солнечная энергетика в Испании, 2012 г.
Составлено автором по: [8, 17].

Размещение СЭС на территории Испании отличается территориальной концентрацией на юге страны в автономных сообществах Андалусия, Эстремадура и Кастилия-Ла-Манча, где уровень прямой солнечной радиации максимален. Единственное исключение — расположенная в Каталонии СЭС Termosolar Borges, которая представляет собой первую гибридную солнечно-биомассовую электростан-

цию. Сочетание солнечной термоэлектрической энергии и биомассы позволит увеличить производительность, в результате чего электростанция будет осуществлять непрерывное производство электроэнергии днем и ночью [9].

США. Первая коммерческая гелиотермальная электростанция появилась в США и в мире в 1980-х — в начале 1990-х гг. Именно эта гелиосистема, получившая название Solar Energy Generating Systems (SEGS), до сих пор является крупнейшей в мире (397 МВт) [18].

Объекты гелиотермальной энергетики в США в своем размещении тяготеют к поясам высокой обеспеченности прямой солнечной радиацией на юго-западе страны, преимущественно в штатах Калифорния, Невада и Аризона. Существуют и отдельные очаги во Флориде и Юте.

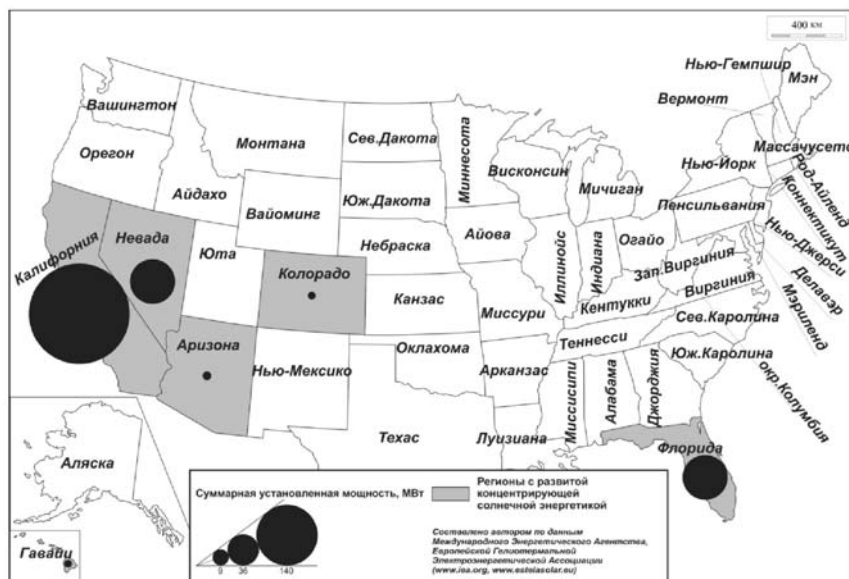

Рис. 6. Концентрирующая солнечная энергетика в США, 2012 г.

Составлено автором по: [8, 17].

В сумме, по оценкам автора, на Испанию и США приходится около 95% мощностей гелиотермальной электроэнергетики.

В других странах мира гелиотермальные электростанции пока не получили большого развития. Учитывая число разрабатываемых сейчас в Испании и США проектов, можно утверждать, что в ближай-

шее время лидерство в гелиотермальной энергетике будут удерживать именно эти страны.

На протяжении последнего десятилетия солнечная энергетика превратилась в одну из самых быстроразвивающихся отраслей возобновляемой энергетики. Именно энергия Солнца, как альтернативный источник энергии, в XXI веке составит самую серьезную конкуренцию традиционным источникам.

Одним из основных факторов, пока еще сдерживающих развитие сектора, является относительно высокая (по сравнению с традиционными и другими альтернативными источниками) стоимость энергии, выработанной солнечными установками. Спрос на солнечную энергетику по-прежнему стимулируется правительственными программами в странах, которые стремятся уменьшить свою зависимость от нефти, а также свое влияние на окружающую среду. Эти программы, в первую очередь, нацелены на снижение стоимости электроэнергии за счет наращивания масштабов производства.

Результатом активного развития мировой солнечной энергетики является ее динамичная пространственная экспансия. Если на ранних этапах развития солнечной энергетики на региональном уровне её можно было охарактеризовать как моноцентрическую, то сейчас происходит активный процесс появления новых полюсов роста, прежде всего азиатских.

Наряду с динамичным развитием крупных центров, возникает масса менее значимых, способствующих изменению структуры размещения объектов отрасли. В будущем, возможно, что именно эти новые центры станут локомотивом развития мировой солнечной энергетики.

Литература

1. Виссарионов В.И., Дерюгина Г.В. Солнечная энергетика. М.: Издательский дом МЭИ, 2008.
2. Мейтин И.И. «Пусть всегда будет солнце!» //ЭЛЕКТРОНИКА: Наука, Технология, Бизнес, №6, 2000.
3. Mills David. Advances in solar thermal electricity technology. Solar Energy, 2004.
4. Perlin John. From Space to Earth (The Story of Solar Electricity). Harvard University Press, 1999.
5. Официальный сайт Американской администрации энергетической информации. www.eia.gov

6. Официальный сайт армии США. www.army.mil
7. Официальный сайт Ассоциации солнечной энергетики России. www.pvrussia.ru
8. Официальный сайт Европейской Гелиотермальной Электроэнергетической Ассоциации www.estelasolar.eu
9. Официальный сайт Европейской обсерватории альтернативных источников энергии. www.eurobserv-er.org
10. Официальный сайт Европейской Федерации гелиотермальной энергетики. www.estif.org
11. Официальный сайт Европейской Фотовольтаической Ассоциации. www.epia.org
12. Официальный сайт индийского статистического портала Indiastat. www.indiastat.com
13. Официальный сайт Института солнечной энергетики в Испании. www.ies.upm.es
14. Официальный сайт информационно-аналитического агентства Cleandex. www.cleandex.ru
15. Официальный сайт китайского информационного портала Guangfu. www.guangfu.bjx.com.cn
16. Официальный сайт Международного агентства по альтернативной энергетике. www.irena.org
17. Официальный сайт Международного Энергетического Агентства. www.iea.org
18. Официальный сайт Национальной лаборатории возобновляемых источников энергии. www.nrel.gov
19. Официальный сайт российской компании Solarbat. www.solarbat.info
20. Официальный сайт российской маркетинговой группы Текарт. www.research-techart.ru

Иванов С.В.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «СЕРЕБРЯНОЙ ОТРАСЛИ» МИРА

Экономическая деятельность, связанная с серебром, является важной частью мирового хозяйства. В течение долгого времени применение этого металла ограничивалось чеканкой монет и ювелирным делом. Однако с развитием техники и технологий серебро было вовлечено и в другие сферы общественного производства. Благодаря своей способности сохранять капитал оно активно используется и как финансовый инструмент.

Место объекта исследования («серебряной отрасли») в отраслевой структуре хозяйства и его состав были определены с помощью ОКВЭДа (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности). По списку существующих видов экономической деятельности [3] были выявлены те из них, которые используют серебро. Таким образом, для изучения территориальной организации «серебряной отрасли» мира необходимо рассмотреть географию запасов, географию добычи, географию международной торговли и географию потребления серебра.

Запасы серебра в мире составляют более 1 млн. т., из них около 67% приходится на подтвержденные [2]. Они сосредоточены, главным образом, в трёх регионах: Америке — 38%, Европе (включая Россию) — 27 % и Азии — 25%. По группам стран запасы расположены относительно равномерно. Месторождения серебра найдены на территории 71 страны (рис. 1). Значительными запасами выделяются Россия, Польша и США, а также Мексика, Таджикистан, Перу, Боливия — эти страны концентрируют более половины мировых ресурсов серебра.

В настоящее время добывается свыше 20 тыс. т серебра в год. В 2012 г. объём добычи составил почти 24,5 тыс. т. Лидерами выступают развивающиеся страны (56% добычи). Регионом-лидером является Америка (57%). Всего в добычу серебра вовлечено около 60 стран мира, однако более половины её обеспечивают 4: Мексика (20%), Перу, Китай (по 14%), Австралия (7%). За ними идут Россия (6%), Польша, Боливия, Чили (по 5%), США (4%) (рис. 1). На упомянутые 9 стран приходится более 80% мировой добычи серебра.

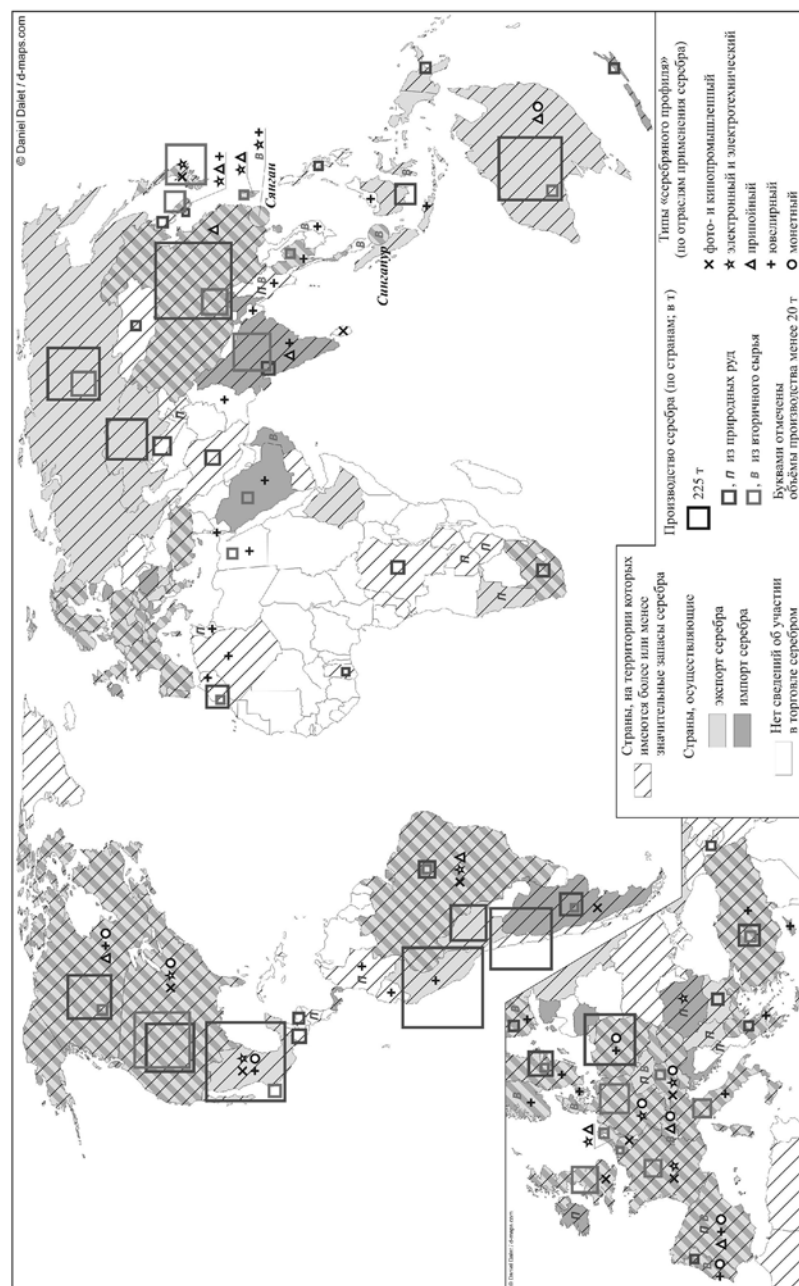

Рис. 1. Территориальная организация «серебряной отрасли» мира 2003–2007 гг.

Среди месторождений серебра особо выделяются два: австралийское Каннингтон (4,1% добычи серебра в мире в 2012 г.) и мексиканское Фреснильо (3,4%). У многих месторождений — крупных производителей серебра — есть общая черта: они составляют значительную долю в общей добыче «своей» страны или компании. Так, на месторождении Каннингтон добывается 83% серебра «Би-эйч-пи Биллтон» и 57% — Австралии.

Серебро производят не только из природного сырья — серебро-содержащих руд, но из вторичного — скрапа. Объёмы добычи серебра из содержащих его отходов и лома в целом растут, в 2013 г. они достигли 7,9 тыс. Участвуют в этом около 40 стран мира (рис. 1). Ведущими регионами по производству металла этим способом являются Азия — 38% мирового (регион с древней культурой производства и потребления серебряных ювелирных изделий), Европа — 31% и Америка — 29% (регионы с развитым потреблением серебра в промышленности). По группам стран безусловными лидерами являются экономически развитые страны — 62% мирового производства. Доля стран-лидеров по производству серебра из вторичного сырья значительна: США (26%), Япония (13%), Индия (12%) — вместе 51% вторичного серебра мира.

За последнее десятилетие годовые объёмы производства серебра в целом увеличивались [4]. Итоговое предложение на мировом рынке распределяется примерно следующим образом: 75% — первичное серебро, 20% — вторичное, и 5% — выбывшее из финансовых операций — в сумме примерно 32,6 тыс. т.

Из всего объёма произведённого серебра значительная часть продаётся на мировом рынке — за исключением того, что поступает в оборот внутри государств. Ежегодный объём мирового экспорта и соответствующего ему импорта серебра, по оценке автора, составляет около 28–30 тыс. т. Лидерами международной торговли серебром выступают экономически развитые страны (67% импорта, 46% экспорта), развивающиеся занимают второе место (32% импорта, 36% экспорта), а страны с переходной экономикой в целом экспортно-ориентированы (1% импорта, 18% экспорта). Самые большие объёмы торговли — у Европы (44% импорта, 45% экспорта).

География международной торговли серебром определяется странами-лидерами, которые относятся к разным типам (рис. 1). Основную картину создают страны — производители этого металла (Мексика, Россия, Перу, Казахстан и др.), страны-потребители, активно развивающие точное машиностроение и/или ювелирную отрасль (Тайвань, Индия, Таиланд и др.) и страны-посредники, где, на-

ряду с потреблением, высока доля реэкспорта серебра (Япония, Великобритания, США, Швейцария, Сингапур, район Китая Сянган).

Спрос на серебро в мире в целом находятся в соответствии с его предложением [4]. А географическая картина претерпевает довольно заметные изменения. Так в отличие от производства, здесь лидируют экономически развитые страны (57% мирового потребления), хотя доля развивающихся стран не намного ниже (около 40%). Регион-лидер — Азия (48 %), где сконцентрированы основные производители ювелирных изделий: Индия (12% мирового потребления), Китай (10%), Таиланд (7%), точных машин и фототехники: Япония (11%). Второе место с большим отрывом занимает Европа (29%) с весьма разнообразным применением серебра; ведущими потребителями являются Германия (7%) и Италия (6%). И, наконец, 23% приходится на «машиностроительную» Америку, где расположен мировой лидер потребления — США (18%). Всего в потреблении серебра активно задействовано около 55 стран.

Теперь остановимся более подробно на отраслях применения серебра. В первую очередь заметим, что серебро применяется не только в материальном производстве, но и в сфере услуг (без учёта торговли) — как финансовый инструмент. Здесь спрос на металл отличается сильной изменчивостью, и в последние годы именно рост «серебряных» инвестиций обуславливает рост объёмов потребления (и производства) серебра. В настоящее время финансовое потребление составляет 17% от общего [4].

Что касается материального производства, то самая широкая география потребления выявлена в ювелирной отрасли — 46 стран, у всех остальных отраслей география значительно «уже»: машиностроение и металлообработка — 23 страны, производство фото- и кино-материалов — 18 стран, чеканка монет и медалей — 16 стран.

География потребления серебра в ювелирном деле значительно отличается от других отраслей, так как концентрируется преимущественно в развивающихся странах (64%) и в Азии (60%). Это связано с лидерством данного региона в мировой ювелирной отрасли в целом.

Второе место в общем потреблении серебра принадлежит электротехнике и электронике. Это наукоемкие отрасли, поэтому спрос на серебро в данной сфере особенное велик со стороны экономически развитых стран (72% от мирового). Однако в последние годы сформировалась тенденция переноса трудоёмких производств (электротехника и электроника относятся к таковым) из развитых стран в развивающиеся с дешёвой рабочей силой. Именно поэтому доля

Азии в потреблении серебра в рассматриваемой отрасли наиболее велика — 51%.

Применение серебра при изготовлении припоев и сплавов для сварки переключается с его применением в электронике и электротехнике. Однако в этой, менее наукоемкой сфере позиции развивающихся стран с низкой стоимостью рабочей силы более сильные и на долю экономически развитых стран приходится 52%. Таким образом, среди регионов опять лидирует Азия (52%).

Производство фото- и киноматериалов является единственной областью использования серебра, которая теряет свои позиции и, скорее всего, безвозвратно. Здесь потребление серебра практически полностью сосредоточено в экономически развитых странах (около 90%).

Основным продуктом серебряного чеканочного производства являются инвестиционные и памятные монеты, которые предназначены не для обращения, а для сбережения капитала и инвестиций. Очевидно, что данная сфера потребления будет характерна для тех стран, в которых есть что сберегать — на экономически развитые страны приходится 77% мирового потребления [1]. Закономерны и регионы-лидеры: Америка (56%) и Европа (32%).

Выявление общих закономерностей в мировом потреблении серебра возможно на основе представлений о «серебряном профиле» территории. Для каждой страны мира, потребляющей серебро, необходимо рассчитать отношение доли потребления серебра в данной отрасли для данной страны к доле мирового потребления серебра в этой отрасли. Если это отношение больше 1, то страну можно считать обладающей определённым «серебряным профилем». И в зависимости от превышения выраженность «профиля» можно считать умеренной или значительной.

С помощью «серебряных профилей» можно выявить роли стран в мировом потреблении серебра (рис. 1). Например, хорошо заметен «пояс ювелирных стран», протягивающийся от Юго-Восточной Азии до Северной Африки и Южной Европы. США в мировом потреблении серебра предстают, прежде всего, в образе производителей серебряных монет. Таким образом, при данном подходе в некоторой степени отчуждаются реальные объёмы производства. Например, большое потребление серебра в электронике в Китае «съедается» его большей специализацией в производстве серебросодержащих припоев.

По данным информационного центра «Минерал» [2], Россия по разведанным запасам серебра (10% мировых) занимает третье мес-

то в мире. Её минерально-сырьевая база составляет 114,4 тыс. т серебра (2012 г.). При этом около 84% запасов сосредоточены в комплексных месторождениях, а оставшиеся 16% — содержатся в собственно серебряных и золотосеребряных месторождениях.

С географической точки зрения распределяются запасы неравномерно, располагаясь на территории 29 субъектов РФ (рис. 2). Наиболее высока их концентрация в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также на Южном Урале. Именно здесь расположены и крупнейшие месторождения: Удоканское (10% серебра РФ), Дукатское (8% серебра РФ), Октябрьское, Горевское, Озёрное, Гольцовое (1239,6 г/т — мировой рекорд содержания серебра) и другие.

Добыча серебра в России ведётся примерно на 108 месторождениях и в 2011 г. составила 2003,8 т [2]. При этом её география несколько отличается от географии запасов, т.к. пока не разрабатываются такие крупные месторождения, как: Прогноз, Удоканское и некоторые другие.

Добыча осуществляется на территории 20 субъектов РФ: Магаданская обл. (38%), Чукотский АО (12%), Красноярский край (10%) и другие. Здесь же располагаются ГОКи и заводы, выплавляющие черновое серебро, как напрямую, так и попутно. Из серебросодержащих руд в концентраты извлекается от 20–70% содержащегося в них металла, остальное теряется в «хвостах» обогащения и отвалах [2].

В целом, около 80% распределённых запасов находятся в распоряжении 7 крупнейших серебродобывающих компаний. Столь высокая концентрация активов в добыче серебра связана с большими капиталовложениями, которые под силу только крупным компаниям. Основным производителем серебра в России является ОАО «Полиметалл» (39%), ему принадлежат крупнейшие серебрянорудные месторождения в Магаданской области и Хабаровском крае. Остальные лидеры производят металл попутно: ОАО «Уральская ГМК» (более 12%), ОАО «ГМК «Норильский никель», ОАО «Горевский ГОК», ОАО «ГМК Дальполиметалл».

В 2009 г. в России было произведено 1543 т аффинированного серебра [2]. Аффинаж серебра (и других драгоценных металлов) в России осуществляют 11 предприятий. Лидером среди них является ОАО «Красноярский завод цветных металлов имени В. Н. Гулидова», производящий более 40% аффинированного серебра в России. В целом география аффинажного производства отличается от географии добычи и производства чернового серебра. Из 19 регионов, на территории которых ведётся добыча серебра, только 4 имеют свои аффинажные заводы (рис. 2). Производство чистого серебра стремится

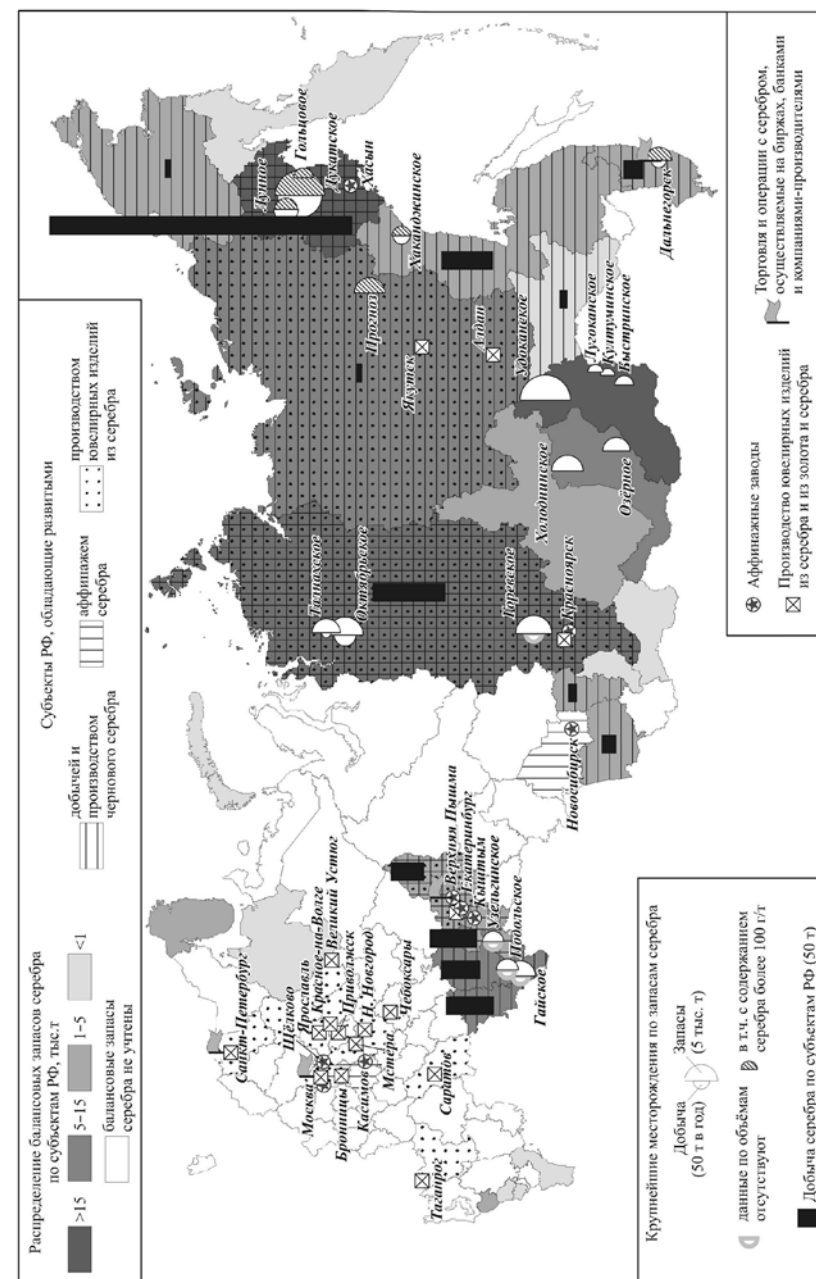

Рис. 2. Территориальная организация «серебряной отрасли» России, 2005–2007 гг.

приблизиться к местам его потребления (в Уральском и Центральном экономических районах располагается по 4 аффинажных завода), либо располагается на транспортных путях, соединяющих места добычи с потребителями. Следует принять во внимание, что аффинажные заводы, кроме производства серебра, зачастую осуществляют и его первичную обработку: изготавливают серебряные прокат и проволоку, пластины, порошки, химические соединения и катализаторные решётки на основе серебра. К числу факторов размещения можно отнести и то, что аффинажные заводы перерабатывают серебросодержащие отходы и лом, образующийся в местах потребления.

Большая часть серебра (примерно 2/3), производимого в России, экспортируется [2]. За рубеж экспорт направлен в основном в страны-потребители — Японию, Италию, США, Китай, Индию, Таиланд; и в страны-посредники — Великобританию, Сингапур, Сянган (район Китая) [2]. Преобладание стран АТР обусловлено сосредоточением основных центров добычи серебра на востоке России.

Выявить все области потребления серебра в России и, соответственно, их географию сложно. Согласно данным информационного центра «Минерал» [2], потребление серебра в России растёт с 2003 г. в среднем на 10–15% в год. Однако рост этот обеспечивается в основном ювелирной промышленностью, в то время как объёмы и доля применения серебра в производстве высокотехнологичной продукции уменьшается.

Наиболее открыта информация по потреблению серебра в ювелирной отрасли, где в 2011 г. было использовано 240 т металла. Здесь есть предприятия, специализирующиеся именно на серебряных ювелирных изделиях, и те, которые изготавливают изделия из золота и серебра [1].

Большинство первых предприятий располагается в Центральной России (рис. 2), что объясняется как ориентацией на потребителя, так и трудоёмкостью продукции. Можно также упомянуть то, что Центральная Россия является «домом» для многих народных художественных промыслов, многие из которых предусматривают работу с серебром; особенно много таких предприятий располагается по верхнему течению Волги (в эту же группу можно отнести Великоустюгский завод «Северная Чернь»). География производства серебряно-золотых изделий несколько отлична. Для неё характерно большее стремление к сырью — районам производства золота. Но главное то, что центры производства располагаются в густонаселённых районах, где удовлетворяют спрос населения, растущий из-за моды на подобные изделия (белое золото и др.).

Выводы

«Серебряная отрасль» мира имеет сложную территориальную структуру, что объясняется действием большого множества факторов. На начальных этапах «серебряного цикла» (природные запасы серебра и их добыча) решающим выступает геологическое строение территории. В дальнейшем «серебряная отрасль» отчётливо коррелирует со сложившейся структурой мирового хозяйства и в конечном счёте (в областях непосредственного применения серебра) «растворяется» в МГРТ. Действительно, добыча серебра ведётся в странах из разных групп и находящихся в разных регионах. Производство серебра из вторичного сырья ведётся там, где оно имеет давнюю историю применения (экономически развитые страны, страны с переходной экономикой, а также некоторые автохтонные страны). На этапе международной торговли серебром к упомянутым странам присоединяются «классические» страны-посредники и страны-потребители. При переходе к потреблению серебра география «серебряной отрасли» снова сужается. Здесь территориальная организация неодинакова для различных отраслей применения металла и в основном зависит от общественного развития стран. Расставить территориальные акценты в применении серебра в различных отраслях материального производства может помочь представление о «серебряном профиле» территории.

Российская «серебряная отрасль» является важной частью мировой. По многим показателям она занимает места из первой десяти. Её собственная география неширокая: она представлена в 33 субъектах Российской Федерации. Запасы серебра имеются в 29 субъектах, при этом добыча ведётся только в 20 из них — с крупными месторождениями и благоприятными условиями добычи. Что касается производства серебра, то, действительно, все первичные стадии располагаются на местах добычи; аффинажное производство имеется на территории 8 субъектов, причём на территории 4 из них добыча серебра вообще не ведётся. Внутри России потребляется лишь 1/3 производимого серебра — остальное экспортируется. Производства ювелирных изделий с использованием серебра имеются в 16 субъектах; для них характерна концентрация собственно серебряных производств в Поволжье (сложилась исторически), а производство серебряно-золотых изделий сосредоточено в районах добычи золота и вблизи крупных городов (тяготеет к более дорогому сырью и потребителю). В общем плане география «серебряной отрасли» России имеет ту особенность, которая характерна для всей экономики нашей

страны: можно выделить «сырьевой» Восток и «обрабатывающий» и «потребляющий» Запад.

Литература

1. *Потоцкая Т.И.* Серебряная отрасль: состояние и тенденции развития // Наука и образование XXI века: Материалы IV-й Международной научно-практической конференции (29 октября 2010 г., СТИ, г. Рязань). В 4-х томах. Том 3. Часть 1. «Секция естественных наук и туризма» / Под общ. ред. проф. А.Г. Ширяева, доц. А.В. Барановского. — Рязань, СТИ. — 2010. — С. 81–88.
2. ИАЦ «Минерал» (<http://www.mineral.ru>).
3. Национальное кредитное бюро (<http://www.creditnet.ru>).
4. The Silver Institute (<http://www.silverinstitute.org>).

Ридевский Г.В.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНОВ РАЗВИТИЯ КАК ПУТЬ К РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

*Процветание не начнётся повсюду одновременно,
но ни один уголок планеты не должен прозябать
в бедности.*

Доклад Всемирного банка, 2009 г.

На пространстве стран СНГ активно протекают центр-периферийные процессы. Один из наиболее значимых — регионополизация [12]. Регионополизация — процесс концентрации населения и экономического потенциала в городском центре-регионополисе, возглавляющем внутриобластную (внутрикраевую) систему расселения. Перераспределение населения и экономического потенциала внутри подобных систем расселения приводит к возрастанию влияния регионополисов на социально-экономическое, демографическое, экологическое и социокультурное развитие соответствующих регионов.

В результате регионополизации происходит расслоение пространства в двух основных формах:

- в регионализации внутристранового пространства, т.е. чёткого обособления и возрастания целостности (связности) внутриобластных систем расселения, хозяйствования и природопользования, которые можно назвать социально-эколого-экономическими районами или СЭЭР;
- в фрагментации внутрирегионального пространства, отдельные части которого всё больше различаются величиной и сбалансированностью ресурсного потенциала, проблемами регионального развития, условиями жизни населения и качеством населения.

Рассмотрим регионализацию и фрагментацию пространства на примере Республики Беларусь. Относительно небольшие размеры страны позволяют изучать вышеназванные процессы с позиций системной целостности.

С начала 70-х годов XX в. в Республике Беларусь сложилась система из 15 СЭЭР (рис. 1) [9]. Структурно СЭЭР состоят из нескольких административных районов и крупнейших городских центров-регионополисов. По числу регионополисов все СЭЭР Белоруссии можно разделить на моноцентрические и полицентрические, т.е. с одним или двумя-тремя регионополисами. К числу моноцентрических было отнесено 13 СЭЭР, а к числу полицентрических — два: Кричевский и Солигорский. В Кричевском СЭЭР сложились три региональных центра: Кричев, Климовичи и Костюковичи, в Солигорском — два: Солигорск и Слуцк. В Бобруйском СЭЭР на роль регионополиса претендует г. Жлобин, существенно уступающий Бобруйску по численности населения, но обгоняющий его по производству промышленной продукции. Жлобин можно считать квазирегионополисом, т.е. городским центром, претендующим на роль регионополиса. Центрами двух моноцентрических СЭЭР Белоруссии стали практически сросшиеся парные города: Полоцк-Новополоцк и Мозырь-Калинковичи. В Минском СЭЭР, кроме Минска, можно выделить два экс-регионополиса — Борисов и Молодечно, возглавлявшие собственные СЭЭР, до поглощения их Минским СЭЭР, в результате расширения последнего под влиянием электрификации железнодорожных магистралей к пригородной зоне столицы Белоруссии.

Процессы регионополизации в Белоруссии за период с 1970 по 2012 гг. на примере концентрации населения в региональных центрах-регионополисах относительно всего населения СЭЭР страны отражает таблица 1.

Таблица 1 свидетельствует, что регионополизация выступает в качестве закономерного процесса, приводящего к концентрации на-

Рис. 1. Социально-эколого-экономические районы и распределение административных районов Белоруссии на ключевые регионы, регионы межрайонного значения и базовые регионы.

селения в регионополисах Белоруссии. С 1970 по 2013 гг. доля населения в регионополисах Белоруссии возросла с 29,0 до 54,4%. Трансформация территориальных структур расселения в свою очередь приводит к трансформации территориальных структур хозяйствования и природопользования.

В результате перераспределения населения, экономического потенциала и изменения активности природопользования в различных регионах внутри СЭЭР в них достаточно чётко обособляются по месту в территориальной структуре расселения, хозяйства и природопользования и другим признакам три основные группы регионов:

- регионы экономического ядра или ключевые регионы (в состав соответствующих административных районов включены: г. Минск и города областного подчинения);
- регионы экономической полупериферии или регионы межрайонного значения;
- регионы экономической периферии или базовые регионы.

Базовым регионам можно дать такое название, поскольку они резко доминируют среди всех остальных типов регионов и имеют фоновое распределение, окружая регионы двух первых типов, имеющих узловое расположение в границах СЭЭР (см. рис. 1). В каждом СЭЭР

Таблица 1.
Регионополизация в социально-эколого-экономических районах Белоруссии в 1970–2013 гг.

Социально-эколого-экономические районы	Доля региональных центров в численности населения, %						
	1970	1979	1989	1999	2009	2013	
Брестский	21,6	29,3	37,9	40,2	44,9	47,1	
Барановичский	18,4	23,6	28,6	30,2	33,8	35,4	
Пинский	15,5	21,8	28,3	31,5	34,3	36,4	
Витебский	48,1	56,7	62,0	63,6	70,2	72,8	
Оршанский	32,4	37,4	40,7	42,0	51,6	53,2	
Полоцкий	21,2	28,5	29,1	35,2	44,6	47,0	
Гомельский	35,4	45,4	53,9	56,5	61,1	63,2	
Мозырский	16,5	24,7	34,4	41,4	45,9	48,5	
Гродненский	25,2	34,8	44,4	47,8	55,0	58,7	
Лидский	13,8	19,7	27,8	31,5	35,7	38,1	
Минский	38,8	47,0	52,3	54,5	59,1	60,3	
Солигорский	20,7	30,2	40,2	44,7	49,7	52,0	
Могилёвский	38,8	51,8	59,5	61,8	66,5	68,5	
Бобруйский	22,3	29,8	32,2	32,7	34,9	36,1	
Кричевский	15,4	21,2	26,8	31,2	35,7	37,0	
Республика Беларусь	29,0	37,7	44,8	47,3	52,4	54,4	

Примечания: 1. В качестве региональных центров Мозырского и Полоцкого СЭЭР рассматривались парные города: Полоцк-Новополоцк, Мозырь-Калинковичи. 2. В качестве региональных центров полицентрических Солигорского и Кричевского СЭЭР рассматривались, соответственно, города: Солигорск и Слуцк; Кричев, Климовичи и Костюковичи. 3. Экс-регионополисы Молодечно и Борисов в качестве региональных центров Минского СЭЭР и квазирегионополис Жлобин в качестве регионального центра Бобруйского СЭЭР не рассматривались. 4. В качестве региональных центров Республики Беларусь рассматривались региональные центры всех СЭЭР. 5. Данные за 1970-2009 приведены на начало соответствующей переписи, данные за 2013 г. даны на начало года. 6. Таблица рассчитана по [3, 8].

обязательно наличие ключевых и базовых регионов, а в большинстве СЭЭР Белоруссии можно выделить и регионы межрайонного значения.

Основные отличительные признаки трёх групп регионов Белоруссии отражает таблица 2.

В процессе регионополизации в ключевых регионах, регионах межрайонного значения и базовых регионах все основные показатели социально-экономического развития существенно меняются. Только с 1990 г. по начало 2013 г. доля ключевых регионов в населении Белоруссии увеличилась с 58,0 до 65,1%, в численности занятых в экономике в среднегодовом выражении с 1990 г. по 2012 г. с 60,5 до 68,4%, в экономическом потенциале — с 65,1 до 76,5%.

Поляризация трёх основных групп регионов приводит к тому, что они не могут выступать как самостоятельные хозяйственные единицы, не способны конкурировать друг с другом по качеству и уровню жизни населения и требуют различных подходов к практике регионального развития. При этом выравнивание уровня социально-экономического развития трёх основных групп регионов традиционными методами становится практически невозможным, а попытки такого выравнивания, посредством затратных адресных программ развития наиболее отсталых базовых регионов часто ведут к распылению инвестиций в основной капитал по территории страны, к снижению их экономической отдачи в масштабе государства и к торможению социально-экономического развития ключевых регионов, концентрирующих подавляющую часть экономического потенциала и населения Белоруссии.

Очевидно, что интеграция различных типов регионов (административных районов и городов областного подчинения) в рамках СЭЭР, позволила бы обеспечить эффективное комплексное, т.е. устойчивое социально-эколого-экономическое развитие подобных территориальных систем. Однако административных единиц, соответствующих СЭЭР, в Белоруссии не существует. Кроме того, большинство СЭЭР размещены в пределах нескольких областных регионов, что способно существенно усложнить взаимодействие территорий, расположенных в разных областях в условиях жёсткой централизации системы государственного управления, сложившейся в стране.

Комплекс социально-экономических показателей в распределении по трём основным группам регионов Белоруссии в 2012 г. показывает таблица 3.

Таблица 2.

Отличительные признаки трех основных групп административных районов Белоруссии

Группы регионов	Отличительные признаки
Ключевые регионы	1. Занимают центральное место во внутриобластных системах расселения. В них расположены крупнейшие регионополисы, в том числе ранее существовавшие и города, претендующие на эту роль. 2. Имеют значительный экономический и демографический потенциалы, высокое качество населения (здоровье, уровень образования и другие демографические характеристики). 3. Отличаются относительно высоким уровнем экономического и социального развития. 4. Из-за высокой концентрации социально-экономического потенциала испытывают проблемы экологического характера. 5. Опираясь на высокий человеческий потенциал способны продуцировать и (или) активно внедрять инновации.
Базовые регионы	1. Регионы, в структуре совокупного ресурсного потенциала которых доминирует природно-ресурсный потенциал. Экономический потенциал и численность населения незначительны. 2. Занимают большую часть территории страны. Игрют средостабилизирующую роль. 3. Обеспечивают производство основных видов сельскохозяйственной продукции (зерновые, картофель, молоко, мясо) и основной объём лесозаготовок. 4. Имеют наиболее ярко выраженные проблемы социально-экономического и демографического развития.
Регионы межрайонного значения	1. По большинству вышеназванных признаков занимают промежуточное положение между ключевыми и базовыми регионами. 2. В регионах этого типа расположены города-субрегиональные центры и некоторые менее значимые регионополисы полицентричных СЭЭР. Ряд регионов этого типа имеет ярко выраженный пригородный характер по отношению к крупнейшим регионополисам. 3. Игрют важное межрайонное значение для социального и транспортного обслуживания базовых регионов.

Основные показатели, характеризующие площадь, население, экономический потенциал и эффективность экономического развития основных типов регионов Белоруссии в 2012 г.

Основные показатели	Ключевые регионы	Регионы межрайонного значения	Базовые регионы	Республика Беларусь
Площадь территории, %	20,0	19,2	60,8	100,0
Число районов	19	23	76	118
Население на начало 2013 г., %	65,1	14,5	20,4	100,0
Численность занятых в экономике, %	68,4	13,4	18,2	100,0
Экономический потенциал, %	76,5	11,1	12,4	100,0
Производство промышленной продукции, %	85,3	10,8	3,9	100,0
Производство инновационной промышленной продукции, %	84,2	11,9	3,9	100,0
Экспорт товаров, %	90,4	7,5	2,1	100,0
Чистая прибыль организаций, %	80,7	11,6	7,7	100,0
Прямые иностранные инвестиции на чистой основе в 2011 г., %	97,6	1,4	1,0	100,0

Примечания: 1. Экономический потенциал регионов развития рассчитан как аналог ВРП для административных районов распределительным методом [11]. 2. Таблица рассчитана по [8].

Естественный выход для преодоления фрагментации географического пространства на внутриобластном уровне — интеграция регионов разного типа в единые территориальные системы, которые можно выделить путем конструирования с учётом социально-эколого-экономического и административного деления страны. Подобные территориальные системы можно назвать регионами развития или планировочными районами. Территориально регионы развития можно рассматривать как ядра СЭЭР в границах областных регионов Белоруссии, другими словами, их конструирование — компромисс между реально существующими системами расселения, хозяйствования и природопользования и административно-территориальным делением современной Белоруссии на субнациональном, т.е. наивысшем иерархическом уровне, для эффективного взаимодействия институциональных государственных структур и единиц самоуправления на областном, районном и низовом уровнях (сельские советы).

Подобно СЭЭР, регионы развития обладают значимым и относительно сбалансированным ресурсным потенциалом, поскольку их региональные центры концентрируют население и экономический потенциал, а периферийные территории, в силу их географических размеров, имеют существенный природно-ресурсный потенциал. Значимый и сбалансированный ресурсный потенциал регионов развития может рассматриваться как важнейшая предпосылка их устойчивого социально-экономического и экологического развития.

Регионы развития можно рассматривать как функционально-территориальные единицы, в границах которых возможны планирование и прогнозирование регионального развития, разработка и реализация эффективных стратегий устойчивого развития без изменения административно-территориального устройства, отработка механизмов взаимодействия органов государственной власти разных уровней и органов местного самоуправления.

В Республике Беларусь можно выделить 16 регионов развития или планировочных районов (рис. 2) [10]. Каждый регион развития соответствует определённому СЭЭР, за исключением Бобруйского. На территории Бобруйского СЭЭР сложились два региона развития: Бобруйский (включает тяготеющие к Бобруйску районы Могилёвской области) и Жлобинский (включает четыре компактно расположенных административных района Гомельской области, тяготеющие к Бобруйску).

В каждой из областей Белоруссии можно выделить 2–3 региона развития, в том числе: Гродненский и Лидский в Гродненской области; Брестский, Пинский и Барановичский в Брестской области; Мин-

Примечания к таб. 4: 1. Экономический потенциал регионов развития рассчитан как аналог ВРП для административных районов распределительным методом [11]. 2. Индекс уровня социально-экономического развития регионов развития рассчитан как отношение доли региона развития в экономическом потенциале страны (в %) к его доли в численности населения страны (в %). 3. Таблица рассчитана по [8].

потенциалу и уровню экономического развития. Так если административные районы Белоруссии (включая в их состав Минск, как город республиканского подчинения, и города областного подчинения) в 2012 г. отличались друг от друга по численности населения в 186 раз, по численности занятых в экономике — в 268 раз, по экономическому потенциалу — в 639 раз, по значению индекса уровня социального экономического развития — в 6,8 раза, то регионы развития отличаются друг от друга соответственно в 18,2, 24,3, 40,7 и 2,5 раза (см. табл. 4). Существенно меньшая глубина различий по вышеуказанным показателям регионов развития от административных районов позволяет рассматривать их в качестве сопоставимых регионов для целей региональной политики, в значительной степени соответствующих по охвату территории реально сформировавшимся в Белоруссии территориальным системам расселения, хозяйствования и природопользования, т.е. СЭЭР (см. рис. 1 и 2).

Регионы развития, выделенные в Белоруссии для целей региональной политики, можно сравнить с регионами NUTS-2 стран ЕС (Номенклатура территориальных единиц для целей статистики — фр. *Nomenclature des unites territoriales statistiques*, NUTS) [4]. Регионы NUTS-2 в странах ЕС рассматриваются в качестве основных объектов региональной политики и служат для целей статистических сопоставлений. Средний регион NUTS-2 в ЕС занимает площадь около 16,0 тыс. км кв., имеет население около 1,9 млн. чел. и среднюю плотность населения около 120 чел. / км кв. Регионы развития Белоруссии, учитывая меньшую плотность населения (45,6 чел./км кв.), имеют несколько меньшую площадь (около 13 тыс. км кв.) и население (около 590 тыс. чел.). Учитывая высокую плотность населения, уровень хозяйственной и транспортной освоенности ЕС, а также резкие различия по площади и численности населения регионов NUTS-2 в разных странах ЕС и внутри стран, основные параметры регионов развития Белоруссии вполне сопоставимы с регионами NUTS-2 большинства европейских стран.

Регионы NUTS-2 стран ЕС могут быть как единицами административного деления, так и специально выделенными группами адми-

нистративных регионов, т.е. они так или иначе привязаны к сложившемуся административно-территориальному делению [2]. При этом в Румынии выражение «регион развития» служит официальным названием для регионов NUTS-2 [7]. Низовые регионы, т.е. административные районы в пределах регионов развития Белоруссии можно отнести к регионам ЕС NUTS-3. Регионам NUTS-3 в ЕС при проведении региональной политики также уделяется заметное внимание [5].

Институциональное оформление регионов развития путём создания управленческих структур (например, агентств развития), признание регионов развития на государственном уровне как территорий стратегического управления и основных объектов государственной региональной политики, способно запустить следующие эффекты, способствующие повышению эффективности их развития:

- институциональный — создание институциональной среды для успешного решения проблем развития и стимулирования экономического роста и развития социальной сферы;
- мультипликационный, в т.ч.: экономический, социальный и экологический — ключевые регионы выступают как основные драйверы регионального развития по отношению к другим типам регионов;
- синергетический — объединение регионов с различной величиной и структурой ресурсного потенциала, создаёт необходимый потенциал развития и содействует устойчивому региональному развитию, как с социально-экономических, так и с экологических позиций.

Исходя из данных, помещённых в табл. 4, большинство регионов развития Белоруссии способны самостоятельно решать собственные проблемы и конкурировать с другими регионами страны по производству надлежащих условий для жизни населения, ориентируясь на ресурсы эндогенного развития. Для наиболее проблемных с социально-экономических позиций регионов Белоруссии возможна разработка Стратегий развития на национальном уровне. Очевидно, что к числу подобных регионов можно отнести, прежде всего, Кричевский регион развития, лишённый крупных городских центров, но обладающий значимыми ресурсами цементного сырья, востребованными на внутреннем и внешних рынках (см. табл. 4).

Анализ уровня социально-экономического развития регионов развития Белоруссии позволяет сделать вывод о том, что, как правило, более высокий уровень развития имеют регионы, возглавляемые Минском и пятью областными центрами (Могилёвом, Гомелем, Гродно, Брестом и Витебском), а большинство других регионов развития,

кроме Солигорского, Полоцкого и Мозырского, обладающих конкурентоспособными видами экономической деятельности (производство калийных удобрений и нефтепереработка), существенно им уступают. Очевидно, что признание отстающих регионов развития в качестве основных объектов региональной политики смогло бы существенно активизировать их социально-экономическое развитие и преодолеть присущую им сегодня периферийность, обусловленную расположением в «тени» областных столиц.

Формирование регионов развития — основной путь к региональной конвергенции, т.е. к внутренней интеграции и сближению регионов Белоруссии по основным показателям уровня и качества жизни населения. Этого можно достичь посредством:

- проведения территориально-дифференцированной политики по отношению к развитию низовых районов разного типа;
- совершенствования специализации и повышения эффективности хозяйства внутрирегиональных территорий (регионов NUTS-3 или административных районов и городов областного подчинения);
- развития региональных кластеров и формирования новых кластерных структур;
- оптимизации региональной транспортной и социальной инфраструктуры;
- налоговых льгот и иных преференций, для создания и развития малых и средних организаций, направленных на более полное использование местных природных и трудовых ресурсов.

Ключевую роль в конвергенции регионов Белоруссии, других регионов и стран должны иметь органы государственного управления, у которых есть многочисленные инструменты региональной политики: институты (территориально-нейтральные нормы, правила, стандарты), инфраструктура (территориально-связующие мероприятия, т.е. строительство автомобильных и железных дорог, развитие систем связи, обеспечивающих перемещение товаров, людей и идей на местном, региональном, национальном и международном уровнях) и стимулы (территориально-адресные программы). Использование преимуществ концентрации населения и экономического потенциала в крупнейших городских центрах, сокращение расстояний посредством повышения мобильности населения и развития транспортной инфраструктуры, преодоление внутренней разобщенности поляризованных регионов — основа экономических и социальных успехов в региональном развитии [1].

Низкая эффективность региональной политики в странах СНГ, проявляющаяся в нарастающем расслоении большинства регионов по основным показателям социально-экономического развития, требует глубокого теоретического переосмысления её основных концептуальных положений с позиций современных теорий регионального развития.

Настоятельная необходимость учёта преимуществ концентрации населения и экономического потенциала в крупнейших городских центрах при проведении региональной политики, с одной стороны, и низкая эффективность региональной политики, с другой стороны, свидетельство того, что сама система государственного регулирования регионального развития в странах СНГ находится в точке бифуркации, т.е. в состоянии перехода от концепций регионального выравнивания, ориентированных на развитие однородных регионов с соизмеримым экономическим и демографическим потенциалами, к концепциям регионального развития и региональной конвергенции, сформировавшимся на основе осознания феноменов регионализации, поляризации и фрагментации географического пространства. В силу этого, основная задача региональной науки в странах СНГ — убедительное обоснование необходимости вышеназванного перехода для лиц, принимающих решения в области региональной политики на разных иерархических уровнях.

Очевидно, что региональная политика в XXI в. должна не противостоять объективно протекающим центр-периферийным процессам, а учитывать их, в целях регионального развития и региональной конвергенции.

Литература

1. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. Обзор. — Вашингтон, Всемирный банк, 2008. — 33 с.
2. Кузнецов А.В. Межрегиональные контакты в Европейском союзе. URL: <http://www.perspectivi.ru/print.php> (дата обращения: 02.10.2012).
3. Население Республики Беларусь: его численность и состав. Перепись населения, 2009. Стат. сб. — Т.2. — Минск, 2010. — 414 с.
4. Номенклатура территориальных единиц для целей статистики. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 02.10.2012).
5. Региональная политика стран ЕС / Центр европейских исследований ИМЭМО РАН. Отв. ред. А.В. Кузнецов. — М.: ИМЭМО РАН, 2009. — 230 с.

6. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза / Рук. авт. колл. и отв. ред. А.Г. Гранберг. — М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2000. — 435 с.
7. Регионы развития Румынии. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 02.10.2012).
8. Регионы Республики Беларусь: социально-экономические показатели. 2013. Стат. сб. — Т. 1. — Минск, 2013. — 739 с.
9. Ридевский Г.В. Социально-эколого-экономическое районирование Республики Беларусь // Восточная Европа: вопросы исторической, общественной и политической географии. — Псков: Издательство ПГПИ, 2003. — С. 87-96.
10. Ридевский Г.В. Планировочное районирование Республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. — 2005. №5. — С. 4–10.
11. Ридевский Г.В. Оценка экономического потенциала административного района // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XII Международной научной конференции, Минск, 20–21 октября 2011 г. В 3 т. Т. 3. — Минск: НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, 2011. — С. 139–140.
12. Ридевский Г.В. Регионализация и расслоение пространства как основные итоги регионополизации в Белоруссии // Российская глубинка — модели и методы изучения. — М.: Эслан, 2012. — С. 193–208.

Ломакина А.И.

УДАЛЕННОСТЬ ОТ МОРЯ КАК ФАКТОР ПРОИЗВОДСТВЕННОГО И ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСУРСНЫХ ОТРАСЛЕЙ КАНАДЫ

Большие территории, как правило, и пример Канады не являются исключением, содержат в своих недрах разнообразные полезные ископаемые. Их добыча и производство сырья являются важной составляющей богатства страны. В то же время их экспортный потенциал зависит от многих параметров как самих ресурсов, так и способов доставки до потребителя. Проведенное нами ранее исследование [4, 5] позволило определить положение Канады относительно круглогодичных морских путей, оценив транспортно-коммуникационные

свойства канадских прибрежных акваторий. Напомним, что территория Канады преимущественно континентальная и ультраконтинентальная. Зная это, логично предположить, что основные запасы ресурсов и ископаемых залегают именно в этих внутриконтинентальных районах страны. А это значит, что при доставке продукции на мировой рынок из континентальных районов подавляющая доля совокупных транспортных издержек придётся на их же производителей. Именно они оплачивают самую дорогостоящую часть пути, т.е. расходы по сухопутной перевозке грузов в пределах территории своей страны до морских портов вывоза и границ¹.

Значит ли это, что у Канады не будет преимуществ, или она будет не конкурентоспособна на мировом рынке в связи с повышенными «континентальными» транспортными издержками. И в первую очередь это, вероятно, должно коснуться низкотранспортабельных массовых грузов, таких как железная руда и уголь и грузов пониженной транспортабельности, как сырая нефть.

Однако из мировых рейтингов производителей и экспортеров основных видов сырья следует, что Канада не только не уступает по объему производства, но также занимает достойные позиции по их экспорту. Так, в первое десятилетие XXI в. Канада уверенно сохраняла свои позиции в десятке стран по добыче нефти и железной руды (6-ое и 9-ое место, соответственно), а также держалась на 13-ом месте по производству угля. А её позиции в рейтингах стран-экспортеров выглядят ещё более солидно: 4-ая по экспорту угля, 5-ая по экспорту железной руды, 10-е по экспорту нефти (в 2005 г.). Такая ситуация вызывает интерес: каково реальное распределение ресурсного и экспортного потенциала по зонам удаленности от морей?

В настоящем исследовании для анализа выбраны показатели по производству и экспорту самых массовых (многоотоннажных) видов сырья: угля, нефти и железной руды. Распределение производства и экспорта этих важнейших видов сырья по зонам удаленности от морских путей и портов с круглогодичной навигацией говорит о масштабах хозяйственной активности и степени адаптации хозяйственных комплексов страны к внутриконтинентальному функционированию.

¹ Согласно «базисным условиям поставки» продавец-экспортер обязуется осуществить (т.е. оплатить) перевозку товара до границы страны-экспортера. Это значит, что продавец оплачивает доставку в морской порт и погрузку на судно, по условию ФОБ, или перевозку товара в пункт на границе, по условию ДАФ. Дальнейшие транспортные расходы по доставке товара в страну и пункт назначения, в том числе по морской перевозке или по сухопутной, несет уже покупатель-импортер [1].

Анализ показал, что **приморская зона, включая условно приморскую**², занимая менее 10% территории Канады, даёт лишь 8–9% производимых важнейших видов сырья, что почти в 10 раз уступает континентальной зоне (рис. 1), хотя и согласуется с территориальным показателем.

Из производимых здесь видов сырья отметим в первую очередь **нефтяные** месторождения шельфа близ о-ва Ньюфаундленд (*Hibernia, Terra Nova, White Rose*) и Новой Шотландии (о-в Сабль (*Sable*)) дающие около 400 тыс. бар/день. Разработка этих шельфовых месторождений, начавшаяся в конце 1990-х — начале 2000-х гг., к настоящему времени даёт около 10% от общеканадского годового производства. Общий объем добычи постоянно сокращается в связи с высокой выработанностью месторождений, также как и удельный вес этого региона в общеканадской добыче. Последнее объясняется ростом добычи в Западно-Канадском осадочном бассейне. К 2017 г. намечен ввод в эксплуатацию ещё одного высокопродуктивного месторождения *Hebron* (близ о-ва Ньюфаундленд). Это позволит компенсировать сокращение производства, однако не превысит рост добычи на внутриконтинентальных месторождениях битуминозного песка в Альберте.

Геологоразведочные работы, проведенные на шельфовой зоне тихоокеанского побережья, а также в заливе Св. Лаврентия, указывают на наличие крупных запасов нефти, однако в настоящее время на разработку этих месторождений введен мораторий.

Часть нефти, добываемой в названных выше шельфовых месторождениях, направляется на экспорт. Из Ньюфаундленда нефть транспортируется танкерами к восточному побережью США (более 80% поставок), американскому побережью Мексиканского залива (15%), и в Великобританию (3%) [10]. А нефтяные месторождения о-ва Сабль в Новой Шотландии (*North Triumph, Thebaud et Venture*) связаны с континентальным побережьем морскими нефтепроводами протяженностью 200 км. Уже оттуда нефть поступает в Новую Англию. Суммарная доля приморской зоны в канадском экспорте нефти составляет 6%. Этот показатель включает также незначительный экспорт нефти через порт Ванкувер в Китай.

² Особенностью приморской зоны Канады является формирование условно приморской зоны вдоль внутренней водной системы Великих озер и реки Св. Лаврентия. Открытие морской круглогодичной навигации по этому внутреннему водному пути сделало крупнейшие канадские города Торонто и Гамильтон, Монреаль и Квебек «прибрежными», фактически морскими портами [6].

Производство других видов сырья в приморской зоне крайне незначительно. Добыча **железной руды** представлена производством магнетита на месторождении *Craigmont* (Брит. Колумбия), а также разработкой ильменитовых руд оз. *Тео* (Квебек).

Компания *Craigmont Mines Ltd.* производит магнетит путем его восстановления из шлама медьсодержащих горных пород. В течение 20 лет здесь велась добыча меди, но в начале 1980-х гг. производство остановилось в связи с падением цен на сырьё, однако отвалов, накопленных за этот период, хватит для извлечения более 1 млн. т. магнетита [8]. Ежегодно здесь производится более 70 тыс. т. этого сырья, что едва дотягивает до 1% от общеканадского производства железной руды.

Особую роль в сырьевой базе черной металлургии Канады играют ильменитовые руды провинции Квебек. Канада занимает 1-е место по производству ильменитовых концентратов (2,8-3 млн. т., 20% мирового производства). Ильменит-гематитовая руда из месторождения оз. *Тео* поступает по специальной железной дороге в порт Авр-Сен-Пьер, откуда сырьё доставляется морским транспортом в металлургический комплекс Сорель-Траси. Компания «*QIT Fer et Titane*» производит пигментный диоксид титана, большая часть которого (около 85%) экспортируется, главным образом, в США и страны Западной Европы. Остальное количество потребляется внутри страны [11, 12].

Других производств и добычи железной руды в приморской зоне нет, однако в экспорте этого вида сырья она играет ключевую роль: именно через приморскую зону реализуются все поставки сырья на внутренний и внешний рынки. Ежегодно квебекские порты Сет-Иль и Пор-Картье — крупнейшие рудные порты Канады — обрабатывают 35–40 млн. т. железной руды и концентрата, добываемых на месторождениях п-ова Лабрадор. И в случае порта Пор-Картье, и в случае порта Сет-Иль часть поступающего сырья грузится непосредственно на рудовозы, часть складировается, а часть — перерабатывается прямо в портах в железорудные окатыши. Так, завод в Пор-Картье ежегодно производит около 15 млн. т. железорудного концентрата и более 9 млн. т. окатышей [11].

Часть сырья отправляется на металлургические комплексы Квебека, однако более 75% отгружаемой руды и концентрата направляется в США на металлургические комплексы района Великих озер и в Западную Европу; осуществляются также поставки в Азию.

Как видно, морскому транспорту здесь нет альтернативы. В первую очередь потому, что в районе отсутствует другой транспорт, под-

ходящий для перевозки массовых грузов. Во-вторых, потенциальная возможность строительства железной дороги здесь также не рассматривается, поскольку концентрат, как и железорудные окатыши — это сырьё, отличающееся низкой транспортабельностью, что объясняется небольшой ценой единицы их массы.

Основные запасы **угля** приморской зоны Канады приурочены к Северным Аппалачам и бассейну о-ва Ванкувер. В приморской зоне Канады расположены 3 из 22 угольных шахт: *Quinsam* (Брит. Колумбия), *Minto* (Новый Брансуик) и *Stellarton* (Новая Шотландия), которые в сумме дали около 0,7 млн. т. угля в 2009 г. Крупнейшим по запасам является бассейн Сидни, расположенный на острове Кейп-Бретон частично под водами Атлантического океана; его запасы превышают 1 млрд. т, или около 90% общих запасов Северных Аппалачей. В 1980-х гг. «приморские» шахты давали порядка 8% производимого угля, в 2009 г. добыча в некоторых не велась вовсе, а суммарная доля едва достигала 1%. Весь добытый в приморской зоне энергетический уголь, а также около 13 млн. т. импортного угля использовались на местных электростанциях. Так, на угольные электростанции в Новой Шотландии приходится более половины всех установленных мощностей и столько же произведенной в провинции электроэнергии.

В то же время можно констатировать, что отличительной особенностью угольной промышленности Канады выступает именно её экспортная направленность, т.к. более 40% этого сырья отправляется на внешние рынки. Именно на приморскую зону падает почти 100% экспорта угля. Главные порты вывоза расположены на тихоокеанском побережье — Ванкувер и Принс Руперт. Отсюда экспортируется уголь, добываемый на месторождениях континентальной и ультраконтинентальной зон.

Причем, на экспорт отправляется не «приморский» уголь, а добываемый в континентальной зоне. Основной объем экспортного угля разрабатывается на пяти месторождениях юга Британской Колумбии, принадлежащих *Elk Valley Coal Corp.*, совокупно они отправляют более 25 млн.т. угля. По *Тихоокеанской железной дороге* уголь доставляется в расположенный на тихоокеанском побережье Ванкувер — крупнейший угольный порт Канады, отправляющий около 90% канадского угля. В меньшем объеме экспортирует Альберта — около 5 млн.т. угля. *Канадская Национальная железная дорога* транспортирует уголь из шахт севера Британской Колумбии и центра Альберты к портам Ванкувер и Принс Руперт [9]. Коксующийся уголь более дорогой, чем энергетический, а значит более транспортабельный, однако не настолько, чтобы поставлять его в центральные и восточные

районы Канады, где сконцентрированы главные металлургические предприятия страны. Транспортировка по железной дороге до порта вывоза (в среднем 1100–1200 км) и далее отправка его на мировой рынок с использованием наиболее дешевого морского транспорта оказываются более рентабельными, чем поставки на внутренний («удаленный») рынок.

В первом десятилетии XXI в. Канада экспортировала в среднем 25–30 млн. т. угля, занимая 13-е место. Однако при детальном подсчете увидим, что почти весь экспортируемый канадский уголь — технологический, а на этом рынке она занимает 2-ое место, уступая лишь Австралии. Самым главным клиентом выступает Азия, на неё приходится около 80% поставок (2009 г.), с лидирующими позициями Японии. Значительные объемы канадского угля поставляются также в Европу, США, Мексику и страны Латинской Америки [9].

Невысокая доля морской зоны в производстве сырья вполне согласуется с невысокой долей экспорта, а также пониженной долей этой зоны в территории страны (менее 10%). В то же время отмечается рост значения этой зоны для отправки экспорта на внешние рынки. Из портовых экспортных терминалов отгружается около 65% исследуемых видов сырья. Причем основной объем этих отправок составляют ресурсы не приморской, а континентальной зоны.

Рисунок (Рис. 1) показывает, что зоны, имеющие наибольшую площадь, располагают и большей добычей полезных ископаемых. Так, континентальная и ультраконтинентальная зоны, на которые приходится 90% территории дают почти 90% важнейших видов сырья. Именно во внутриконтинентальных районах располагаются месторождения и провинции, которые по запасам и производительности можно отнести к уникальным. К таким ресурсным провинциям — гигантам относятся Западно-Канадский осадочный бассейн, дающий 90% канадской нефти и 90% канадского угля, а также богатейший железорудный пояс п-ова Лабрадор, где добывается почти 100% канадской железной руды.

Континентальная зона, на которую приходится 40% территории страны производит 2/3 важнейших видов сырья, выступая, таким образом, неоспоримым лидером. Здесь производятся все виды важнейших видов сырья в существенных объемах.

Основные **угольные** бассейны континентальной зоны Канады приурочены к Западно-Канадскому бассейну. В континентальной зоне расположены 16 из 22 угольных шахт Канады. Причем Альберта дает половину производимого угля (30 млн. т.), а Британская Колумбия — треть (более 20 млн. т.). В первом десятилетии XXI в. Канада

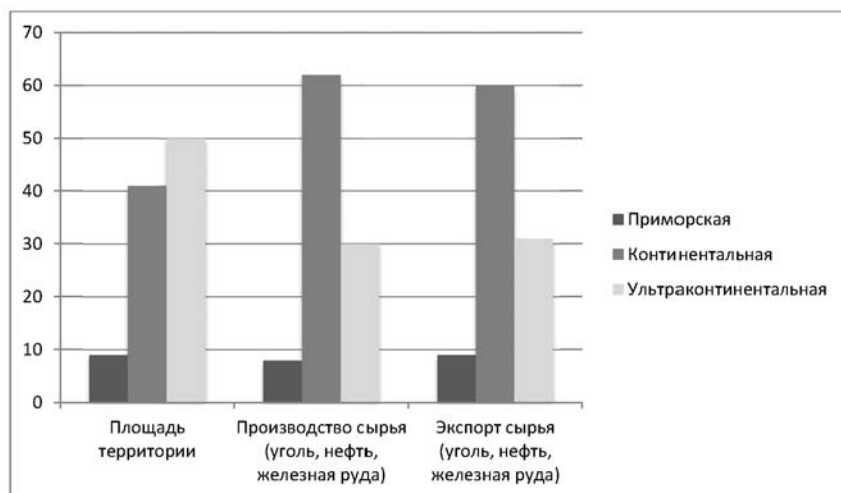

Рис. 1. Соотношение долей зон различной удаленности от морских путей.

производила в среднем 65–70 млн. т. энергетического и технологического угля. В отличие от коксующегося угля, большая часть которого отправляется на экспорт, о чем уже говорилось выше, энергетический уголь (т.е. почти весь уголь Альберты) используется на внутреннем рынке на тепловых электростанциях. Зачастую эти электростанции расположены в непосредственной близости от угольных разработок, т.е. используется «не отходя от шахты». При этом нет необходимости перевозить этот низкотранспортабельный продукт на сколько-нибудь существенные расстояния. В итоге, на угольные электростанции Альберты приходится более половины установленных мощностей и до 3/4 произведенной электроэнергии [9].

Экспорт угля из внутриконтинентальных районов железнодорожным транспортом в начале XXI в. составлял от 0,6–1,5 млн. т., что в 30 раз уступает объему «морского» экспорта.

Железная руда и концентрат производятся на горно-обогаительных комбинатах, расположенных в провинциях Квебек, Нью-Фундленд и Лабрадор. Почти все разрабатываемые канадские месторождения железных руд размещены в континентальной зоне, однако поставки сырья на внутренний и внешний рынки реализуются через приморскую зону. Преодоление сухопутных расстояний осуществляется по специальным рудовозным железным дорогам, связывающим районы добычи с портами вывоза.

Месторождения Фаер Лэйк и Монт Райт разрабатываются в районе г. Фермонт компанией *Arcelor Mittal*. После обогащения произведенный концентрат (с содержанием железа на уровне 65%) перевозится по принадлежащей компании железной дороге *Chemin de Fer Cartier* в порт Пор-Картье. По похожей схеме осуществляются поставки сырья и с других месторождений. Как уже отмечалось выше, единственным способом доставки этого сырья до потребителя является морской транспорт.

В континентальной и ультраконтинентальной зонах Канады располагается основной **нефтеносный** район страны — Западно-Канадский бассейн. К этому обширному осадочному бассейну приурочены месторождения Альберты (72% кандской нефти) и Саскачевана (15%), Британской Колумбии и Манитобы (по 1%). Удельный вес этих провинций в общеканадской добыче при этом составляет почти 90%. В континентальной зоне добывается чуть более 30%, а в ультраконтинентальной — почти 60%.

Такое соотношение установилось совсем недавно. На рубеже XX–XXI вв. наметилось сокращение добычи в Западно-Канадском нефтегазоносном бассейне, что было связано с разработанностью данного района в среднем на 50%. В этих условиях значение континентальной зоны как основного источника «классической» нефти должно было сокращаться. Одновременно повышение цен на энергоносители в 2003 г. сделало рентабельной разработку битуминозных песков Атабаски (Альберта). В итоге лидерство закрепилось за ультраконтинентальной зоной: 95% нефтяных запасов Канады находятся в Альберте, преимущественно в нефтеносных песках. Вместо ожидаемого сокращения в первом десятилетии XXI в. отмечается стабильное увеличение канадской нефтедобычи с 2,8 до 3,5 млн. бар. в день и, как следствие, существенное расширение её экспорта при одновременно устойчивом объеме импорта. Так как транспортабельность «черного золота» пониженная, то перевозка нефти на значительные расстояния ограничивается транспортными издержками. Самым дешевым способом передачи больших объемов нефти на значительные расстояния являются нефтепроводы, именно по ним транспортируется более 90% канадской нефти. Однако даже транспортировка по нефтепроводам ограничивается расстоянием.

Основные районы нефтепереработки в Канаде располагаются на востоке страны (Онтарио и Квебек), а также некоторых Атлантических провинциях. Ввиду их значительной отдаленности от районов добычи и недостаточно развитой внутренней инфраструктуры (недостаточная пропускная мощность нефтепроводов, соединяющих неф-

тяные месторождения Альберты с восточными провинциями), Канада в крупных масштабах осуществляет закупки нефти за рубежом. В результате мощные нефтеперерабатывающие комплексы работают полностью (Леви, Монреаль) или частично (Сарния, Сен-Жан) на импортном сырье (в 2000-е гг. импорт Канады составлял 40–45 млн. т). Выгодно используя приморское положение, они получают нефть из Северного моря и Северной Африки (что обходится на 10% дешевле, чем сырьё из внутриконтинентальных районов) и также по морю отправляют часть своей продукции.

Одновременно внутриконтинентальное положение главных нефтяных месторождений не мешает Канаде быть одним из крупнейших экспортёров этого важнейшего сырья. В 2010 г. Канада экспортировала 95 млн. т. нефти против 60 млн. т. в 2000 г. На внешний рынок отправляется около 70% добываемой нефти в сыром виде и частично как нефтепродукты, и почти весь этот объем идет в США. Канада располагает разветвленной сетью нефтепроводов, которые лучше стыкуются с американской трубопроводной сетью, чем с восточными провинциями, и расстояния до американских рынков существенно меньше.

Можно говорить о трёх основных нефтепроводах, экспортирующих нефть из Канады в США. Крупнейший из них — *Enbridge Pipelines Inc.* начинается в Эдмонтоне (Альберта) и пересекает канадско-американскую границу недалеко от Гретны (Манитоба). По этой трубопроводной системе передается до 2/3 всей экспортной нефти. То есть формально экспортируется нефть из ультраконтинентальной зоны, хотя начинается нитка в континентальной.

На два других нефтепровода — *Trans mountain pipeline Inc.* и *Express Pipeline Ltd.* — приходится в сумме 1/3 поставок. Первый, начинаясь в Эдмонтоне, идет через Британскую Колумбию к тихоокеанскому побережью США, т.е. пересекает границу в приморской зоне. Второй начинается в Хардисти (Альберта) и идет на юг, пересекая границу в континентальной зоне и представляя самый короткий путь на американский рынок.

Можно констатировать, что из внутриконтинентальной (континентальной и ультраконтинентальной) зоны из всех добываемых видов сырья экспортируется лишь нефть. Канадская нефтяная промышленность сумела компенсировать невыгодное внутриконтинентальное положение, используя выгодное соседство. Однако рост добычи уже сейчас привел к полной загрузке трубопроводной сети, и перед Канадой остро стоит вопрос не просто об увеличении пропускной способности сетей, но и о диверсификации рынков сбыта. Причем

второй вопрос стоит на повестке дня наиболее остро, т.к. в США сильны настроения против «грязной» битумной нефти. Впрочем, новый клиент Канады уже известен, это — Китай, который сам активно инвестировал разработку Атабаски. Очевидно, что экспорт в Китай возможен лишь через приморскую зону, и у Канады уже есть варианты размещения этого экспортного терминала (Принс Руперт, Черчилль и пр.). Это подводит нас к выводу о том, что в отличие от классической нефти, экспорт которой отлично приспособлен к внутриконтинентальному функционированию, новые разработки, которые ведутся в ультраконтинентальной зоне, будут испытывать минусы своего положения.

Ультраконтинентальная зона, занимающая более половины площади страны, содержит богатые и разнообразные полезные ископаемые, однако их разработка ограничивается суровыми климатическими условиями, ведь большая часть этой зоны приходится на зону Севера. Здесь добывается порядка 7% важнейших видов сырья, правда, после недавно начавшихся разработок Атабаски эта доля выросла до 30%. Здесь ведутся разработки классической нефти, а также угля.

Месторождения классической нефти в этой зоне незначительны: нефть Саскачевана (1,5% — в ультраконтинентальной зоне производится лишь незначительная часть нефти этой богатой провинции), нефть Манитобы (1%) и Северных территорий (0,5%). Ни на арктическом шельфе, ни в Нунавуте добыча нефти не ведется.

В числе крупных разработок назовем уголь Саскачевана, где производится почти 20% канадского угля. Весь добываемый здесь энергетический уголь потребляется на местных электростанциях, обеспечивая до 2/3 произведенной электроэнергии.

В сумме внутриконтинентальные районы производят 90% исследуемых видов сырья. На экспорт идет от 40% до 70% добываемого угля, железной руды и нефти. В то же время значение континентальной и ультраконтинентальной зон в реализации этого экспортного потенциала существенно меньше — около 30%. Это можно объяснить лишь наличием ограничений на перевозку многотоннажной продукции, что обусловлено высокими транспортными издержками, связанными с преодолением протяженных сухопутных расстояний. Впрочем, следует признать, что и этот уровень довольно высок и свидетельствует о том, что Канада сумела сгладить невыгодное внутриконтинентальное положение.

Анализ рассматриваемых показателей обнаружил, что для Канады характерна повышенная роль внутриконтинентальных регионов в

производстве основных видов сырья, что вполне согласуется с континентальным и ультраконтинентальным положением её территории. Здесь же производится почти весь объем сырья, отправляемого на внешний рынок. Для компенсации невыгодного «глубинного» положения производственных мощностей Канада, во-первых, использует выгоды своего соседского положения. А во-вторых, активно использует относительно дешевые трубопроводный и железнодорожный транспорт для преодоления значительных сухопутных расстояний.

Невысокая доля морской зоны в производстве и экспорте сырья вполне согласуется с пониженной долей этой зоны в территории страны. В то же время отмечается рост значения этой зоны для отправки экспорта на внешние рынки. Из портовых экспортных терминалов отгружается большая часть исследуемых видов сырья. Это свидетельствует о том, что Канада умело использует выгоды своего приморского положения.

Литература

1. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. — Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. — 369 с.
2. Безруков Л.А. Транспортно-географическая континентальность России: транспортное хозяйство и адаптивные следствия // Изв. РАН. Сер. Геогр. — 2005 — №3. — С. 48–55.
3. Безруков Л.А. Мировое хозяйство в контексте континентально-океанической дихотомии // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2008. № 6. — С. 7–18.
4. Ломакина А.И. Социально-экономические аспекты приморского положения канадской провинции Квебек. // Известия Академии наук Серия географическая, 2013, №3.
5. Ломакина А.И. Приморскость и континентальность канадских регионов: единство и борьба противоположностей. // Материалы XXIX сессии Экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС). — М., 2013 — С. 145–156.
6. Ломакина А.И. Влияние приморского положения провинции Квебек на территориальную организацию населения и хозяйства. // Канадский ежегодник. Труды Российского общества изучения Канады, отв. ред. А.Н. Комаров, выпуск 16. М.: РОИК, 2012. с. 163–184.

7. Синцеров Л.М. Транспортно-коммуникационная парадигма мирового развития // Мировая экономика и международные отношения. 2011, №5. — С. 122–128.
8. Компания Craigmont Mines Ltd. — официальный сайт <http://www.craigmontmines.com/history.html>
9. Министерство природных ресурсов Канады (Ressources naturelles Canada (RNCa)) — официальный сайт <http://www.rncan.gc.ca/energie/sources/1498>
10. Национальное агентство по энергетике Канады (Office national de l'energie) — официальный сайт http://www.neb-one.gc.ca/clf-nsi/rnrgynfmtn/nrgyrprt/nrgyvrw/cndnnrgyvrw2007/cndnnrgyvrw2007-fra.html#s4_4
11. Bilan annuel de conformit? environnementale. Les effluents liquides du secteur minier 2009. // Ministere de developpement durable, environnement et parcs. — Quebec, 2009/ — <http://www.mddep.gouv.qc.ca>
12. Le transport des marchandises sur le Saint-Laurent 1995-2005. // Ministere des Transports du Quebec — <http://www.mtq.gouv.qc.ca>

Герасименко Т.И.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАДИЦИОННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ (на примере Непала и Бутана)

Любое разнообразие (природное, экономическое, этнокультурное, социальное и т.п.), несомненно, надо рассматривать как ресурс для развития мира, конкретной территории, общества в целом и отдельных общностей. Это утверждение хорошо иллюстрирует пример замкнутых обществ, которые исчерпали внутренние резервы и ресурсы для развития (а точнее для выживания) в условиях (само)изоляции и вынуждены открыть свои границы. Разнообразие, специфика и даже экзотика позволяют в какой-то мере избежать «догоняющего развития», стимулирующего «уничтожение местных особенностей» [4] и при определенных условиях включаться в территориальное (географическое) разделение труда с особой специализацией, в какой-то мере сохраняя свою специфику и «автономное развитие». Весьма показателен

пример двух гималайских стран, которые долгое время оставались закрытыми практически для всего мира. Непал и Бутан, относившиеся к типу наименее развитых стран, на протяжении веков в силу историко-географической специфики и политической воли руководителей этих государств были изолированы вплоть до второй половины XX в. Они развивались очень медленно. Можно говорить лишь о некоторой историко-географической динамике (по А.Г. Исаченко [2]); эволюционные (необратимые) изменения отсутствовали в течение многих веков. Этому способствовала изоляция и жесткая регламентация образа жизни, осложненного суровыми природными условиями и ограниченностью ресурсов. В Бутане, а также Верхнем и Нижнем Мустанге постройки VII в. отличаются от современных лишь большей изношенностью. Столетиями сохранялась религия, традиционная одежда, кухня, быт, орудия труда, занятия населения, архитектура. Традиционная, доиндустриальная экономика этих стран испытывала стагнацию и даже кризис. Низкий уровень жизни, традиционное природопользование в суровых условиях, не позволявшее обеспечить население продовольствием и предметами первой необходимости, могли привести не только к социальным взрывам, но и к вымиранию населения и сделали открытие границ неизбежным. Непал открыл свои границы после 1953, Бутан несколько позже — с 1974 г. Территория с особым статусом в составе Непала, непальская часть Тибета — Верхний Мустанг вступила на тот же путь еще позже, в 1992 г. До настоящего времени, как и Бутан, Верхний Мустанг имеет особый режим для посещения иностранцами. На эти территории можно въехать (войти) лишь по особому разрешению — пермиту в составе туристических групп или индивидуально, либо по специальной договоренности для работы в определенной сфере деятельности (учителя, врачи, строители).

Открытие границ было неизбежно и привело к экономическому подъему и в целом к росту уровня жизни населения. Закрытость была причиной отставания и в то же время, как следствие, помогла сохранить в условиях автономного развития природное и культурное своеобразие, породила некую загадочность, сделала эти страны экзотичными и привлекательными для многочисленных туристов и теперь приносит немалые дивиденды. Развитие туристской индустрии — очевидный и объективный, хотя и не единственный, путь для подобных территорий. Каждая из этих стран имеет программу развития и следует ей. Вслед за Непалом бурно меняется Бутан. Несмотря на назревшую неизбежность этого, удивительна личность четвертого короля — реформатора Бутана, который добровольно передал власть молодому сыну, провел демократические реформы, преобразовал

страну в конституционную монархию, открыл её миру. По его инициативе была разработана стратегия развития страны. Построены дороги и другая инфраструктура, последовательно проводится модернизация сельского хозяйства и ирригационных сооружений. Строительством девяти ГЭС решило задачу электрификации. Составной частью модернизации было развитие лесного хозяйства и создание сети охраняемых территорий. Большое внимание реформаторы уделили росту умственного и физического здоровья населения. Разработан так называемый бутанский путь развития, который обозначен как GNH (Gross National Happiness). Было организовано даже Министерство счастья — уникальное, чисто бутанское изобретение, благодаря которому ликвидированы неграмотность и многие болезни. Для реализации реформ пришлось привлечь иностранных специалистов — главным образом индийских — строителей, врачей, учителей, ввести в школах преподавание на английском языке, что позволило быстрее интегрироваться в мировую систему ценностей. Поощрение малого бизнеса способствовало росту уровня жизни населения и решению проблемы голода. Реформы позволили не только добиться ощутимых результатов в экономике страны, но и полностью ее преобразили. Развитие сети Интернет, телевидение, туризм привели к расширению контактов и заимствованиям элементов культуры, сделали неизбежной проникновение глобализации и в эти отдаленные районы.

Характер и географические последствия этих изменений позволяют говорить о существенных переменах во всех сферах природно-хозяйственных комплексов этих стран. К настоящему времени эти три региона с разными природными условиями, населением и традиционной культурой, имевшие на начальном этапе почти одинаковые стартовые условия, прошли разные отрезки похожего пути. Более всего изменения затронули индуистскую и буддистскую части Непала. Об изменениях в Непале писал Б.Б. Родоман [3], они коснулись всех территорий, вставших на этот путь развития. Вторым эшелон можно считать Бутан. Начальная стадия третьего эшелона — Верхний Мустанг.

Прежде всего, произошла диверсификация отраслевой структуры хозяйства и изменение территориальной структуры общества. В структуре ВВП значительную роль стал играть туризм. Это дало толчок дорожному строительству и развитию разных видов транспорта (прежде всего автомобильного и авиационного), электрификации, водопроводов, канализации и т.д. Бурно развивается туристская инфраструктура и сфера услуг, связанная с туризмом: гостиничный сервис, ресторанное дело, производство напитков; сеть туристических фирм, музейное дело, производство сувениров, картографической и

прочей полиграфической продукции; спа-услуги, торговля и т.д. Даже в таких традиционно закрытых заведениях, как дзонги и гомпы, стало развиваться экскурсионное дело (монахи проводят экскурсии), массаж, услуги традиционной медицины. Для привлечения туристов, а также в результате их нашествия и притока денежных средств требовалась реставрация памятников и строительство новых.

Перераспределение населения в структуре занятости, переход от занятий сельским хозяйством к другим сферам деятельности, а также вхождение этих стран в систему международного географического разделения труда привело к росту импорта продовольствия и других потребительских товаров. Эти страны перестали обеспечивать себя продовольствием, но зато оно стало более обильным и разнообразным.

Бурное дорожное, энергетическое и гостиничное строительство, устройство сети национальных парков потребовало специальной техники и подготовленных рабочих, привело к необходимости привлекать иностранцев, поскольку местное население не имеет навыков в этих сферах деятельности. В Бутане используются главным образом индийские специалисты. Иммиграции способствует развитие образования и здравоохранения, необходимость изучения английского языка.

Как снежный ком, происходит развитие территорий и быстрое изменение территориальной структуры. Точками роста и коридорами развития стали туристические районы и связывающие их автомобильные дороги. Для общества характерно расслоение и поляризация на всех уровнях. Территориальная структура (ТС) меняется от очагово-дисперсной к линейно-узловой. Линиями притяжения являются туристские центры и дороги, вдоль которых проложены туристические маршруты. К ним тяготеют поселения, обслуживающие туристов. В Верхнем Мустанге, где автомобильный транспорт пока мало развит, это в начальной стадии, тем не менее, и там прокладывают дороги и время от времени можно встретить не только лошадей и пеших туристов, но и джипы. ТС Бутана уже изменилась и через какое-то время, очевидно, трансформируется окончательно. В основной части Непала, который дольше идёт по этому пути и обладает большим населением и разнообразием природных и культурных ландшафтов, этот процесс очень бурный. Вдоль дорог сформировались фактически двойные поселения — так называемые «теплые дома», где постоянно проживают один-два члена семьи, а на период холодов с гор переселяются остальные родственники.

Еще одним важным следствием можно считать демографические изменения. В результате роста образования и занятости женщин начался переход к современному типу воспроизводства.

Расслоение общества и миграции взаимосвязаны. В Бутане и Непале самая богатая часть населения связана непосредственно с туризмом. Чем дальше от туристских центров, тем беднее население. Миграции происходят не только в сторону дорог, но и из села в город. Важным географическим последствием развития стала урбанизация, в том числе и ложная. Быстрее всего растет население крупных городов. В Бутане это столица Тхимпху и второй центр — Паро (с его единственным международным аэропортом). Внутренние миграции усиливают поляризацию. Но для этих стран характерны и внешние миграции. В Бутане много индийцев, Непал привлекателен для жителей разных регионов. Главным последствием глобализации для Верхнего Мустанга, находящегося в наиболее суровых природных условиях, стала эмиграция половины населения (трех из шести тысяч жителей) за его пределы. Пожалуй, единственно возможным путем развития этой территории может стать путь берберов Тунисской Матматы — жизнь напоказ для туристов, демонстрация своего образа жизни за деньги. Однако число туристов здесь должно быть ограничено, иначе это приведет к окончательному разрушению ландшафтов. С экологическими проблемами уже столкнулся Непал, который задыхается от нашествия автомобилей, и, пока еще в меньшей степени, Бутан.

Процессы глобализации и модернизации имеют разные аспекты (экономический, политический, социальный, демографический, культурный и др.) и порождают целый ряд проблем. Входя в мировую цивилизацию, закрытые прежде страны сталкиваются с необходимостью адаптации к новым условиям. Открываясь миру, их народы испытывают массу проблем, связанных как с необходимостью приспосабливаться к новой социально-экономической обстановке и природно-экологической ситуации, обусловленной инфраструктурной и индустриальной модернизацией, так и к необходимости культурных изменений, что нередко сопровождается культурным шоком. Рушится система ценностей, представлений о мире, появляется множество соблазнов, прежде всего в сфере материального потребления. Несомненно, происходящие изменения уже привели к ускорению экономического развития и к росту уровня жизни части населения этих стран, к формированию общества потребления. Соблазны неизбежны и в культурной сфере. Возникает опасность того, что интернационализация экономики станет угрозой для традиционной культуры. Можно ли сохранить равновесие в условиях извечного противоречия культуры и цивилизации, традиционализма и развития? Несомненно, культурное разнообразие и специфика — колоссальные ресурсы для развития, но далеко не всегда удастся их сохранить, и развитие нередко приводит к утрате

традиций. Причина в значительной степени заключается в том, что экзотика обоюдна. Для общества, прежде закрытого, образ жизни за его пределами так же экзотичен, как и их собственный — для туристов. А учитывая более высокий уровень жизни и большие возможности, он весьма привлекателен. В этом главная причина того, что заимствования имеют преимущественно односторонний характер.

Глобализация делает экзотику и разнообразие ресурсами развития, но одновременно и убивает их. Страна, открывшая границы и вставшая на путь глобализации и модернизации, сталкивается не только с серьезными экологическими проблемами, но и с неизбежностью трансформации собственной культуры. Разнообразие используется как ресурс, и, как любой другой ресурс, истощается. По аналогии с природными ресурсами, разнообразие можно считать исчерпаемым ресурсом. Возобновим ли он? Насколько необратим процесс трансформации традиционной культуры в условиях глобализации? К чему приведет открытость общества? Необходимость и неизбежность реформ (а следовательно — трансформации) не подлежит сомнению. Следует, однако, иметь в виду причины и движущие силы этого процесса. Известны примеры некоторых возвратов. Так, в Республике Казахстан после распада СССР и делимитации российско-казахстанского пространства произошел частичный возврат к традиционному образу жизни, казахскому языку, дисперсному расселению и многим другим национальным особенностям, которые были нивелированы и трансформированы административными методами в период СССР, о чем мы неоднократно писали (например, [1]). Устранение причины трансформации привело к возврату «на круги своя», несмотря на то, что произошла смена поколений в новых условиях.

Изменения, произошедшие под воздействием рыночных механизмов и, казалось бы, необратимые, также могут быть отменены. К примеру, организация в Непале трекинга вокруг Аннапурны привела к формированию вдоль него поселений, обслуживавших туристов. Однако результатом строительства автомобильной дороги в Джомсом стала ликвидация части маршрута, в результате чего люди отселились из этих мест. Но это — лишь частные случаи, полный возврат уже невозможен. Уровень жизни населения растет, но за это общество платит свою цену: результатом развития в условиях глобализации становится совсем другая страна, с иной культурой. Пример территорий, ставших на этот путь развития в разное время, позволяет сделать вывод о том, что эти изменения закономерны.

Модернизация неизбежна, обратного пути нет. Увеличение числа туристов ведет к увеличению и углублению контактов и заимство-

ваний, к интернационализации экономики и к трансформации традиционной культуры. Но, трансформируясь и становясь иной, она так или иначе будет, в совокупности с природными и культурными ландшафтами, отличаться от таковой в других местах, и следовательно, разнообразие можно считать возобновляемым ресурсом.

Литература

1. Герасименко Т.И., Святоха Н.Ю., Филимонова И.Ю. Евразийский перекресток // География, 2013, №7-8 (954). — С. 12–20.
2. Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки: Учеб. Для студентов вузов. — М.: Издательский центр «Академия», 2004.
3. Родоман Б.Б. Непал: экзотика в объятиях глобализации // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. — Вып. 6. — М.: Ин-т наследия, 2010. — С. 154–166.
4. Родоман Б.Б. Местные особенности как ресурс развития стран и регионов // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). — М.: Эслан, 2009. — С. 20–27.

Елманова Д.

ВНУТРЕННЕЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ В СТОЛИЧНОМ ОКРУГЕ БРЮССЕЛЬ¹

Интеграционные процессы формирования единого европейского пространства, в том числе повышение иммиграционной мобильности, приводят, на первый взгляд, к поразительному результату: чем более единой становится Европа, тем «мозаичнее» она делается, то есть проявляется своеобразное единство многообразия. Взаимодействие людей с разным историческим прошлым и отличными друг

¹ Исследование польской диаспоры в Брюсселе было проведено в марте — мае 2009 г. в рамках написания магистерской работы 2 года обучения при поддержке лаборатории Биогеофиль, ВНШГиФН, Лион. Оно включало анкетирование и интервьюирование специалистов в университетах и важнейших польских организациях, а также простых поляков.

от друга социально-культурными особенностями привлекает все большее внимание европейцев.

Вступление новых стран в Европейский союз (ЕС) спровоцировало большой и относительно разнородный поток иностранцев в западноевропейские государства. Его можно разделить на чиновников ЕС, принадлежащих к наиболее богатой социально-экономической категории, и на обслуживающий персонал: домработниц, сантехников, дворников и др.

Наиболее многочисленная группа иностранцев восточно-европейского происхождения в Бельгии — польская. Польша является крупнейшим государством, вступившим в ЕС в 2004 г., превосходящая Бельгию как по численности населения (в 3,5 раза), так и по площади (почти в 10 раз). Польская община является самой большой среди выходцев из стран Восточной Европы, как во всем королевстве, так и в Брюсселе, причем как в настоящее время, так и до расширения ЕС. Истории Польши и Бельгии оказались тесно переплетены с момента создания бельгийского государства, а значит иммиграционные потоки существуют уже почти в течение двух веков.

Современная организационно-пространственная структура² польской иммиграции в Брюсселе является своеобразным слоеным пирогом, составные части которого соответствуют этапам польской иммиграции. Верхние горизонты мы можем наблюдать: это работники органов ЕС и бедные иммигранты 90-х гг. Нижние части скрыты от наших глаз, но они образуют фундамент современных иммиграционных процессов. [4]

Любое значимое событие, происходящее в стране, влечет за собой не только экономические последствия, но и оказывает влияние на изменение миграционной мобильности населения³. Экономический кризис, война, ужесточение политического режима на родине вызывают желание покинуть страну, уехать в поисках лучшей жизни. Однако иммиграционные процессы тяжелы не только для людей, решивших покинуть родную страну, но и для самого государства, которое они покидают. В разных случаях это может сильно ударить как по экономике, так и по социальной сфере жизни страны. Волны польской иммиграции в Бельгию имеют в основном экономические и политические (геополитические) предпосылки. [4]

² Понимается как совокупность институтов и физических лиц, их связи, взаимодействия и взаимоотношения в пространстве на различных иерархических уровнях.

³ Понимается не только миграция населения, но и ее предпосылки, результаты, особенности, последствия.

Поляки, конечно, затрудняются дать ответ о причинах выбора именно бельгийского королевства в качестве постоянной страны проживания. Обычен ответ: «Так получилось». Любопытное объяснение таких предпочтений было высказано в ходе дискуссии за круглым столом. По мнению собравшихся, Бельгия, как и Польша, находится между крупнейшими «империями», сильнейшими европейскими государствами: Францией и Германией и Германией и Россией соответственно. Несмотря на желание сохранить свой нейтралитет, эти лимитрофные государства каждый раз оказывались втянуты в военные конфликты или в процесс раздела сфер влияния в мире. Тем самым, поляки видят своеобразную духовную близость с бельгийцами из-за схожести геополитического положения государств, что роднит сами страны. Это, вероятно, может быть причиной выбора для старшего поколения иммигрантов, тогда как молодежь скорее ценит столичность, выгодное геополитическое положение, динамизм. Именно поэтому современные переселенцы больше тяготеют к Брюсселю и другим крупным городам. [4]

Польские иммигранты в Бельгии

Среди выходцев из новых стран-членов ЕС первое место по всем показателям занимают мигранты из Польши. На 1 января 2007 г. их насчитывалось чуть более 23 тыс. человек или 2,2‰ от всего населения королевства. В 2006 г. они вышли на 10 место среди всех диаспор, обогнав граждан Греции. Для сравнения: в 1990 г. поляки находились на 16 месте, в 1995 г. — на 15, а в 2000 г. — на 14. С 1990 по 2007 гг. количество поляков, проживающих на территории Бельгии, увеличилось в 5 раз. [10]

Существуют значительные региональные различия в расселении польских иммигрантов по территории страны. По данным на 1 января 2007 г. во Фландрии проживало 33,1% от общего числа поляков-иммигрантов, в Валлонии — 12,0%, а в Брюсселе — 54,9%. За последние несколько лет картина распределения иммигрантов по регионам существенно изменилась. Еще 6 лет назад иностранцы польского происхождения составляли примерно одинаковую долю во всех регионах, а 16 лет назад они резко преобладали в Валлонии — 58,6%, за которой шла Фландрия — 24,8%. Это связано в первую очередь со структурной перестройкой во многих отраслях хозяйства Бельгии, с потерей экономической значимости старопромышленной Валлонией и, как следствие, сокращением там рабочих мест, затронувшим не только коренное население, но и иностранцев. Увеличе-

ние же значимости Брюсселя является следствием размещения в нем все большего числа европейских и других международных организаций [10].

Польские иммигранты в Брюсселе

В Столичном округе Брюссель на 1 января 2007 г. насчитывалось 12,7 тыс. поляков, что составляло 1,24% от всего населения. В настоящее время это шестая по численности этническая группа в городе. Для сравнения в 1990 г. поляки занимали 19 место, в 1995 г. — также 19, в 2000 г. — 16, а в 2005 г. — уже 10. За последние два года они обогнали немцев, греков, англичан и турок. Если посмотреть на абсолютные значения, то численность поляков с 1990 г. (всего за 16 лет!) выросла в 16 раз. (рис. 1) [10]

Статистика может сильно расходиться с действительностью. Во-первых, она не учитывает нелегальных иммигрантов, въехавших в страну по туристическим визам и оставшихся работать в Бельгии, каковых не менее 5 тыс. только в Брюсселе⁴, хотя возможность официально трудоустроиться в Бельгии на постоянной основе граждане Польши получили 1 мая 2009 г. Во-вторых, не так много новых поляков действительно приехало в королевство за последние годы. Вероятно, бывшие нелегалы получили новый легальный статус, хотя уже проживали длительное время до того. [4]

Даже на территории Столичного округа Брюссель существуют значительные межкоммунальные различия. Территориальная дифференциация иностранного населения связана с престижностью района проживания и, соответственно, с ценой на жилье. Максимальная доля поляков в населении в 2006 г. была отмечена в коммунах Эттербек (2,85%) и Сен-Жиль (2,18%), а минимальная — в коммуне Ватермаль-Буатфор (0,32%); даже в пределах одного города различия в доле польских иммигрантов значительны (в 9 раз). Если посмотреть на динамику, то межкоммунальные различия также бросаются в глаза: особенно большим ростом выделяются коммуны Одергем и Андерлехт (соответственно в 11,4 раза и 8,3 раза с 2000 по 2006 гг.). [10]

Миграционное сальдо максимальных значений в 2006 г. достигло в коммунах Схарбек (533 человека польского происхождения) и Брюссель (432), а минимальных — в коммунах Ватермаль-Буатфор

⁴ По оценке Джерзи Дрожджа, министра-советника, заместителя руководителя Постоянного представительства Польши при ЕС, руководителя канцелярии, заведующего протоколом.

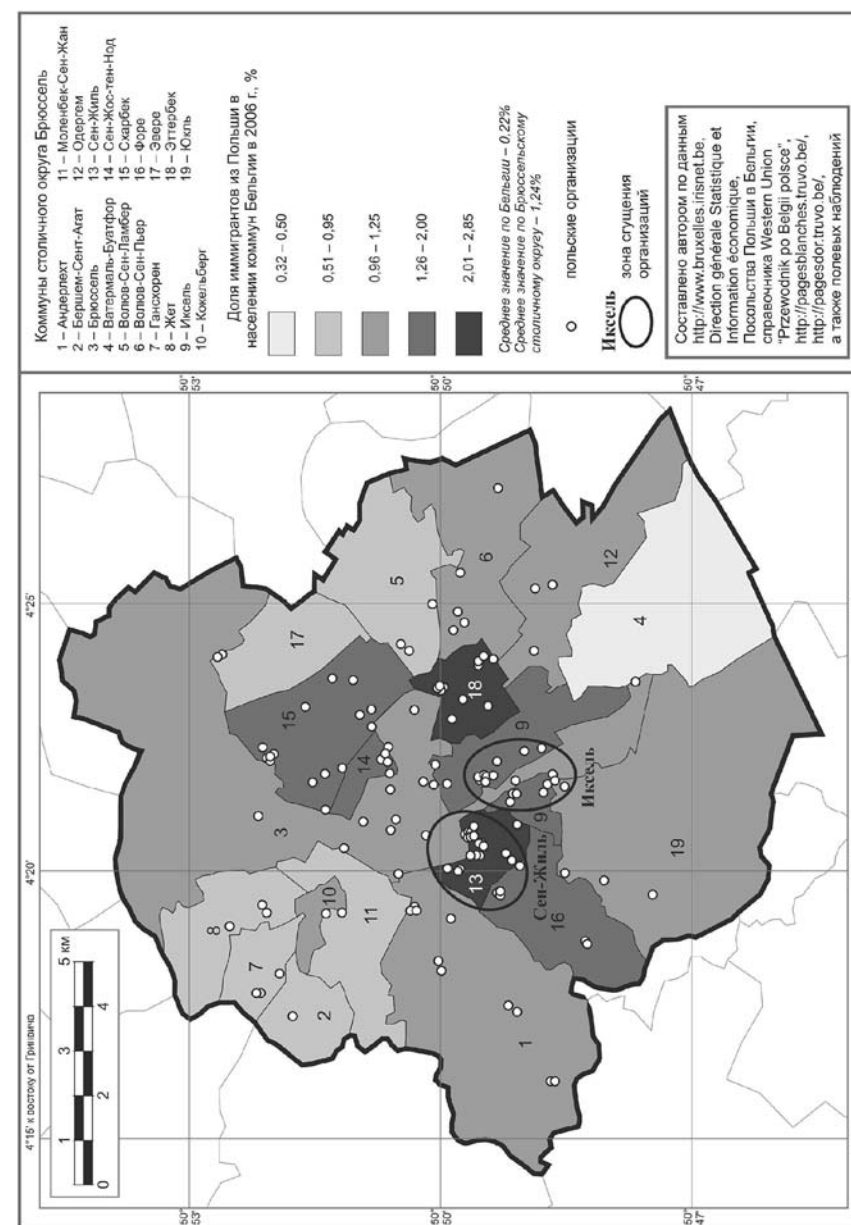

Рис. 1. Доля польских иммигрантов и польские организации в Столичном округе Брюссель.

(13) и Бершем-Сент-Агат (19). За 2006 г. в пределах Столичного округа Брюссель 149 поляков получили бельгийское гражданство, из них 22 в коммуне Иксель и 18 в коммуне Сен-Жиль. [10]

Начавшись после распада социалистического лагеря, эта иммиграционная волна создала основу сегодняшней организационно-пространственной структуры польской диаспоры в Бельгии, и особенно в Брюсселе. Максимальный поток иммигрантов пришелся на начало 1990-х гг., его составили наиболее бедные слои польского населения, искавшие возможность заработка в европейских странах, в том числе в Бельгии. Особенно мощный поток составляли выходцы из Подляского воеводства (административный центр — Белосток), одного из самых бедных районов страны. Иммигранты тогда переезжали целыми деревнями. Для этого периода было характерно большое количество нелегальных иммигрантов, занимавшихся низкоквалифицированным трудом: домработниц, сантехников, строителей. Сильно коррумпированная в тот период бельгийская полиция часто не противодействовала различного рода преступлениям. Молодые женщины-нелегалы так часто становились проститутками, что среди бельгийской молодежи существовало своеобразное «соревнование»: кто больше уложит в постель симпатичных полек. [4]

Безусловно, эта волна была экономической, ради денег люди были готовы на все. Часто их семьи оставались на родине. Большую популярность среди поляков получили «торговцы сном» — люди, сдававшие бедным иммигрантам подвальные и полуподвальные помещения в основном в старых домах: спальня, комнаты, крохотные квартиры. Это было самое дешевое жилье, которое можно было бы найти в Брюсселе; подобные квартиры располагались преимущественно в так называемых «популярных» кварталах, густонаселенных иммигрантами. Людей, живущих там, не смущали и тяжелые бытовые условия (часто один туалет и один душ на этаж). Эти квартиры очень напоминали советские коммуналки, но для поляков девятых они были лишь местом ночлега. Все время иммигранты зарабатывали деньги, чтобы отправить своей семье, оставшейся в Польше. Немногие выдерживали такой режим более трех месяцев. В настоящее время количество поляков, живущих в схожих кварталах, сильно снизилось по сравнению с началом 90-х, основной причиной этого является повышение уровня жизни в Польше, что снимает необходимость заработка в столь непростых условиях. [4]

Типичным польским иммигрантским кварталом, сформировавшимся из переселенцев этого периода, является Сен-Жиль. На его улицах повсюду можно услышать польскую речь. Среди людей волны

иммиграции 90-х не распространено желание учить французский или фламандский, зато ими все делается для детей, приехавших вместе со своими родителями «покорять Европу». Примером является хозяйка одного из польских магазинов, расположенного в квартале Сен-Жиль, которая сама говорит только по-польски, а если ей необходим французский или фламандский, она обращается к своей дочери с просьбой перевести непонятную фразу. Девочка лет 10-ти прекрасно говорит на обоих официальных языках региона, а недавно начала изучать английский. [4]

Последний иммиграционный этап, начавшийся в начале 2000-х гг. и продолжающийся с не меньшей интенсивностью и по сей день — так называемая «евроиммиграция». В основном это чиновники, работающие в различных организациях ЕС. Меньшая часть поляков занимает выборные должности в парламенте, большинство же приехало в бельгийскую столицу по средне- и долгосрочным контрактам. Это довольно молодые люди, амбициозные, имеющие высокую зарплату. Практически никто из этой привилегированной группы лиц не имеет никаких связей с иммигрантами прошлых волн. Они считают себя скорее европейцами, нежели поляками, поэтому часто образуют организации не по национальному признаку, а по общности интересов со своими коллегами из других стран. Представители этой группы иммигрантов концентрируются не только в кварталах, прилегающих к европейским организациям, но и часто за пределами Брюсселя, снимая не квартиру, а частный дом. [4]

Польские организации в Бельгии

К сожалению, информацию об имеющихся на территории страны организациях получить весьма затруднительно. Часто объединения подобного плана даже не зарегистрированы, и об их существовании знает лишь ограниченный круг людей. При попытке создать список организаций, наталкиваешься на абсолютно противоположные, часто противоречивые данные. Наиболее объемный по количеству организаций список существует на сайте посольства Польши в Бельгии, второй — справочник Вестерн Юнион «Przewodnik po Belgii polsce». Отдельные довольно разрозненные данные можно найти в Интернете, в том числе на сайтах «желтых страниц» и <http://maps.google.be/>, но ни один из вышеуказанных источников не дает исчерпывающего описания жизни польских организаций в Бельгии или в Брюсселе. [5, 9, 11, 12]

Выпущенный Вестерн Юнион рекламно-информационный буклет для польских иммигрантов в Бельгии содержит информацию о 104 различных организациях, расположенных на территории королевства, причем 73 из них находятся в Столичном округе Брюссель, 18 — во Фландрии и 13 — в Валлонии. Такая пространственная неравномерность сразу наталкивает на мысль о неполноте предоставленных данных. Безусловно, значимость столицы не подвергается сомнению, но всего 13 организаций в Валлонии, история разработки угольных и железорудных шахт которой связана с вековым присутствием польских иммигрантов, свидетельствует о недостаточной информационной обеспеченности данного справочника. [5]

В целом в Бельгии преобладают организации следующих типов: продуктовые магазины, рестораны, аптеки (42), религиозные учреждения (11) и различные польские фирмы и их представительства (9). Резкое доминирование торговых точек наталкивает на мысль о распространности продакт-плейсмента в данном издании. Среди коммун лидируют Сен-Жиль (16 организаций), Схарбек (9) и Эттербек (8), расположенные в Столичном округе Брюссель. [5]

На сайте посольства Польши в Бельгии (дополнено информацией с сайтов «желтых страниц») представлена преимущественно информация о сообществах, или объединениях, имеющих поддержку со стороны польских официальных кругов. В общей сложности это 206 организаций, 57 из которых находятся в Столичном округе Брюссель, 71 — во Фландрии и 78 — в Валлонии. Такая информационная база, в противоположность предыдущей, обладает недостаточной полнотой относительно Брюсселя, в ней полностью отсутствуют данные о торговых точках, которые играют большую роль в жизни диаспоры. [9, 11, 12]

Среди всех организаций лидирующие места занимают культурные центры (49), союзы, ассоциации, общества, объединения, сообщества (37) и курсы польского языка (34). Культурные центры в основном тяготеют к крупным городам или их пригородам, а два других типа наоборот сильно рассредоточены по небольшим коммунам. Максимальное количество польских организаций сосредоточено в коммунах Льеж (16), Генк (14), Антверпен (11) и Шарлеруа (11). [9, 11, 12]

Польские организации в Брюсселе

По подсчетам автора на начало мая 2009 г. в Столичном округе Брюссель расположены 122 польские организации. Самая многочисленная группа, пользующаяся популярностью среди всей диаспоры столицы, это продуктовые магазины, рестораны, аптеки (48). Второе

и третье место делят культурные центры (13) и различные польские фирмы и их представительства (13). В целом, польские организации довольно рассредоточены по городу, но, тем не менее, можно выделить две зоны сгущения, расположенные немного южнее центральной части бельгийской столицы. (рис 1)

Первая зона «Сен-Жиль» включает в себя 22 организации, находящиеся преимущественно в коммуне Сен-Жиль (19), а также Форе (3). Она многофункциональна, хотя можно выделить небольшое преобладание торговых точек (8), культурных центров (4) и религиозных учреждений (3). Сен-Жиль отличается не только большим скоплением польских организаций как таковых, но и большой долей польских иммигрантов — 2,18% от населения коммуны по сравнению с 1,24% в среднем по Брюсселю. Среди бельгийцев преобладает мнение, что именно этот квартал является «польским».

Вторая зона «Иксель» насчитывает 17 организаций, из которых 16 находятся в коммуне Иксель и одна — в Юкль. «Иксель» обладает еще большим разнообразием с точки зрения представленных здесь типов организаций. Лидирующая позиция остается за магазинами, аптеками и ресторанами (5), второе и третье места занимают курсы польского языка (3) и культурные центры (3). Квартал играл очень большую роль в прошлом. Здесь примерно 50 лет назад располагалось польское посольство (угловой дом на пересечении улиц Ливум и Флоранс). Неподалеку от него находится так называемый «польский дом». Вплоть до сегодняшнего дня, если послать письмо в Брюссель и указать вместо обычного адреса «польский дом», то письмо дойдет именно сюда, на улицу Дефакз 42.

Каждому историческому этапу польской иммиграции соответствовали свои организации. Обычно переселенцы различных волн мало пересекались, предпочитали общаться между собой, что связано как с различным социальным и культурным статусом людей, так и с территориальной дифференциацией их проживания. В настоящее время сам смысл организаций практически сошел на нет. Если раньше они нужны были для поддержки людей, оказавшихся в одиночестве в чужой стране, то теперь иммигранты не испытывают недостатка общения со своими близкими, родственниками: он ликвидирован наличием телефона и Интернета. Для сравнения, чтобы в 1970-х гг. позвонить в Польшу, нужно было заказывать за несколько дней телефонный разговор, а потом в назначенный срок сидеть и ждать звонка. Сейчас все иначе: у работающих людей всегда есть возможность купить билет в Польшу и навестить своих друзей на исторической родине. Важную роль также играют личные контакты между иммигрантами.

рантами. Помимо этого, представители польской диаспоры в течение последних двух десятилетий стремятся в крупные города, где есть возможность раствориться в урбанистической среде и не вступать в различные национальные организации. [4]

Заключение

Изучение организационно-пространственной структуры и миграционной мобильности иностранцев польского происхождения в Столичном округе Брюссель после вступления Польши в ЕС позволяет сделать следующие выводы:

1. Современная организационно-пространственная структура польской иммиграции в Брюсселе является своеобразным сложным пирогом, составные части которого — это результат разных этапов польской иммиграции.
2. Такая структура польской диаспоры в Брюсселе базируется на иммигрантах 1990-х гг., проживающих в основном в коммунах Сен-Жиль и Юкль, и дополняется «евроиммигрантами» (восточные районы города) и старыми иммигрантами, разбросанными по всей бельгийской столице.
3. После вступления Польши в ЕС произошли глубокие изменения в различных аспектах жизни поляков не только внутри страны, но и для иммигрантов, проживающих в Бельгии.
4. Структура польской иммиграции в связи с вхождением Польши в ЕС практически не изменилась. Поток иммигрантов незначительно возрос, его структура несколько диверсифицировалась.
5. Увеличилась миграционная мобильность поляков: в первую очередь в связи с устранением юридических преград и уменьшением цен на различные виды транспорта.
6. «Евроиммигранты» сторонятся уже существующего в Брюсселе и Бельгии польского сообщества, не принимают активного участия в деятельности неформальных организаций, созданных предыдущими поколениями поляков, предпочитая общаться с «еврочиновниками» из других стран.
7. Панъевропейская идентичность «еврочиновников» сильнее национальной, они концентрируются не только в кварталах, прилегающих к европейским организациям, но часто и за пределами Брюсселя, снимая / покупая не квартиру, а частный дом.
8. Новый поток «евроиммигрантов» не спровоцировал создание новых рабочих мест для людей, работающих в сфере услуг: домработниц, врачей, адвокатов и т.д.

Литература

1. Елманова Д.С. Брюссель иммиграционный // Территориальная структура хозяйства и общества зарубежного мира: Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. — Москва–Смоленск, 2009.
2. Елманова Д.С. Узловые проблемы географии населения современной Бельгии // Кандидатская диссертация. — Москва, 2010 (на правах рукописи).
3. Delwit Pascal, Rea Andrea, Swyngedouw Marc (dir.) Bruxelles ville ouverte : immigration et diversité culturelle au coeur de l'Europe, Paris: L'Harmattan, 2007.
4. Elmanova D. La structure spatio-organisationnelle et la mobilité migratoire des étrangers d'origine polonaise dans la Région de Bruxelles-Capitale (après l'entrée de la Pologne dans l'Union européenne) // Memoir de master 2. — Lyon, 2009. (на правах рукописи).
5. Guide Western Union "Przewodnik po Belgii polsce" (au 12.03.09).
6. Kuzma Elzbieta. Les Immigres Polonais a Bruxelles. Analyse et Description du Phenomene, Bruxelles : ULB, 2003.
7. Kuzma Elzbieta. La communauté? "transnationale" polonaise de Bruxelles // Le Village Mondial, n° 24, novembre, decembre, janvier 2006/7.
8. Morelli Anne (dir.). Histoire des Etrangers et de l'immigration en Belgique de la prehistoire a nos Jours, Bruxelles: Couleur livres, a.s.b.l., 2004.
9. сайт Посольства Республики Польши в Бельгии <http://www.bruk-sela.polemb.net> (на 01.03.09).
10. сайт Генерального управления статистики и экономической информации <http://www.statbel.fgov.be> (на 01.03.09).
11. сайт «Желтые страницы» <http://pagesblanches.truvo.be/> (на 01.03.09).
12. сайт «Желтые страницы» <http://pagesdor.truvo.be/> (на 01.03.09)
13. сайт Столичного округа Брюссель <http://www.bruxelles.irisnet.be> (на 28.08.09).

Глава 3. РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Макар С.В.

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ: ПОСТРОЕНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДЕКСА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЛЯ РЕГИОНОВ-СУБЪЕКТОВ РФ

Опираясь на идею исследования территориального разнообразия как фактора развития территориальной макроединицы, следует подчеркнуть, что в принципе развитие территорий является функцией, аргументами которой выступает *совокупность* факторов и условий. Среди них *лесной потенциал*, развитие которого представляется важным атрибутом развития регионов России. Лесной потенциал территории может выступать как фактором, так и условием развития экономики региона-субъекта РФ. Это очевидно из того, что лес представляет собой важное наполнение природного российского пространства, он составляет значимую часть природного капитала территории. Лесное пространство играет существенную роль в жизнедеятельности населения всех регионов страны как условие сохранения качества среды их обитания на конкретной территории. В большинстве регионов РФ (речь идет о многолесных лесопромышленных регионах, где лесистость превышает 40%) лес выступает именно как фактор развития экономики данных территорий.

С другой стороны, сам процесс развития лесного потенциала территории является результатом взаимодействия разнообразных факторов и условий, выступающих предпосылками его дальнейшего развития. Вместе с накоплением информации о негативных последствиях традиционного лесопользования и, одновременно, углублением научных знаний о лесе, его системообразующих свойствах, а так-

же пространственным эффекте от реализации и развития лесного потенциала, происходит систематизация предпосылок для его устойчивого развития.

Местоположение, масштабы и особенности лесов России предопределяют неизбежность их вовлечения в новый этап развития лесного потенциала страны — устойчивого лесопользования и лесопользования. Необходимо отметить, что природные особенности большей части лесов России не позволяют достичь желаемой эффективности лесного хозяйства. В теоретическом плане лесное хозяйство в целом, и российское в частности, до настоящего времени не предложило адекватного ответа на требование экономического развития — заменить приоритет потребительского пользования лесом приоритетом ответственного управления лесом, при котором экологические и социальные составляющие взаимодействия человека с лесными экосистемами будут доминировать над экономическими приоритетами.

Для страны в целом, несомненно, актуальна задача перехода к новой парадигме и созданию такой лесной политики, которая бы адекватно учитывала экологические и социальные аспекты управления лесами, а также возрастающую роль лесного сектора в устойчивом региональном развитии, глобализации лесной торговли и реализации компенсационного экономического механизма в процессе поглощения лесами атмосферного углерода. Для этого следует расширить и углубить знания и нормативно-информационную базу ведения лесного хозяйства, а также привести в соответствие долгосрочные потребности общества в лесной продукции, товарах и услугах, с возможностью вторжения в лесные экосистемы с целью изъятия части лесных ресурсов.

С профессиональной точки зрения устойчивое управление лесным хозяйством находит свое практическое выражение в системе критериев и индикаторов. «Критерии и индикаторы устойчивого управления лесами Российской Федерации»¹ созданы в качестве рамочных условий оценки продвижения страны к устойчивому управлению лесами. Они представляют совокупность основных направлений деятельности государственных органов по сохранению и устойчивому развитию не только собственно лесного потенциала, но и долгосрочному комплексному социо-эколого-экономическому развитию территорий. Кроме того, они служат для расширительного толкова-

¹ утверждены приказом Федеральной службы лесного хозяйства России от 5 февраля 1996 года №21.

ния отечественного принципа непрерывного неистощительного пользования лесом, воспроизводства, охраны и защиты лесов и соответствуют смене парадигмы использования лесов парадигмой устойчивого управления лесами в рамках лесных экосистем. Следование лесной политике страны и регионов устойчивому управлению лесами может контролироваться по совокупности критериев устойчивого управления. Последовательное отслеживание изменений с течением времени на основе совокупности индикаторов — *индексов устойчивого развития* является одним из инструментов контроля управления лесами, как на уровне страны в целом, так и на уровне региона-субъекта Федерации или группы субъектов.

Реформы модели государственного управления лесами, проведенные в 1990-е годы, привели к значительному ослаблению структур лесного хозяйства, особенно на федеральном уровне, что стало одной из главных предпосылок передачи хозяйственных функций на региональный уровень. Однако за годы реформ в России значительно трансформировались национальные приоритеты управления лесным сектором на федеральном уровне. Проблемы развития лесного хозяйства и лесопромышленного комплекса четырежды рассматривались Госсоветом РФ с 2000 г.² Сегодняшние акценты в отношении лесного потенциала направлены на структурное реформирование лесоперерабатывающего сектора экономики с расширением производств по глубокой переработке древесины, стимулирование внутреннего спроса на лесобумажную продукцию, а также повышение его конкурентоспособности через рост производительности труда, инновационное развитие и формирование прозрачной конкурентной среды.

Пространством реализации и развития национального лесного потенциала выступают регионы России—субъекты и группы субъектов РФ. Согласно действующему Лесному кодексу с 2007 г. развитие регионального лесного потенциала интегрировано в пространство регионального хозяйства, а стратегическое планирование развития лесного потенциала региона отражается в региональных стратегиях, где пока доминирует традиционный акцент. В частности, не оцениваются возможности выполнения лесами защитных, санитарно-гигиенических и оздоровительных функций. В разделах региональных стратегий, посвященных расширению производственной инфраструктуры, не определены планы строительства лесных дорог, развития

² В последний раз заседание президиума Госсовета по проблемам лесного комплекса состоялось в апреле 2013 г. (Улан-Удэ) — «О повышении эффективности лесного комплекса РФ».

энергосистемы для освоения лесных ресурсов региона; не всегда представлены перспективы лесохозяйственных работ в системе сельского хозяйства, хотя эта взаимосвязь весьма очевидна. В разделе «Механизмы реализации стратегии» не показан механизм реализации потенциала лесного комплекса, не раскрыты формы и масштабы государственной поддержки приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов³.

Предпосылкой к устойчивому развитию регионального лесного потенциала стал рейтинг (2010 г.) регионов-субъектов РФ по качеству государственного управления лесами. Он стал первой независимой оценкой государственного лесопромышленного управления лесами с экономических, экологических и социальных позиций. Основная проблема, которую вскрыл рейтинг, — ненадежность статистических данных о лесах, отсутствие доступной обществу информации, которая позволила бы судить об устойчивости управления ими. Обеспечение устойчивости лесопромышленного управления лишь *частично* учитывается официальными целевыми прогнозными показателями и ведомственной статистикой.

Процесс разработки индексов устойчивости в России развивается⁶, но масштабы и темпы этого процесса недостаточны. По мере развития страны опыт диверсифицированных оценок устойчивого развития становится все более востребованным. Методология измерения устойчивости развития регионов только формируется. Это связано не только с переосмыслением базовых принципов измерения развития, но и с информационными ограничениями. Особенно велики трудности построения интегральных индексов, так как ни один из частных индексов нельзя назвать «беспроблемным».

³ Макаров С.В. Развитие регионального лесного потенциала в координатах государственного стратегического планирования // Региональная экономика: теория и практика. 2010. №38 (173). С. 33–41.

⁴ Эту работу ведет WWF в рамках программы «Совершенствование правоприменения и управления в лесном секторе (ФЛЕГ) в восточных странах Европейской политики добрососедства и в России» и проекта «Сотрудничество WWF и IKEA в области осуществления лесных проектов. Партнерство для содействия развитию ответственного лесопользования. Россия».

⁵ Оценку эффективности выполнения переданных регионам полномочий осуществляет Рослесхоз.

⁶ В соответствии с решениями Всемирного саммита ООН в Йоханнесбурге по устойчивому развитию (2002 г.) с 2005 г. все государства мира должны принять и реализовать собственные стратегии устойчивого развития.

Построение системы индексов устойчивого развития лесного потенциала России связано с решением ряда специфических задач. Известно, что в лесном секторе Российской Федерации основные проблемы текущего периода относятся не к запасам, а к их использованию. В связи с этим перенос секторальных индексов, характерных для большинства стран мира, имеющих ограниченные лесные ресурсы, оказывается неадекватным, требуется обоснование базовых индексов, отражающих проблемы развития российского лесного потенциала. Примером системы индексов, рекомендуемых мировым сообществом на соответствие принципам устойчивого управления лесами, является система показателей, подготовленная Рослесхозом⁷.

Авторское толкование *лесного потенциала* как максимальной возможности выполнения лесами (лесными пространствами) социально-экономической и социоприродной функций предполагает помимо построения индексов, связанных с устойчивым развитием лесного хозяйства, построение индексов, связанных с ЛПК, а также учет воздействия социально-экономического положения региона на уровень устойчивости⁸.

В рамках настоящего исследования внимание было сосредоточено на экономических, экологических и социальных показателях. Методика построения интегрального индекса устойчивого развития лесного потенциала основана на выборе важнейших приоритетов, отражающих наиболее острые проблемы современного лесного сектора России; ограниченном числе показателей, способных измерить эти проблемы; простой процедуре интегрирования и возможности оценивать устойчивость развития. Она разработана с учетом основных принципов построения интегральных оценок, хотя по каждому из них есть определенные компромиссы, неизбежные в силу ограниченных возможностей российской статистической базы.

Индексы были построены таким образом, чтобы дать количественную характеристику выделенных проблем, опираясь на базу данных государственной российской статистики. Использованный подход содержит достаточно «сжатую» систему ключевых/базовых индексов. Предложен ряд приоритетных базовых индексов и их модификаций, построенных по структуре «проблемы–индексы». Ключевые/базовые индексы подобраны таким образом, чтобы отразить специфику российского лесного сектора, в том числе особенности

⁷ Приказ Рослесхоза от 05.02.98 N 21 «Об утверждении критериев и индикаторов устойчивого управления лесами Российской Федерации».

⁸ Макаров С.В. Инновационный вектор развития лесного потенциала России// Экономический анализ: теория и практика. 2010. №10 (75). С. 8–16.

современного периода развития. В связи с этим следует отметить, что перечень индексов не может быть застывшей системой и должен корректироваться при изменении тенденций и проблем.

Методика построения интегрального индекса устойчивого развития лесного потенциала по регионам России основывается, по мнению автора, на взаимосвязанной оценке двух основных составляющих устойчивости, которые можно представить в координатах: потенциал («возможности») — риск («угрозы»)⁹. В соответствии с выше-названной логикой формировались совокупности частных индексов:

- 1) характеризующих «возможности» устойчивого развития лесного потенциала;
- 2) выявляющих «угрозы» реализации устойчивого развития лесного потенциала.

Первые представляются как «возможности», способствующие устойчивости, вторые, — напротив, выступают как «угрозы», провоцирующие рост неустойчивости, для них характерна оценка «чем больше, тем хуже». При этом нужно учитывать, что формирование частных индексов проводилось не в прямой зависимости от тех функций, которые идентифицируют конкретные индексы, хотя такая предопределенность совсем не исключается (например, индекс развития лесопромышленного комплекса, прежде всего, определяет социально-экономическую функцию). Как правило, частные индексы имеют комплексный характер, выполняя взаимосвязанные функции. При этом некоторые частные индексы (индекс транспортной насыщенности-дефицитности) объединяют в себе основные функции, характеризующие устойчивость развития лесного потенциала. Зачастую частному индексу, характеризующему «возможности» устойчивого развития соответствует частный индекс «угроз» этого развития.

В общем случае нормирование частных индексов производится путем нахождения отклонения от среднероссийского показателя (проводится стандартизация показателей путем отнесения значения каждого частного показателя по данному региону к среднему значению этого показателя по РФ в целом). Общий показатель «возможностей» (или «угроз») рассчитывается как среднеарифметическое значение суммы частных индексов «возможностей» (или «угроз»). Сводный индекс суммирует значения частных индексов таким образом, чтобы учесть вклад каждого с позиции устойчивости. Формально все частные индексы получают равный вес при расчете интегрального

⁹ корреспондирует с методикой оценки инвестиционной привлекательности регионов России, разработанная рейтинговым агентством «Эксперт РА».

индекса, поскольку отсутствуют общепризнанные приоритеты в ранжировании экономических, социальных и экологических проблем. При этом чтобы в максимальной степени уйти от субъективного подхода, не проводится взвешивание каждой составляющей ввиду отсутствия репрезентативного количества экспертных оценок. Поэтому значения всех частных индексов учитываются с одинаковым весом, исходя из равной значимости всех выделенных факторов.

Индекс «возможностей» (I_B) объединил 6 частных индексов, характеризующих потенциал устойчивого развития¹⁰: индекс здоровья (жизнестойкости) населения, индекс производства ВРП, индекс лесообеспеченности территории, индекс обеспеченности защищенными территориями, индекс интенсивности лесопользования, индекс развития лесопромышленного комплекса.

Индекс «угроз» интегрировал 6 частных индексов, формирующих риски устойчивого развития лесного потенциала¹¹: индекс демографической нагрузки на земли лесного фонда, индекс «загрязненности» ВРП региона, индекс лесоемкости продукции ЛПК, индекс вырубки лесов (душевой), индекс пожароопасности, индекс транспортной насыщенности (дефицитности) лесного фонда.

Общий индекс «возможностей» («угроз») рассчитывается как среднеарифметическое значение суммы частных индексов «возможностей» («угроз»). В результате каждый регион характеризуется количественной оценкой: насколько велики «возможности» его лесного потенциала как объекта устойчивого развития (рис. 1) и до какой степени велики «угрозы» для устойчивого развития лесного потенциала данного региона (рис. 2) по сравнению со среднероссийским. Результирующий итог представлен как некий итог взаимодействия позитивных и негативных процессов (рис. 3).

Итоги расчетов уровня устойчивости по всем регионам РФ представлены графически в виде поля точек на координатной плоскости, где горизонтальная ось характеризует «возможности» (среднее арифметическое частных «позитивных» индексов) устойчивого развития, а вертикальная — «угрозы» (среднее арифметическое частных «негативных» индексов)¹². Завершающим этапом является построе-

¹⁰ Макаре С.В. Применение методологии пространственного анализа к исследованию лесного потенциала России. Монография. — М.: Экономика, 2012. — С. 310–311.

¹¹ Там же. С. 311–312.

¹² Макаре С.В. Применение методологии пространственного анализа к исследованию лесного потенциала России. Монография. — М.: Экономика, 2012. — С. 313.

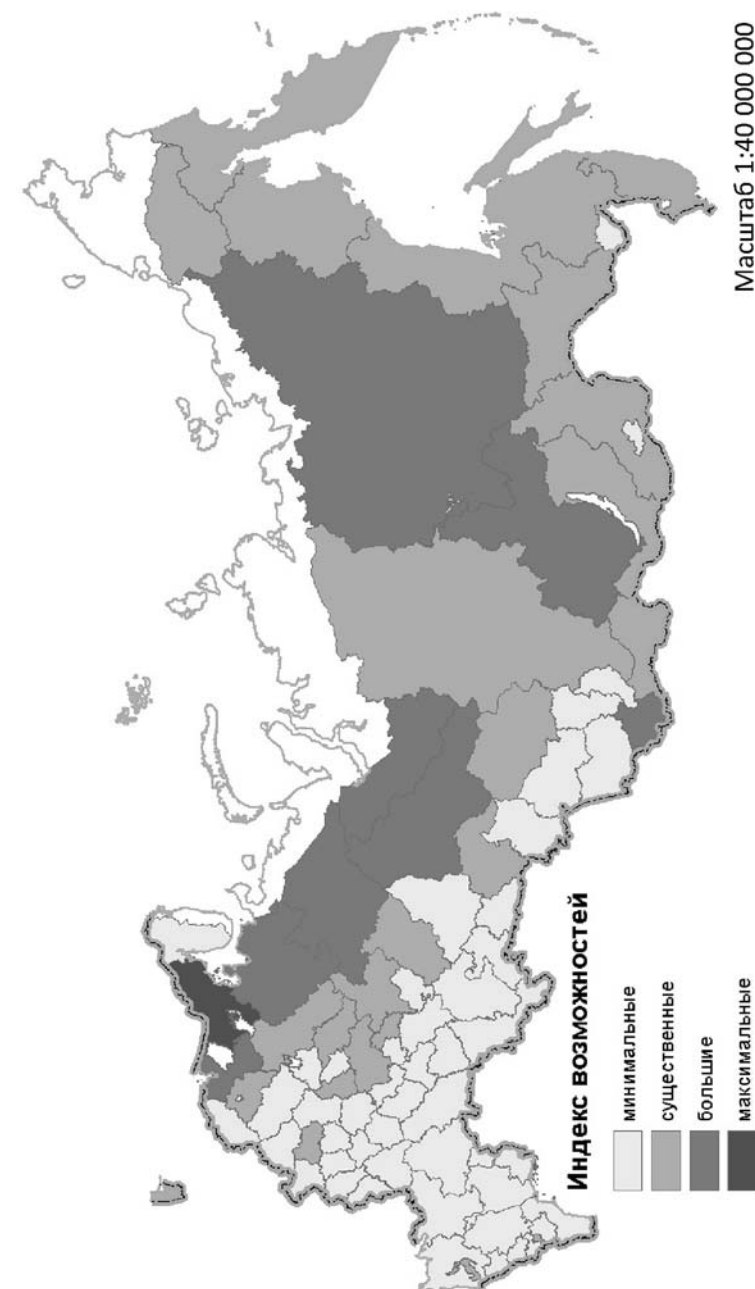

Рис. 1. Индекс возможностей устойчивого развития лесного потенциала регионов России.
Источник: составлено автором по данным Росстата.

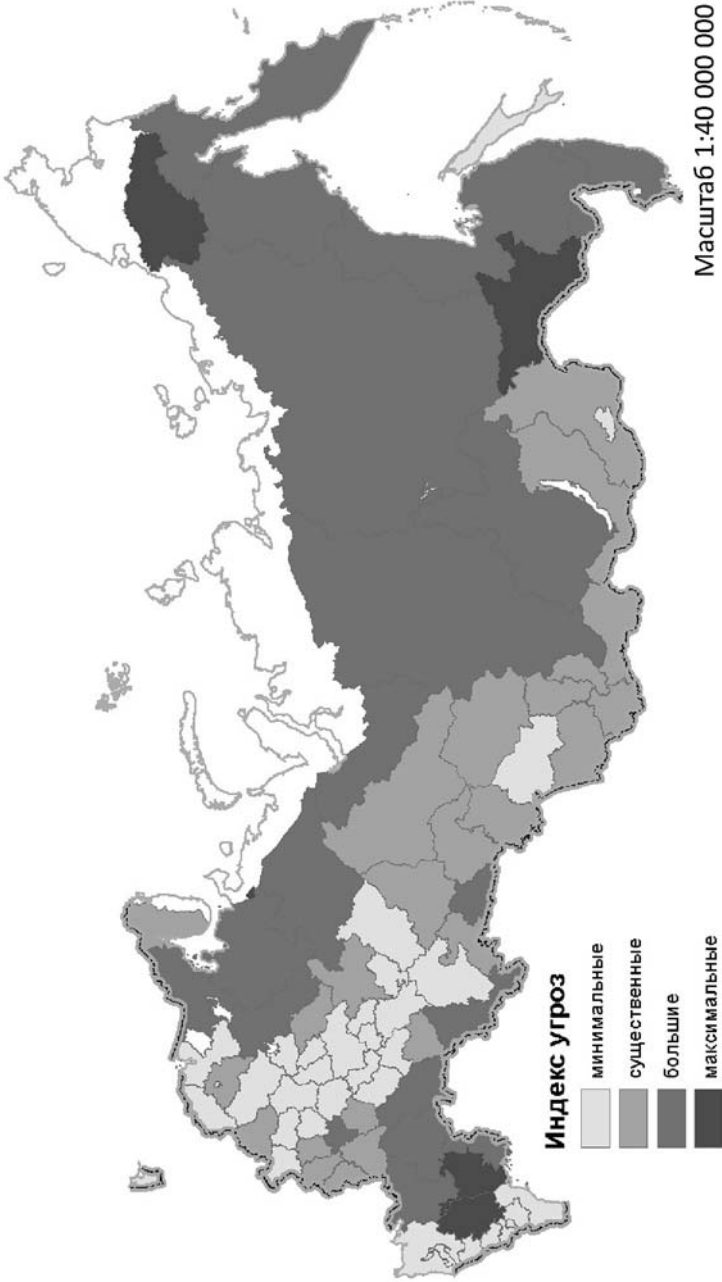

Рис. 2. Индекс «угроз» устойчивого развития лесного потенциала регионов России.
Источник: составлено автором по данным Росстата.

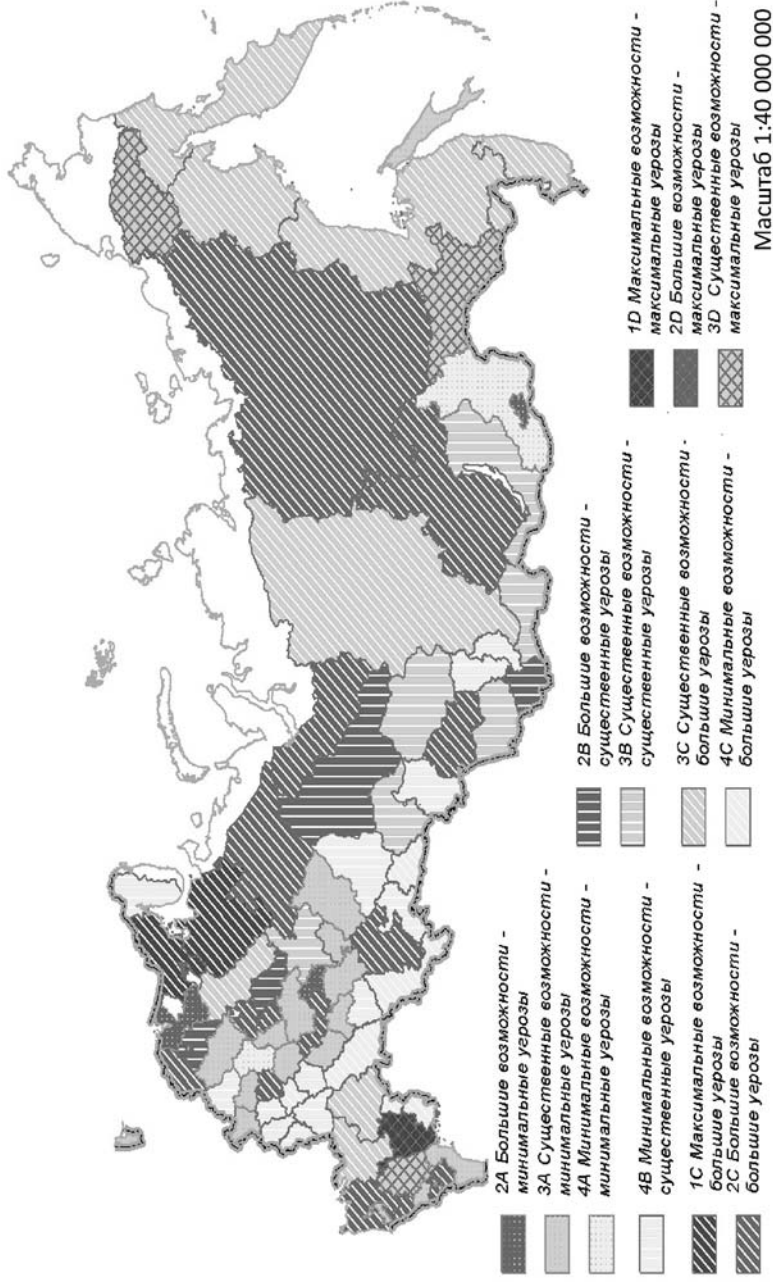

Рис. 3. Интегральный индекс устойчивого развития лесного потенциала регионов России.
Источник: составлено автором по данным Росстата.

ние матрицы регионов по средним значениям «возможностей» и «угроз» устойчивого развития лесного потенциала¹³, что, в значительной мере, обеспечивает интерпретацию и практическое применение методики.

Отметим некоторые результаты анализа интегрального индекса устойчивого развития лесного потенциала (УР ЛП) в системе координат «возможности — угрозы». Прежде всего, необходимо отметить абсолютное отсутствие регионов с максимальными показателями «возможностей» и минимальными показателями «угроз». Одновременно не оказалось регионов в группе с максимальными показателями «возможностей» и максимальными показателями «угроз».

Наиболее благоприятные показатели интегрального индекса УР ЛП характерны для группы 2А («большие возможности — минимальные угрозы»), куда вошла Ленинградская область. Такая ситуация в данном субъекте РФ сложилась за счет максимальных показателей частных индексов «возможностей» (развития ЛПК, интенсивности лесопользования), а также минимальных значений частных индексов «угроз» (транспортной насыщенности и пожароопасности), за счет которых сформировался столь высокий интегральный индекс УР ЛП.

В наиболее многочисленную группу 4А («минимальные возможности — минимальные угрозы») входит 21 регион, что является показательным в плане достижения устойчивого развития лесного потенциала страны. В эту группу вошла значительная часть регионов Центральной России, Северного Кавказа, а также Поволжья. Для регионов Центра и Поволжья характерны низкие значения частных индексов «возможностей» лесобеспеченности, производства ВРП, жизнестойкости (за исключением республик Поволжья), при довольно высоком значении индекса интенсивности лесопользования.

Низкие показатели интегрального индекса УР ЛП отмечаются в безлесных (малолесных) регионах. Так, в группу 4С («минимальные возможности — большие угрозы») вошли Волгоградская, Саратовская, Оренбургская, Астраханская, Липецкая, Курганская, Ростовская области, а также многолесная Еврейская автономная область. Неожиданным является нахождение многолесных Амурской области и Еврейской автономной области в группах с минимальными показателями интегрального индекса УР ЛП. Очень низкое значение частного индекса «возможностей» — развития ЛПК в условиях хорошей лесобеспеченности является причиной максимальных показателей частных индексов «угроз» (вырубки лесов, лесоемкости продукции ЛПК),

что происходит на фоне экстремально высоких значений индекса пожароопасности.

В целом предложенные индикаторы-индексы оказались информативными и применимыми для интегральной оценки устойчивости, хотя определенные проблемы (достоверности, технических возможностей расчета, своевременного получения данных) все же сохраняются.

Результаты, полученные на основе методики построения интегрального индекса устойчивого развития лесного потенциала регионов России, позволили сделать ряд выводов:

1. Расчет интегрального индекса и построение матрицы сбалансировано включает в себя экономические, социальные и экологические индикаторы, что позволяет использовать его не только для управленческих решений в лесной сфере, но и в целом для оценки социо-эколого-экономической устойчивости. Этот индекс также обладает хорошей статистической базой данных и может регулярно обновляться.
2. Результаты, основанные на одномоментном наблюдении, демонстрируют значимость сводного индекса. Одновременно они свидетельствуют о том, что регулярное использование существующей статистической базы позволяет проследить динамику и прогнозировать дальнейшее развитие.
3. Дальнейшее совершенствование сводного индекса (матрицы) возможно как путем уточнения перечня включаемых в него экономических, социальных и экологических индексов, так и введения веса отдельных показателей в зависимости от изменения их значимости в условиях проводимой политики.
4. Важной целью является отражение тех аспектов экономики, которые лежат вне монетарного обращения. Суровое и примитивное правило рыночной экономики «то благо (услуга), которое не имеет цены/оценки, не существует в экономической реальности» искажает показатели, на которых базируется процесс принятия решений. Поэтому широкое использование натуральных показателей с дальнейшей стандартизацией (отнесение значения каждого частного показателя по субъекту Федерации к среднему значению этого показателя по РФ в целом) при построении индексов позволяет отобразить все аспекты.
5. Одна из проблем, которая чаще всего остается вне поля зрения, характерная для России несбалансированность развития отдельных компонент. Диагностика частных индексов устойчивости развития позволяет выявить «слабое звено» и сконцентриро-

¹³ Там же. — С. 314–315.

вать ресурсы для решения первоочередных задач, а не просто выравнивания.

Существует проблема применимости интегральных индексов, способных измерять устойчивость развития. Она коренится, прежде всего, в противоречивости с одной стороны, экономических, а с другой, социальных и экологических тенденций развития, что делает многие интегральные оценки трудноинтерпретируемыми. С учетом этих проблем необходимо совершенствование методического аппарата мониторинга и интегральных оценок устойчивого развития. Следует отметить исключительное значение пространственных исследований для превращения системы индексов устойчивого развития в мощный инструмент управления, корректировки управленческих решений, оптимизации отдачи от ресурсов (природных, финансовых) и понимания факторов, определяющих динамику процессов устойчивости.

Аверкиева К.В.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗНООБРАЗИЯ «ТЮРЕМНОЙ» ЭКОНОМИКИ

Деятельность системы исправительных учреждений России охватывает огромные территории, имеет свои особенности территориального размещения и яркую региональную специфику. Однако в силу закрытости пенитенциарной системы и её близости к сферам государственной безопасности географы редко проводили исследования по данной тематике даже после снятия запрета на работу с архивами НКВД, несмотря на её «географичность». Небольшое количество современных исследований географии и экономики ФСИН связано как с отсутствием информации, так и с настороженным отношением научного сообщества к тонкому вопросу организации государственных институтов.

Источниками информации для исследования послужили данные с сайта ФСИН и её региональных управлений, а также аналитические материалы, сайты отдельных исправительных учреждений, материалы форумов родственников заключённых. Не менее важным источни-

ком послужили экспертные беседы с представителями правозащитных организаций и рядом исследователей, которые принимали участие в цикле открытых семинаров Сахаровского центра по тюремной экономике [9].

Целью данного исследования является выявление влияния зависимости между местоположением учреждений ФСИН и их производственной специализацией. При проведении исследований не рассматривалась этическая сторона трудового использования заключённых, так как изменить сложившееся положение вещей географическая наука не в силах. При сложившихся условиях для организации производственной деятельности ФСИН необходим поиск сфер деятельности, приносящих заключённым стабильный доход и позволяющих приобретать квалификацию, востребованную после освобождения.

Современная территориальная организация исправительных учреждений ФСИН России

По абсолютному показателю количества заключённых (по состоянию на 2012 г. заключение отбывают 680 тыс. чел) Россия занимает третье место в мире, уступая только США и Китаю. По относительным показателям (количество заключённых на 100 тыс. жителей) Россия находится на 5-м месте. В России на 100 тыс. жителей приходится около 500 заключённых, что сопоставимо с показателями Руанды, Кубы, Грузии и Белоруссии. Примечательно, что среди 15 стран с наибольшей удельной численностью заключённых 6 — это страны бывшего СССР (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Грузия и Азербайджан).

Учреждения пенитенциарной системы имеются в 81 из 83 субъектов РФ. Исключения составляют Ненецкий АО и Чукотский АО. Количество учреждений и их набор отчасти коррелируют с численностью населения региона, отчасти — со сложившейся системой исправительных учреждений, сохранившихся с советского периода.

В данном исследовании основное внимание уделяется исправительным колониям и колониям-поселениям, где сосредоточено основное производство. На сегодняшний день система насчитывает порядка 800 исправительных, воспитательных, лечебных колоний, а также колоний-поселений. По количеству учреждений лидируют регионы ресурсного (в первую очередь, лесного) освоения — Красноярский и Пермский края, Республика Коми, Свердловская область, где на каждый регион приходится по 30–50 учреждений. Аналогичный

Таблица 1.
Количество учреждений ФСИН и количество мест в учреждениях ФСИН по регионам России
(топ-20)

	Регион	количество учреждений	Регион	кол-во мест в учреждениях
1	Красноярский край	49	Свердловская область	42025
2	Пермский край	47	Пермский край	34441
3	Свердловская область	43	Красноярский край	31671
4	Коми республика	30	Кемеровская область	27483
5	Кемеровская область	28	Нижегородская область	23645
6	Иркутская область	28	Челябинская область	21367
7	Архангельская область	27	Иркутская область	20730
8	Кировская область	27	Новосибирская область	20455
9	Приморский край	26	Коми республика	20440
10	Нижегородская область	22	Ростовская область	18500

Источник данных: региональные управления ФСИН РФ

состав «лидеров» и по количеству мест (по сути — по количеству заключённых), из них выпадает лишь Коми, где большое количество исправительных колоний «смягчается» их небольшими размерами; вместо Коми в число первых 5 регионов попадает Нижегородская область, где лесозаготовительные учреждения крупнее и насчитывают до нескольких тысяч заключённых в каждом.

Регионы с наибольшей удельной численностью заключённых сосредоточены на Европейском Севере, где при большом количестве мест лишения свободы невелика численность населения (при устойчиво негативной её динамике) — Мурманская, Архангельская, Кировская области, Республика Коми, Пермский край; а также в регионах Сибири и Дальнего Востока — Красноярский и Камчатский края. Отдельного рассмотрения требует «признанный» лидер — республика Мордовия, где помимо большого числа лагерей и заключённых ещё и отмечается их высокая территориальная концентрация — все учреждения сосредоточены в пределах одного (Зубово-Полянского) муниципального района.

Если рассматривать размещение учреждений в системе городских и сельских поселений, то оно довольно близко повторяет распределение населения по населённым пунктам различных категорий людности.

Доля заключённых, находящихся в сельских колониях, соответствует доле сельских жителей в среднем по стране. Сходная на первый взгляд картина обманчива: основное количество сельских исправительных учреждений расположено в регионах с минимальным количеством сельского населения — на севере Европейской части России и в ряде регионов Восточной Сибири. Большая часть сельских колоний приходится на Свердловскую и Архангельскую области, Пермский край, Республику Коми.

Распределение городских колоний по городам различной людности во многом повторяет распределение в целом по России. Основные различия состоят в доле спецконтингента в крупных городах. Как правило, в таких городах размещаются СИЗО, которые в выборку не попали. Более высокий процент заключённых приходится на средние города и города-стотысячники с мощным промышленным комплексом (как правило, индустриальные объекты были построены при участии заключённых, и колонии сохранились с того времени как смежники производств или как поставщики рабочей силы на контрагентских началах). В малых городах, где редко размещаются крупные индустриальные объекты, редко бывают крупные исправительные учреждения.

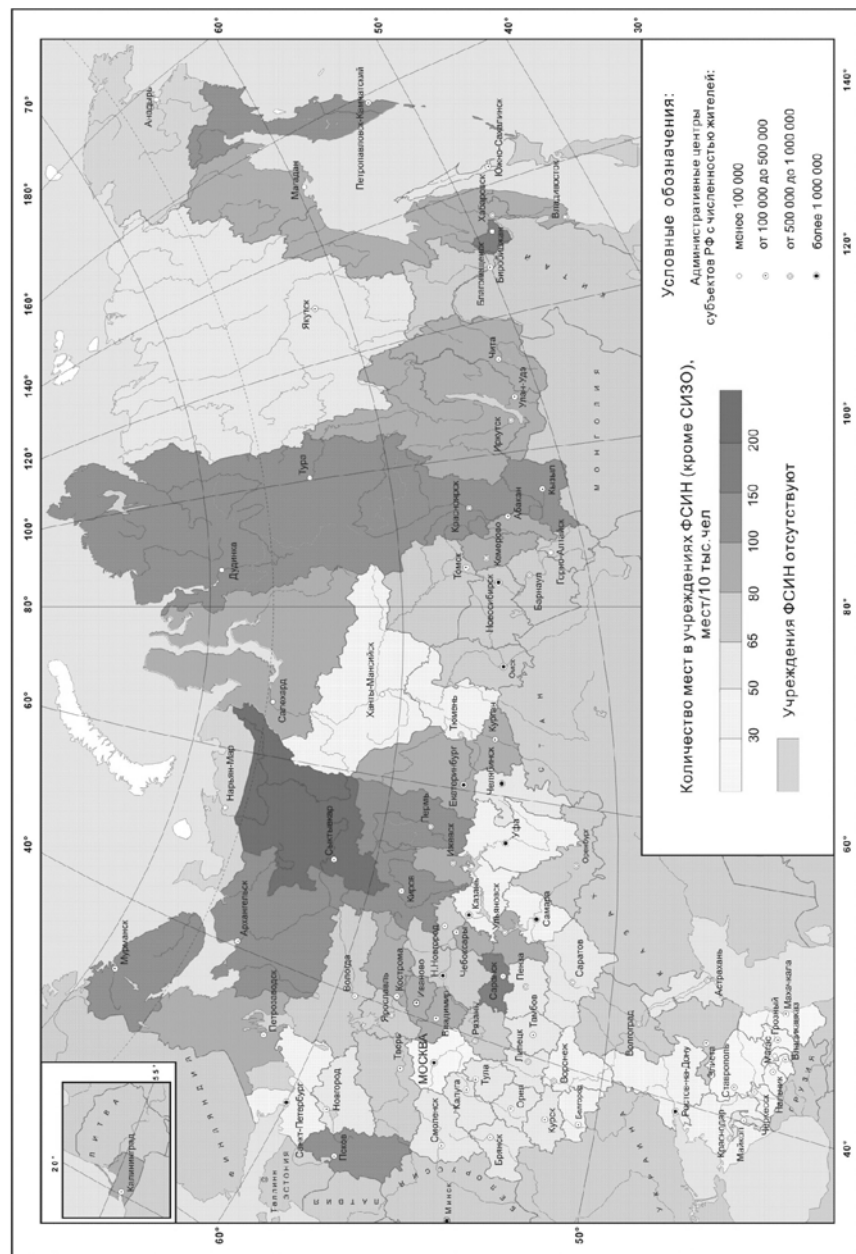

Рис. 1. Количество мест в учреждениях ФСИН на 10 тыс. чел., 2012 г.
 Источник данных: региональные управления ФСИН РФ.

Рис. 2–3. Распределение населения России и распределение заключённых в системе город-село.

Источник данных: Рис. 2 — ВПН-2010, Рис. 3 — обработанные автором данные ФСИН РФ.

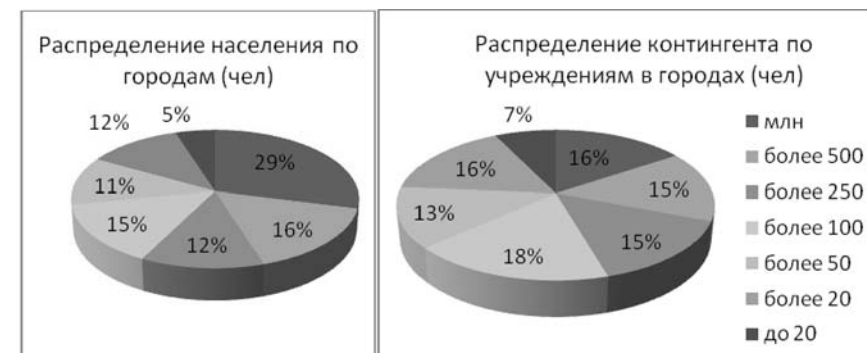

Рис. 4–5. Распределение населения России по городам различной людности и распределение заключённых по городам, 2012 г.

Источник данных: ВПН-2010 и обработанные автором открытые данные ФСИН.

Пространственные факторы производственной деятельности в исправительных учреждениях

Современная производственная деятельность, как и современная территориальная организация учреждений ФСИН, во многом унаследована от советского времени. После расформирования ГУЛАГа производственные отношения и система использования труда заключённых изменились. Заключённые стали реже участвовать в строительстве различных объектов и чаще занимались производством на территории исправительных учреждений. Производственные

цеха в колониях были встроены в систему плановой экономики, поэтому разрыв производственных связей в 1990-х годах тяжело сказался и на их экономическом положении. В лучших условиях были учреждения, расположенные в больших и крупных городах, которые смогли подключиться к обслуживанию жилищно-коммунального хозяйства и тех предприятий, которые сохранили или возобновили свою деятельность в 2000-е гг. В более тяжёлом положении оказались колонии, существующие на территории малых городов, утративших индустриальную базу, а также сельские колонии, расположенные в зоне истощения природных ресурсов.

В настоящее время юридические лица могут размещать заказы на изготовление определённого вида продукции в исправительной колонии, если квалификация заключённых и оборудование производственной площадки позволяют её изготовить. Но наличие потенциальных заказчиков и ассортимент продукции во многом зависят от общей экономической ситуации на территории, развитости рыночных отношений и ряда других факторов. Именно поэтому на организацию «тюремной» экономики большое влияние оказывают такие экономико-географические условия, как местоположение исправительных учреждений в системе город-село и в системе центрально-периферийных отношений, региональные и локальные институциональные условия.

Единственным доступным показателем при анализе развития «тюремной» экономики является количество цехов или видов деятельности, который рассчитывался автором на основании сведений об исправительных учреждениях, опубликованных в сети Интернет.

Набор отраслей специализации тюремного производства довольно широк. Количество цехов (в одном исправительном учреждении может быть несколько различных производственных цехов) и их специализацию можно увидеть на рис. 6. К наиболее распространённым отраслям специализации тюремного производства относятся деревообработка (365 цехов), швейное производство (310 цехов) и металлообработка (234 цеха, к ней отнесены все виды работ с металлом, включая литьё и ковку). Суммарно эти отрасли специализации дают почти половину (48%) от общего количества производственных цехов.

Все отрасли, связанные с лесом — лесозаготовка, деревообработка и производство мебели — дают суммарно 1/3 от общего количества цехов. Лёгкая промышленность — производство одежды и обуви — 17%, хотя рассчитать то, какой объём производства и какое количество занятых приходится на эти 17% цехов, не представляется возможным. Не исключено, что именно они обеспечивают основную занятость.

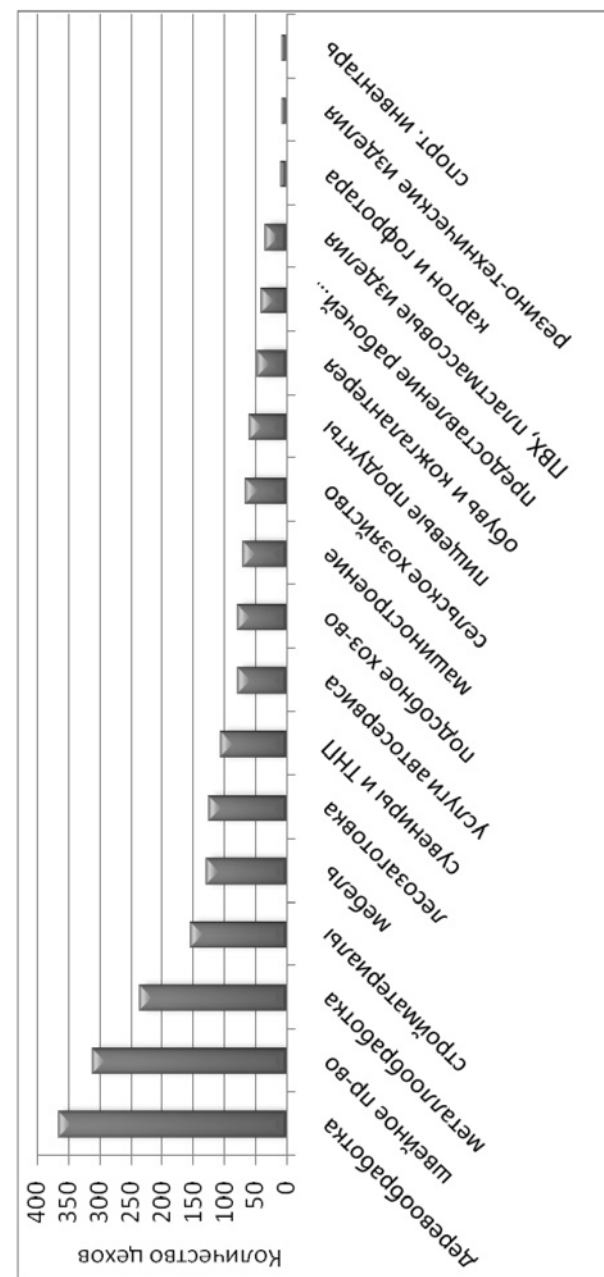

Рис. 6. Распределение видов экономической деятельности учреждений ФСИН РФ.

Источник данных: сайты региональных управлений ФСИН и сайты отдельных учреждений пенитенциарной системы.

Набор отраслей специализации во многом зависит от местоположения исправительных учреждений. Общая закономерность состоит в том, что чем ближе учреждения расположены к крупным городам, тем шире набор отраслей специализации и выше доля наиболее сложных производств, а также выше доля рыночных производств. На рис. 7 видно, что набор отраслей специализации увеличивается по мере укрупнения населённых пунктов, где размещены колонии, также меняется соотношение количества цехов: в крупных городах количество максимально и соотношение различных отраслей специализации наиболее сбалансировано. В крупных и крупнейших городах шире представлены такие сегменты, как машиностроение, металлообработка, производство строительных материалов, ниже доля «полурыночного» швейного производства и сегмента деревообрабатывающих отраслей. Если рассматривать производственную деятельность как трудовую адаптацию заключённых, способствующую развитию профессиональных навыков и улучшению материального положения узников, наиболее предпочтительными становятся исправительные учреждения в крупных и крупнейших городах, когда их продукция может иметь широкий сбыт и быть наиболее «интересной», сложной для производства.

Рис. 7. Распределение цехов производства учреждений ФСИН с различной специализацией в зависимости от крупности населённых пунктов их расположения.

Источник данных: расчёты автора по материалам открытых источников ФСИН и сайтов отдельных учреждений пенитенциарной системы.

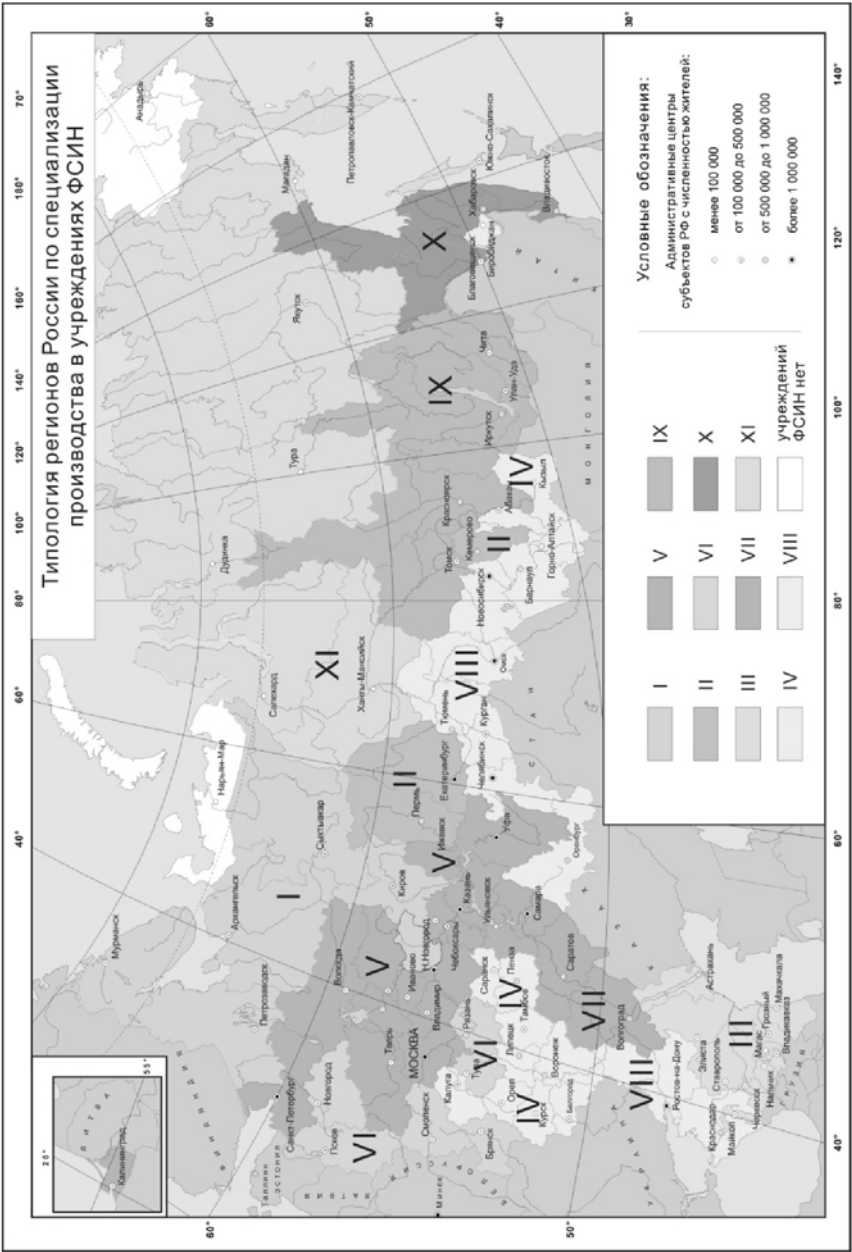
Помимо влияния местоположения исправительных учреждений в системе город-село на производство оказывает влияние и макроположение колоний в системе региональных экономико-географических отношений. На рис. 8 представлено экспертное районирование территории России по набору отраслей специализации исправительных учреждений (представленные практически повсеместно швейное производство, подсобное сельское хозяйство и металлообработка для внутренних нужд не учитывались).

Отчасти, получившееся районирование напоминает сетку экономико-географических районов. Угадывается европейский Север, Поволжье, «Центральная промышленная область» (отличающаяся от Центрального экономического района сдвигом к северу) и другие.

Производственная деятельность исправительных колоний I района (условно — Европейского Севера) специализируется на лесном комплексе — лесозаготовках и деревообработке. Здесь сохранилось наследие нескольких «УЛИУ» (управлений лесоисправительными учреждениями). Помимо лесозаготовок и деревообработки в колониях Европейского Севера России налажено сувенирное производство, работают швейные цеха, в учреждениях крупных городов развита металлообработка. В Карелии развито производство дачной мебели и банного ассортимента, а также деревянное домостроение.

Отличие II района, Северо-Уральского, (к которому отнесена и Кемеровская область) от Европейского Севера состоит в том, что наряду с лесным комплексом в производственной деятельности исправительных учреждений представлена ещё и металлургия. В колониях имеются цеха литья, производства металлопроката, могут производиться сварочные работы, токарная обработка. Это связано с тем, что многие уральские и сибирские металлургические заводы строились и реконструировались при участии заключённых, а колонии стали функционировать как смежные производства.

Производственная деятельность в регионах Центральной России (район V) во многом подчинена потребностям столичного региона. Швейное производство специализируется на пошиве спецодежды и туристского ассортимента (включая палатки, спальники, тенты и др.). Мебельное производство ориентируется на потребительский спрос, а также на оснащение бюджетных учреждений: в исправительных учреждениях производятся кресла для зрительных залов, школьная и офисная мебель. На основе сохранившихся с советского времени партнёрских отношений с различными машиностроительными предприятиями функционирует производство электротехники, запчастей для коммунальной техники. Распространено кожгалантерей-

Тип	Специализация тюремной экономики
I	Лесозаготовки и деревообработка
II	Лесозаготовки и деревообработка; металлургия и металлообработка
III	Производство товаров народного потребления и пищевое производство
IV	Подсобное сельское хозяйство, швейное производство
V	Машиностроение, металлообработка, мебельное производство – обслуживание рынков Москвы и Санкт-Петербурга (работа по заказам столичных компаний)
VI	Машиностроение (в т.ч. сельскохозяйственное), металлообработка
VII	Производство деталей для смежных машиностроительных предприятий
VIII	Сельское хозяйство и сельскохозяйственное машиностроение
IX	Лесозаготовки и деревообработка, переработка сельскохозяйственного сырья, контрактные работы на предприятиях
X	Производство стройматериалов, мебели, погрузочные работы в портах, металлообработка
XI	Обслуживание ресурсных промыслов: ремонт труб, изготовление ЖБИ, тары

Рис. 8. Типология регионов России по специализации тюремной экономики.
Составлено автором по материалам региональным управлений ФСИН и сайтов отдельных учреждений пенитенциарной системы.

ное производство — пошив сумок, школьных ранцев, спортивных рюкзаков. Изготавливается тара для пищевых производств. По заказам столичных фирм в исправительных учреждениях могут упаковывать подарочные наборы, производить одноразовую посуду, бахилы и другие изделия из полимеров.

Северо-Запад (район VI) отличается от центральных регионов тем, что здесь помимо производства товаров повседневного спроса развито машиностроение. До сих пор производятся радиаторы и системы охлаждения двигателей (наследие производственных связей Псковской и Новгородской областей с ленинградским предприятием «Кировец»), сельскохозяйственная техника и запчасти к ней (Тульская, Рязанская области). Здесь также производятся отопительные агрегаты, электролампы, высоковольтная аппаратура, электропечи. В рамках налаженных производственных отношений с предприятиями Санкт-Петербурга в колониях Новгородской области производятся даже детали трубопроводной арматуры для атомной энергетики.

Обширный район VIII включает в себя наиболее развитые аграрные регионы Черноземья и Юга России, а также юг Урала и Западной Сибири. Производственная деятельность колоний в этой зоне сопряжена с агропромышленным комплексом в целом: с товарным сельским хозяйством, пищевым производством, выпуском сельскохозяйственной техники и оборудования для животноводства. Сельскохозяйственная техника Воронежских исправительных колоний ежегодно выдвигается на конкурсы «100 лучших товаров в России». Развита переработка и производство полиэтиленовой плёнки как укрывного материала для парников и теплиц. Помимо АПК, многие учреждения осуществляют выпуск строительных материалов.

В отдельный район (III) объединены регионы Северного Кавказа и юг Поволжья — тюремное производство на этой территории крайне разнообразно, но, в целом, имеет рыночную направленность. Здесь производится продукция для ЖКХ, оборудование для детских и спортивных площадок, садовая мебель, оборудование для шашлычных, печи. Есть товарное сельское хозяйство и пищевое производство.

Исправительные учреждения, расположенные в Поволжье (VII), возникали чаще всего при строительстве крупных машиностроительных предприятий. После завершения строительства их производственные цеха стали осуществлять выпуск запчастей, комплектующих и другой продукции. Подобные производственные связи сохранились до сих пор: колонии Татарстана производят комплектующие для КамАЗа, в Самарской и Ульяновской областях производятся элементы для автомобилей «ВАЗ», в Саратовской области силами заключённых произво-

дятся сиденья для водителей троллейбусов, в Волгоградской области выпускаются комплектующие для тракторного производства. Даже швейные цеха обслуживают предприятия-смежники — заключённые шьют чехлы для автокресел и для различного оборудования. Другой вариант сотрудничества — это производство спецавтомобилей (не только для внутренних нужд ФСИН, но и молоковозов, коммунальной техники и др.) на базе производимых здесь автомобилей. Наличие хорошо оборудованных производственных цехов позволяет колониям этих регионов производить продукцию не только для смежников. Здесь развита металлообработка (вплоть до изготовления холодного оружия по специальной лицензии), электротехническое производство.

Сгруппированные в IV район территории отличаются наименее выраженной специализацией производства. В основном здесь представлены отрасли, не имеющие географической специфики — швейное производство, подсобное сельское хозяйство, производство стройматериалов и металлообработка для внутренних нужд.

Дальний Восток, как и Восточная Сибирь, разделились на южные и северные территории. На юге продукция из учреждений ФСИН вовлечена в обслуживание потребностей населённых пунктов и местной экономики. В регионах юга Восточной Сибири заключённые много работают в лесном хозяйстве, в том числе выполняя обслуживающие функции (специализацией одной из колоний Красноярского края является вылов леса из водохранилища Богучанской ГЭС и вырубка просек для ЛЭП). В Иркутской области заключённые участвуют в реставрации памятников деревянного зодчества. Колонии Дальнего Востока обслуживают портовое хозяйство, здесь развита металлообработка для нужд ЖКХ и местных предприятий.

На Северо-Востоке (район XI), где исправительных учреждений совсем немного, заключённые заняты в сферах, смежных с ресурсной экономикой: ремонтируют трубы для нефте- и газопроводов, производят тару для сырья, железобетонные конструкции для строительства.

Осмысление первых результатов

Исследования показали, что, в целом, территориальная организация учреждений ФСИН более-менее адекватна размещению населения России. Основное количество исправительных учреждений приходится на города, а их распределение по городам различной плотности соответствует распределению населения. В наиболее крупных городах чаще размещаются следственные изоляторы, а ис-

правительственные колонии чаще размещены в больших и крупных городах, т.к. их возникновение нередко было связано со строительством и обслуживанием крупных промышленных предприятий.

Несоответствия размещения исправительных учреждений и населения характерны для сельских территорий: основное количество сельских колоний сосредоточено в регионах севера Европейской России и Северного Урала, которым присущи крайне низкая плотность сельского населения и неразвитая транспортная сеть.

Вопрос об использовании труда заключённых, тем более принудительного, до сих пор вызывает множество разногласий у российских и зарубежных экспертов. В последнее время ФСИН склоняется рассматривать производственную деятельность как трудовую адаптацию, что должно способствовать улучшению условий труда и повышению его оплаты.

Исследование показало, что в позднесоветский период «тюремная» экономика функционировала в тесной связке с региональными и локальными производствами. Разрыв производственных связей и общий кризис 1990-х гг. сказался и на всех производственных участках колоний. Многие исправительные учреждения не смогли наладить новые производственные отношения, тем более что руководство колоний должно одновременно решать и задачи охраны, и «менеджмента». Постсоветское развитие производства в колониях подчинялось тем же закономерностям, что и региональная и локальная экономика в целом: важными оказывались и положение в системе центрально-периферийных отношений, и местные институциональные факторы, и макроэкономическая ситуация. Именно поэтому наиболее развитое современное тюремное производство сосредоточено в учреждениях, расположенных или вблизи крупных и крупнейших городов, или в регионах с благоприятными для предпринимательства институциональными условиями.

Ассортимент продукции, выпускаемой учреждениями ФСИН, чрезвычайно широк. Производство востребованной на рынке продукции способствует и улучшению материального положения узников, и улучшению условий содержания, что необходимо для выполнения основной задачи ФСИН — исправления преступников.

Литература

1. ГУЛАГ: экономика принудительного труда / Сборник материалов под ред. Бородинки Л.И., Хлевнюка О.В., Грегори П. // Москва, РОССПЭН, 2008 г.

2. Данные всероссийской переписи населения 2010 г. <http://www.perepis-2010.ru/>
3. Лукин М., Полонский Д. «От Грозного до Керенского» — обзор тюремной власти России // материалы издания «Коммерсантъ»-«Власть» за ряд лет <http://www.kommersant.ru/doc/574707>
4. Лунеев В. «Как и где сидят в современной России» // Демоскоп №239-240 (20.03 — 2.04 2006 г.) <http://demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema09.php>
5. Материалы портала «Все тюрьмы России» http://tipolog.atspace.com/doc_turm_rus.htm
6. Материалы сайтов исправительных учреждений (более 200 электронных страниц).
7. Материалы форумов для заключённых и их родственников
 - a. <http://bratva.name>
 - b. <http://vkapkane.net/>
 - c. <http://www.forumtyurem.net/>
 - d. <http://www.syzo.org>
 - e. Другие (более 10 сайтов).
8. Статистическая информация с сайта ФСИН Российской Федерации <http://фсин.рф/> и её региональных управлений (81 сайт).
9. Стенограммы семинаров по тюремной экономике Сахаровского центра <http://www.sakharov-center.ru/discussions/?id=1807>

Кашбразиев Р.В., Стёпин А.Г., Штанчаева М.Р.

ТИПИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ОТРАСЛЯМ ЭКСПОРТНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Введение

Современный этап развития экономики России ставит перед государством ряд важнейших задач. Одной из таких задач является оптимизация внешнеэкономической деятельности. Согласно существующей терминологии, к основным видам внешнеэкономических связей относят внешнюю торговлю, движение капиталов, оказание услуг различного характера (производственных и непроизводственных),

международный туризм и др. [1, 3]. Среди главных показателей, характеризующих внешнеэкономическую деятельность государства, особое значение имеют внешнеторговый оборот, экспорт, импорт, торговый баланс (сальдо внешней торговли), экспортная и импортная квоты (доля экспорта и импорта в ВВП) и др.

Распад СССР в начале 90-х гг. XX в. усугубил экономический кризис в нашей стране, повлек за собой разрыв традиционных экономических связей. С 1999 г. торговый оборот, экспорт и импорт в России стали постепенно увеличиваться, и в настоящее время наша страна характеризуется положительным торговым балансом [4]. Развитие внешнеэкономической деятельности возможно лишь при наличии у страны соответствующего экспортного потенциала, под которым понимается возможность данной страны экспортировать (продавать за рубеж) имеющиеся или производимые ресурсы, товары, услуги [3, 8]. В то же время экспорт России в настоящее время имеет отчетливую сырьевую направленность, и Россия сидит на так называемой «сырьевой игле» [5, 7, 9].

В работе проведен первичный анализ массовой экономико-географической информации, который включает этап систематизации с использованием методов типизации и районирования; анализ сложившихся отраслевых и территориальных характеристик внешнеторговой деятельности Российской Федерации. **Целью работы является типология регионов России по отраслям экспортной специализации для оценки их участия в международной производственной кооперации.**

Материалы и методы исследования

Первичный анализ массовой экономико-географической информации, как принято, включает этап систематизации, который, в свою очередь, всегда связан с использованием методов типизации и районирования. Не является исключением анализ сложившихся отраслевых и территориальных характеристик внешнеторговой деятельности России, которая, в контексте данного исследования, рассматривается, во-первых, своеобразным стимулом технического перевооружения модернизирующейся экономики, а с другой, постоянного роста уровня жизни населения страны.

В основу типизации положены балансы внешнеторговых операций всех организаций в составе отдельных субъектов Российской Федерации, осуществляющих данные операции за оговоренный период (с 2000 по 2010 гг.) в разрезе основных продуктовых групп [6]. По

данным государственной статистики принято объединение показателей внешнеторговой деятельности в группы, среди которых выделено восемь групп: продовольственные поставки, поставки топливно-энергетических компонентов, продукции нефтехимии, поставки леса и продуктов из него, поставки продукции металлургической и машиностроительных, а также группа, объединяющая и прочие виды продукции. В состав продуктов последней группы естественным образом необходимо включить внешнеторговые поставки ряда неметаллических ископаемых (алмазы, некоторые виды строительных материалов, продукты основной химии и пр.). На основе балансов внешнеторговой деятельности были рассчитаны показатели территориальной и отраслевой структур внешнеторговой деятельности субъекта (субъектов), что позволило вычислить всю совокупность парных коэффициентов линейной корреляции для каждой из пар соответствующих отраслевых структур внешнеторговой деятельности каждой из пар субъектов. Кроме того, рассчитаны были и коэффициенты корреляции между субъектом и показателем усредненной отраслевой структуры в целом по РФ. Эти коэффициенты, а так же визуальное сравнение близости структур позволило осуществить типизацию субъектов РФ по показателям видов внешнеторговой деятельности. Кроме того, методами корреляционного анализа была определена степень соответствия территориальных структур экспорта соответствующей структуре составляющей внешнеторговой деятельности [2]. Еще одним направлением первичного анализа внешнеторговой деятельности РФ стала типизация динамического изменения показателей внешнеторговой деятельности субъектов РФ. Для этого использованы методы определения среднегодовых показателей роста и прироста посубъектных показателей этой деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

В посубъектной отраслевой структуре вывоза (экспорта) были выделены 8 типов субъектов (см.: Приложение 1: Таблица 1), среди которых:

- тип 1 — продовольственный. Определяет субъекты, в структуре экспорта которых отмечено превалирование доли продовольственного экспорта. Группу формируют 6 субъектов России. Примечательно, что 4 из них — регионы Дальнего Востока, работающие на перспективный азиатский рынок (на который приходится около 40% населения Земли). Кроме морепродуктов, некоторые регионы Дальнего Востока обладают хорошим потенциалом

экспорта сои, риса, овощей, мясомолочной продукции, поскольку здесь расположены большие площади земель, пригодных для производства этих продуктов;

- тип 2 — топливно-энергетический. Определяет субъекты, в структуре экспорта которых отмечено явное превалирование доли вывоза топливно-энергетических ресурсов (уголь, нефть, газ). В типизации экспорта это самая крупная группа, включающая 23 субъекта. Практически в эту группу входит совокупность субъектов РФ, которые имеют разнообразные полезные ископаемые энергетического качества — уголь, газ, нефть. Исключение составляют два субъекта РФ — гг. Москва и Санкт-Петербург, не обладающие собственными полезными ископаемыми, но, так или иначе, обладающие «контрольным пакетом» добычи и вывоза энергоресурсов в стране. Эта группа субъектов имеет региональную структуру отраслевого экспорта, практически совпадающую с национальной структурой, в которой на долю двух, в первую очередь, сырьевых отраслей экспорта — топливно-энергетического экспорта (69% стоимости экспорта) и вывоза металла и изделий из него (10%) приходится 4/5 стоимости вывозимой из страны продукции. Относящаяся к этому типу Ростовская область, наряду с преобладающей топливно-энергетической отраслью в экспорте, отличается весомой долей продовольственной продукции;
- тип 3 — нефтехимический. Определяет те субъекты, в структуре экспорта которых превалирует доля продуктов нефтехимии и органического синтеза. Всего насчитывается 9 субъектов подобного типа. Несмотря на значительное внимание, уделяемое развитию этой части хозяйственного комплекса страны, видно, что эта отрасль хозяйства в настоящее время играет существенную роль в насыщении исключительно местного рынка. Не исключено, что углубление подобного анализа в разрезе отдельных моно- и полиотраслевых «кластеров» позволит оценить их вклад в вывоз продукции нефтехимии и органического синтеза, тогда как в вывозе продукции «охватывающего» субъекта подобный вес сокращается. Кабардино-Балкарская Республика хотя и входит в указанный тип, отличается также большим удельным весом в региональном экспорте продукции пищевой отрасли;
- тип 4 — лесной. Сформирован субъектами, в суммарном вывозе которых значителен удельный вес поставок дерева и изделий из него. В состав этой группы субъектов входит всего 6 регионов (Карелия, Забайкальский край, Хабаровский край; Амурская, Ко-

стромская области, Еврейская АО). Субъекты юга Дальневосточного федерального округа в своих поставках ориентированы, в основном, на поставки леса в Китай, практически не торгуя с приграничными странами продуктами переработки леса. Ясно, что постепенное истощение лесных богатств в этой части страны потребует решения целого ряда задач диверсификации «лесной» ориентации развития этой части страны;

- тип 5 — металлургический. Сформирован 12-ю субъектами, превалирующая доля получения средств от вывоза продукции которых связана с продажей, в первую очередь, металла и полуфабрикатов из него. Прежде всего, это традиционные центры производства чёрного металла, а так же центры выплавки цветных металлов. Необходимо отметить, что в этой группе присутствуют регионы, в которых наряду с отраслью, определяющей экспортную ориентацию, есть также другие отрасли со значительным удельным весом в региональном экспорте. Это Тульская область, в которой велика и доля нефтехимической промышленности, и Иркутская область, в которой на втором месте после металлургии в экспорте находится лесная промышленность;
- тип 6 — машиностроительный. Сформирован 12-ю регионами, в которых превалирующую статью в доходах от экспорта составляет продукция машиностроительных отраслей. По всей видимости, в эту группу вошли те субъекты, в которых по традиции поддерживается развитие отраслей военно-промышленного комплекса, так как остальные подотрасли машиностроения не могут в настоящее время диктовать конкурентные условия общемировому машиностроительному комплексу и ориентируются в производстве и реализации продукции на национальный рынок. Вместе с тем, в условиях возможной топливно-энергетической революции, которая осуществит переориентацию на новые типы энергоносителей, равно как и необходимая модернизация хозяйства страны, предопределяется постепенный переход от сырьевой ориентации национальной экономики к созидательной, с высоким уровнем национального машиностроения. К указанному типу регионов относится Удмуртия, которая отличается значительной долей группы так называемых «прочих отраслей», прежде всего за счет продукции легкой промышленности. Естественно, что в эту группу входят субъекты, не обладающие «престижными» сырьевыми ресурсами, но сохранившими внутри-субъектный потенциал производства конкурентоспособной продукции;

- тип 7 — прочие отрасли. Образуют 9 субъектов, экспорт которых составляет так называемая прочая продукция, среди которой основное место занимает продукция основной химии, драгоценные камни и ювелирные изделия, изделия народного промысла, поделочный камень и пр. Естественным лидером среди этих субъектов по объёму экспорта является Республика Саха, суммарный объём вывоза продукции из которой значительно превышает суммарный объём вывоза всех остальных отмеченных субъектов этого типа. Вместе с тем, эта республика занимает по размерам стоимости вывозимой продукции одно из последних мест в группе наиболее «вывозящих» субъектов. Вот уже на протяжении тридцати последних лет в Якутии не созданы условия для разработки богатейших запасов каменного угля, увеличение добычи и вывоза которого могли бы не только пополнить энергетический баланс ДФО, но и повысить статус республики в экспорте.
- тип 8 — без преобладающей специализации. Этот тип сформирован 5 субъектами. Особенность регионов этого типа заключается в примерно равных долях нескольких отраслей в региональном экспорте, что не позволяет отнести их к какому-то вышеопределённому типу. Помимо различных комбинаций преобладания разных отраслей в структуре экспорта регионы этой группы отличаются практически отсутствием топливно-энергетической части экспорта (кроме Алтайского края). Особенно поразительно, что в этом списке представлена Астраханская область, в которой, судя по географическим сведениям, имеются весомые запасы «голубого» топлива. Возможно, что имущественные особенности «перераспределили» вклад данного субъекта в отчётные данные топливного экспорта других субъектов, в частности г. Москвы.

Выводы

В результате исследования отраслевой структуры российского экспорта удалось выделить 8 типов субъектов РФ, которые наиболее точно отражают особенности регионального экспорта (см.: рис. 1).

Перечисленные типы субъектов РФ по отраслевой структуре экспорта позволяют сделать вывод, что в настоящее время экспорт представляет собой достаточно компактную систему, связанную, в первую очередь, с реализацией за пределами страны топливно-энергетических ресурсов и металлоизделий. Экспорт леса и продуктов из него не составляет весомой части экспорта. Наши исследования подтверждают, что в целом экспорт России в настоящее время

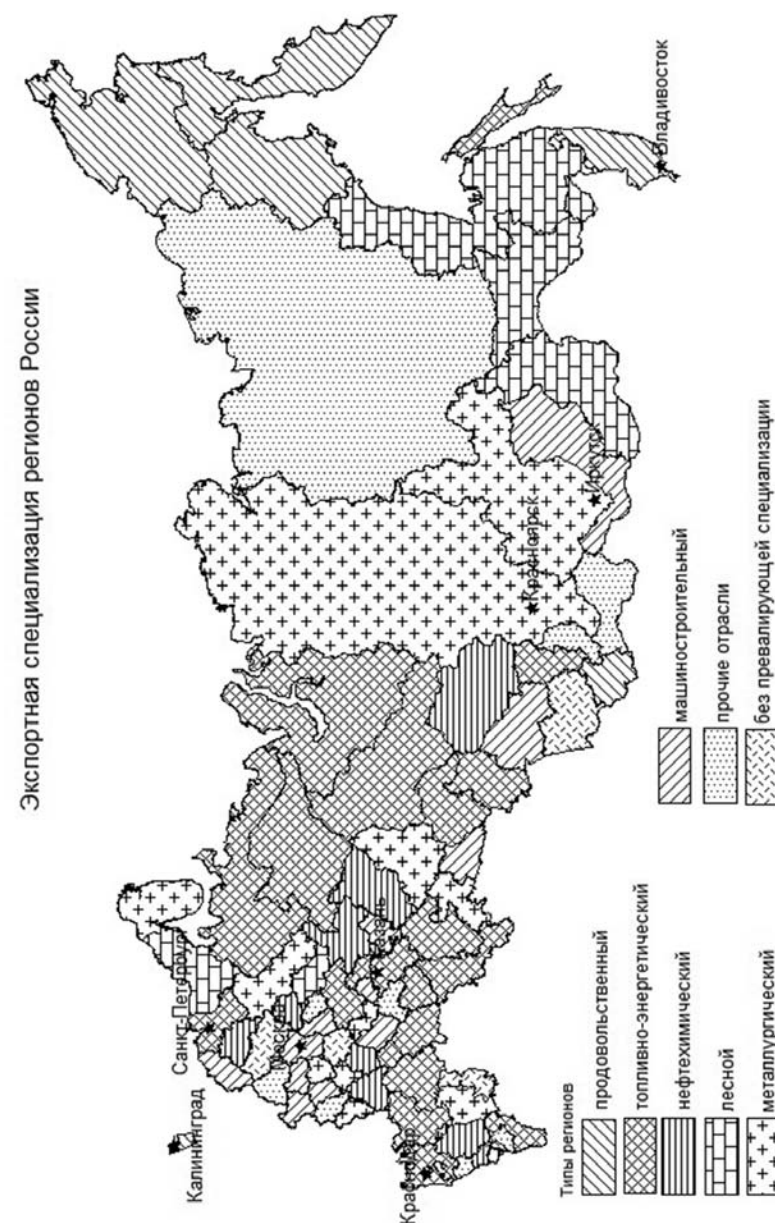

Рис. 1. Экспортная специализация регионов России.

имеет отчетливую сырьевую направленность, и Россия сидит на так называемой «сырьевой игле».

С другой стороны, в поддержании экспортной конкурентоспособности национальной экономики значительную роль продолжают играть производства, напрямую или косвенно связанные с традиционными производствами системы ВПК, сохранившими научно-производственный потенциал. Продукция этого комплекса, частично переориентированная на гражданские нужды, как уже было отмечено ранее, составляет более 10% стоимости национального экспорта.

Исследование показывает, что за отмеченный период (2000-2010 гг.) объём национального экспорта увеличился почти в 3,8 раза (за этот период среднегодовой курс доллара изменился на величину индекса 1,08). Наибольшее значение, если не принимать данные Ханты-Мансийского АО, экспорт нефти которого был представлен в 2000 году в отчётных данных Тюменской области, наибольший рост валового экспорта отмечалось в трёх субъектах — г. Москва (5,79 раз), Кемеровской области (5,57) и Татарстане (5,22). Вместе с тем, особо следует отметить развитие внешнеторговой деятельности Сахалинской области (пятое место среди субъектов), в которой экспорт за отмеченный период увеличился более чем в 27,5 раз. Это произошло как на фоне добычи и продажи топливных ресурсов (нефти), так и в результате всестороннего развития добычи и переработки морепродуктов.

В распределении регионов по показателю валового экспорта наблюдается крайняя асимметрия, при которой преобладающее количество субъектов (44) имеют суммарные показатели экспорта менее 1 млрд. долл. США. Средний показатель суммарного субъектного показателя суммарного экспорта составляет, с учётом г. Москвы, 8 млрд. долл. США, тогда как при исключении показателя этого субъекта средняя величина суммарного экспорта составляет всего 4,5 млрд. долл. США. Доля г. Москвы в суммарном национальном экспорте равна практически 40%.

В завершение следует отметить, что территориальная структура годовой суммы экспорта в 2010 году практически полностью совпадает с подобной структурой, полученной в 2000 году. Об этом свидетельствует высокий коэффициент корреляции между ними, составляющий величину 0,91. При критическом значении критерия Стьюдента, равным при 95% вероятности уровня доверия величине 2,00, наблюденное значение критерия составляет 19,7, что свидетельствует о высокой значимости совпадения территориальных структур. Вывод при этом естественен — страна в целом и в разрезе субъектов продолжает ориентироваться на сырьевой принцип получения внешнеэкономических

доходов. Это, в свою очередь, продолжает «отодвигать» страну от процесса отраслевой и территориальной модернизации и развития.

Приложение 1.

Таблица 1.

Типы регионов России по преобладающей специализации экспорта

№ п/п	Название субъекта	Структурный тип субъекта (экспорт)
	тип 1 - продовольственный	
1	Республика Адыгея	1
2	Приморский край	1
3	Калининградская область	1
4	Камчатский край	1
5	Магаданская область	1
6	Чукотский автономный округ	1
тип 2 - топливно-энергетический		
1	Республика Алтай	2
2	Республика Башкортостан	2
3	Республика Дагестан	2
4	Республика Коми	2
5	Республика Марий Эл	2
6	Республика Татарстан	2
7	Краснодарский край	2
8	Архангельская область	2
9	Волгоградская область	2
10	Кемеровская область	2
11	Ленинградская область	2
12	Нижегородская область	2
13	Омская область	2
14	Оренбургская область	2
15	Ростовская область	2
16	Самарская область	2
17	Саратовская область	2

№ п/п	Название субъекта	Структурный тип субъекта (экспорт)
18	Сахалинская область	2
19	Тюменская область	2
20	г. Москва	2
21	г. Санкт-Петербург	2
22	Ханты-Мансийский авт. округ	2
23	Ямало-Ненецкий авт. округ	2
тип 3 - нефтехимический		
1	Кабардино-Балкарская Республика	3
2	Ставропольский край	3
3	Воронежская область	3
4	Кировская область	3
5	Новгородская область	3
6	Пермский край	3
7	Тамбовская область	3
8	Томская область	3
9	Ярославская область	3
тип 4 - лесной		
1	Республика Карелия	4
2	Забайкальский край	4
3	Хабаровский край	4
4	Амурская область	4
5	Костромская область	4
6	Еврейская автономная область	4
тип 5 - металлургический		
1	Республика Калмыкия	5
2	Республика Мордовия	5
3	Республика Северная Осетия-Алания	5
4	Красноярский край	5
5	Белгородская область	5
6	Вологодская область	5

№ п/п	Название субъекта	Структурный тип субъекта (экспорт)
7	Иркутская область	5
8	Липецкая область	5
9	Мурманская область	5
10	Свердловская область	5
11	Тульская область	5
12	Челябинская область	5
тип 6 - машиностроительный		
1	Республика Бурятия	6
2	Удмуртская Республика	6
3	Чувашская Республика	6
4	Брянская область	6
5	Владимирская область	6
6	Калужская область	6
7	Курганская область	6
8	Московская область	6
9	Новосибирская область	6
10	Орловская область	6
11	Пензенская область	6
12	Псковская область	6
тип 7 - прочие отрасли		
1	Карачаево-Черкесская Респулика.	7
2	Республика Саха (Якутия)	7
3	Республика Тыва	7
4	Республика Хакасия	7
5	Чеченская Республика	7
6	Ивановская область	7
7	Курская область	7
8	Смоленская область	7
9	Ульяновская область	7

№ п/п	Название субъекта	Структурный тип субъекта (экспорт)
	тип 8 - без преобладающей специализации	
1	Республика Ингушетия	8
2	Астраханская область	8
3	Алтайский край	8
4	Рязанская область	8
5	Тверская область	8

Литература

1. Внешнеэкономическая деятельность / Под ред. Б.М. Смитиенко и В.К. Поспелова. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 303 с.
2. Кремер Н.Ш., Путко Б.А., Тришин И.М., Фридман М.Н. Математика для экономистов: от Арифметики до эконометрики: учебно-справочное пособие. — М.: Юрайт, 2012. — 685 с.
3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. — М.: ИНФРА-М, 1999. — 479 с.
4. Сидоров М.К. Социально-экономическая география и регионализма. — М.: Инфра-М, 2002. — 400 с.
5. Синнот Э., Альба П. Управление сырьевой экономикой: что из мирового опыта стоит взять на вооружение России// Harvard Business Review — Россия. 2011. №11. — С. 48–56.
6. Статистический сборник Россия в цифрах и картах URL <http://www.sci.aha.ru/map/rus/> (дата просмотра 15.05.2013)
7. Сценарии для России на долгосрочную перспективу. Новый импульс через два десятилетия: доклад к науч. конф. ВШЭ / Е.Г. Ясин. Доклад — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 82 с.
8. Филиппова И.А. Современные внешнеэкономические связи: Учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2011. — 155 с.
9. Russia in 2020: Scenarios for the Future. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2011. 587 p.

Мелентьев Б.В.

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ НА ПОЛИТИКУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Различие пространственных условий производства и жизни человека является объективным свойством нашей среды. Очевидным также являются следственные отражения их в различии производственных издержек и затратных характеристиках проживания населения на различных территориях. Разумеется, люди учитывают эти явления при организации общего экономического и социального управления. Интересно, что здесь наблюдаются разнонаправленные тенденции: природа определяет дифференциацию, а в управлении экономикой с помощью инструментов регулирования принимают решения, выравнивающие целевые параметры (например, рентабельность), отражающие условия исходного неоднородного пространства. Разумеется, выравнивание реально может проводиться не до каждой точки пространства, а для районов и отдельных территорий, но достаточно больших. Степень детализации зависит от уровня мероприятий социально-экономической политики. Они всегда укрупнены, а решения по некоторым объектам выносятся в отдельные позиции программ развития регионов или производственных структур. Указанные черты разнонаправленных характеристик экономической среды и управления ею проявляются при различных принципах организации регулирования: как при подавляющем управлении по плановым заданиям, так и в современной смешанно-рыночной форме. В последнем случае основная масса производителей, сама определяющая свою деятельность и несущая за неё ответственность, требует со стороны государства формирования не простых условий финансовой среды, в которых ведут свою деятельность производители и потребители.

Отмеченная проблема выравнивания условий экономической деятельности по районам страны не нова при формировании экономической политики. Тема регионально дифференцированных федеральных налогов, смягчающих последствия влияния природно-географических, климатических условий и экономических факторов на

удорожание издержек, связана с серьезностью этой проблемы именно для России, территория которой велика и характеризуется чрезвычайным разнообразием её частей. К сожалению, даже упоминание об этом отсутствовали во всех вариантах «Налоговых кодексов», характеризующих положение практического решения указанной проблемы. Игнорирование и даже частичный недоучет неравенства экономических условий нарушает принципы справедливости (доходов по труду) как для предпринимателей, так и для населения. Это, в конечном счёте, касается и проблем нормального развития федерализма в России.

Известны три подхода к решению региональных неравенств при построении экономического управления.

1. В форме прямого и дополнительного финансирования производителей и населения из федерального и региональных бюджетов, включая фонды региональной поддержки, фонды регионального развития и другие фонды.
2. Льготы по налогам для отдельных районов. Обращаем особое внимание на федеральные льготы. В современном «Налоговом кодексе» установлены максимальные лимиты налоговых региональных ставок, в пределах которых налоги могут уменьшаться по решению администрации. Это дает определенную свободу властям регионов в варьировании налоговой политики в зависимости от локальных местных условий.
3. Выравнивание условий производства и жизнедеятельности с помощью регионально дифференцированных федеральных налогов.

В настоящее время применяются первые два подхода. Однако они достаточно тяжеловесны и не оперативны. Кроме того, не существует строгих принципов и утверждённых правил распределения средств из указанных фондов. Заранее ясно, что в них в основном будут нуждаться районы «выборочного» списка, а также северные и восточные районы. В условиях ограниченных средств выделяемые суммы носят форму авральных дотаций, правила определения их величин невняты и достаточно субъективны, имеются спекуляции по вопросам остроты этнической нестабильности; порой решения о финансировании принимаются келейно и находятся часто в прямой зависимости от авторитета и напористости региональных лидеров. Государственные минимальные стандарты по социальному обеспечению только разрабатываются, да и они в основном будут обеспечивать гарантии остро нуждающимся группам населения и пока, кроме того, трудно сравнимы по районам. То, что проблема решаема и

здесь, показывает ещё советская практика разработки территориальных коэффициентов к заработной плате для бюджетной сферы, климатические коэффициенты к стоимости строительно-монтажных работ. Открытость и понятность их населению позволяет совершенствовать технологии разработки и формирования уровней конкретной дифференциации по территориям.

Если с уровнем обеспечения данных стандартов и их форм более или менее ясно — они будут зависимы от доходов в экономике — то само содержание традиционных правил государственной помощи может изменяться в связи с их уточнением. Например, количество детей в семье является фактором благосостояния или «бедой» семей? Кто должен обеспечивать социальную поддержку многодетным семьям — региональная или федеральная власть? Присмотрит ли общество систему выделения средств из федерального бюджета только на подтягивание всех регионов до минимальных общих стандартов, а более высокий уровень потребления обеспечивать результатами региональной деятельности, и т.д. Четкое формулирование многих норм и их финансовая обеспеченность определяет и компромиссные части финансирования соответствующих статей из федерального бюджета и те, которые останутся в ведении регионов и т.д. Существующее нестрогое положение во взаимоотношениях бюджетов федерального и регионального уровня в условиях расширяющихся политических и экономических прав субъектов федерации ухудшает социальный климат как непосредственно в регионах, так и между ними. Второй принцип выборочного «дарения» налоговых льгот также далек от идеальности «не задевать чувства равенства всех регионов», хотя поднимает «авторитет» федеральной власти в глазах районов-получателей.

В современных условиях применения смешанно-рыночного принципа организации экономического управления мы склоняемся преимущественно к третьему виду межрегионального влияния на условия экономической деятельности, т.е. с помощью регионально дифференцированных федеральных налогов. Он более логично вписывается в существо современного управления хозяйством через экономическую среду, а не в форме прямых методов — плановых заданий. Для того, чтобы хозяйства, размещенные в разных районах, несли равную ответственность за принимаемые решения и получали на разные материальные издержки доходы, гарантирующие сравнимые доходы и, в конечном счёте, примерно одинаковый по районам уровень жизни («за равный труд»), предприятия должны находиться в равных экономических условиях. Такое выравнивание должно умень-

шать последствия неблагоприятных природно-климатических условий, различие качества сельскохозяйственных земель, ценности природных ресурсов, обусловленную исторически и экономически инфраструктурную неосвоенность территорий и т.д.

Основой формирования отмеченных выравнивающих налогов может быть экономическая территориальная рента, основная часть которой должна изыматься в федеральный бюджет. Экономическую ренту мы трактуем более широко, чем классическое определение ренты по фактору, «как дополнительный доход в сравнении с условиями, где данного фактора нет». Помимо факторов хорошая земля¹, высокий квалификационный состав населения, удобное географическое положение, существуют и другие, чисто экономические условия, влияющие на дифференциацию уровня доходов. В частности, эту дифференциацию определяют доходы в виде разницы цен по районам, дополнительные доходы, изымаемые оргструктурами, создаваемыми в виде территориально разобщенных посреднических фирм при производителях — монополистах, увеличивая транзакционные издержки, и другие дополнительные доходы, не связанные непосредственно с результатами собственно конкретной производственной деятельности.

Очевидно, что существование различий условий производства и жизнедеятельности по разным районам России в большей своей части объективно определяется влиянием природных и климатических факторов. Люди, живущие в районах с более суровым климатом, как известно, объективно больше тратят на теплую одежду, жилище, питание. Все это составляет известное «физическое» удорожание затрат на проживание. Последнее определяет то, что объективно заработная плата в указанных районах должна быть выше, чем в южных. Человек же, в каком бы районе не жил, за одинаковый труд должен получать такую зарплату, которая обеспечивала бы ему адекватный другим районам уровень жизни. Но более высокая заработная плата, обеспечивающая равный уровень благосостояния, например, в северных и восточных, или других периферийных или менее благоприятных для проживания районах, ведет к росту издержек местного производства и объективному снижению его конкурентной способности с однородной продукцией европейской и южной зон. Не говоря о том, что в указанных районах выше не только материальные затраты, но и другие издержки, связанные с неразвитостью инфраструктуры, дальностью расстояний до потребителей, недостаточной квалифика-

¹ Мелентьев Б.В. Федеральный налог на землю в регулировании межрегиональных экономических отношений (В ж.: «Регион», N4, 1994, стр. 25).

цией кадров, дополнительными издержками на привлечение работников из других районов и т.д. Так как дополнительные доходы в благоприятных районах не связаны с результатами собственной деятельности, а определяются лишь «данными от бога» условиями, то указанные районы должны облагаться специальным налогом, подавляющая часть которого должна изыматься в федеральный бюджет, а не сохраняться в доходах предприятий или в местных региональных бюджетах. Форма данного налога может заменяться более высокими для данных районов ставками федеральных налогов.

Фактически любые налоги, являясь элементами издержек, влияют на уровень региональных цен. В наших предложениях новые налоги включаются вместо рентных доходов монополизированных предприятиями, расположенными исторически в наиболее благоприятных условиях. Внедрение данного принципа теоретически должно радикально повлиять на сложившуюся сейчас дифференциацию в сторону снижения. Практически же совсем она не исчезнет, так как указанный принцип выравнивающих налогов должен реализовываться по большему числу отраслей и факторам другого состава. Предлагаемые рассчитываемые по новым принципам ожидаемые региональные цены выравнивают рентабельность, но сохраняют дифференциацию по территории. Природа её другая и более сложна, чем по отмеченным природным факторам. Поэтому мы указываем лишь общее направление совершенствования. В частности, цены всегда регионально дифференцированы, так как, по крайней мере, они различаются на торгово-транспортные издержки и результатом действия их и является текущая региональная дифференциация цен.

В качестве примера можно привести результаты экспериментальных расчётов на перспективу по изложенным комплексным принципам формирования цен на основе межрегионального межотраслевого инструментария². Они тоже сохраняют дифференциацию по региональным торгово-транспортным издержкам (табл. 1).

Безусловно, практику интересуют конкретные значения ставок выравнивающих налогов. Они могут составлять, например, обратные величины действующих шкал удорожаний капитальных затрат по районам, как раз и определяющие степень дифференциации дополнительных доходов. Реально можно начать с малого числа учета влияния региональных условий, например, природно-климатических. Более полные комплексные ставки являются суммой элементов, опре-

² Модельно-программный комплекс для расчётов региональных отраслевых финансовых показателей (свидетельство о госрегистрации программы для ЭВМ №2011617654/РФ, 2011).

Таблица 1.
Отношение к среднему по стране индексов цен по районам России (2010-2015 гг.)

	1. Центр. ФО	3. Томск.	5. Д. Восток	6. Кемеров.	8. Алт. край	9. Кр. кр.	13. Хакасс.	16. Сев.- Зап. ФО	19. Тюмен.
1 Растениеводство	1.094	1.293	5.608	0.791	0.742	1.112	1.762	0.531	0.402
5 Добыча нефти	0.964	2.554	1.560	1.528	2.044	1.190	1.244	1.985	0.633
6 Добыча газа	1.787	1.070	1.654	1.649	2.675	3.738	4.105	1.331	0.790
12 Древесн. изделия	1.301	0.996	1.729	1.295	1.862	1.161	1.323	0.774	0.389
13 Целлюлоза, бумага	1.316	1.354	2.031	1.174	1.420	1.077	1.993	0.965	0.856
15 Кокс	0.603	6.835	0.186	6.293	6.711	7.903	9.379	2.792	0.466
16 Нефтепродукты	1.145	1.482	1.340	1.303	0.944	1.179	1.062	1.359	0.384
17 Хим. производство	0.798	0.889	1.086	0.687	1.309	0.908	0.705	1.545	0.824
20 Цветные металлы	0.011	1.966	1.662	0.725	1.482	1.208	1.002	1.684	0.033
22 Машиностроение	1.214	1.163	1.793	0.652	1.060	0.861	0.711	0.855	0.513
24 Электроэнергия	0.937	1.272	1.843	1.131	0.898	1.318	0.472	1.105	0.246
28 Строительство	1.568	1.002	1.645	0.031	0.859	0.155	0.426	1.044	0.484
29 Торговля, авторем	1.211	1.252	0.520	0.359	1.758	0.692	0.732	0.739	0.528
31 Железнодорожный	1.191	1.201	1.558	1.405	1.092	1.401	1.217	1.183	0.565
32 Трубопроводный	1.302	1.395	2.232	0.703	0.000	1.220	1.367	1.334	0.683
33 Автотранспорт	1.391	1.166	1.582	1.918	0.729	1.002	0.936	1.034	0.531
41 Животноводство	0.975	1.668	1.978	0.925	2.567	3.303	4.858	0.842	1.672

	1. Центр. ФО	3. Томск.	5. Д. Восток	6. Кемеров.	8. Алт. край	9. Кр. кр.	13. Хакасс.	16. Сев.- Зап. ФО	19. Тюмен.
44 Мясо-молочная	1.244	0.720	0.572	0.345	0.524	0.556	1.223	1.083	0.332
45 Мукомол. крупяная	0.985	0.695	0.610	0.552	1.383	0.877	0.613	1.119	0.272
48 Стройматериалы	1.165	2.951	2.202	1.254	2.258	1.756	1.899	1.390	0.606
50 Морской трансп.	0.000	0.000	1.092	0.000	0.000	1.243	0.000	0.763	0.163
51 Авиационный	1.327	1.669	1.461	1.098	5.245	1.015	1.216	0.988	0.400
52 Погрузка, разгрузка	1.440	1.926	1.237	0.861	8.724	1.325	5.959	1.039	0.462
Зар. плата	0.988	1.013	2.415	0.902	2.339	0.995	1.057	1.037	0.386
Рег. бюджеты	1.217	0.848	1.499	1.141	1.560	0.496	0.327	0.663	0.332
Рег. кредиты	1.118	0.726	0.703	2.039	2.504	2.681	4.481	0.308	1.237
Фед. бюджет									
Средние цены	1.093	1.312	1.767	0.784	1.111	1.344	0.711	1.103	0.617

деляющих удорожание по разным условиям. Число таких элементов по мере накопления опыта можно разумно увеличивать, всё более полно отражая многообразие влияния региональных условий на результирующие финансовые показатели.

В нашей стране имеется богатый опыт проектных организаций построения коэффициентов региональных коэффициентов “физического” удорожания затрат, широко применявшийся при административной системе экономического регулирования в советском периоде. Они тоже могут быть применены для расчета современных налоговых ставок по принципу отмеченного “обратного” удорожания. (Традиционно для параметров шкалы региональных различий в качестве исходной базы, на которую делятся показатели других районов, принимались районы средней полосы России.) Или в связи с появлением соответствующего федерального закона даже данные о прожиточном минимуме субъектов Федерации могут быть использованы для расчета территориальной дифференциации налоговых ставок в части учета влияния дифференциации заработной платы. Прошлые коэффициенты удорожания строительных работ в части отражающих “физическое” увеличение затрат по природно-климатическим условиям, сейсмичности и т.п., справедливы и сейчас, т.к. климат и природно-географические характеристики не меняются сильно на обозримых периодах времени. Этого нельзя сказать о ценностных факторах, определяющих, например, стоимость строительно-монтажных работ. Они во многом устарели и уже не соответствуют требованиям текущего времени.

Следует отметить, что введение специального федерального налога, сглаживающего последствия объективных региональных различий, и принятие его в форме закона, более выгодно отличается от подходов прямого предоставления льгот не осложняющими отношения между регионами, т.к. делают процесс борьбы между регионами и центром за льготы открытым. Федеральная шкала дифференцированных налогов должна подготавливаться Минфином и приниматься Думой. Межрегиональный принцип, заложенный при формировании такого закона, более проходим через общегосударственные законодательные органы, т.к. отражает наднациональные общерайонные интересы. Кроме того, практически легче и дешевле обеспечить принцип правового регулирования другими налогами: если обеспечивается межрегиональное выравнивание, то для остальной ветви традиционных, чисто региональных налогов сохраняется единый подход с количественно одинаковыми по районам налоговыми ставками. Здесь принципиально считать важнейшей задачей государст-

венных органов сначала создать равные условия для региональных экономик, и только выполнение этого условия создает предпосылки ослабления федерального вмешательства в региональную политику и решения, принимаемые самими регионами. Другие пути только осложняют отношения между регионами, т.к. дополнительные, получаемые сегодня доходы рентного характера просто так ни один регион не отдаст.

Безусловно расчет экономической ренты труден из-за резкой дифференциации по районам текущих цен, заработной платы, тарифов и других финансовых показателей. Поэтому использование прямых отчетных данных дифференциации доходов сильно искажает реальные соотношения по районам. Например, высокие номинальные личные доходы на Севере отнюдь не характеризуют высокие реальные доходы. Необходимо приводить статистические данные к сравнимому виду. К сожалению, это требует проведения специальных работ статистических органов. В обычных же условиях на первых этапах можно использовать относительные величины, рассчитанные по отчетным статистическим данным регионов. Среди них относительно доступными данными являются приведенные к сравнимой отраслевой структуре отношение заработной платы и личных доходов к прожиточному минимуму на душу и на семью, данные о региональных соотношениях показателей рентабельности по предприятиям, производящим относительно однородную продукцию, а также пока менее доступная ожидаемая информация по кадастровой оценке земель и т.д.

Введение специального федерального налога, регулирующего межрегиональные неравенства (назовем его федеральный межрегиональный налог — ФМН), необходимо проводить по компенсационному принципу: если какой-нибудь налог увеличивается, то соответственно должны уменьшаться другие налоги. В качестве такого может быть взят вызывающий много нареканий налог на добавленную стоимость. Общую величину этого налогового дохода можно взять в качестве исходной величины, а разнесение по районам провести на основе расчетной шкалы дифференциации в форме, например, федерального налога на землю или по другим факторам.

Следует отметить, что существует также и внутренняя проблема отмеченной территориальной дифференциации ренты по отдельным отраслям: в сельском хозяйстве — по качеству земель, при сравнении районов по отмечавшемуся инфраструктурному обеспечению и агломерационному эффекту концентрации производств (городские, пригородные и сельские территории), в добывающих отраслях — по геологическим условиям и качественному составу полезных ископае-

мых, благоприятной внешнеторговой конъюнктуре, удалённости от приграничных пунктов и портов внешнеторговых поставок и т.д. Учёт их тоже должен проводиться, как составляющих межрегионального налога. Указанные отраслевые доходы и отчисления от них могут составлять значительные суммы. (Например, статистика зафиксировала поступления в региональные бюджеты Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО только по налогу на добавленную стоимость в 2010г. соответственно больше 100 и 59 млрд. руб., что косвенно характеризует высокую доходность нефтегазового комплекса на данных северных территориях³.

Кроме того, необходимо введение льгот при экологически щадящем режиме использования земель легко ранимых территорий северных районов: для пастбищ, охотничьих и рыболовецких хозяйств и других элементов сельхозугодий. Но это специальная тема, которая не может быть решена без изложенных выше начальных, но принципиальных мероприятий по учету территориальной ренты, как влияние климатических условий. По мере накопления практического опыта использования ФМН и необходимости и готовности более полного учета отраслевых региональных различий, будет увеличиваться и число составляющих элементов в ФМН.

В заключение следует подчеркнуть, что все наши предложения носили осторожный характер. Такую осторожность необходимо соблюдать и при определении конкретных ставок налогов и их лишь постепенного роста. В частности, на первых этапах изъятие не должно превышать 20-30% предполагаемого рентного дохода. Необходимо экспериментально «посмотреть» и оценить последствия. Реальное проведение указанных мероприятий по экономической политике носит всегда комплексный характер, но все стороны этого влияния учесть заранее всегда трудно. В частности, нужно сохранить определённый стимул размещения производств в высоко доходных районах, не «срезать» доходность при осуществлении дальних поставок продукции и т.п.

Формы фактических норм ФМН тоже могут быть разными, сохраняя максимальную преемственность традиционных норм налогового кодекса. В частности, ФМН может быть «погружен в федеральные доли» существующих налоговых норм. Реализация таких и других аналогичного характера мер, как отмечалось, позволит для регио-

нальных ставок сохранить единство, то есть одинаковые значения по всей территории страны. Нам кажется перспективным иметь такую «долю» не только в налогах на землю, но и на имущество, в налоге с продаж и т.д. Осторожность и постепенность необходимо проявлять и при определении количественного уровня ставок. В частности, ФМН ставки налога на землю должны обеспечивать доходы сначала не более 1% ВВП. Европейская практика характеризует эти налоговые доходы тоже небольшими — до 2%. Дальнейшее увеличение ФМН зависит от результатов и степени замещения им других налогов. Поэтому, мы указали лишь направления, в которых нужно совершенствовать законодательство. Более точные количественные соотношения ставок и моменты принятия решения по их росту вместе с увеличением влияния тех или иных факторов подскажет сама практика.

Внедрение выравнивающих принципов в практику построения регионально дифференцированных федеральных налогов является логичным при совершенствовании смешанно-рыночных принципов экономического регулирования. Они определяют условия самоорганизации своей деятельности и зарабатывания всеми регионами, включая реципиентными, собственных доходов, что позволит для многих встать на путь постепенного выхода из списка вечных просителей федеральных дотаций. Меры являются достаточно очевидными, т.к. уже применяются на подотчётной территории многими субъектами Федерации при выравнивании региональных налогов для удалённых от центра производителей.

Практика диктует для больших по территории стран социально-экономическое регулирование по относительно крупным регионам, на территории которых, тем не менее, многие решения должны быть по возможности детализированными и пространственно локализованными. Указанная детализация определяется учётом рельефа, климатическими особенностями, конкретными маршрутами дорог между населёнными пунктами, степени отдалённости от столичных городов, компактным проживанием различных национальностей.

³ Чужмарова С.И. Совершенствование методики налогообложения добавленной стоимости (на примере северных районов). /Региональная экономика: теория и практика. — 41 (24) — 2011, ноябрь. — с. 32–37.

Гриценко А.А., Крылов М.П.

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА И РОССИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНТРАСТЫ В ИДЕНТИЧНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (подходы к интерпретации новых данных)¹

Настоящая публикация продолжает цикл статей авторов по проблемам идентичности сопредельных регионов Украины и России, начатый в 2009 г.

Первоначально (2008–2009) авторами были изучены российские регионы, на территории которых располагаются части исторических областей Гетманщины и Слободской Украины, — Брянская, Курская, Белгородская и Воронежская области. Исследования позволили выявить довольно значительное присутствие *унаследованных украинских этнокультурных компонентов* в современной региональной идентичности населения, а также ареал и степень их сохранности.

Спустя два года (в 2011 г.) авторы поставили перед собой задачу сравнения региональных идентичностей российской и украинской частей Гетманщины и Слободской Украины. Важно было ответить на следующие вопросы: насколько контрастны или же подобны современные формы местной исторической памяти по разные стороны границы; сходным или же различным является восприятие исторического пути развития регионов; какие элементы региональной идентичности и исторического сознания проявляют устойчивость, а какие, напротив, — неустойчивость к «терапевтическим» средствам, используемым в Украине и России в процессе государственного строительства?

Обозначенные вопросы актуальны для понимания характера социокультурных и этнополитических процессов в районах, разделенных ныне государственной границей, с общим (но не тождественным) историческим прошлым. В общем виде речь может идти о пространственных закономерностях общественных процессов в пограничьях,

идентичность населения которых иногда принято называть «приграничной идентичностью» (Крылов, 2012). В свете этого могут быть рассмотрены в едином ключе столь непохожие друг на друга пограничья — Шлезвиг и Гольштейн, Эльзас и Лотарингия, Верхняя Силезия, белорусско-украинско-российское Полесье, польско-литовско-белорусское приграничье вдоль р. Неман и другие.

Авторы полагали, что региональные контрасты в идентичности соседних районов России и Украины должны быть связаны не столько с различием исторических судеб как таковых (хотя нередко они существенны и здесь), сколько с местными трансформациями исторического сознания, определяемыми взаимодействием внутренних (эволюция идентичности) и внешних («историческая политика») причин, условий и обстоятельств регионов и государств. При этом мы исходили из предположения, что региональные контрасты, связанные с *исторической памятью*, не должны полностью совпадать с проявлениями «русской» и «украинской» *этнокультурной идентичности* или же иметь похожий пространственный рисунок.

В рамках гранта РГНФ (№12-01-18066) авторами было проведено экспедиционное обследование городов четырех областей Украины — Полтавской, Сумской, Харьковской и Черниговской, а также Курской области России. В рамках гранта РГНФ 2013 г. авторами было проведено экспедиционное обследование в городах Полтавской, Киевской и Луганской областей Украины, а также в городах Брянской области России. Брянские города изучались в основном в пределах бывшей Черниговской губернии, за исключением г. Трубчевска, который еще со времен войн между Речью Посполитой и Московским государством неизменно входил в состав российских территориальных образований.

В исследовании российских территорий 2012–2013 гг., при анкетировании и интервьюировании респондентов, авторами была принята «система координат», гипотетически ориентированная на рассмотрение исторической памяти в Украине, делающая акцент на предполагаемые реперные проблемы, связанные с украинской идентичностью. В то же время для украинских регионов применялись подходы, предложенные и апробированные авторами ранее при поиске моделей обнаружения и описания украинских этнокультурных компонентов в российской региональной идентичности (Гриценко, 2011; Gritsenko, 2011; Гриценко, Крылов, 2012 и др.).

Методологические замечания, авторская концепция и гипотезы. В качестве исходных составных региональной идентичности рассматривались простые, по крайней мере, на первый взгляд, компоненты историко-культурного ландшафта (архитектура, язык, корни, па-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №13-01-00050).

мать, этническое самосознание и другие). Во многих изученных городах было зафиксировано присутствие украинской культуры в компонентах идентичности. Хорошо известно, что территория российско-украинского порубежья начиная с XVII–XVIII вв. заселялась одновременно выходцами из Украины и выходцами из Центральной России (Пора-Леонович и Ставровский, 1903; Багалій, 1918 и др.). Это позволило предположить существование определенной устойчивости во времени и пространстве украинских этнокультурных локусов идентичности.

В работах авторов было показано, что в пределах Левобережной Украины и сопряженных территорий России наблюдается плавный градиентный переход между русской и украинской культурами, выражающийся в когнитивном изменении компонент идентичности, от «чисто русских» до «чисто украинских». Модель, отображающая такой пространственный переход, была названа «российско-украинский этнокультурный градиент» (Гриценко, Крылов, 2012). Важно отметить, что градиент, территориально рассекаемый современной государственной границей России и Украины, не повторяет культурно-языковую дифференциацию (понимаемую как ориентацию на использование русского или украинского литературного языка в быту), поскольку учитывает и многие другие выше приведенные составляющие, связанные с исторической памятью и укорененностью населения. Однако в целом градиент коррелирует с языковыми зонально-региональными различиями, связанными с «суржикоизацией», фонетическими заимствованиями, говорами.

Мотивация к использованию литературного русского или литературного украинского языка в Левобережной Украине проявляет вариативность как пространственную, так и ситуативную. Эта вариативность является одним из проявлений современной идентичности, активно включенной здесь в этнополитические процессы Украины и сопряженной, в конечном счете, с почти диаметрально противоположными моделями политической ориентации — самостийно-западнической («украинофильской») и евразийской («русофильской»).

Авторы обращают внимание на *фактическую идентичность* населения изучаемых территорий, которая нередко остается вне поля зрения исследователей, увлеченных рассмотрением разнообразных аспектов «нациестроительства», «конструирования идентичности» и «политики памяти»², — когда на самом деле изучаются (фиксируются,

² Позиция, противоположная нашей, активно отстаивается рядом авторов (например, Мусихин, 2012; Гельман, 2003), которые по сути допускают возможность неограниченного вторжения во внутренний мир человека (вопрос о закреплении сконструированной идентичности в формирующейся традиции этими авторами не рассматривается).

обобщаются) декларируемые, но не обязательно реализуемые стратегии, не оценивается степень реализации этих стратегий. В итоге предметом исследования нередко становится не реальность во всей ее сложности, неоднозначности, противоречивости и пространственной дифференцированности, а всего лишь желаемый (прежде всего властями) план итогового преобразования реальности (культурной, этнонациональной, политической).

Фактическая идентичность населения далеко не всегда соответствует заявлениям политиков и примыкающей к ним части интеллектуальной элиты, а также многим из популярных ныне и активно «раскручиваемых» маркеров идентичности, как, допустим, использование русского языка в быту. Например, северо-восточные территории Украины, где в бытовом употреблении до сих пор преобладает русский язык, в политическом контексте обычно не солидаризуются с Донбассом, Новороссией или Крымом. Все это требует особых способов своей репрезентации (см., например: Гриценко, Крылов, 2013). Соответственно, этнокультурный градиент — это очень важная составляющая и предпосылка идентичности, но далеко не вся идентичность, рассматриваемая в пространственно-территориальном аспекте.

В начале 90-х гг., как известно, в Украине был взят курс на построение нации-государства, в основу которого лег принцип: «одно государство — одна нация — один язык». Стратегии нациестроительства иногда приобретали жесткую идеократическую форму. Однако вряд ли можно полагать, что декларируемые и реализуемые стратегии имели и имеют одинаковый эффект в различных частях Украины в силу высокого разнообразия этнокультурных условий и существования множества *регионально контрастных матриц — социокультурных кодов идентичности*. Мы полагаем, что данные коды фильтруют внедряемые практики конструирования национальной идентичности, благодаря чему в разных районах на низовом уровне воспринимаются и усваиваются не все, а лишь немногие составляющие применяемых «штампов» конструируемой идентичности и исторической памяти.

Логика современного украинского национального проекта диктует идентичности определенную дистанцированность от России и/или русской культуры. Однако такая дистанцированность, судя по имеющимся материалам, в условиях Левобережной Украины определяется не только языковыми и другими этнокультурными факторами, но также и сохранившейся *местной исторической памятью, восприятием России как «значимого другого»*, допускающим рассмотрение ее (подкрепляемое разнообразными историческими ассоциациями)

как дружелюбного или же, напротив, «агрессивного», или «самоуверенного» соседа.

При этом населению Левобережной Украине, наравне с вариативностью в мотивации к использованию определенного языка, свойственна также и *естественная региональная амбивалентность* в отношении к исторически и культурно близкой России. Эта амбивалентность определяется разнообразными факторами, связанными как с историческим прошлым, так и с современностью. Ассоциации с Россией у населения здесь встречаются как позитивные, так и негативные.

Для восприятия России в том или ином свете имеют значение и возраст человека, и его социальный статус, и многое другое, но также и культурно-исторический базис «принявшего» сообщества, на изменение которого в основном направлена историческая политика и политика идентичности в Украине. Последние реализуются посредством разнообразных (гео)политических дискурсов в СМИ, литературе, системе образования, которые приносят новые, порой тенденциозные интерпретации тем и сюжетов, связанных с Россией. Реакция населения на них возникает неизбежно. Однако и здесь, как показывают обобщения собранных в 2012–2013 гг. материалов, в реакции населения присутствует неоднозначность (двойственность), объясняемая как естественным ходом развития местной идентичности, так и недифференцированностью, универсальностью политических практик в сфере памяти и идентичности.

Вместо унификации и конвергенции региональных идентичностей в Украине, желаемой идейными вдохновителями украинского национал-строительства, наблюдается дополнительная дифференциация и дивергенция, как бы дрейф регионов в разные стороны (хотя и в пределах общеукраинской самоидентификации). Исходно дифференцированные в историко-культурном отношении украинские регионы получают дополнительные различия даже в пределах относительно однородных исторических областей. Общество, цементируемое общеукраинским патриотизмом³, неожиданно получает импульс к ложному культурному сепаратизму⁴ в силу соприкосновения глубинных

³ Можно рассуждать о том, является ли этот патриотизм разновидностью местного патриотизма некогда обширной империи (допустим, как формы «малороссиянства», по О. Субтельному), или же это — патриотизм появившегося на политической карте нового государства. Однако в данном контексте это не существенно.

⁴ «Ложность» сепаратизма здесь понимается прежде всего в смысле расхождения культурной и социально-политической доминант идентичности.

пластов исторического сознания с активно проводимой политикой идентичности. Контрасты социокультурных кодов региональной идентичности проявляется, в частности, в «советизированной» исторической памяти Луганска, в ориентации на традиции и проблемные ситуации, связанные с Гетманщиной и пребыванием Украины в составе СССР в Нежине, Сумах и Полтаве, в значительной ориентации на русскую культуру, при весьма настороженном отношении к современной России, в Чернигове. Косвенно эти различия проявляются также в зафиксированной нами множественности «региональных эталонов» украинской культуры, к которым могут относиться и Полтавщина, и Закарпатье, и Западная Украина, и Наднепровье, а нередко также и свой собственный регион. Кроме того, можно отметить значительные региональные различия в трактовке ряда раскрытых тем, например, такой, как «Голодомор 1932–33 гг.».

Объективное ментальное «прощание» с Россией сопровождается движением различных регионов Украины в разные стороны, не сводимым к «западному» или «восточному» вектору. Это движение порождается, как отмечалось выше, малопредсказуемым результатом воздействия искусственных моделей идентичности на отдельные (в разных регионах — разные) составляющие местного культурного кода.

Эти коды носят весьма устойчивый характер, хорошо воспроизводимы при анализе результатов анкетирования и весьма рельефно проявляются на фоне российско-украинского этнокультурного градиента. Все существующие тенденции развития Украины так или иначе оцениваются людьми через призму этого кода, в котором эти тенденции преломляются как в кривом зеркале, в каждом регионе по-своему. Можно видеть, как сообразно существующему региональному разнообразию таких кодов («зеркал») получают развитие политические инициативы центральных властей (Киев), направленные на унификацию (гомогенизацию) восприятия истории Украины, формирование пантеона героев и т.д.

Во многих случаях возникающий резонанс между местной историей, местной культурой и политизированной национальной историей, слабо учитывающей региональные особенности отдельных частей страны, приводит к активному возрождению интереса к региональной истории и краеведению (очень часто, судя по анкетам, в ущерб общеукраинской истории).

Сказанное не должно быть воспринято как упрек к проводимой в Украине политике памяти, указанием на ее недостатки. Авторы считают нецелесообразным привнесение сюда оценочных суждений и рас-

смаатривают в данном случае политику памяти как социальный эксперимент, который будоражит сознание людей и помогает выявить своеобразную структуру культурного пространства.

Обращает на себя внимание весьма значительная слабость (узость) исторического сознания на сопредельных территориях России. В российских регионах, по сравнению с украинскими, историческое сознание неактуализировано, «палитра» красок, смыслов, нюансов исторической памяти проявляется гораздо менее отчетливо. Вероятно, что в России общезначимое (общероссийское, общерусское) историческое сознание в весьма значительной степени оторвано от местной идентичности⁵. С другой стороны, слабость российского исторического сознания, нередкое «мелкотемье» исторических сюжетов, которые считают «поворотными» для местной истории (характерный пример — Курская область: см. табл. 1), является признаками отсутствия в России внятной исторической политики. Кроме того, в России доминирует имперская (в смысле: космополитическая) тактика государственного строительства, а российская политика идентичности в целом направлена лишь на создание политической гражданской нации. Национализм как государствообразующая идеология в России сейчас фактически отсутствует.

Сравнительный анализ результатов исследования выявил существование пространственных асимметрий в идентичности и исторической памяти в России и в Левобережной Украине.

В России позитивное, чувственное отношение к Украине (в разных аспектах) большее распространение имеет в пределах широкой полосы б. Слободской Украины и Гетманщины. На территориях, непосредственно прилегающих к российско-украинской границе, наблюдается «всплеск» общероссийской идентичности, несколько ослабляющий эту связь с Украиной (см.: Гриценко, 2011; Гриценко, Крылов, 2012). Во внешнем по отношению к государственной границе поясе российско-украинского порубежья восприятие Украины менее чувственное, более рациональное, что связано со значительной (по сравнению с внутренним поясом) культурной дистанцией от Украины.

В Левобережной Украине более позитивное, нейтральное отношение к России нередко прослеживается во внутренних, по отношению к российско-украинской границе, районах. Для этих территорий

⁵ Российская региональная идентичность имеет, как показано нами (Крылов, 2010), достаточно развитую фольклорную (городскую и сельскую) и чисто местную исторические составляющие. Поэтому слабость и малую пространственную дифференцированность российского исторического сознания неправильно было бы интерпретировать в духе «аспятиальности» (по Л.В. Смирнягину).

характерна высокая ориентация на украинский литературный (не обязательно — разговорный) язык и украинскую автокефальную церковь (пример — Полтава). В то же время на периферийных территориях Левобережной Украины (характерный пример — Сумы) образ России пестрит разнообразием, часто встречаются негативные ассоциации. Это может быть объяснено, хотя бы отчасти, более острым восприятием «давления России» на Украину.

Приграничные территории, насколько мы можем судить, подвергаются более активному воздействию со стороны властей, связанному с «конструированием идентичности». В то же время на более «глубинных» территориях (Полтава, Нежин, Чернигов) такое воздействие, по нашим наблюдениям, минимально, несмотря на неоднородность этих территорий, существование различий в использовании языка, в исторической памяти и в характере проявления украинофильских тенденций. Возможной причиной этого является местная идентичность, не вызывающая скепсис с позиций принятой модели нациестроительства.

Восприятие идеи «славянского единства» в России преобладает, при этом «единство» понимается в духе «имперской идеи», в то время, как в Украине делается акцент на «равноправное сотрудничество». Некоторые респонденты в Украине вовсе не знают об идее «славянского единства» или воспринимают эту идею этнополитически, например: «не воспринимаю эту идею, — независимость каждому народу» (ж, 44 года, г. Сумы).

В заключение статьи приводятся таблицы 1 и 2, в которых представлены краткие обобщения части собранных авторами в 2012–2013 гг. материалов, интерпретацией которых служит представленный текст. Таблица 2 сопровождается примерами высказываний, зафиксированными авторами при анкетировании.

Таблица 1.

Векторы исторической памяти в соседних регионах Украины и России

№	Чернигов	Сумы	Луганск	Курская обл.	Брянская обл.
1	Левобережная Украина – 20% Черниговский – 15% Северщина – 15%	Слободская Украина – 70% Левобережная Украина – 10%	Донбасс – 75% Слободская Украина – 20%	Курский край – 30% Черноземье – 30%	Украина, Черниговщина – 25% Центральная Россия – 15% Брянский край – 10% Беларусь – 5%
2	А Б 30 65 + – × 65 5 25	А Б 40 60 + – × 70 5 25	А Б 40 75 + – × 75 0 25	А Б 27 66 + – × 75 0 9	А Б 25 75 + – × 95 0 5
3	Эпоха Киевской Руси – 15% 1991 г. – 5% <i>Таких событий нет</i> – 50%	Оранжевая революция – 15% ВОВ – 10% Времена Гетманщины, в т. ч. Конотопская битва – 10% 1991 г. – 5% <i>Таких событий нет</i> – 25%	Гражданская война и Революция 1917 г. – 15% 1991 г. – 15% ВОВ – 10% События последних лет – 7% <i>Таких событий нет</i> – 50%	ВОВ – 21% Местные локальные события – 18% Открытие и разработка КМА, строительство Курской АЭС – 3% <i>Таких событий нет</i> – 48 %	ВОВ – 10% Авария на ЧАЭС – 10% Распад СССР – 5% Времена Гетманщины – 5% <i>Таких событий нет</i> – 55%
5	Полтавский – 30% Западная Украина – 45% Центральная Украина – 15%	Полтавский – 40% Западная Украина – 30% Центральная Украина – 10% Слободская Украина – 10% Черниговский – 10%	Полтавский – 20% Западная Украина – 50% Центральная Украина – 20%	Ареалы украинской культуры в Курской области (Глушково, Суджа и др.) – 18% Курская область и другие русские территории – 12% Национальные республики России – 9% <i>Не ответили</i> – 60%	Западная часть Брянской области – 30% Восточная часть Брянской области – 20% <i>Не ответили</i> – 50%

№	Чернигов	Сумы	Луганск	Курская обл.	Брянская обл.
6	ВОВ – 25% Советская эпоха – 15% <i>Не ответили</i> – 50%	ВОВ – 40% Советская эпоха – 10% 1812 г. – 5% <i>Не ответили</i> – 40%	ВОВ – 50% Советская эпоха – 20% <i>Не ответили</i> – 50%	ВОВ – 55% Советская эпоха – 4% <i>Не ответили</i> – 40%	ВОВ – 40% Советская эпоха – 10% Времена Гетманщины – 5% <i>Не ответили</i> – 40%
7	Сталинские репрессии и голодомор (1932-34) – 10% Распад СССР – 15% Ликвидация Гетманщины – 10% <i>Не ответили</i> – 50%	Сталинские репрессии и голодомор (1932-34) – 30% Распад СССР – 10% <i>Не ответили</i> – 40%	Сталинские репрессии и голодомор (1932-34) – 30% <i>Не ответили</i> – 50%	Распад СССР – 15% Социально-экономическое положение России – 10% <i>Не ответили</i> – 60%	Распад СССР – 20% Афганская и Чеченская военные кампании – 15% Социально-экономическое положение России – 10% <i>Не ответили</i> – 55%
8	+ – – × 50 10 25 РФ СЧ МАЛ	+ – – × 45 35 20 РФ СЧ МАЛ	+ – – × 35 35 20 РФ СЧ МАЛ	+ – – × 60 18 22 РФ СЧ УКР	+ – – × 75 5 20 РФ СЧ УКР
9	+ – + – + 30 30 25 40 20 РФ СЧ МАЛ	+ – + – + 30 35 30 20 40 РФ СЧ МАЛ	+ – + – + 65 20 60 15 50 РФ СЧ МАЛ	+ – + – + 72 18 42 36 33 РФ СЧ УКР	+ – + – + 40 10 30 20 30 РФ СЧ УКР
10	+ – – × 25 20 10 25	+ – – × 30 35 20 10	+ – – × 30 20 0 50	+ – – × 9 42 21 12	+ – – × 10 30 30 25

Примечание: анкетирование экспертов 2012 — 2013 гг., Чернигов — 28 чел., Сумы — 76 чел., Луганск — 22 чел., Курская область (гг. Курск, Рыльск) — 109 чел., Брянская область (гг. Клинцы, Новозыбков, Стародуб, Почеп, Трубчевск) — 58 чел.

Вопросы в Таблице 1:

№1: Как Вы считаете, к какому региону традиционно (исторически) относится местность, в которой Вы сейчас живете?

№2: В каком аспекте Вы воспринимаете известную идею «славянского единства»?:

Группа ответов 1: в аспекте культурного единства всех славянских народов (чехов, поляков, сербов, русских и т.д.) и (гео)политического единства всех славян, в %;

Группа ответов 2: активного сотрудничества восточных славян на равноправной основе и культурного, политического и экономического единства украинцев, белорусов и русских, в %.

№3: Как Вы сами относитесь к этой идее?

«+» — положительно, «-» — отрицательно, «х» — нейтрально, в %.

№4: Какие события отдаленного и недавнего прошлого Вам кажутся интересными, значимыми, поворотными для Вашего края?

№5: С каким регионом у Вас ассоциируются украинские традиции (сохранение традиций — для России)?

№6: Какие события прошлого, местной истории, связанные с Россией или СССР, по Вашему мнению, должны вызывать чувство гордости?

№7: Какие события прошлого, местной истории, связанные с Россией или СССР, по Вашему мнению, должны вызывать чувство досады или негодования?

№8: Сожалеете ли Вы, что в недавнем прошлом возникли государственные границы между Россией и Украиной?

«+» — да, сожалею, «-» — нет, не сожалею, «х» — затрудняюсь ответить, в %.

№9: Скажите, пожалуйста, что первое приходит Вам в голову, какие мысли, образы или ассоциации, когда Вы слышите слово: «Россия» (**РФ**), «Советский человек» (**СЧ**), «Малороссия» (**МАЛ**) (для Украины); «Россия», «Советский человек», «Украина» (**УКР**) (для России)? «+» — положительные образы, «-» — отрицательные образы, в %.

№10: Как Вы относитесь к отделению православной церкви Украины от Русской православной церкви? «**А**» — положительно, она должна быть самостоятельной (автокефальной), «**Б**» — отрицательно, «**В**» — пока не решил, «**Г**» — равнодушно, в %.

Таблица 2.
Ассоциации со словами-маркерами в Левобережной Украине и сопредельных регионах России

Регионы	Слова-маркеры	Распространенные ответы	Редкие ответы
Левобережная Украина	Россия	Соседнее государство, соседи, Москва, Кремль, Путин, газ	Друзья (друзба), сильная держава, богатство, тщеславие, «враг №1» империя зла, «агрессор», опасность, империализм, старший брат, матрешка, «азиатская страна», рабство, коррупция
	Советский человек	Прошлое, житель СССР, рабочий, бедность, гордость	Ностальгия, воспитание, коммунизм, стандарт, однотипность, зомби, серость, «совок», стабильность, «правильный, но...», очередь в магазине, Брежнев
	Малороссия	Украина, оскорбление («намерение говорящего унижить, доказать его неполноценность»), старый русский термин	Незнание истории, история, «петровская дурость», «невольная жизнь», автономия, Украина-Русь, несправедливый поворот истории
	Слобожане	Жители восточных регионов Украины (Слобожанщины), украинцы («они тоже украинцы»), мы	«Наш край», «прихвостни России», предатели и «ренегаты», граница, сброд
Россия	Россия	Родина, страна, гордость, империя, нищета («... в богатейшей стране»)	Москва, Путин, коррупция, русские
	Советский человек	Труженик, житель СССР, гордость, интеллигент, скромность, ностальгия	«Не вернешь», бедность, КПСС, Брежнев, майская демонстрация, «живущий прошлым»
	Украина	Соседи, сало, Киев, Гоголь, Тарас Бульба	Шевченко, культура, славяне, граница, Тимошенко

Примеры высказываний:**Россия**

Курск, негодование: «встреча немецких оккупантов хлебом и солью», «борьба с коррупцией», «москвичи уже достали!», «законы, приводящие к обнищанию населения».

Почеп, гордость: «отделение от Украины в 1918 году».

Рыльск, гордость: «воссоединение России и Украины».

Давление на Курскую область (со стороны Украины): «Давит Сумская область: высоко о себе мнения. Стараются принизить, унижить россиян» (ж, 60 лет, г. Рыльск).

Давление на Курскую область (со стороны России): «проявляется во всяких формах: как спрут, Москва высасывает все ресурсы из города и региона» (м, 50 лет, г. Курск).

Украина

Луганск, давление: «наиболее острая конкуренция внутри региона — Донецкая область стремится присоединить Луганскую».

Луганск, отличия: «наибольшие отличия с Донбассом».

Сумы, давление⁶: «Давит Донбасс и Россия — экономическое и политическое давление Донбасса, навязывание Россией своих интересов в важных для нее аспектах» (ж, 42 года), «Давление ощущается со стороны России: газ, русский язык, осталась проблема и старшего брата» (ж, 45 лет).

Чернигов, давление: «Давит Киевский регион (более высокий уровень развития)» (м, 59 лет).

Чернигов: негодование вызывает бездарная политика президентов Украины по отношению к России (в смысле: нет отпора давлению России) (м, 59 лет).

Сумы: трактовка Оранжевой революции 2004 г.: «Восстание молодого духа против геноцида украинцев» — т.е. эта революция, в понимании респондентов, была направлена прежде всего против своих же украинских властей («Киева»).

Литература

1. Багалій Д.І. Історія Слободської України. — Харьков: Союз, 1918. — 308 с.

⁶ Около 25% респондентов из Сум полагают, что давит Россия и ее ближайшие регионы (Белгородская и Курская области).

2. Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003, том 6, 32. — С. 91–105.
3. Гриценко А.А. Этнокультурный градиент и региональная идентичность в российско-украинско-белорусском порубежье // Известия РАН. Серия географическая, 2011, №1. — С. 31–44.
4. Gritsenko A.A. Ethnocultural Gradient and Regional Identity along the Russian–Ukrainian–Belarussian Borderland // Regional Research of Russia, 2011, Vol. 1, No. 4, — pp. 373–384
5. Гриценко А.А., Крылов М.П. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины // Культурная и гуманитарная география, 2012, Т.1, №2. — С. 126–140.
<http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/53>
6. Гриценко А.А., Крылов М.П. Идентичность и политика сквозь призму украинского государственного строительства / Круглый стол «Современное состояние и перспективы внутривосточного развития Украины» // Мировая экономика и международные отношения, 2013, №9. — С. 99–101.
7. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России — М.: Новый хронограф, 2010. — 237 с.
8. Крылов М.П. Приграничная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности в двух томах. Том 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. Отв. ред. И.С. Семененко — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 147–153.
9. Мусихин Г.И. Идеология и история // Общественные науки и современность, 2012, №1. — С. 134–146.
10. Пора-Леонович А.Я. и Ставровский Я.Ф. Распределение населения Малороссии по территории, его этнографический состав, быт и культура // Глава V в кн.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, 1903, т.7, Малороссия. — СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1903. — С. 90–127.

Сергеева К.П.

ЭКСПОРТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ИЗ РОССИИ

В период глобализации каждая из стран мира стремится избрать возможно большее число конкурентоспособных отраслей в мировой экономике и стать в них одним из лидеров.

В последние десятилетия экономика мира значительно изменилась, резко возросла роль знаний. В.П. Максаковский (11, стр. 4) называет это «экономикой знаний». По мнению экспертов ООН «Экономика знаний — это экономика, в которой знания создаются, распространяются и используются для обеспечения хозяйственного роста и международной конкурентоспособности страны». По мнению академика Максаковского В.П. основными составляющими экономики знаний являются: образование; высокий уровень развития научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР); высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий.

Поскольку в эпоху развития инноваций в экономике «кадры решают все», то между странами идет конкуренция за такой высококвалифицированный капитал. Борьба идет сразу в нескольких направлениях: а) рост уровня образования и затрат на него в своих странах; б) привлечение высококвалифицированных мигрантов со всего мира; в) рост подготовки иностранных студентов в своих странах, в том числе и с целью сохранить их для работы в своей стране, т.к. они уже знают язык страны, подготовлены по необходимым профилям и программам.

Накануне распада СССР в наших вузах обучалось 126,5 тыс. иностранных студентов, что составляло 10% общемировой их численности, и по этому показателю СССР занимал 3 место в мире после США и Франции. Кроме того, в 36 странах мира при содействии СССР было создано 66 вузов разного профиля. По странам, из которых обучались иностранные студенты в России, они распределялись следующим образом.

Наиболее крупный контингент был представлен из Монголии, Вьетнама, Афганистана, Кубы, Болгарии, Сирии, Йемена, Эфиопии и Ливана (более 3000 человек из каждой страны, а из Монголии — более 9000 человек). Более половины иностранных студентов получили

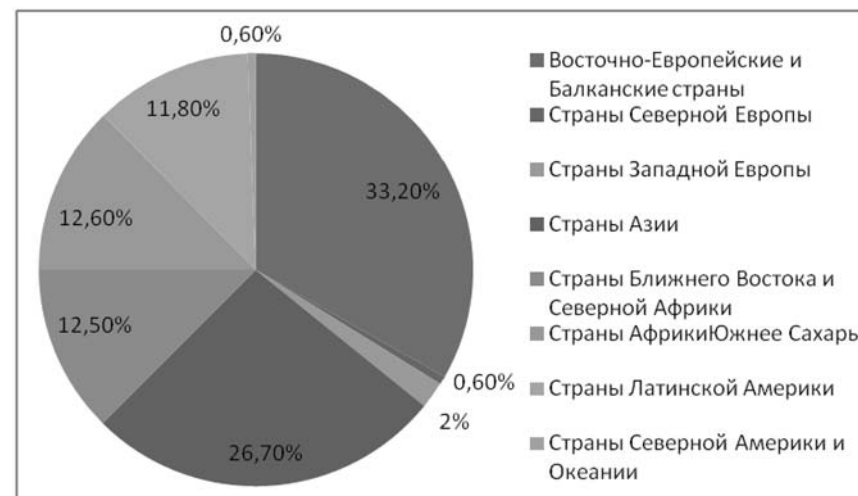

Рис. 1. Доля иностранных граждан, получивших образование в СССР в 1950-1985 гг. по основным группам стран¹.

инженерно-технические специальности, 18% — естественно-научные и социально-гуманитарные, 17% — медицинские.

Инновационное развитие предъявляет особые требования к высокообразованным специалистам, поэтому совсем иная специализация находит спрос в XXI веке. Сейчас более востребованными стали специальности врачей, экономистов, специалистов по русскому языку. По-видимому, считается, что по основным инженерно-техническим специальностям готовят лучше в США и ЕС (например, специальность по приборостроению в РФ изучают только 658 иностранцев, морскую технику — 462, тогда как авиационную технику и ракетостроение изучают 7599 человек).

Иная картина сложилась и по географии образовательных услуг из России в XXI веке. Всего обучаются в России представители 124 стран, тогда как в Китае по данным А.П. Арефьева — 190 стран.²

Увеличилось количество стран среди обучаемого контингента, но уменьшилось число представителей от каждой страны. По-прежнему, лидером по числу обучаемых в России является Китай (более 15 тыс. чел.), Вьетнам (более 4,6 тыс. чел.), Индия (более 5,5 тыс.

¹ Экспорт образовательных услуг. Анализ управленческих решений. Издательский дом «Дело». — М., 2011. — С. 17.

² Экспорт образовательных услуг. Ст. сборник, вып.2. — М., 2009. — с. 28.

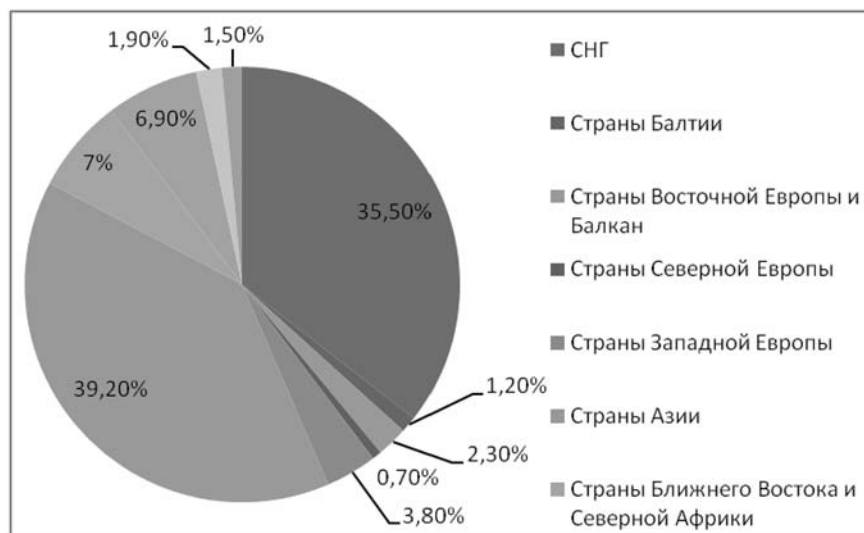

Рис. 2. Доля иностранных граждан, получивших образование в России в 2007-2008 гг. по основным группам стран мира, в % (Подсчитано автором по материалам справочника).

чел.), Малайзия (3 тыс. чел.), Республика Корея (более 2,5 тыс. чел.). Зато контингент обучаемых из Монголии сократился в 4 раза, Вьетнама — в 1,5 раза, Кубы — почти в 34 раза. Безусловно, сказываются изменения в политических и экономических предпочтениях. В последние годы произошло переориентирование иностранных граждан на обучение в США, Китае и странах ЕС. Это связано с кризисом высшего образования в России, лучшими условиями проживания в других странах, возможностью совмещать учебу с работой в ряде стран и где остаться на постоянное жительство. Немаловажную роль сыграли миграции из России постсоветского периода. Так, рост получающих образование в России из Северной Америки в 2,5 раза, по-видимому, объясняется желанием русских эмигрантов получить отечественное образование.

Из стран СНГ наибольшее число обучающихся из Казахстана (более 13,5 тыс. чел.), более 1000 — из Украины, Молдовы и других стран, Все в совокупности страны Балтии дают лишь 1268 обучаемых, а из Восточной Европы и Балкан — немногим больше 2000, т.е. число обучаемых из этого региона сократилось с 33,2% до 2,3% (более чем в 14 раз!). Зато немного выросло число обучающихся из Западной Европы (с 2 до 3,8%). Значительно увеличилась доля обучающихся из

Азии (с 26,7% до 39,2%), но сократилась доля обучающихся в России из Африки к югу от Сахары (немногим меньше, чем в 2 раза); значительно снизилась доля иностранных обучающихся из стран Ближнего Востока и Северной Африки, по-видимому, из-за военной нестабильности здесь; снизилась доля обучающихся из Латинской Америки (почти на 10%), зато выросла доля получающих образование из Северной Америки и Океании.

К исследуемому нами периоду (2007-2008 уч. год) число иностранных студентов в России было 102,9 тыс. человек, что составляло лишь 3,2% общемирового контингента иностранных студентов.

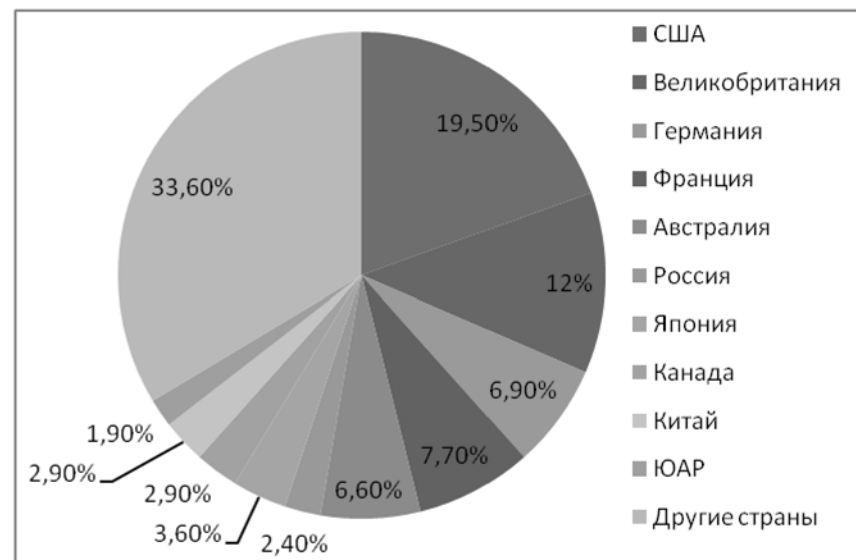

Рис.3. Общемировое распределение иностранных студентов по основным странам обучения в 2008-2009 академическом году.

Лидерами в экспорте образовательных услуг сейчас бесспорно являются США, страны ЕС; наращивают свой потенциал Китай и Австралия, тогда как Россия теряет свои позиции в экспорте образовательных услуг. Значит, когда некоторые страны наращивали свой экспорт образовательных услуг, Россия либо сокращала контингент иностранных студентов, либо стабилизировала их численность.

Интересно проследить трансформацию стран, представленных среди студентов, обучающихся в России и СССР.

По сведениям названного Справочника иностранных студентов обучают 549 вузов России, из них по и свыше 1000 иностранцев в каждом обучается только в 14 вузах, из них 6 московских, 2 петербургских и по одному в регионах (Томск, Рязань, Волгоград, Смоленск, Курск и Тверь), причем в 4 последних есть только медицинская специализация. Для сравнения, в Китае 54 вуза обучают более 1000 иностранцев в каждом. Абсолютными лидерами по числу иностранных студентов в РФ по праву является Российский университет дружбы народов (Москва) и МГУ им. М.В. Ломоносова. Только в этих двух учебных заведениях обучается более 14 тыс. студентов-иностранцев, лишь немногим меньше, чем во всех городах-миллионерах, вместе взятых.

Общеизвестно, что крупные научные школы сложились в городах-миллионерах — Новосибирске, Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Воронеже и др., тем не менее, ни в одном из городов-миллионеров, кроме Москвы и С.-Петербурга, с известными научными школами нет вузов, в которых бы обучалось свыше 1000 иностранных студентов в каждом. В этих городах общее число обучающихся иностранцев во всех вузах не превышает 2000 человек.

Так что научные школы, имеющиеся лаборатории в известной мере являются мало востребованными для экспорта образовательных услуг.

Вместе с тем, в России иностранные студенты обучаются далеко не в престижных вузах. Вызывает удивление, что 28 провинциальных вузов имеют по 1 иностранному студенту в каждом. Среди них Гжельский институт (пос. Усово-Харитоново Московской области), Международная академия туризма (г. Сходня Московской области) и другие. Разве нельзя переориентировать этих абитуриентов в соседнюю Москву, где качество образования значительно выше? Или во Владикавказе по 1 студенту-иностранцу обучается в педуниверситете и институте цивилизации (интересная специализация!) Перечень можно продолжать. Скорее всего, это представители СНГ, изучающие русский язык. Тогда не проще было бы создать целую группу в вузе? Ведь ее легче обеспечить квалифицированными преподавателями, научными лабораториями, специальными учебными пособиями. Вузов, в которых насчитывается до 10 студентов-иностранцев в России насчитывается 129.

Обучение иностранных студентов не только повышает конкурентоспособность страны в мире, но и приносит значительную экономическую выгоду. По данным справочника «Экспорт российских образо-

Таблица 1.

Число студентов-иностранцев, обучающихся в вузах городов-миллионеров России (без Москвы и С. Петербурга)

№	Города-миллионеры	Число гос. вузов, ведущих обучение иностр. граждан	Число негос. вузов	Число обучающихся иностранцев			Всего
				По договору	Очное	Заочное	
1	Новосибирск	14	6	88	1588	373	2049
2	Екатеринбург	14		518	1230	523	2371
3	Н. Новгород	12	1	130	1345	112	1587
4	Казань	12	3	163	1352	55	1570
5	Самара	10	1	-	527	145	672
6	Ростов-на-Дону	9	15	198	1023	124	1345
7	Омск	10	5	86	1751	600	2437
8	Челябинск	7	2	-	1146	2381	3527
9	Волгоград	9	2	152	2080	47	2279
10	Воронеж	11	1	376	1920	55	2012
11	Пермь	6	2	45	333	15	393
12	Красноярск	9		24	266	18	308
13	Уфа	9		22	515	31	568
	Итого:	132		1866	15076	4479	21218

Источник: Составлено автором на основе справочника «Экспорт российских образовательных услуг».

вательных услуг» за 2009 год совокупная оплата за обучение иностранных студентов составила 254,44 млн. долларов США, в том числе 9,7 млн. долларов США (38%) — в негосударственных вузах, тогда как в вузах федерального агентства по образованию — 115, 6 млн. долларов США, т.е. 45,8%; 49, 6 млн. долларов США, т.е. 19,4%, получили вузы при правительстве РФ; 8,2 млн. долларов США, т.е. 3,2%, — вузы Министерства культуры, остальные значительно меньше.

В городах-миллионерах, исключая Москву и С.-Петербург, обучается очно немногим больше 15 тыс. студентов-иностранцев, что составляет лишь 14,7% от всех обучавшихся очно в 2007-2008 учебном году. В первую шестерку среди этих городов входят Волгоград (2080 чел.), Воронеж (1920 чел.), Новосибирск (1588 чел.), Омск (1751 чел.), Казань (1352 чел.), Н.Новгород(1414), а Самара, Пермь, Уфа и Красноярск даже не добирают до 1000 иностранных студентов во все вузы своих городов.

В Нижнем Новгороде в 13 государственных вузах обучается лишь 1414 студентов очно и 112 заочно. Безусловно, это не использует потенциал города, который известен достаточно крупными научными достижениями.

Вряд ли обучение 1 или 2-х иностранных студентов дает большие экономические выгоды или обеспечивает получение наиболее высококачественного образования. В 2011 году группа ученых Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, изучив экспорт образовательных услуг из России и сделав анализ управленческих решений, пришла к выводу, что для повышения конкуренции России на рынке образовательных услуг необходимо улучшить качество высшего образования в России, хотя сами же ученые утверждают, что качество высшего образования в России сейчас оценивается на эмоциональном уровне, т.к. методика оценки качества высшего образования не разработана³. Вместе с тем, предлагая меры повышения конкурентоспособности российского высшего образования, они указывают на необходимость добиваться признания зарубежными странами российских дипломов об образовании, улучшения финансового положения вузов, обучающихся иностранных студентов, улучшения бытовых условий проживания их в общежитиях. Среди других мер особое внимание уделяется рекламированию российского образования, расширению контактов не только ученых, но и преподавателей, организа-

³ Экспорт образовательных услуг. Анализ управленческих решений. Издательский дом «Дело». — М., 2011. — С. 17.

Таблица 2.

Число иностранных студентов в государственных вузах г. Н.Новгорода в 2008-2009 году и совокупная оплата в год

№ п/п	Вузы	Число иностр. студентов 2005-2006 очное отд.		Заочное отд.	Совокупная оплата в год (руб.)		Число иностр. студентов 2008 г., очное отд.		Заочное отд.	Совокупная оплата в год (руб.)
		Всего	В т.ч. под отд.				Всего	В т.ч. под отд.		
1	Нижегородская медицинская академия	553	11	2	36835425	17943000	599	14	2	17943000
2	Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского	128	-	2	7288380	9406030	220	42	45	9406030
3	Нижегородский архитектурно-строительный университет	166	92	14	6218100	4583000	124	46	15	4583000
4	Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова	60	-	9	23085000	14089500	322	-	2	14089500
5	Нижегородский педагогический университет им. К. Минина	46	9	5	1418918	1743437	30	8	2	1743437
6	Волжский инженерно-педагогический университет	4	-	1	1126000	32850	1	1	5	32850

№ п/п	Вузы	Число иностр. студентов 2005- 2006 очное отд.		Заочное отд.	Совокупная оплата в год (руб.)	Число иностр. студентов 2008 г., очное отд.		Заочное отд.	Совокупная оплата в год (руб.)
		Всего	В т.ч. под отд.			Всего	В т.ч. под отд.		
7	Нижегородский технический университет им. Р.Е. Алексеева	64	18	1	2445520	52	10	-	2222500
8	Волжская академия водного транспорта	4	-	1	148000	6	-	-	174000
9	Волго-Вятская академия государственной службы	5	-	26	165000	8	-	27	420000
10	Нижегородская консерватория им. М.И. Глинки	45	4	-	4084000	34	-	-	3680000
11	Нижегородский коммерческий институт	5	-	6	260000	8	-	15	420000
12	Нижегородская правовая академия МВД	9	-	7	211500	7	-	2	245862
13	Нижегородская сельскохозяйственная академия	-	-	-	-	3	-	1	72000
	Итого:	1089	134	74	52569343	1414	72	116	55032179

Источник: На основе выборки статистических сведений из справочника «Экспорт образовательных услуг». — М., 2009. Нами была сделана выборка по Нижегородским вузам.

цию зарубежных выставок, особенно в странах, дающих абитуриентов в российские вузы. Как правило, в зарубежные вузы стремятся лучшие абитуриенты, а это изменит и качественный состав мигрантов в страну.

Сейчас особенно хорошо видно, какие мигранты нужны нашей стране. Из России выдворяют нелегалов без образования и профессии и серьезно заинтересовались криминальной составляющей среды современных мигрантов, хотя мигранты все равно необходимы для экономического развития России. Общеизвестно, что получать образование за рубежом направляют лучших. Правительству России необходимо задуматься над вопросом роста числа образованных мигрантов и лучше, если они подготовлены по нашим программам и знают русский язык. При этом, такие специалисты дешевле обойдутся стране. В США и Западной Европе давно оставляют в своей стране тех, кого подготовили по определенной специальности, тем более, что это выгодно материально, т. к. зарубежные студенты либо оплачиваются их государствами, либо они получают образование за свой счет, но хотят жить и работать в России.

В последние годы по данным П. Лузан, опубликованным в журнале «ЭКО» №12 за 2009 год, многие развивающиеся страны стали тратить значительные суммы на образование своих граждан за рубежом. Так, Экваториальная Африка на 1 студента в год в долларах США тратит 27 037, Берег Зеленого Мыса — 20729, Свазиленд — 18224, тогда как Россия — только 1024 (5, стр. 15).

Даже при снизившемся числе иностранных студентов Россия получает заметные доходы от их образования. Так, совокупный доход от экспорта образовательных услуг в 2007-2008 учебном году составил 22,3 млрд. руб. или 891,8 млн. \$ США, причем на обучение потрачено 42,7% указанной суммы, остальное — на проживание и питание за время обучения в России.

Как по числу обучающихся студентов, так и по величине дохода от образовательных услуг, приоритет принадлежит вузам Министерства образования, Министерства Здравоохранения и вузам Правительства РФ. Негосударственные вузы имеют лишь немногим более 8% доходов от экспорта образовательных услуг.

В последние годы опережающими темпами стала расти заочная форма обучения и число обучающихся студентов-иностранцев заочно. В 2007–2008 учебном году их численность составляла 44722 человека (за последние 5 лет их число увеличилось в 3 раза). Таким образом, по данным указанного справочника, по российским образовательным программам получают образование 264,2 тыс. иностранных

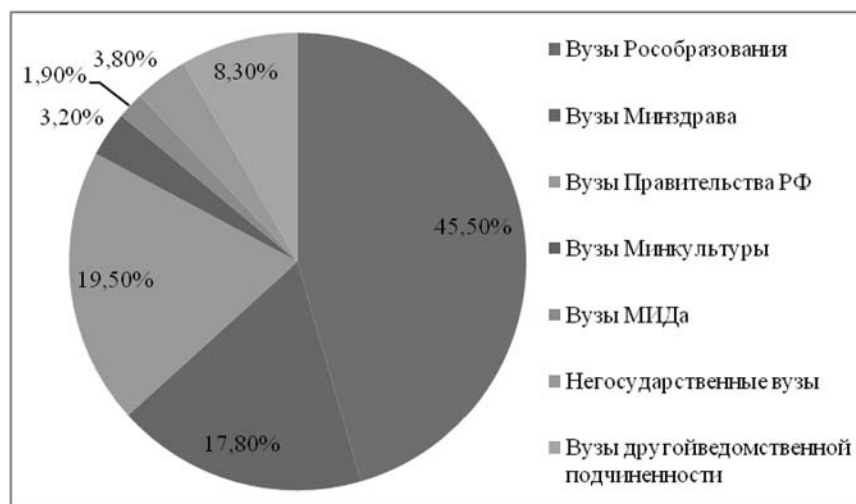

Рис. 5. Доля доходов очного обучения иностранных граждан в 2007–2008 академическом году, приходящаяся на вузы различной ведомственной подчиненности, в %. Источник: Справочник: Экспорт российских образовательных услуг. М., 2009. Стр. 234.

граждан из 177 стран мира, если учесть довузовское, вузовское и послевузовское образование по всем формам обучения. Причем большим спросом пользуются заочное и дистанционное обучение иностранных граждан в негосударственных вузах. Так, по заочной и вечерней форме обучения в вузах Минобразования обучается 47,7%; в негосударственных вузах — 33,6%. Среднегодовая стоимость обучения отличается незначительно, 2965 долларов в год в государственных вузах федерального агентства по образованию против 2532 долларов в негосударственных.

В то же время, лидером по заочному образованию иностранных граждан является Челябинск, в котором число заочно обучающихся вдвое превышает число студентов-иностранцев очного обучения. Затем идут города — Омск, Екатеринбург, Новосибирск, где численность заочно обучающихся иностранцев составляет от немногим меньше половины до ??? от общего числа обучающихся иностранных граждан.

Несмотря на снижение экспорта образовательных услуг, Россия не утратила интереса зарубежных студентов к российскому образованию из-за уважения к международной политике нашей страны, из-за разносторонних связей России с зарубежным миром. Используя

это, вполне можно увеличить экспорт образовательных услуг и укрепить конкурентоспособность России в мире и привлечь в страну высокообразованных мигрантов, в которых очень нуждается экономика России и сделать экспорт образовательных услуг престижным для России.

Литература

1. *Арефьев А.П.* Российские студенты в китайских вузах. Демоскоп №441–442, ноябрь 2010.
2. *Аннин Л.* Российский зарубежный всеобуч // Комсомольская правда, 8–15 декабря, 2011.
3. Государственная политика вывода России из демографического кризиса, 2-е издание. Под ред. С.С. Саушкина. — М., 2007.
4. *Иванова-Гладильщикова.* Стоимость обучения в России // Protectcountry, 2005, №2.
5. *Лузан П.П.* // ЭКО № 12, 2009. — Стр. 89.
6. *Полетаев Д.В.* Роль учебной миграции из зарубежных стран в социально-экономическом и демографическом развитии России: *demoscope.ru*
7. *Максаковский В.П.* Экономика знаний. — М., 2012.
8. Экспорт российских образовательных услуг. Стат. сборник, вып. 2. М., 2009.
9. Экспорт образовательных услуг. Анализ управленческих решений. — М., 2011.

Оглавление

<i>Лаженцев В. Н.</i> О НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА (МАРС)	3
Глава 1. РАЗНООБРАЗИЕ КАК ФАКТОР И УСЛОВИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	6
<i>Трейвиш А. И.</i> РАЗНООБРАЗИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ	6
<i>Стрелецкий В. Н.</i> ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ	25
<i>Родоман Б. Б.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ О ЦЕННОСТИ РАЗНООБРАЗИЯ ЛАНДШАФТА	47
<i>Волкова И. Н.</i> ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗНООБРАЗИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ	51
<i>Ткаченко А. А., Фомкина А. А.</i> ОБ АГЛОМЕРИРОВАННОМ РАССЕЛЕНИИ	63
<i>Пилясов А. Н., СОПС, Москва</i> ФАКТОРЫ РАЗНООБРАЗИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ: ЭКСТЕРНАЛИИ ДЖЕКОБС, ПРИМЕР ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО И ОБОБЩЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	68
<i>Нагирная А. В.</i> ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФфуЗИЯ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	92
<i>Бобрик П. П.</i> К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ ФАКТОРА РАЗНООБРАЗИЯ ТЕРРИТОРИИ	107

<i>Култашев Н. Б.</i> К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ТЕОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	113
<i>Лейзерович Е. Е.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПОРНОГО КАРКАСА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАЙОНА	117
<i>Крылов П. М.</i> К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ КАТЕГОРИИ ТРАНСПОРТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВО ВНЕГОРОДСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПЛАНИРОВАНИИ	125
<i>Левинтов А. Е.</i> МЕСТНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ	137
<i>Валяев И. А.</i> ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ	152

Глава 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МИРА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Горкина Т. И.</i> РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ	165
<i>Акимова В. В.</i> МИРОВАЯ СОЛНЕЧНАЯ ЭНЕРГЕТИКА: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ	178
<i>Иванов С. В.</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «СЕРЕБРЯНОЙ ОТРАСЛИ» МИРА	191
<i>Ридевский Г. В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНОВ РАЗВИТИЯ КАК ПУТЬ К РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ	200
<i>Ломакина А. И.</i> УДАЛЕННОСТЬ ОТ МОРЯ КАК ФАКТОР ПРОИЗВОДСТВЕННОГО И ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСУРСНЫХ ОТРАСЛЕЙ КАНАДЫ	214

Герасименко Т.И.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАДИЦИОННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ
(на примере Непала и Бутана) 225

Елманова Д.

ВНУТРЕННЕЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ
ЕДИНСТВО ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ В СТОЛИЧНОМ
ОКРУГЕ БРЮССЕЛЬ 231

Глава 3. РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ 242

Макар С.В.

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО ПОТЕНЦИАЛА
РЕГИОНОВ РОССИИ: ПОСТРОЕНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО
ИНДЕКСА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ДЛЯ РЕГИОНОВ-СУБЪЕКТОВ РФ 242

Аверкиева К.В.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗНООБРАЗИЯ
«ТЮРЕМНОЙ» ЭКОНОМИКИ 254

Кашбразиев Р.В., Стёпин А.Г., Штанчаева М.Р.

ТИПИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ОТРАСЛЯМ
ЭКСПОРТНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ 269

Мелентьев Б.В.

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ НА ПОЛИТИКУ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 281

Гриценко А.А., Крылов М.П.

ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА И РОССИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ
КОНТРАСТЫ В ИДЕНТИЧНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(подходы к интерпретации новых данных) 292

Сергеева К.П.

ЭКСПОРТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ
ИЗ РОССИИ 306